

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. В. ГАДЛО

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
X—XIII вв.



ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1994

ББК 635(2)

Г13

Рецензенты: канд. ист. наук В. А. Дмитриев (Российский этнографический музей), докт. ист. наук И. В. Дубов (СПбГУ)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского университета*

Гадло А. В.

Г13 Этническая история Северного Кавказа X—XIII вв. — СПб.: Издательство С.-Петербургского ун-та. 1994. 238 с.

ISBN 5-288-01-010-2

В монографии этническая история народов Северного Кавказа рассматривается как единый взаимосвязанный процесс развития региона на широком фоне политической и социальной истории Восточной Европы и Закавказья. Анализируются письменные источники, данные археологии, этнографии, фольклора и лингвистики.

Для историков, этнографов, археологов, кавказоведов, всех, интересующихся историей Кавказа и народов России.

0505000000—023
Г 076(02)—94 14—93

ISBN 5-288-01-010-2

ББК 635 (2)

© Издательство
С.-Петербургского
университета, 1994
© А. В. Гадло, 1994

«Повесть сей страны покрыта темнотой, за исключением некоторых происшествий, связанных с российской историей»

С. М. Броневский

«...Невозможно понять историю Кавказа в рамках отдельных национально-исторических построений».

Н. Я. Марр

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга является продолжением монографии «Этническая история Северного Кавказа IV—X вв.», опубликованной в 1979 г.¹ В ней ставится та же цель — дать системный обзор истории народов Северокавказского региона, но делается это на другом уровне, хронологическом и качественном.

На протяжении IV—X вв. на территории Северного Кавказа только наметилась тенденция к консолидации этнических общностей — субъектов протекавшего в его пределах этноисторического процесса. В течение X—XIII вв. этот процесс вступает в свою наиболее активную фазу — строительства этнических образований, к которым прямо или косвенно восходят все современные этнические общности, населяющие регион. Те социальные достижения, которые свидетельствовали о выходе населения Северокавказского региона из рамок первобытной формации и их движении по пути феодализации, в новый период их истории получают значительно более полное выражение. Здесь оформляются крупные социально-политические образования — Сарир, Аланское царство, Тмутароканское княжество, в недрах которых происходит разложение родо-племенных связей и идет вызревание новых сословных отношений, основанных на новом, чуждом первобытному обществу противопоставлении одних социальных групп другим и неравномерном распределении между их членами общественного достояния и собственности. В этот период Северный Кавказ вплотную приближается к той черте социально-экономического развития, которой в это время достигли народы Восточной Европы, и по существу завершает свое вхождение в круг народов и стран, связанных единой евроазиатской цивилизацией.

Вместе с тем период X—XIII вв. в истории Северного Кавказа как предмет научного исследования оказывается еще более сложен, чем период IV—X вв. Письменные источники, со-

державшие информацию о внутренней жизни региона в этот период, исключительно малочисленны и, как правило, весьма фрагментарны; археологические исследования памятников этого периода проливают свет в большинстве своем только на локальные процессы и характеризуют лишь отдельные территориальные общности. До сих пор весьма слабо разработана методика использования в качестве исторического источника местного фольклора, исторических преданий, генеалогий, данных топонимики, ономастики и других лингвистических свидетельств. Практически «не работает» в качестве источника и антропологический материал, что объясняется, с одной стороны, его малочисленностью, а с другой — несовершенством методических принципов соотнесения конкретных антропологических характеристик с данными источников других видов и выявляемой на их основе общей картиной этногенетического процесса. До сих пор неразработанными остаются также принципы методики ретроспективного использования собственно этнографической — этнокультурной информации, что отражает общее отставание методики использования данных этнографии в практике исторических исследований самого различного профиля. Несмотря на то, что в распоряжении исследователя, приступающего к изучению этой темы, оказываются первые опыты создания местной северокавказской историографии и первые эпиграфические памятники, составленные внутри региона, исследователь истории этого периода должен свикнуться с мыслью о том, что его труд, как бы автор ни стремился к полноте охвата материала и объективности, в конечном итоге все же будет несовершенен, поскольку в нем неизбежно будут лакуны и гипотезы и он будет всегда открыт критике и порицанию.

Однако современный уровень исследования раннесредневековой истории Северного Кавказа, в том числе его этнической истории, остро ставит задачу перейти от разработки конкретных локальных тем к определению общих фактов и общих закономерностей, проявившихся в X—XIII вв. на всей его территории. Это важно с двух точек зрения: во-первых, необходимо оторваться от узконациональных интересов, все более отчетливо в последние годы дающих о себе знать в работах, подготовленных в северокавказских научных центрах,² и, во-вторых, необходимо восстановить подлинную реальность этноисторического процесса, которому были свойственны динамика и взаимосвязь составляющих его элементов, находившихся под воздействием разнообразных конкретных внутренних и внешних факторов и причин.

Потребность в такой работе обозначилась еще в середине 70-х годов, и в качестве ответа на нее коллективом ведущих историков Северного Кавказа при содействии ряда центральных академических институтов страны была подготовлена общая региональная «История», вышедшая из печати в 1988 г.

Это издание стало, безусловно, весьма существенным шагом на пути разработки общесеверокавказских тем и сюжетов, но, как всякий обобщающий труд, не смогло отразить специфику конкретного изучения той или иной эпохи, противоречивость отдельных взглядов и концепций; его авторы попытались избежать излишней дискуссионности, сгладить «углы» и искусственно сблизить позиции, по возможности прикрыть лакуны в изучении региона, а главное, вогнать накопившийся к началу работы над этим изданием (а она продолжалась более десяти лет) материал в рамки, как им казалось, устоявшихся идеологических догм и схем.

Предлагаемая читателю монография построена на основе комплексного использования различных источников, в том числе археологических данных, которые были получены во время экспедиционных исследований автора, проводившихся в центральных и восточных районах Северного Кавказа в 70-е годы, и которые, как правило, лишь частично введены в научный оборот. Опора на данные археологии — одна из характерных черт отечественных исследований по этнической истории Северного Кавказа эпохи раннего средневековья, включая также и период X—XIII вв. Следуя этой традиции, автор считает своим долгом назвать имена тех кавказоведов-археологов, чьи материалы, разработки, обобщения, наблюдения по существу открыли этот период отечественной истории и соответственно составили основание построений, развитых в этой книге. Это — А. А. Иессен, М. И. Артамонов, Е. И. Крупнов, Т. М. Минаева, Н. В. Анфилов, Е. П. Алексеева, В. А. Кузнецов, С. А. Плетнева, В. И. Марковин, В. Б. Ковалевская, И. М. Чеченов, А. П. Рунин, М. Н. Ложкин, В. Г. Котович, В. Б. Виноградов, Д. М. Атаев, М. Г. Магомедов, М. Х. Багаев, М. Б. Мужухоев, И. М. Мизиев, Х. Х. Биджиев, Х. М. Мамаев, Г. С. Федоров, А. Х. Нагоев, Г. Е. Афанасьев, В. Н. Каминский и др.

Автор считает необходимым выразить здесь свою признательность и также назвать тех исследователей, чьи разработки нарративных письменных источников, документальных архивных материалов, эпиграфики, данных лингвистики, устной исторической традиции оказали ему существенную помощь в выполнении поставленной задачи. Это — В. Г. Тизенгаузен, В. Ф. Миллер, А. Ю. Якубовский, А. Н. Генко, Л. И. Лавров, В. К. Гарданов, Е. Н. Кушева, В. Ф. Минорский, Б. Н. Заходер, В. И. Абаев, Р. М. Магомедов, А. Р. Шихсаидов, З. В. Анчабадзе, А. П. Новосельцев, Н. Г. Волкова, Г. В. Цулая, И. С. Чичуров, Г. Г. Литаврин, О. Притсак и др.

Не имея по условиям издания возможности пространно останавливаться на историографии проблемы и не считая необходимым выделять в монографии особый раздел, содержащий обзор источников, тем более, что в большинстве своем они уже неоднократно получали исчерпывающее освещение в литерату-

ре,⁴ автор в то же время полагает целесообразным остановиться на определении самого предмета исследования.

Этническая история как особая область научного познания, лежащая на стыке собственно истории, исследующей главным образом социальные и политические аспекты развития общества, и этнографии (этнологии), изучающей главным образом развитие форм традиционно-бытовой культуры человечества, в последние годы привлекает к себе все большее внимание и ученых-профессионалов, изучающих различные виды исторических источников, и самые широкие круги любителей истории, непрофессионалов.⁵ В отношении границ сферы познания этнической истории в настоящее время еще не сложилось единое мнение, точно так же еще остаются не вполне определенными специфика ее предмета, принципы ее внутренней структуры и стадийно-хронологические рамки, методические основы типологизации этноисторических явлений и особенности формирования ее источниковедческой базы. Нам представляется, что сферой познания этнической истории должны являться главным образом разнообразные этнические процессы (как синхронные, так и диахронные), приводящие в конечном итоге к формированию стабильных этносоциальных образований относительно высокой степени консолидации (народности, нации), которая фиксируется стойкими представлениями об общности территории, происхождения, языка, культурно-бытовой специфики, психического склада и самоназвания.

В данной работе делается попытка исследовать такие процессы в пределах конкретного историко-этнографического региона на протяжении ограниченного определенными историческими рамками периода. Это — этническая история региона, а не история той или иной населяющей его общности. Цель исследования, таким образом, — выявление конкретных этноисторических процессов, к которым относятся миграции, ассимиляция, интеграция, консолидация и др., протекавших в пределах относительно замкнутого географического и этнополитического (этносоциального) пространства.

В монографии рассмотрены события, происходившие на Северном Кавказе на протяжении трех столетий — приблизительно с середины X в. Соответственно трем основным периодам, которые могут быть выделены на этом трехсотлетнем отрезке истории региона, в монографии выделены три главы-раздела. Первый раздел охватывает период заката Хазарской державы, второй — период становления крупных этносоциальных образований (XI в.), третий — период алано-кыпчакской гегемонии и начало экономического и социально-политического регресса северокавказских общностей, вызванного монголо-татарским вторжением (XII — начало XIII в.).

Книга создавалась в течение многих лет, часть изложенных в ней положений была опубликована автором в отдельных ста-

тях, докладах и сообщениях, часть нашла отражение в спецкурсах, читавшихся на кафедре этнографии и антропологии Санкт-Петербургского университета. Всем, кто прямо или косвенно помогал автору в работе над книгой — высказал критические замечания, советы, предоставил свои материалы или просто проявил внимание к его труду, — автор выражает искреннюю признательность.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979.

² Чеченов И. М. 1) К историографии ранней этнической истории Северного Кавказа // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Махачкала, 1988. С. 4—6; 2) Некоторые общие тенденции в искажениях ранней истории Северного Кавказа за последний период // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов / Отв. ред. В. А. Кузнецов, Ставрополь, 1990. С. 5—7; К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // Советская археология. 1990. № 4. С. 144—152; Батчаев В. М. К историографии балкаро-карачаевского этногенеза (об одной попытке фальсификации) // XVI Крупновские чтения... С. 12—17.

³ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. Б. Б. Пиотровский; сер.: История народов Северного Кавказа / Отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М., 1988.

⁴ Например, в одной из последних фундаментальных работ по истории Хазарии и Кавказа (см.: Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990).

⁵ Волкова Н. Г. Этническая история: содержание понятия // Советская этнография. 1985. № 5. С. 16—25. — В работе наиболее полно изложена литература вопроса; см. также: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 237; Крюков М. В. Этническая история // Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины, этнографические субдисциплины, школы и направления, методы / Под общ. ред. Ю. В. Бромлея, Г. Штробаха. Отв. ред. М. В. Крюков, И. Зельнов. М., 1988. С. 58—59; Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М., 1988. С. 8—9.



Глава I

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ X В.

В самом начале 60-х годов X в. с Нижней Волги, с самой дальней восточной окраины Северного Кавказа, из города Итиля, столицы Хазарского каганата в Кордову ко двору халифа Абд ар-Рахмана III ушло письмо, которое было адресовано сanonнику халифа, видному деятелю испанской еврейской диаспоры Хаздаю Ибн Шапруту.¹ Автором этого письма был либо сам правитель Хазарии царь (точнее *бег, пех*) Иосиф, либо кто-то из его окружения, писавший по поручению и от имени своего господина. Это письмо явилось ответом на дошедшее до Хазарии послание Ибн Шапрута, который, случайно узнав о существовании на далеком востоке государства, управляемого династией, исповедующей иудаизм, сделал попытку завязать с нею прямые контакты. В своем послании-запросе Ибн Шапрут кроме общих религиозно-политических проблем иудаизма понимал, естественно, также и проблемы современного политического положения Хазарии, а хазарский царь отвечал ему, соответственно, и на вопросы, касавшиеся истории династии и происхождения хазарских иудеев, и на вопросы, касавшиеся государственных границ и внутреннего состояния его государства.

Поскольку оба корреспондента были крупными политиками своего времени, каждый из них стремился воспользоваться открывшейся перед ним возможностью контакта для осуществления своих собственных целей, своих собственных государственных задач: Ибн Шапрут стремился поднять авторитет еврейских общин в Испании, а Иосиф стремился воспользоваться перепиской с Кордовским двором, чтобы привлечь внимание мусульманских стран к катастрофическому положению его царства, дни которого были сочтены и от прежней силы и величия оставался только призрачный отсвет. Письмо Иосифа было по существу политическим трактатом, обращенным к евреям мусульманских стран, это был крик о помощи и предупреждение о на-

двигающейся с севера угрозе мусульманскому миру и инкорпорированным в него иудейским общинам.

Тенденциозный характер «Письма царя Иосифа» как исторического источника давно отмечен всеми его исследователями, причем из двух редакций этого документа, которые сохранились до нашего времени, особо пристальное внимание всегда обращалось на его пространную редакцию, которая прежде чем попасть в Каир, откуда ее вывез известный русский гебраист А. Фиркович, вероятно всего, получила обработку в иудейских общинах Крыма.²

В последние десятилетия рядом крупных западных гебраистов было установлено, что «Письмо царя Иосифа» в основе своей содержит вполне аутентичный материал, отражающий в целом если и не политическое положение хазарского государства в дни составления «Письма», то, во всяком случае, политическую ситуацию в период действительного величия Хазарии, а возможно, и в начальный период правления самого Иосифа.³ По всей видимости, та этнополитическая картина, которую рисует Иосиф, имеет в своей основе действительное положение вещей, возникшее в ходе борьбы Хазарского каганата с экспансией халифата в VIII в. и закрепившееся в течение IX в. Эта картина и послужит нам исходной точкой во всех наших построениях, поскольку другим столь авторитетным и осведомленным источником, характеризующим Северный Кавказ в X в., как «Письмо царя Иосифа», наука не располагает.

Царь Иосиф описывает свою державу, обозревая ее с востока на запад.⁴ На юге (от Итиля) на Кавказе он первым называет *владение* (город, страну) С-м-н-д-р (Самандар), занимающее прибрежную полосу Дагестана. Арабские авторы X в. также знают Самандар и знают его как *город*. В последние годы, в связи с расширением археологических исследований на территории Дагестана, вокруг вопроса о местонахождении Самандара возникло много споров и домыслов, не имеющих под собой, как нам представляется, положительных оснований (см. ниже — с. 12). Недостатком большинства из них является игнорирование местной исторической традиции, которая вполне определенно локализует город Самандар к югу от современной Махачкалы у подножия горы Тарки-тау (Тарки — XVI—XIX вв.).⁵

Источники IX — начала X в. дают возможность представить Самандар как одно из вассальных образований, вошедших в состав Хазарии еще в процессе ее политического формирования (VII в.). Владение Самандар явилось наследником *Царства гуннов*, как его называли армянские авторы VII—VIII вв.⁶ В середине X в., по свидетельству ал-Масуди, Самандар входил «в состав земель хазарских царей» и был «населен народом из хазар», из чего следует, что в области Самандара обитала в это время этническая общность, родственная этническим хазарам, хотя в то же время и отличная от самих хазар.⁷ Ве-

роятнее всего, это были потомки «гуннов» и осевшие в предгорьях савиры, одна из кочевых общностей, принимавшая активное участие в сложении самого хазарского этноса.⁸

Во главе Самандара стоял правитель, носивший тюркский титул *салифан*, засвидетельствованный ал-Масуди и дагестанской хроникой «Тарих ал-Баб». В тюркской иерархической номенклатуре этот титул приравнивался к титулу *ил-тебера* и обычно также давался правителю вассальной области, облеченному военной и административной властью.⁹ Титул *ил-тебер*, по-видимому, был наследственным (во всяком случае ранг *ил-тебера*) в династии правителей Самандара. Этот титул в форме *алп-илутвер* (имя собственное Алп-Илутвер) известен в Приморском Дагестане с конца VII в., когда армянской церковью была сделана попытка обратить его население в христианство.¹⁰ С этого времени, очевидно, положение правителя Самандара в хазарской административной иерархии формально не изменилось, но, как можно судить на основании сопоставления источников, в первой половине X в. хазарами был сделан шаг к тому, чтобы укрепить свои отношения с аристократической верхушкой этой области. Так, Ибн Рустэ, приводя сведения начала X в., говорит о том, что «царь» Самандара (у него это владение называется *Хайдан*) носит имя Адзар-Нарса и одновременно исповедует три религии: христианство, иудаизм и ислам.¹¹ Однако иранское по своему происхождению имя царя, распространенное в VIII—IX вв. среди христианских правителей Армении и Грузии, определенно указывает на его приверженность к христианству. Ал-Истахри, располагавший информацией несколько более позднего времени, уже не говорит о религиозной индифферентности главы Самандара, а, напротив, сообщает, что он исповедует иудаизм и является родственником царя хазар. По свидетельству ал-Масуди, к 943 г. глава Самандара, оставаясь вассалом хазар, уже не только принял ислам, т. е. отрекся и от христианства, и от иудаизма, но и успел приобрести себе мусульманскую генеалогию, связав себя с аристократическим арабским родом Кахтан.¹² Видимо, попытка каганата в этот период сблизиться с Самандаром путем насаждения иудаизма успеха не имела.

Отрыв Самандара от каганата, произошедший на рубеже 30—40-х годов X в. или чуть ранее, был следствием всей сложной политической жизни этой области в течение VIII—IX вв. Прекращение арабо-хазарских войн на рубеже VIII—IX вв. как государственной политики каганата и халифата для этого района Кавказа не означало прекращения локальных войн и конфликтов, продолжавшихся на протяжении IX и X вв. Это обстоятельство вынуждало аристократические группы восточной части Кавказа, в том числе Самандара (пока был силен каганат), проявлять всеми средствами свою лояльность каганату. Последним крупным вторжением арабов в области Большо-

Кавказа, которое, очевидно, непосредственно направлялось государством, было вторжение арабского полководца тюркского происхождения Абу Мусы Буги (Старшего), совершенное между 851 и 856 гг. Об этом походе повествуют ат-Табари, ал-Якуби, Ибн ал-Асир, его описывают армянские авторы, «Матиане Картлиса» и хроника «Тарих ал-Баб». Последняя сообщает, что Буга предпринял поход на алан и хазар, «победил их и наложил на них подушную подать».¹³ Однако, судя по известиям грузинской хроники, Буга предпринял лишь ряд подготовительных мероприятий к большому походу на север, которые заключались в выселении жителей из пограничных с Хазарией и Аланией районов в глубинные области контролируемого арабами Закавказья. Так, он переселил в Азербайджан «300 домов хазар» и в Дманиси «100 домов овсов» (т. е. алан).¹⁴ Но эти мероприятия Буги не нашли понимания в Багдаде, и заподозренный в измене Буга был отозван. Тем не менее, как следует из дербендской хроники, действия Буги в области Центрального Предкавказья — поход в сторону Дарьяла, который был активно поддержан газиями Дербенда, послужили толчком для активизации их войн с «неверными», жившими по соседству с ал-Бабом, и, прежде всего, войн с горными племенами Дагестана и Самандаром.¹⁵

Продолжая политику закрепления арабского владычества на Кавказе, правители Дербенда совершают один за другим ряд вторжений в горы. «Тарих ал-Баб» сохранила известия о походах 876 и 878 гг. в Сарир и походе 886 г. в область Шандан (о локализации Шандана см. ниже). Нападения дербендцев на горные области, связанные с северными предгорьями и каганатом, в 901 г. привели к ответному вторжению хазар в область Баб ал-аббаба (Дербенда). Это вторжение, видимо, готовилось заранее и представляло крупную акцию, направленную на закрепление хазарского влияния на Северо-Восточном Кавказе. И хотя вторжение было отбито, хазары не отказались от попыток укрепить свое влияние в Дагестане. В 905 г. во время нового набега дербендцев на Шандан, в котором принимали участие также отряды Ширвана, объединенные силы хазар и Сарира выступили на стороне шанданцев. То же повторилось в 912 г. Воины Сарира, Шандана и хазарские отряды разбили дербендцев и ширванцев. Судя по числу пленных, в войну за Шандан были вовлечены значительные силы обеих коалиций.¹⁶

В 916 г. правитель Дербенда попытался вновь вернуться к войне с Шанданом, вторгся в эту область и опять потерпел поражение. Тогда же (916 г.) хазарам представился случай открыто вмешаться во внутренние дела Дербенда. В Дербенде разгорелась междоусобная борьба за власть между эмиром Абд ал-Маликом и его племянником. На помощь эмиру пришло хазарское войско, во главе которого стоял правитель Самандара.¹⁷ Это сообщение об участии хазар в делах Дербенда — по-

следнее известие хроники о хазарской активности в районе приморской полосы Дагестана.

В течение последующего десятилетия, видимо, произошли события, которые привели к ослаблению хазарского влияния в этом районе. Утвердившийся с помощью хазарского войска эмир Абд ал-Малик не изменил агрессивной политики Дербенда по отношению к горным областям. В 938 г. в походе дербендцев на Шандан силы Самандара (*Джидана*, как называет эту область ал-Масуди) уже не принимали участия, что, очевидно, свидетельствует о том, что она к этому времени выделилась из состава Хазарии. Дальнейшее ослабление каганата, а затем и его крушение привели к переориентации дагестанских владетелей в сторону мусульманских государств Восточного Кавказа. Однако политика Дербенда по отношению к ним и отношение горных областей к Дербенду начали коренным образом меняться только в первой четверти XI в.¹⁸

Постоянная опасность нападения со стороны Дербенда, все обострявшаяся во второй половине IX в., привела к тому, что к концу столетия население покинуло низменные районы предгорий вдоль приморской полосы Дагестана. Как свидетельствуют ал-Истахри и Ибн Хаукаль, в начале X в. между Баб ал-абвабом и Самандаром на протяжении четырех дней пути простирались незаселенные земли. За Самандаром также лежала «пустыня», т. е. степь, не имевшая постоянного оседлого населения. Только земли, окружавшие Самандар, представляли возделанные участки, покрытые виноградниками и садами. Поэтому Самандар казался купцам, информаторам ал-Истахри и Ибн Хаукаля, которые плывали из Горгана (южный берег Каспия) в Дербенд и Итиль, единственным густонаселенным пунктом «в области хазар».¹⁹ Это действительно был единственный крупный центр оседлости в западной части Каспийского побережья к северу от Дербенда. Но это был не только город. Имя Самандар одновременно означало страну, политическое образование, территория которого не ограничивалась районом Тарки-тау и прилегающей к ней равнины Тарнаир, а простиралась по предгорьям в сторону Баб ал-абваба и в глубь гор в сторону Горного Дагестана, Сарира.

Исследователей неоднократно ставило в тупик расхождение между сведениями о расстоянии от Дербенда до Самандара, которые приводят ал-Истахри — Ибн Хаукаль и ал-Масуди. Последний исчисляет его не в четырех днях пути, а в восьми. Это расхождение пытались объяснить перемещением города на север, хотя до сих пор никаких убедительных аргументов в пользу этого не было приведено.²⁰ Вероятнее всего, арабские авторы имели в виду два разных пути к Самандару из Дербенда. Один — короткий, шедший вдоль пустынного побережья, и второй — длинный, проходивший в глубине лесистых предгорий. Из текста ал-Масуди прямо следует, что город Самандар явля-

ется столицей «владения», а Ибн Рустэ вообще упускает имя Самандар и называет город именем страны — *Хайдан*, что, по мнению В. Ф. Минорского, следует читать — *Хайдак*.²¹

Самандар, по представлениям царя Иосифа, как отмечено выше, — это крайний восточный рубеж его страны на Кавказе. От него он ведет перечисление подвластных ему и соответственно известных горных народов, земли (владения) которых протянулись на два месяца пути между «Гирканским морем» и «морем Кустантины» (Черным). Первыми в его тексте названы «народы», «расположенные на очень высоких горах», обитающие к востоку от алан. Это — горцы восточной части Большого Кавказа, их имена, приведенные в тексте (краткой и странной редакцией), с большим трудом поддаются отождествлению с исторически известными общностями. Первым в списке названо *владение* Азур — в «конце (страны) Б-г-да». За ним идут С-риди, в имени которого обычно видят Сарир, страну аварцев, затем — Кутун, Ар-ку, Шаула, С-г-с-р-т. За этими именами следуют три имени, которые, по наблюдению А. Я. Гаркави, привлекают к себе внимание тождеством окончаний: Ал-бу-с-р, Уху-с-р, Кирану-с-р. В них А. Я. Гаркави увидел составную частицу *сар*, т. е. иранское — «голова, вершина». П. К. Коковцов был склонен видеть иранизм также в словах Шаула (*сау* — иранское «черный») и С-г-с-р-т (*саг* — «олень», *сар* — «голова», *та* — патронимический показатель множественности, современное *та*). Вслед за этими группами идут имена Циг-л-г и Зуних, не получившие удовлетворительного толкования, хотя в первом из них можно видеть частицу *лаг/лыг* — архаическое общекавказское, в том числе и аланское/овское «человек, люди».²² После перечисленных горных «народов» в тексте названы аланы, причем подвластная хазарам (платящая дань) общность обозначена очень широко: «все аланы до границы Афкана».

Последнее указание полностью снимает предположение о том, что включающие в себя явные иранские элементы этнонимы первой группы, покрывающие данников каганата, обитающих в горной зоне восточной части Кавказа, являются представителями аланской общности. Здесь, вероятнее всего, мы сталкиваемся с другим явлением: это признак того, что знакомство хазар с отдельными горскими общностями, населявшими области современных Дагестана, Чечни и Ингушетии, произошло через посредство ираноязычных алан. Частица *сар* в этнонимах этой группы не обязательно может обозначать географический или ландшафтный признак, а признак социальный — глава/предводитель от древнеиранского *ксар* — «басилевс, царь» (ср. у алан VI в. Саросий). Таким образом, перечисленные народы, этнонимы которых оканчиваются частицей *сар*, являются не названиями этнических общностей, а обозначением территориальных групп, объединенных властью вождей, «царей», по

именам которых они только и различались хазарским правительством.

О «царях гор» хорошо известно из арабской литературы, освещающей период арабо-хазарских войн. отождествить те социальные этнонимы, которые встречаются у арабоязычных авторов, с ираноязычными, аланскими, переданными посредством еврейской графики и прошедшими редактуру средневековых иудейских книжников Испании и Средней Европы, вряд ли когда-нибудь будет возможно. Очень сомнительно в этом списке выглядит также и отождествление С-риди с Сариром. Основное, что мы можем без всякой натяжки из этого списка принять, это — то, что многочисленные горские общности, населявшие области, лежавшие к западу от предгорий, входивших в состав владения Самандар, представляли в первой половине X в. самостоятельные и этнически неконсолидированные образования, которые независимо друг от друга вступали в политические отношения с Хазарией. Где-то среди этих общностей были и горцы страны Сарир, о которой арабо-персидские источники достаточно хорошо осведомлены, но которая хазарам, видимо, была известна либо под каким-то другим этнонимом, если С-риди не наименование Сарира, либо под группой этнонимов.

Хазары к началу 40-х годов X в. утратили свои позиции в горном Дагестане, так же как и в восточной части предгорий. Причем к этому времени горцы не только вышли из политической системы каганата, но и начали движение на равнинную часть Предкавказья. Ал-Масуди сообщает о том, что царь Сарира «совершает нападения на хазар и одерживает победы над ними». ²³ Впрочем, зависимость Сарира от каганата вообще вряд ли существовала длительное время и имела столь же определенный характер, как зависимость степных обществ. Сарир, так же как и Алания, сохранил до X в. свою древнюю династию, восходящую, по данным Ибн Рустэ, к эпохе Хосрова Ануширвана, а по данным ал-Масуди, — к еще более раннему времени — к эпохе Бахрама Гура, т. е. Варахрана V (421—428 гг.). Местные предания об этой династии нашли отражение в хронике Мухаммада Рафи, свидетельства которой представляют особый интерес, так как в ней зафиксированы конкретные формы традиционной даннической зависимости отдельных горных обществ от правителя страны. ²⁴ Предание называет эту династию специфическим местным титулом — *нуцалы*. С этой династией в Аварии связан ряд местных топонимических преданий, живущих до сих пор, которые концентрируются в районе аула Тануси, по хронике Мухаммада Рафи — столицы нуцалов. ²⁵ В восточной традиции за этой династией долго держалась иранская титулатура — *сахиб ас-сарир*, т. е. 'владелец трона' или 'владелец вершин/гор', ²⁶ а также *авар* или *авхар*. Последняя представляет местную форму иранского титула *вахрардзан-шах*, которым согласно ал-Баладзури, был наделен в VI в. правитель Стран

гор как вассал Ирана. ²⁷ В анонимной персидской «Географии» XIII в. содержатся сведения, позволяющие предполагать сакрализацию этой династии. ²⁸

По данным Ибн Рустэ, Сарир в целом был языческой страной, хотя ее правящий клан исповедовал христианство. Об этом же сообщает ал-Масуди. ²⁹ Упомянутые в хронике «Тарих ал-Баб» цари (*малик*) этой страны в X—XI вв. носили христианские имена ирано-сирийского происхождения. ³⁰ Особое положение царя Сарира подчеркивается свидетельством о том, что внутри страны он занимал особо выделенную (сакральную — ?) территорию, представлявшую горное укрепление площадью более 400 км². ³¹ Из этого «горного гнезда» царь Сарира через особый военно-административный аппарат, состоявший из лиц, носивших титулы батриков (патрициев) и тарханов, управлял своей страной и войском. ³² По сведениям Ибн Рустэ, царю Сарира принадлежало «20 тысяч долин, населенных людьми разного рода», но имеющих общие религиозные представления. Его информаторов-мусульман особенно поражали погребальные обряды жителей Сарира и обряды, связанные с культом плодородия, совершаемые перед священными деревьями. Сведения о необычной населенности Сарира дошли также и до ал-Масуди. О том же говорит и анонимная персидская «География» XIII в. По словам ал-Масуди, в этой стране насчитывалось 12 тыс. селений, зависимых от царя. Как бы в дополнение к местной хронике, сообщающей о формах натурального обложения подвластных нуцалу общин, ал-Масуди сообщает о существовании также людской повинности. Вероятно, посредством ее формировалось регулярное войско и набирались «слуги» царя — низшие звенья административного аппарата. Судя по «Тарих ал-Баб», в управлении страной значительная роль принадлежала также «старейшинам», которые, вероятнее всего, являлись выборными вождями племен и общин. ³³ Можно предположить, что имена некоторых из таких «старейшин» и нашли отражение в этнонимах, оканчивающихся на *сар*, в «Письме царя Иосифа». Их положение в перечне народов, зависимых от хазар, дает основание думать, что так обозначались горцы западной части Дагестана, а возможно, и соседних районов современной Чечни.

Взгляд царя Иосифа на восточную часть горного Кавказа, как видим, отличается определенным своеобразием: Сарир как бы растворился в его представлении в ряде других горнодагестанских политических образований. Вероятнее всего, это реальное положение вещей, сложившееся в 50-е годы X в., когда хазары, разорвав отношения с Сариром, попытались опереться в этой части Кавказа на более мелкие общности. Интересно, что грузинская традиция, отражающая собственный закавказский взгляд на этническую ситуацию в области Большого Кавказа, знает в его восточной части только крупные массивы. Это

Лекети, имя, вероятнее всего, покрывающее все этническое многообразие Дагестана, за исключением южной высокогорной зоны, известной под особым наименованием — Дидоэти (страна дидойцев), и Дурдзукети (Дзурдзукети), под именем которой грузинские источники широко понимают высокогорные районы Чечни и Ингушетии, обращенные к северу.

Лекети — это одновременно и Сарир, собственно занимавший только Аварское нагорье. Дурдзукети — это не вообще страна вайнахов, как иногда понимают, а только та ее часть, которая непосредственно выходила к северной плоскости, так полагал в XVIII в. и Вахушти Багратиони; для вайнахских групп, населявших южные склоны и ущелья, выходившие к верховьям Терека, существовали другие наименования — *глигви* и *кисти*.³⁴ Дидойцев, дурдзуков и кистов в конце VII в. уже выделял в своей «Географии» Анания Ширакаци («дуданиты», «кусты» и «дурцы»).³⁵ В VI в., как свидетельствуют ал-Баладзури и Ибн ал-Факих, а также грузинская хроника «Мокцевай Картлисай», иранцы в стране дурдзуков, как и в восточной части Кавказа, пытались создать систему крепостей и заградительных стен, которые должны были предохранить подвластные Сасанидам территории от набегов северных кочевников. В отношении дурдзуков имеется прямое указание «Картлис цховреба» о том, что они были данниками хазар. Ко времени заката хазарского владычества на Северном Кавказе, по-видимому, можно отнести ряд исторических преданий вайнахов — потомков дурдзуков, одним из героев которых является нарт *Козаш*. Это имя напоминает адыгский вариант этнонима хазар — *хазас* (например, *Хазас*-море в адыгской версии нартского эпоса). *Козаш* владеет долиной Гарма (Терека) и не пускает горцев селиться на равнине и распахать там земли. На страже интересов *Козаша* в долине Гарма стоят подвластные ему герои, которые могут не только противостоять горцам, но выступают и против самого *Козаша*. В такой ситуации *Козаш* опирается на помощь горцев, с которыми находится в родстве посредством брака его сына и горской женщины (ср. ритуальные браки хазарского кагана и бега).³⁶ Охраняющие долину Гарма герои — нарт-орстхойцы, представляющие в вайнахском фольклоре, вероятнее всего, обитателей предгорий алан. Как свидетельствует эпос, между вайнахами (дурдзуками) и аланами существовали связи еще более тесные, чем между обитателями гор современных Чечни и Ингушетии и хазарами: борьба с арабами за горные проходы, наполняющая бурными событиями весь VIII в., была делом общим и для алан, и для дурдзуков, как и других горных общностей Большого Кавказа.

Не называет Иосиф также и цанаров, или санаров (санартов), общность, населявшую южный склон Большого Кавказа в самом его центре, через земли которой шел путь из Закавказья в страну алан (область, прилежащая к Ксанскому ущелью).

А. Г.), не упоминает он также и двалов/туалов, соседей цанаров. Цанары были известны особым упорством в борьбе с арабами. Последнее упоминание о них относится к середине IX в., когда с их сопротивлением столкнулся арабский полководец Буга (Старший), ставивший своей целью прорваться в северокавказские степи.³⁷ Можно допустить, что к тому времени, когда писал Иосиф, эти общности, если даже они когда-либо входили в число образований, связанных с каганатом, эту связь утратили и в описании пределов Хазарии, которое было составлено Иосифом, оказались скрыты именем алан.

То, что аланы в представлении Иосифа являлись уже не однородной (или политически однородной) общностью, следует из самого текста источника. Иосиф говорит: «...все аланы до границы Аф-кана». Аф-кан, по мнению А. Я. Гаркави и Ф. Вестберга, означает Страну абхазов, что вполне согласуется с данными византийской и арабской традиций.³⁸ Определение «все» несомненно указывает на множественность этого образования. Иосиф с Аланией безусловно был хорошо знаком. По данным Кембриджского документа, источника, возможно, связанного с иудейской общиной самой Алании, отец Иосифа, царь Аарон, вел упорную войну с царем Алании в начале 30-х годов X в., в результате которой Алания была побеждена, причем мир был скреплен браком Иосифа и аланской принцессы.³⁹

Царство алан (ал-Лан), лежавшее к западу от Сарира в пределах «горы Кабх», было в X в. хорошо известно и на Арабском Востоке, и в Византии. Из арабских авторов наиболее содержательные его описания оставили Ибн Рустэ и ал-Масуди. Однако в их информации обращает на себя внимание то, что они по-разному представляли себе границу между Аланией и Сариром. Первый утверждал, что от Сарира до Алании три дня пути, а второй — что царство алан начинается сразу же за пределами Сарира. Это расхождение, вероятнее всего, отражает изменение территории обоих политических образований. Очевидно, за те пятьдесят лет, которые отделяют информацию, легшую в основу свидетельства Ибн Рустэ, от информации, использованной ал-Масуди, границы Сарира и Алании сблизились. Это территориальное сближение обоих политических образований нашло отражение и в их политическом сближении. Между царем Алании и царем Сарира, по данным ал-Масуди, существовали родственные связи — каждый из них был женат на сестре другого. О взаимоотношениях Алании и каганата ал-Масуди молчит, но, учитывая обострение хазаро-сарирских отношений в начале 40-х годов, его сведения о династических связях между правителями Сарира и Алании, несомненно, следует понимать как усиление союза двух крупнейших образований горного Кавказа, заключенного против хазарского владычества. В этой связи не лишено также значения замечание ал-Масуди о том, что в мире с царством алан живут «начальники» христи-

анского владения Гумик, горной области, соседней с Сариром, но независимой от него (страна лакцев Кумух. — А. Г.).⁴⁰

Иосиф по вполне понятным причинам не останавливается в своем письме-трактате на характеристике царства алан. Но ал-Масуди, использовавший не только арабские, но и византийские сведения о Кавказе и европейских странах,⁴¹ о царе алан сообщает, что тот «могуществен, мужествен, очень силен и ведет твердую политику среди царей». Даже закавказские земли — «Страна абхазов» (т. е. собственно Абхазия, а в его время и Западная Грузия), как он говорит, находится в зависимости от царя алан.⁴² Территория же самого царства простирается от границы Сарира до страны Кашак (т. е. области адыгов) и так густо заселена, что кажется состоящей из непрерывного ряда селений. Это, по его представлениям, единая страна, которая имеет одного правителя, опирающегося на собственное значительное войско, и один политический центр — столицу.⁴³

По словам ал-Масуди, царь Алании носил титул *к-р-к-ндадж*. Большинство исследователей полагает, что этот титул имеет тюркское происхождение и состоит из двух частей: элемента *к-р*, придающего усилительное значение, и собственно титула, известного в хазарской административной иерархии — *к-н-дэ* или *к-н-д-р*, т. е. титула, который, согласно Ибн Рустэ, Гардизи и ал-Бакри, носил глава венгерской конфедерации, находившейся до своего ухода из Восточноевропейской степи на запад в вассальной зависимости от хазар. Согласно Ибн Фадлану, в высшей иерархии хазарского двора также было лицо, наделенное титулом *к-н-д-р* (*к-н-д-р* — каган), которое занимало третье место и являлось заместителем фактического главы государства каган-бега.⁴⁴ Ибн Рустэ, сведения которого о Кавказе отражают, как было отмечено выше, реальность более раннего времени, сообщает, что наследственным титулом царей Алании является титул *багатар*. Это расхождение между Ибн Рустэ и ал-Масуди, очевидно, так же, как и расхождение в вопросе о границе между Аланией и Сариром, отражает процесс усиления аланской общности и увеличения ее веса в системе политических образований, связанных с каганатом. Титул *багатар*, известный в качестве титула аланских правителей также грузинской традиции и осетинскому фольклору,⁴⁵ по-видимому являлся внутренним, овским наименованием правителя страны, заимствованным из тюркской (хотя по своему происхождению это иранский термин⁴⁶) социальной номенклатуры в ранний период формирования алано-овского объединения (VI—VII вв.). В тюркской социальной номенклатуре эпохи Хазарского каганата он стоял значительно ниже титула, приведенного ал-Масуди и к середине X в., очевидно, уже не соответствовал возросшему политическому положению Алании. Поэтому в практике межгосударственного общения Алании с каганатом и другими государственными образованиями Востока стал употребляться ти-

тул, соответствующий исключительному положению, которое занимал царь (*малик*, *багатар*) Алании в иерархии вассальных по отношению к каганату областей.

Рассказ Ибн Рустэ об Алании позволяет предположить существование еще одной причины появления в практике межгосударственного общения в 40-х годах X в. нового титула правителя Алании. Согласно этому рассказу, аланское объединение состояло из четырех племен, положение которых в составе конфедерации было неравнозначным. «Почет и царство», по его словам, принадлежали только одному из них *д-хсас/р-хсас*, имя которого, хотя до сих пор не получило достоверного чтения,⁴⁷ вероятнее всего, отражает попытку передать при помощи арабской графики древнегрузинское или абхазское наименование алан — *овси/ауанс*. Впрочем, вне зависимости от того, как в действительности именовалось господствующее племя аланского объединения, из текста Ибн Рустэ с полной очевидностью следует, что *багатар* Алании являлся представителем именно этого племени (общности) и его титул в IX в., к которому относятся сведения о Кавказе Ибн Рустэ, соответствовал главным образом его положению племенного вождя (например, *Ос-багатар*). Принятие *багатаром* господствующего племени нового титула, несомненно, должно было подчеркнуть его новое значение как главы объединения племен. Не случайно византийская дипломатия к середине X в. также перестала называть правителя Алании традиционным для нее титулом *кюриос*, а ввела для него новое наименование *эксусиократор* и официально византийский двор обращался к нему как к независимому владельцу, связанному с империей единством религии.⁴⁸ Таким образом, изменение титулатуры правителя Алании означало не только усиление аланского объединения по сравнению с другими связанными с каганатом политическими образованиями Северного Кавказа, но являлось также отражением социальных процессов, происходивших внутри этого объединения, прежде всего отрыва аристократии господствующего племени (общности) от основного массива своих соплеменников и превращение ее в единственную политическую надстройку, стоящую над федерацией в целом. Вместе с тем, вероятно, оно отражало также процесс дальнейшей консолидации племен и этнических групп, вошедших к середине X в. в состав Аланского объединения, что возвращает нас опять к характеристике этой общности, данной царем Иосифом — «все аланы». Взаимоотношения Хазарии и Алании в течение первой половины X в., т. е. периода, непосредственно предшествовавшего упоминанию Алании Иосифом, характеризуются исключительной нестабильностью, что служило причиной обостренного внимания к Алании этого времени со стороны византийской дипломатии. По представлениям константинопольского двора, выраженным в трактате Константина Багрянородного «О народах» («Об управлении госу-

дарством»), «властитель» Алании имел возможность оказывать постоянное давление на каганат. Константин, говоря об Алании в этом трактате, по существу формулирует программу ее использования против Хазарии.⁵⁰ Аланы, по его мнению, могут двумя путями «вредить» хазарам. Во-первых, они могут нарушать снабжение Хазарии (очевидно, имеется в виду столица государства — Итиль) продовольствием, нападая на прилегающие к их землям «девять климатов Хазарии» и грабя их, и, во-вторых, они могут препятствовать передвижению хазар по территории Предкавказья в направлении Таврики (Крыма) и даже в направлении Подонья. Эта информация Константина о небезопасности хазарских перемещений по землям каганата исключительно важна, ибо она является одним из наиболее ярких свидетельств отмечаемой почти всеми источниками изоляции собственно хазарского этнополитического объединения в границах созданного им в VII—VIII вв. политического образования — Хазарской империи, к которой хазарская этническая общность пришла к 40-м годам X в. Сообщение Константина несомненно зафиксировало уже имевшие место прецеденты хазаро-аланских столкновений и использование Византией Алании в качестве противовеса хазарам в Таврике. Одним из таких прецедентов, в частности, могла быть война Алании и Хазарии «в дни царя Аарона», отца Иосифа (около 932 г.), о которой сохранилось свидетельство Кембриджского документа.⁵¹

К тому периоду, когда писал Иосиф, консолидационные политические процессы внутри Алании, очевидно, зашли уже так далеко, что не было оснований выделять внутренние территории этого образования. В более ранний период, период максимального усиления Хазарии, Алания не представлялась таким монолитным целым. Судя по местным северокавказским преданиям, вошедшим в состав дагестанской хроники «Дербенд-наме», восточная часть Алании — страна иронцев и ближайшие к ней предгорья Дагестана и современных Чечни и Ингушетии, носившие общее наименование Ихран/Ирхан, не были связаны с западной частью, лежавшей в бассейне Верхней Кубани.⁵² Ихран входил в особую административно-территориальную единицу каганата. Здесь размещалось постоянное войско кагана и постоянно пребывал его наместник, имевший титул *кюльбах* (ср. тюркское *кюль-баг*, *кюль-бага*, *кюль-текин* — ‘достопочтенный бег, достославный принц’ и т. п.).⁵³ Одна из версий «Дербенд-наме» утверждает даже, что в Ихране пребывал «брат кагана».⁵⁴ По титулу наместника вся провинция также именовалась *Кюльбах* (ср. *Туман-шах*, *Тумен-тархан* и т. п.), причем это имя в форме *Гельбакъ* (кумыкское) в памяти горцев Дагестана сохранилось за районом предгорий, тянущихся от левого берега Сулака до Малой Кабарды (правобережье Терека), вплоть до конца XIX в.⁵⁵

Особое значение провинции *Кюльбах* в военно-администра-

тивной системе каганата объяснялось не только ее стратегическим положением — через нее проходили пути, ведущие к перевалам в центральную часть Закавказья, в том числе к Дарьялу, но также тем, что в ее районе находились рудники серебра, меди и золота (как утверждают некоторые списки «Дербенд-наме»). Эти рудники предание связывает с верховьями Терека, вероятно, подразумевая богатый полиметаллами район Садо-на.⁵⁶ Рудники считались собственностью кагана, а хазарский наместник, пребывавший в стране Ихран, нес обязанности «смотрителя» этих рудников. Доход от них, по одной версии, шел на содержание хазарского войска, размещенного в Ихране, т. е. поступал в распоряжение наместника, а по другой — был передан каганом (возможно, частично. — А. Г.) правителю страны Ихран.

Последнее обстоятельство обращает на себя особое внимание. Появление автономного «правителя» в Ихране предание относит к глубокой древности, ко временам легендарного Исфендийара, одного из героев иранского эпоса. Во время похода ал-Джарраха на Северный Кавказ в 722—723 гг. правитель Ихрана сыграл решающую роль в организации отпора арабам и некоторое время являлся фактическим наместником кагана в Предкавказье. После возрождения каганата его функции, видимо, были урезаны. Главный город Ихрана стал местом пребывания наместника кагана и центром подчиненного ему округа. Однако сообщение о том, что доходы от рудников, представляющих собственность кагана, поступают к «правителю» страны, а также другое сообщение — о том, что именно он взимает «харадж» с местной иудейской общины,⁵⁷ определенно указывают на сохранение «правителем» и, очевидно, местной аристократической верхушкой, связанной с ним, высокого социального статуса и сюзеренных прав в отношении земель и населения страны даже при наличии на территории Ихрана хазарского наместника и войска.

Западную часть Алании обычно отождествляют со страной *асов/овсов/оссос* — *Асией*. Константин Багрянородный в трактате «О церемониях» наряду с эксусиократором Алании упоминает архонта Асии,⁵⁸ т. е. лицо, стоявшее в византийской «табели о рангах» значительно ниже фактически независимого главы Аланской державы, но в то же время обладавшее прерогативами самостоятельного правителя (так, архонтами назывались русские князья и каган, фактически бег, Хазарии). Кембриджский документ рассказывает, что при хазарском царе Вениамине, когда между Хазарией и Византией возник конфликт, в него оказались втянуты «цари Асии, турок, Пайнилы» и еще ряда образований, имена которых в тексте не сохранились.⁵⁹ В сложной политической ситуации, в которой оказались, по словам Анонима, хазары, столкнувшиеся с коалицией враждебных сил, только царь алан стал «им подмогой».⁶⁰ Аланский царь по-

шел на земли врагов хазар и нанес им поражение, что в конечном счете привело к победе каганата. Поскольку названные народы выходят на историческую арену Предкавказья в конце IX — начале X в., М. И. Артамонов датировал эту войну 913 г.⁶¹

Совершенно очевидно, что Алания и Асия в первой половине X в. еще не отождествлялись. Асией в это время, по-видимому, как справедливо предполагал М. И. Артамонов, называлась область распространения катакомбного варианта салтово-маяцкой культуры — бассейн Верхнего Дона и Северского Донца.⁶² Совместное выступление асов, «турок» и печенегов против Хазарии в конце IX — начале X в. было не актом внешнего вторжения, а событием внутренней политической жизни каганата, восстанием против ее правительства вассальных областей и племен, расселенных самими хазарами на западных границах государства. Алания помогла хазарам сокрушить донских асов и после этого о них на Дону источники уже не упоминают. Термин *асы/ясы* с этого времени оказывается прочно связан с Кавказом и конкретно с западными областями Алании. Вряд ли случайным в этой связи выглядит тот факт, что в период войны Алании и Хазарии, происходившей «во дни царя Аарона» (около 932 г.), Асия уже не фигурирует. Аарон для борьбы с царем Алании привлекает прежних союзников алан «турок». Можно предположить, что разгромленные хазарами и аланами в 913 г. асы были переселены в верховья Кубани, откуда их предки были в VIII в. выведены хазарами для расселения вдоль своих западных границ.⁶³

За аланами, к западу от них, в «Письме» Иосифа называются общности, которые он именует по имени страны — «все живущие в стране Каса», а за последними «все племена киял, т-к-т, т-бул».⁶⁴

«Страна Каса» — это, по общему заключению исследователей источника, Страна касогов, вернее, Страна адыгов в широком значении этнонима.⁶⁵ С точки зрения хазарских политиков, она являлась важным звеном в цепи вассальных по отношению к каганату областей Кавказа. С точки зрения Константина Багрянородного (около 950 г.), она уже не представляла интереса, и он упоминает о ней только как о географическом факте, подчеркивая ее соседство с Аланией.⁶⁶ К этому времени адыги, по-видимому, уже были потеряны каганатом как подвластная им общность. Но в прошлом, конец VII—VIII вв., зависимость адыгов от хазар была реальностью. Наместник кагана в стране адыгов носил исключительно высокий титул — *ябгу*.⁶⁷ Сведения о нем содержат два источника: родословная князей Черкасских, составленная по кабардинским преданиям в Москве в XVII в., и кабардинская версия нартского эпоса. В первом источнике этот титул фигурирует как имя родоначальника династии — Ак-абгу,⁶⁸ т. е. *ак-ябгу* — тюркское 'белый', в переносном значении — 'западный правитель, наместник'; во втором — как им

владельца морского побережья, находящегося к западу от страны нарттов, их давнего врага Ябга-шха,⁶⁹ образ которого аналогичен образу Кафты-сар Хуандон-алдара осетинской версии. Однако Ак-абгу — Ябга-шха (т. е. шах) более известен в адыгском историческом фольклоре под другим, вероятно, личным именем — Инал. Историческая традиция адыгов считала Инала (Инал-теген, Инал-пши, Инал-мурза, Инал-хан и т. п.) родоначальником всех княжеских и ряда крупнейших аристократических родов.⁷⁰ К Иналу возводила себя также известная осетинская фамилия Хетагуровых.⁷¹ Ставкой Инала адыги считали большое городище Шанджир (Шангир или Чанчир), находящееся на южном берегу кубанских плавней в районе ст. Раевской.⁷² Это городище было окружено стенами и рвом и, подобно Шелковскому городищу на Тереке, которое является одним из хазарских укреплений периода арабо-хазарских войн, представляло мощную крепость с четырьмя ориентированными по странам света проездами.

Предание приписывает Иналу объединение разрозненных адыгских племен и проведение ряда внутренних административно-судебных реформ, направленных на консолидацию адыгской общности. Эта деятельность Инала, согласно преданиям, вызвала противодействие местных «князей» и «начальников», которые попытались опереться на силы «опсов» (овсов-алан. — А. Г.). В стороне от этой борьбы не остались и некоторые абхазские (абасгские) родо-племенные группы. Одни из них выступили как союзники Инала (аше и шаше), а другие оказались союзниками его противников. После поражения в борьбе с Иналом они позволили «опсам» (овсам) укрыться на своей территории. Преследуя их, как повествует предание, Инал вторгся в Абхазию и покорил ее, после чего заключил «мир с абхазскими племенами». Достоверность сведений о походе Инала в Абхазию подтверждается существованием в абхазском обществе Псху, находящемся в верховьях р. Бзыби, святилища Инал-кѳуба, которое считалось могилой Инала и почиталось адыгами и местными абхазами.⁷³ Объединительная деятельность Инала, однако, не получила продолжения. При его сыновьях «неповиновение и раздоры», как говорит предание, охватили и «простолудинов», и «князей». В результате потомки Инала вынуждены были уйти на северные склоны Кавказа, за исключением одного из них, оставшегося на территории племени сагинов-шегаков, т. е. в районе ставки Инала на левом берегу Кубанской дельты.

Л. И. Лавров полагал, что предание об Инале отражает события XV в., и пытался доказать, что Инал был предводителем абазинской общности.⁷⁴ Однако в адыгской устной традиции существовало твердое убеждение в том, что деятельность Инала проходила в VIII в.: «спустя 150 лет после Магомета», как указывалось в жалобе кабардинских князей, направленной в

1825 г. генералу И. И. Дибичу.⁷⁵ По-видимому так же датировал деятельность Инала и Ш.-Б. Ногмов, который в своей «Истории» помещает раздел, посвященный Иналу, перед разделом, повествующем о борьбе адыгов с хазарами.⁷⁶ В пользу ранней датировки деятельности Инала свидетельствует также его титул ябгу, который получил распространение среди связанных с Тюркской державой племен именно во второй половине I тыс. н. э.⁷⁷ Он, в частности, был зафиксирован в начале X в. Ахмедом ибн Фадланом у огузов, зависимых от Хазарского каганата,⁷⁸ а по свидетельству Мирхонда, был даже одним из титулов самого главы хазар.⁷⁹

В ту же эпоху уводит и имя *Инал*. Его древнетюркское значение — «лицо знатного происхождения, потомок женщины ханского рода и простолюдина».⁸⁰ Л. И. Лавров не анализирует это имя, а в подтверждение своей мысли об абазинском происхождении Инала рассматривает только имя его старшего сына, названного в родословной XVII в. *Тобулда* (вар. *Тобула*). Однако и это имя имеет явно тюркское происхождение. Оно широко представлено в тюркской ономастике и топонимике (ср. р. Тобол в Западной Сибири, протока Тобол в дельте Волги).

Таким образом, связь Акабгу-Инала с тюркско-хазарской административной и политической системами и культурной средой представляется бесспорной. Но предание определенно называет Инала потомком старой местной владельческой династии, возводившей себя к некоему Кесу, но утратившей свою силу и значение при отце Инала Хурофатлае или Хурпатайе.⁸¹ Причем в версии Ш.-Б. Ногмова подчеркивается, что одним из проявлений ослабления этой династии были войны независимых адыгских «князей» с хазарами и их набеги на Тамтаракану, т. е. Таманский полуостров, где располагалась ставка хазаро-булгарского тумена (см. ниже с. 40—41). Эти факты позволяют сделать вывод, что в лице Инала каганат поддержал династию Кеса, превратив одного из ее представителей, возможно, связанного кровным родством с домом кагана, в проводника своей политики в западной части Большого Кавказа, что объясняет и тюркское имя Инала, и его титул ябгу. В этой связи предание о походе Инала в Абхазию и поддержке им некоторых «абазинских» (абасгских. — А. Г.) родов приобретает большую достоверность.

Грузинская хроника «Матиане Картлиса» прямо указывает на вмешательство хазар в борьбу владетеля Абасгии Леона II (746—791 гг. по З. В. Анчабадзе) с местными племенными объединениями.⁸² Если допустить, что вторжение Инала в Абхазию совпадает со временем его правления, то деятельность Инала, направленную на консолидацию адыгской общности, фактически и создание адыгского государства, следует отнести к 60—80-м годам VIII в. К этому же времени относится и положение к югу от дельты Кубани тюркской или тюрко-финской дружины, о чем свидетельствуют погребения верхнего пласта

могильника Дюрсо.⁸³ Очевидно, передвигая с восточных рубежей на запад в Причерноморье значительный отряд профессиональных воинов, каганат стремился добиться двойного результата — поддержать своего вассала западного ябгу и одновременно поставить его действия под контроль военной силы, чуждой местному населению и связанной только с верхушкой каганата.

Как складывались отношения между каганатом и адыгскими племенами после смерти Инала, также можно судить на основании традиции, сохраненной Ш.-Б. Ногмовым. Он приводит ряд преданий о войнах адыгов с хазарами и совместных походах адыгов и *опсов* (овсов) против хазарских крепостей Аскалы, Саркалы и Тамтаракая, которые происходили при потомках Инала.⁸⁴ Судя по свидетельству ал-Масуди, к середине X в. созданное Иналом объединение уже не существовало и даже память о нем исчезла. Ал-Масуди особо подчеркивает раздробленность адыгов (у него — *к-ш-к/кашак*) и говорит, что «они не допускают назначить над собой царя, который объединял бы их слова» (т. е. «объединял бы их вместе», как пояснял В. Ф. Минорский).⁸⁵ Это сообщение арабского автора явно перекликается с адыгским преданием о восстании против потомков Инала и дает основание сделать вывод, что адыгам удалось не только сбросить с себя ярмо прямой зависимости от каганата, но также в течение длительного времени противостоять попыткам хазар вновь навязать им своего ставленника. Зависимость адыгских племен от Хазарии, по-видимому, сохранялась после этого только в форме дани, о чем и говорится в пространной редакции «Письма царя Иосифа».⁸⁶ Однако к середине X в., как можно заключить из текста Кембриджского документа, и эта форма зависимости стала анахронизмом. Перечисляя народы, воюющие с хазарами, среди врагов последних автор называет народ *зибус*, в наименовании которого П. К. Коковцов обоснованно предположил дефектную передачу греческого Ζιχού — зихи.⁸⁷

Константин Багрянородный, сведения которого о северо-восточных областях Понта в основном восходят к информации, полученной правительством империи в 30-х годах IX в., ничего не знает о взаимоотношениях хазар и адыгов. Даже дельта Кубани представляется ему обособленной областью, прилегающей к городу Таматархе, как греки называли хазарский Тумен-тархан. К югу от Таматархи, по его сведениям, вдоль берега тянется Зихия, а «выше» нее (т. е. в глубине материка) лежат Папагия и Касахия. За Касахией находится Алания, которую отделяют от последней «Кавказские горы». Южной границей Зихии он называет реку Никопсис,⁸⁸ вероятнее всего, Нечепсуху в районе современного Туапсе.

Как следует из другого фрагмента того же сочинения Константина, Папагия не является самостоятельным владением, а представляет часть Зихии.⁸⁹ Здесь ему были известны некото-

рые селения-общины — Паги, Хамух, Сапакси. Их наименования позволяют предположить, несмотря на утверждение автора о том, что Папагию населяют зихи,⁹⁰ существование на территории этой области наряду с адыгами в его время также и абазинских групп. Так, наименование общины *Пагъ* может быть сопоставлено с группой абазин-шкаруа — *багъ* (*баговцы*), которые в XVII в. обитали в горах между верховьями Сочипсты и Мзымты.⁹¹ Наименование общины *Хамъ* может быть сопоставлено с абазинским обществом *Камыш*, также обитавшим в XVII в. (более ранних свидетельств нет. — А. Г.) в районе р. Сочипсты,⁹² и с родственным абазинам, по мнению Л. И. Лаврова, подразделением бжедугов *хамыш*.⁹³ Наименование *Сапакси* сопоставимо с именем шапсугов — *шэпсыгъу*, одной из наиболее крупных общностей, возникших в результате ассимиляции адыгами абазин. Коренные области их расселения в начале XIX в. фиксировались в горах между верховьями Абина и Афиписа и по верховьям Джубги и Шахэ.⁹⁴

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что границей Зихии и Абасгии Константин Багрянородный называет реку Нечепсухо, протекающую в центре Зихской конфедерации VI—VIII вв. Полагать, что автор использовал в данном случае недостаточно точную информацию, вряд ли возможно. Константин был сравнительно хорошо осведомлен о Зихии. Он знал, что это — населенная и «возделанная» страна, знал ее старый политический и религиозный центр Никопсис, знал о столкновениях между аланами и зихами, о которых, кстати, был осведомлен также и ал-Масуди.⁹⁵ Вероятнее всего, источник Константина фиксировал попытку Абхазии (Абасгии) в период упадка зихского объединения, наступившего после смерти Инала, продвинуться к северу и включить в свой состав абазинские группы, влившиеся в основанный Иналом союз. О том, что к 30-м годам IX в. этот союз уже распался, может свидетельствовать, в частности, то, что Касахия — страна прикубанских адыгов, была известна Константину (вернее, его источнику) как самостоятельная область, в отличие от Папагии не связанная с Зихией.

Иосиф не называет в своем перечне подвластных народов зихов, что дает основание полагать, что в его представлении, как, впрочем, и в представлении арабо-персидской традиции X в. (ал-Масуди, «Худуд ал-алам»), также не знающей зихов, этноним *каса/кашак* покрывал все адыго-абазинские общности («все живущие в стране Каса») или же, во всяком случае, общности, обитавшие в Прикубанье. В этом отношении показательны, что русские источники, известия которых о Кавказе непосредственно были связаны с информацией, шедшей из Тмутаракани (Таматархи), соседней зихам, также не знали их имени. Для обозначения адыгов они использовали тот же термин, который был известен хазарам и арабам: *каса/кашак/касоги*. К

хазарам же этот этноним, несомненно, попал через алан-овсов, которые сталкивались с восточной группой адыгов в верховьях Кубани. Однако независимо от того, какое содержание вкладывал царь Иосиф в понятие «страна Каса», из сопоставления источников вполне определенно следует, что к 60-м годам X в. связь адыгских этнотерриториальных групп с каганатом стала минимальной. Причем приморская часть адыгов — зихи, судя по приведенному выше свидетельству Кембриджского документа и адыгским преданиям, сами перешли в наступление.⁹⁶ Тот факт, что авторы 40—50-х годов (ал-Масуди и Константин Багрянородный) отмечают вторжение алан на земли кашаков и зихов, весьма показателен.⁹⁷ Аланы до начала 60-х годов вынуждены были сохранять видимость вассалитета по отношению к каганату и направлялись каганатом против его врагов. И это при том, что, по свидетельству ал-Масуди, царь алан «могуществен, мужествен, очень силен и ведет твердую политику среди царей».⁹⁸

Народы, названные Иосифом после кашаков (адыгов) — *ки-ял*, *т-к-т* и *г-бул*, не получили до сих пор достоверного определения, хотя вполне вероятно, что это названия трех родовых групп, представлявших потомков оногуро-булгарских племен, которые в хазарский период населяли степи Западного Предкавказья и доходили до крепости Саркел, лежавшей на Нижнем Дону, от которой Иосиф начинает перечисление народов, обитающих на западе его державы. В литературе широко распространено суждение о том, что обитавшие в западной части Предкавказья болгарские родо-племенные группы в X в. были известны под именем *черные булгары*, о которых упоминает Константин Багрянородный⁹⁹ и «Повесть временных лет» (договор Игоря с империей, заключенный в 944 г.).¹⁰⁰ Однако никаких достоверных и убедительных свидетельств, позволяющих считать болгарские группы Северного Кавказа именно этой общностью, у нас нет. К середине X в., когда о черных булгарах говорится как о реальных соперниках Хазарии и врагах Херсона, ни на Керченском полуострове, ни в окрестностях Тамани, ни на Северном побережье Азова болгарской культуры (степного варианта салтово-маяцкой культуры) уже не существовало. В это время действительно значительной опасностью и для Херсона, и для Руси, и для Хазарии (имеются в виду ее западные форпосты на Дону и в Приазовье) были только северные группы дунайских булгар (болгар), носители болгаро-дунайской культуры, политически связанные с Первым Болгарским царством.¹⁰¹

С определенной натяжкой можно предположить, что под этнонимом *г-бул* в «Письме» Иосифа и подразумеваются именно эти группы, являвшиеся действительно *черными (кара)*, т. е., согласно тюркской цветовой символике, *северными* булгарами. Что же касается *ки-ял* и *т-к-т* (так в пространной редакции), то в этих этнонимах, по-видимому, также с некоторой натяжкой

можно усмотреть в первом обозначении общности *кабаров/киа-баров* (кавары Канстантина Багрянородного), которые, как недавно доказал О. Притсак, в начале X в. еще были действенной силой в Южнорусской степи, а во втором — обозначение кочевников огузов — *торков* (*тюрков*, *тюркютов*), вместе с печенегами ставших в X в. основным этническим массивом в междуречье Кубани и Дона и в степях Северного Приазовья.¹⁰²

Западными пределами владений каганата в границах Северного Кавказа Иосифу представлялись два пункта, две крепости — Саркел на Нижнем Дону и С-м-к-р-ц в устье Керченского пролива. О населении этих крепостей или о населении окружающих их земель он ничего не говорит, однако на основании других источников, в частности свидетельств ал-Масуди, можно полагать, что эти крепости были окружены коренным населением тех областей, в которых они находились, хотя внутри них правительство Хазарии держало гарнизоны иноплемennых наемников. Впрочем, как бы ни относиться к положению Хазарии того периода, когда писал царь Иосиф, невозможно не признать, и это подтверждается другими источниками, что в период расцвета каганата хазары включали в свою систему все перечисленные им области и племена как степной, так и горной частей Северного Кавказа. Разумеется, конкретные формы связей между Хазарией и другими общностями региона были в разные периоды хазарского политического преобладания различны, но общей формой зависимости, по-видимому, как об этом говорит сам Иосиф, являлась форма дани, представлявшая начальный этап феодальной эксплуатации военно-аристократической верхушкой каганата общин и крупных политических образований области Азово-Каспийского междуморья.

За описанием границ государства и областей, входящих в орбиту хазарской экспансии, в источнике следует определение собственного домена хазар. Территория собственно хазар — это группа зимовников, расположенных в низовьях Волги. Иосиф описывая собственно Хазарию, во многом как бы повторяет свидетельства о ней арабских авторов, знавших о Хазарии от купцов, совершавших поездки из Горгана (Южное побережье Каспия) в столицу Хазарии Итиль и оттуда вверх по Волге до Булгара. Он также говорит о внутреннем членении страны, выделяет город царицы, город торгово-ремесленного люда, своеобразный посад, и, наконец, город царя, где обитают «истинные хазары» (ср. *чистые хазары* арабских авторов) и войско. В последнем живут сам царь, его князья, его рабы, служители и приближенные «к нему виночерпии», вероятно, его личная гвардия.¹⁰³

До конца существования Хазарского государства, как свидетельствует письмо Иосифа, хазары не прекратили кочевания. Жизнь в городах-зимовниках составляла только часть обычного годового цикла. В месяце нисане хазарское население т

родов снималось с места и уходило на кочевку. В период кочевки часть населения, по-видимому, занималась скотоводством, а часть обрабатывала расположенные вне зимовников поля и сады. Как бы повторяя данные арабских авторов, Иосиф говорит: «...мы выходим из города и идем к своему винограднику и своему полю и к своей (полевой) работе». Из городов выходят и царь, и его князья, и «рабы», т. е. хазары всех сословий. Царь и его окружение кочуют. Они идут до большой реки, называемой В-д-шан (В-р-шан), расположенной к югу от столицы Итиля на расстоянии в 20 фарсахов (около 100 км), которая, вероятнее всего, может быть отождествлена с Восточным Манычем или его притоком — р. Чограй. Затем обходят вокруг страны, пока не возвращаются в город на зимовку. Территория собственно Хазарии рисуется, таким образом, как весьма ограниченная территория господствующей племенной общности — «истинных хазар», лежащая вдали от тех «народов» и «стран», которые считались данниками царя хазар и его вассалами.¹⁰⁴

Область собственно Хазарии в X в. представляется страной относительно густо заселенной и земледельческой. «Страна наша тучна, в ней очень много полей, лугов ... все они орошаются из (нашей) реки...» На острове, на котором живет царь, находятся также «поля и виноградники». Очевидно, за время существования хазарской державы были приняты меры к развитию на «острове» земледельческой культуры, которая, вероятнее всего, была создана руками массы пленников из Закавказья и северокавказских областей, бывших в течение почти 300 лет объектом эксплуатации со стороны верхушки каганата.¹⁰⁵

Наиболее ранние сведения о хазарском политическом центре на Нижней Волге сообщает Ибн Хордадбэ. Он первым из арабских писателей называет столицу хазар Хамлидж (или Хамлих) и указывает ее место — на берегу реки, «которая выходит из земель славян и впадает в Джурджанское (Каспийское. — А. Г.) море».¹⁰⁶ Кроме Хамлиджа, он называет также два других известных ему города — Баланджар и ал-Байда, но где они находятся, он не сообщает. И это понятно, Хамлидж был ему известен потому, что туда плавали его современники (конец IX в.), купцы из Джурджана (Горгана), а сведения о двух других городах он почерпнул из преданий о строительной деятельности Хосрова Ануширвана и арабских походах в страну хазар в VII — начале VIII в.

Для характеристики этнополитической ситуации на Северном Кавказе, сложившейся к началу X в., исключительно важно представление Ибн Хордадбэ о южной границе Хазарии. Рубежом хазарских владений на юге он считает «город Самандар», причем Самандар он не включает в число хазарских городов, а прямо указывает, что «во власти хазар» находится

«страна», лежащая за Самандаром, т. е. к северу от него.¹⁰⁷ Определяя границу Хазарии таким образом, он несомненно имеет в виду не этническую, а политическую границу. Подтверждение этому находится в сочинении его младшего современника Ибн Рустэ. Последний, говоря о Хазарии, указывает, что она «прилегает... к великим горам, которые простираются до Тифлисской страны»,¹⁰⁸ т. е. очерчивает южную границу Хазарии по Большому Кавказу. Однако ниже, говоря о стране Сарир, он отмечает, что она отделена от земли хазар «12 днями пути по степи и 3 днями пути по высоким горам и лощинам»,¹⁰⁹ т. е. отодвигает южную границу этнической территории самих хазар на 300—400 км к северу от горного Кавказа.

Ибн Хордадбэ, писавший в конце IX в., знал о Хазарии еще сравнительно мало. Только в сочинении Ибн Рустэ (начало X в.) содержится первое относительно подробное описание образа жизни хазар и административной структуры их государства. Он первым отмечает удивившую арабов двойственность верховной власти хазар и первым сообщает о сохранении хазарами кочевания. «Хазарский народ живет зимой в ... двух городах (речь идет о двух частях Хамлиджа — Итиля. — А. Г.), а с наступлением весны выходит в степь и не покидает ее до приближения зимы».¹¹⁰ Судя по расстоянию, указанному Ибн Рустэ между землей хазар и Сариром, он имел в виду именно эти города, лежавшие в области традиционных хазарских зимовий.

Наиболее яркая и детальная характеристика Хазарии и хазар содержится в трудах ал-Истахри и Ибн Хаукаля. В них впервые хазары предстают во всей своей этнической реальности, которая обычно ускользает от других современных писателей.¹¹¹ Оба автора утверждают, что хазары были неоднородны антропологически. Одни из них были очень смуглые — их называли «кара-хазар» (буквально «черные хазары»), а другие, напротив, были светлые, «белые», и в отличие от первых «видны по красоте и наружным качествам».¹¹² В этом разделении хазар некоторые исследователи склонны видеть отражение социальной неоднородности хазарского этноса, которая приводила к закреплению у определенных групп населения коренной Хазарии тех или иных физических признаков.¹¹³ При всей соблазнительности этой гипотезы нельзя все-таки не принять во внимание того факта, что ни один из авторов не связывает прямых антропологических различия в среде хазар с различиями социальными. Учитывая, что хазарский этнос, с которым арабы вступали в общение в дельте Волги в IX — начале X в., сформировался на широкой этногенетической основе, включавшей как различные европеоидные, так и монголоидные общности Северного Кавказа и прилегающих к нему районов Евразийской степи, из информации ал-Истахри и Ибн Хаукаля о неоднородности хазар¹¹⁴ можно сделать только один бесспорный вывод

именно, что к X в. консолидация отдельных этнических групп, слившихся в процессе становления каганата в хазарский этнос, не была завершена. Сохранению определенных физических признаков несомненно должна была способствовать внутригрупповая (внутриплеменная) эндогамия, которая, видимо, до X в. превалировала над межгрупповыми (межплеменными) браками, распространенными, вероятно, только на уровне социальных верхов каганата.

Язык хазар, говорит ал-Истахри, «не сходен с языком турок и персов и вообще не похож на язык ни одного из народов (нам известных)». Ибн Хаукаль повторяет эту фразу, упустив только сравнение языка хазар с персидским языком и подчеркнув, что речь идет о языке «чистых хазар».¹¹⁵ Коррекция, внесенная Ибн Хаукалем, очень существенна. В его редакции фразу надо понимать иначе, чем в редакции ал-Истахри. Он, очевидно, сообщает, что не имеет себе подобного не тот хазарский язык, на котором говорят вообще в Хазарии, а только язык группы, причисляющей себя к собственно хазарской общности. Как установлено лингвистами, дошедшая до нас терминология хазарского языка — в основном терминология военно-административная, и она имеет тюркское огуру-телеское происхождение.¹¹⁶ Следовательно, язык общения в Хазарии был языком тюркским. Что же касается языка древнейшей группы, ставшей ядром формирования хазарского этноса, то он, очевидно, подобно болгарскому языку, представлял древнейший тюркский язык, отличный от языка тюрков-теле VI — VII вв. В пользу этого заключения может быть принято, казалось бы, противоречащее отмеченному выше свидетельству ал-Истахри его же собственное утверждение в разделе его труда, посвященном Волжской Булгарии, о том, что язык болгар подобен языку хазар.¹¹⁷

Одежда хазар, по словам обоих авторов, сходна с одеждой соседних народов. Их костюм состоял из куртки (короткой) и плаща типа туники. Однако сказанное относится, видимо, только к одежде горожан, социальных верхов и торгового сословия, поскольку оба автора утверждают, что сами хазары одежду не производят, а она ввозится к ним из разных стран, включая Рум (Византию), Закавказье и Джурджан (Горган). Существенно, что в повествовании ат-Табари — Балами о борьбе арабов с хазарами в начале VIII в. подчеркивалось отличие одежды хазар от одежды арабов и кавказских народов.¹¹⁸ Видимо, у обоих авторов речь идет исключительно о хазарах Хамлиджа-Итиля, тесно связанных с культурой Ближнего Востока. Но вместе с этим создается впечатление, что никаких других хазарских групп эти авторы не знают, и поэтому все, что они сообщают о хазарах, следует относить только к «чистым» хазарам, т. е. к собственно хазарской этнической общности.

Итиль (Хамлидж) — основное место обитания хазар — пред-

ставлялся ал-Истахи и Ибн Хаукалю, так же как и Ибн Рустэ, не обычным городом, а скорее большим стойбищем, лагерем.¹¹⁹ В нем они также отмечают две части, одна из которых расположена на левом, а другая — на правом берегу реки. Собственно хазарским поселением являлась только правая (западная) часть города, большая по величине. Она была окружена стеной с четырьмя воротами (ср. Шелковское городище на Тереке и городище Шанджир на Кубани). В этой части находился административный центр, построенный из жженого кирпича, дворец царя, и здесь же находились мечети, рынки, бани, рассчитанные в основном на гвардию царя, жившую поблизости от дворца-цитадели. Основная масса построек города представляла собой разбросанные по его территории «войлочные палатки» (т. е. юрты) и жилища «из глины» (т. е. мазанки из самана или из турлука). Город был разбит на кварталы, которые, вероятно, принадлежали семейным общинам (патронимиям). На жителей кварталов и на жителей окрестностей города (т. е. на его сельскохозяйственную округу, хору) была возложена обязанность доставлять провиант «войску царя», т. е. гвардии, численность которой составляла 4 тыс. человек. Иными словами, и это очень существенно, категория «чистых» хазар не была едина в социальном отношении. Создание огромной империи и распространение даннической повинности на многочисленные общности степи и горной зоны не избавили «чистых хазар» от естественного процесса социальной и имущественной дифференциации. Не случайно верхи каганата, начиная с конца VII в., со времени выхода Хазарского государства на широкий политический простор, стремятся опираться не на военную организацию своей собственной общности, а на чужеземные племена. Низы хазарской общины, ведущие полуседлое земледельческое хозяйство на закрепленных за отдельными семьями или родовыми группами участках, как видим, были обложены натуральной повинностью, которая выступала в форме провианта, шедшего для содержания гвардии царя (хазар-тархана, бега). Следовательно, рядовые хазары являлись временными держателями земли, фактически отчужденной окружавшей хазар-тархана группировкой.

Вокруг города не было постоянных селений, и за его стенами сразу же начинались кочевые и пахотные участки, принадлежавшие горожанам. Эти участки были разбросаны по берегу реки и по степи на расстоянии 20 фарсахов от города (около 100 км), именно по окраинам этой городской хоры и проходила часть кочевого маршрута царя, своеобразный ритуальный обход своей земли. Таким образом, население хазарской части Итиля было связано с земледельческим хозяйством, хазарская система земледелия имела ярко выраженный полукочевой характер. Население весной передвигалось на свои дождевые участки, обрабатывало и засеивало землю, а осенью,

брав урожай, возвращалось на зимовку в город. Хазары имели речные суда и занимались также рыболовством.

Хазария в X в. управлялась царем (*малик*), носившим титул хазар-тархана или бега (*бек, бак, пех*). Однако главой страны являлся *каган* хазар, считавшийся священным лицом и не занимавшийся непосредственно управлением. Каганы избирались из членов одного рода, также, по-видимому, из членов одного рода происходили и цари. Царь представлял перед каганом высшие слои хазарского общества, которые состояли из «старейшин» родов, военно-чиновничьей аристократии и профессиональных воинов. В руках царя находилось постоянное войско, которое насчитывало 10 тыс. человек (по другой версии — 12 тыс.) и личная гвардия.¹²⁰ Таким образом, сословие воинов было социальной опорой царя, наряду со «старейшинами» хазарских родо-племенных групп. Внутри Хазарии, среди той части ее населения, которая оставалась язычниками и, очевидно, принадлежала к категории «простого народа», имели место продажа детей и порабощение друг друга. Группы, исповедовавшие ислам, иудаизм и христианство, принадлежавшие в основном к торгово-ремесленному и военному сословию, не допускали внутреннего рабства. Несмотря на то, что среди хазар были приверженцы трех мировых религий, «большую часть обычаев их составляли обычаи идолопоклонников». Обычное право и их этические нормы («установления их, которыми они отличаются от других народов») были основаны на древних традициях и, по свидетельству обоих авторов, противоречили всем трем религиям.

На основании данных ал-Масуди, можно полагать, что в 40-е годы X в. Северокавказская степь еще контролировалась хазарами, хотя уже в это время территория расселения собственно хазар была очень ограничена. Ал-Масуди знает самих хазар только в двух районах — в Итиле и в районе «хазарской заставы», расположенной при впадении «рукава Хазарской реки в море Нитас (Понт)», т. е. в районе Керченского пролива. По его сведениям, уже в это время держава хазар опиралась не на собственное войско и дружины вассальных племен, а на наемников, получавших жалование. Разноплеменная по своему происхождению гвардия царя хазар, костяк которой составляли хорезмийцы (ларисии/арсии), пользовалась в стране особыми правами и привилегиями вплоть до выдвижения из своей среды визиря. И если каган хазар являлся «пленником» царя, то сам царь по существу являлся таким же пленником ларисиев. Ларисии не имели земельных наделов и, видимо, не были связаны с непосредственным производством. Отсюда особое значение подвластных территорий как продовольственной базы, поставившей царскому войску средства к существованию, на что в своем трактате обратил внимание Константин Багрянородный, говоря о «девяти климатах», откуда идет все довольст-

вие хазар. Данные ал-Масуди свидетельствуют о все более прогрессирующем отрыве верхушки каганата не только от населения вассальных областей, но и от собственно хазарской этнической общности. Этот отрыв привел к тому, что первое организованное вторжение в область коренной Хазарии — поход Святослава — вслед за разгромом гвардии царя немедленно опрокинул и всю систему каганата.

Представление арабских авторов о двойном понимании термина *Хазария*, широко и узком, находит отражение также и в грузинской традиции. *Хазария-Хазарети*, с одной стороны, — это очень далекая страна, расстояние до которой от Абхазии (Абхазети) измеряется в «3 месяца пути днем и ночью» (по Иоанн Сабанисдзе, конец VIII в.),¹²¹ а с другой — это вся степь, лежащая к северу от «реки Овсети» (по нашему мнению, Малая — Терек). Очевидно, грузины отчетливо представляли внутреннее деление каганата — на земли, принадлежавшие собственно хазарской общности, и земли, населенные племенами подвластными каганату. Область коренных хазарских земель в грузинской традиции именуется *Великой* или *Большой Хазаретией*.¹²² Она включает северо-восточную часть Предкавказья, прилегающую к низовьям Волги, которая называется «рекой Великой Хазаретии». Западная часть Предкавказья именуется *Малой Хазаретией*.¹²³ Она лежит за рекой, которая, по словам источника, «с севера, со стороны Эгриси, подходит к краю Кавказа». Эта река — «река Малой Хазаретии», несомненно, — Кубань, отделяющая Абхазию и связанные с ней адыгские земли (*Джикети* грузинской традиции) от заселенной булгарами степи. В письме Иосифа мы встречаем по существу отражение того же представления, хотя, вполне естественно, основное внимание он уделяет Большой Хазаретии, своему домену, до размеров которого Хазарское государство, по-видимому, действительно сократилось к 60-м годам X в.

*
* *
*

Археологические материалы, которыми сейчас располагает наука, дают возможность проследить некоторые процессы, проходившие на территории Северного Кавказа в период политического преобладания в регионе Хазарского каганата, которые оказываются нераскрытыми при анализе письменных источников. Образование каганата и включение в течение второй половины VII—VIII вв. в его систему всей территории Азово-Каспийского междуморья привело к относительной стабилизации южных границ кочевнической экспансии и установлению тесных контактов между населением степи и горными областями. Впервые за многие столетия (с первых веков н. э.) в степи появились поселения оседлых земледельческо-скотоводческих групп. Причем процесс седентаризации, начало которого на-

тилось уже в VI—VII вв., теперь охватил не только степное пограничье, но и центральные районы Предкавказья.¹²⁴ В Северокавказской степи появляется так называемая салтово-маяцкая культура, с середины VIII в. охватившая весь юго-восток Восточной Европы и ставшая основным палеоэтнографическим признаком, связавшим степные общности, объединенные политической системой Хазарского каганата.¹²⁵ Эта культура просуществовала на Северном Кавказе дольше, чем в Подонье и степном Крыму, где она погибает на рубеже IX—X вв., вероятно, под ударами первых кочевнических волн, прорвавшихся через земли каганата на запад.¹²⁶ Здесь она явно доживает до середины X в., а местами, может быть, сохраняется и дольше, во всяком случае до 60-х или начала 70-х годов.¹²⁷

Общая интенсификация и ярко выраженный культурный прогресс в степи VIII—X вв. выглядят особенно контрастно на фоне относительной депрессии, охватившей во второй половине VIII—IX вв. предгорья и горную зону. В одних районах это выразилось в медленном затухании древней автохтонной культуры (Терско-Сулакское междуречье), а в других — в застое и консервации традиционных культурных явлений (горные районы Дагестана, Чечни и Ингушетии, Центрального Кавказа), в третьих — в массовых перемещениях населения из предгорий и низменных районов в высокогорные ущелья и даже в выселении за пределы региона (Пятигорье, Прикубанье).

Войны с арабами (VII—VIII вв.), ведшиеся почти столетие в горах и предгорьях Большого Кавказа, а после их прекращения все возрастающее давление со стороны феодализирующейся хазарской и местной аристократии, не могли не сказаться на положении этой части края. Одним из важнейших показателей изменения социальной характеристики горной зоны является отсутствие (или значительное сокращение по сравнению с предшествующими периодами) в погребальных комплексах VIII—IX вв. оружия. Эта черта резко отличает их от комплексов того же времени в степных и лесостепных (междуречье Верхнего Дона и Северского Донца) районах Хазарии. Погребальные памятники горной области Северного Кавказа VIII—IX вв., таким образом, свидетельствуют о том, что горные общины (за исключением района Дидо — Дидоэти) к этому времени утратили свой военно-демократический быт и превратились в связанные только родовой и территориальной близостью производственные коллективы, из которых окончательно выделились воины-профессионалы, ставшие теперь опорой политической власти, оторвавшейся от общин и поднявшейся над конфедерацией.¹²⁸ В письменных источниках этот факт нашел отражение в известии ал-Масуди о регулярном войске царя алан, которым он располагал в 30—40-х годах X в.¹²⁹

Процесс возникновения салтово-маяцкой культуры (на Северном Кавказе она представлена в своем степном, зливкин-

ском варианте) до сих пор недостаточно ясен. То, что зливкинская культура характеризует общности оседающих на землю кочевников, доказано многими исследователями. Особенно убедительно оседание прослежено при изучении эволюции поселений и жилищ.¹³⁰ Однако везде, в том числе и в степных районах Северного Кавказа, где фиксируются самые ранние памятники этой культуры (конец VII — начало VIII в.), она предстает в уже сложившихся и относительно зрелых формах. Последнее нагляднее всего проявляется при анализе ее керамического комплекса, все формы которого, включая кухонную, тарную и «столовую», связаны единой технологической традицией, общими принципами архитектоники и, разумеется, с учетом конкретного функционального назначения, моделировки и орнаментации. То, что керамика салтово-маяцкой (зливкинской) культуры, за исключением каких-то единичных форм (например, котлы с внутренними ушками), не может быть возведена к глиняной, металлической или деревянной утвари северокавказских кочевников VI—VII вв., не подлежит сомнению, поскольку в ней ярко воплотились длительно развивавшиеся в оседлых обществах Кавказа и Причерноморья бытовые и производственные традиции (например, использование в хозяйстве крупных гончарных сосудов типа греческих пифосов, грузинских квеври, армянских карасов, среднеазиатских хумов), но где конкретно и через какие общности эти традиции были восприняты оседающими кочевниками, остается неустановленным.

Правда, с открытием в течение последнего десятилетия памятников зливкинского варианта в Центральном Предкавказье общее представление об ареале салтово-маяцкой культуры значительно изменилось. Совершенно очевидной стала ведущая роль в этой культуре не лесостепного оседлого культурно-хозяйственного комплекса, как это обычно считается, на самом деле занимающего в ней исключительное, периферийное положение именно степного комплекса оседающих на землю кочевников. Кроме того, изучение керамики салтово-маяцких (зливкинских) памятников Центрального Предкавказья показало отсутствие в ней преемственности и от керамики поселений и могильников V—VII вв. предгорий центральной части Кавказа (бассейн Малки—Терека), и от керамики района Терско-Сулакского междуречья.¹³¹

Керамика памятников Центрального Предкавказья (Ставропольская возвышенность) оказалась полностью тождественна керамике салтово-маяцких (зливкинских) памятников VIII—X вв. Прикубанья, Приазовья и степной Таврики,¹³² из чего следует, что истоки зливкинской культуры в целом, видимо, надо искать в западной части Предкавказья, т. е. там, где оседающие на землю кочевники соприкасались с культурой раннесредневековых византийских городов и эмпорионов, а также с культурой адыгских племен, испытавших во второй половине VII—VIII

сильное воздействие византизированной культуры южных соседей — абасгов и апсилов.

К сожалению, проследить становление основных керамических форм зливкинской культуры в настоящее время до широкого исследования ее остатков методом стационарных раскопок весьма затруднительно, поскольку остаются неисследованными поселения самих адыгов V—VII вв. Однако даже немногочисленный материал, происходящий из разведочных сборов на адыгской территории, показывает, что в культуре северо-западных предгорий и в Прикубанье в V—VII вв. бытовали те же самые формы кухонной, тарной и «столовой» керамики, которые в VIII—X вв. получили распространение в зливкинской культуре.¹³³ Наиболее показательной из них является форма основного сосуда, служившего для приготовления пищи на огне, горшка с характерно отогнутым наружу венчиком, относительно широким устьем, небольшим в диаметре донцем и округлым туловом, обычно покрытым горизонтальным рифлением (линейным) или рифлением в сочетании с волнистым орнаментом, нанесенным по сырой глине гребенчатым штампом. Орнаментация сосудов рифлением уходит корнями в античную эпоху: она широко распространяется в гончарстве припонтийских областей еще в III—IV вв. и бытует до XIII—XIV вв. Особое распространение этот способ обработки поверхности получил в Восточном Причерноморье, где дожил до наших дней. Тарная и «столовая» («парадная») керамика, украшенная рифлением, в IV—VII вв. в большом количестве изготовлялась гончарами Ассирии и Абасгии. Из могильников этого района Закавказья известна также серия кухонных горшков, украшенных волнистым орнаментом и рифлением.¹³⁴ Таким образом, на территории Нижнего Прикубанья, где уже в VI—VII вв. сложились тесные взаимоотношения между адыгскими общностями и оногуро-булгарскими племенами, имелись благоприятные условия для заимствования кочевниками, переходившими к оседлости, самой характерной для их новой культуры керамической формы.

Разумеется, она заимствовалась не изолированно, а вместе с навыками земледелия, обусловившими переход на новые виды пищи и, соответственно, вместе с новыми формами очага. Вместе с ней кочевники усваивали также тарную керамику крупных размеров для хранения зерна и керамические сосуды для транспортировки и хранения жидкостей, а также навыки сооружения турлучных и саманных жилищ, характерных для оседлой земледельческой культуры предгорий.

Говоря об оседании кочевников в степных районах Предкавказья как основном социальном процессе периода политической гегемонии Хазарского каганата, необходимо отметить его характерные черты. Первая из них заключается в том, что этот процесс развивался неравномерно. Вторая — в том, что он был длительным, прерывистым и не получил своего полного

завершения. Дальше всего он, видимо, зашел в низовьях Кубани (Тамань) и в предгорьях Северного Дагестана, т. е. там, где кочевники сливались с оседлым местным населением и где первые признаки этого процесса стали обнаруживаться уже в VI—VII вв. В остальных районах степи полного оседания не произошло, и все известные сейчас на ее территории памятники VIII—X вв. представляют собой более или менее длительные стоябища — летовки и зимники.

В низовьях Кубани на рубеже VII—VIII вв. вырастают два крупных центра оседлости — Фанагория и Томин (Таматарха), расположенные, соответственно, на северном и южном берегах Таманского залива.¹³⁵ Они оба возникли на местах античных городов, которые в V—VII вв. пережили упадок, но все-таки не были покинуты жителями. Новое население, обосновавшееся на их территории, усвоило некоторые местные приемы домостроительства, планировки хозяйственно-бытового комплекса, типы отопительных сооружений, способы хранения припасов, но, заселив их, оно стало возводить саманные и турлучные мазанки на цоколе, сложенном из наклонно поставленных кусков рваного камня («в елку»), не свойственные местной архитектуре предшествующего периода. Кроме того, оно в широких масштабах стало производить посуду, соответствующую технологическим и эстетическим нормам не византийского провинциального гончарства, а степного, зливкинского культурного ареала. Их экономический расцвет совпал с периодом расцвета всей салтовомаяцкой культуры — VIII—IX вв., и, таким образом, несмотря на отдельные проявления в этих центрах византийско-крымского влияния, они представляют характерные памятники (поселения) степной культуры.

Фанагория и Томин (Таматарха) были не единственными поселениями VIII—X вв. в низовьях Кубани. Они выделялись только тем, что были поселениями полугородского типа и имели тесную квартально-уличную застройку, сохранявшую следы планировки предшествующего периода. Одновременно с ними в дельте Кубани появляется целый ряд других поселений — «сельского типа», которые нередко также возникали на местах древних городов, но состояли из разбросанных на большом расстоянии друг от друга (до 1—2 км) бытовых комплексов, аилов (по классификации С. А. Плетневой). Всего на Таманском полуострове их обнаружено около 60.¹³⁶ Эти поселения не были полностью оседлыми. В основном они представляли зимники, подобные исследованному С. А. Плетневой у с. Натальевки на северном берегу Таганрогского залива,¹³⁷ и экспедицией Ленинградского университета у д. Героевки и у д. Пташкино на крымской стороне Керченского пролива.¹³⁸ Постоянные жилища на этих поселениях сочетались с временными. Какая-то часть их обитателей периодически, видимо, еще откочевывала в степь, но, как показывает восточнокрымский материал, об-

щая тенденция их развития выражалась в стремлении к все более прочной оседлости и освоению оседлых форм хозяйства (земледелие, виноградарство, рыболовство).

Интенсивное заселение в начале VIII в. Таманского полуострова несомненно было связано с расширением в юго-западном направлении политической экспансии Хазарского каганата. Превращение Фанагории в удельное владение византийского экс-императора Юстиниана II, свергнутого в результате народного выступления в Константинополе в 695 г. и после ряда авантюрных приключений попавшего в Хазарию, и его жены, сестры хазарского кагана, а в дальнейшем в оплот хазарских экспедиций в Таврику, не могло не вызвать передвижения в этот район как собственно хазарских групп, так и групп вассального по отношению к хазарам населения степи. В принципе аналогичная ситуация выявляется и в Восточном Предкавказье, хотя памятники VIII—IX вв. известны здесь хуже, чем памятники предшествующего времени и памятники того же периода на Тамани. Отчасти это связано с тем, что основной средневековый горизонт на многочисленных городищах этого района относится к V—VII вв. и на большинстве из них жизнь в начале VIII в. замирает,¹³⁹ а отчасти — с тем, что верхние горизонты на этих памятниках (VIII—X вв.) сохранились значительно слабее и их исследование представляется более сложным.

Как показало изучение цитадели городища Казар-кала (северные предгорья восточной части Дагестана), где на исследование верхнего культурного горизонта было обращено особое внимание,¹⁴⁰ он начинает нарастать только после нивелировочных работ, которые потребовались для ликвидации последствий катастрофы (пожар, разрушение жилищ, укрепления, человеческие жертвы), прервавшей жизнь на городище в конце второго периода (вероятно, в начале VIII в.). Новый период ознаменовался возведением на цитадели нового укрепления и появлением на примыкающем к ней селище нового поселения, состоявшего из юрт. Новое население принесло сюда многие формы керамики, которые не были характерны для местной культуры V—VII вв. и в то же время были типичны для памятников зливкинского ареала. Изменение керамического комплекса дает основание предполагать, что после катастрофы начала VIII в. Казар-кала, а вероятно, и другие поселения Терско-Сулакского междуречья, также на рубеже VII—VIII вв. подвергшиеся разрушению, заселились новыми этническими группами. Эти группы явно передвинулись в район предгорий из степи, и их бытовая культура возникла на той же основе, что и культура других кочевых групп Предкавказья, переходивших в течение VIII—IX вв. к оседлости.

Анализ фаунистических остатков верхнего горизонта Казар-калы показал, что вместе с изменением в культурно-бытовой сфере здесь произошло также изменение в сфере хозяйственной.

Это выразилось в некотором повышении роли отгонного скотоводства (увеличение коневодства и овцеводства за счет снижения доли крупного рогатого скота и коз), при сохранении общего традиционного для этого района оседло-пастушеского характера экономики.¹⁴¹ Вряд ли можно полагать, что передвинувшиеся в предгорья группы кочевников пришли на совершенно обезлюдившую территорию. Некоторые элементы гончарных традиций предшествующего периода определенно прослеживаются в керамике верхнего горизонта Казар-калы и близких ей памятников. Они придают этой керамике несколько своеобразный облик по сравнению со зливкинской керамикой центральных и западных районов Предкавказья. Однако это своеобразие не столь значительно, чтобы выделять культуру верхнего горизонта (VIII—IX вв.) памятников этого района из всего ареала зливкинской культуры.

Другим памятником Восточного Предкавказья, где оказался представлен тот же керамический комплекс, что и в верхнем горизонте Казар-калы, является находящаяся на левом берегу Терека на окраине ст. Шелковской квадратная в плане крепость, сложенная из саманных кирпичей.¹⁴² Особенностью этого памятника помимо его архитектуры является почти полное отсутствие культурного слоя. Эта черта резко выделяет Шелковское городище из всей группы памятников Терско-Сулакского междуречья, которые обычно характеризуются мощными напластованиями, и сближает его с памятниками типа обычных сезонных кочевий, открытых в Приазовье и на Нижнем Дону.¹⁴³ Предположение о том, что Шелковское городище представляет остатки Самандара, одного из крупнейших городов каганата, высказанное Л. Н. Гумилевым и поддержанное М. Г. Магомедовым,¹⁴⁴ не имеет под собой реального основания, что было убедительно доказано В. Б. Виноградовым и В. Г. Котовичем. Вероятнее всего, эта крепость играла роль сезонной ставки хазарского военачальника, осуществлявшего надзор за вассальным по отношению к кагану населением Дагестана, расселившемся на холмах пепелищах крепостей V—VII вв. и на местах поселений, покинутых во время войн первой половины VIII в.

О том, что правительство Хазарии уже с конца VII в. выделило в особую военно-административную область низовья Кубани, свидетельствует появление здесь относящегося ко времени пребывания на Тамани Юстиниана II топонима *Тбмтн* — *То мин (Томен)*,¹⁴⁵ в котором определенно следует видеть древнетюркское — *тумен*, распространенное в тюркской этнической среде наименование крупного военно-административного подразделения кочевого государства.¹⁴⁶ В географическую номенклатуру термин *тумен* мог попасть для обозначения района ставки, места сбора или расположения войск такого подразделения. Почти одновременно топоним *Тумен (Туман)* начинает упоминаться также в Дагестане и закрепляется в междуречье Терека

Сулака,¹⁴⁷ которое, как и дельта Кубани, представляло традиционный район зимнего выпаса скота для кочевников Предкавказья. Здесь оно удержалось до конца XIX в., в частности, в наименовании одного из кварталов селения Эндери и в легенде об образовании этого квартала.¹⁴⁸ Это совпадение дает основание полагать, что на рубеже VII—VIII вв. в связи с подчинением хазарами междуморья в двух наиболее важных для его удержания и дальнейшей экспансии точках были созданы особые военные центры. Во главе нижекубанского тумена с середины VIII в. находился хазарский военачальник (чиновник), носивший титул *тархан*, который сохранился в византийской и русской передаче хазарского наименования второго по значению после Фанагории пункта оседлости в этом районе (греческое — *Таматарха*, древнерусское — *Тматорокань*). Во главе нижнетерского тумена стоял военачальник, титул которого не сохранился в хазарском оригинале, но сохранилась его арабская версия — *малик* или *туман-шах* (последняя, вероятно, возникла по аналогии с титулом владельца горной области Гумик (Кумух), также именовавшейся *Туман* или *Тумал*).¹⁴⁹ Возможно, этот титул сохранился также в собственно дагестанской передаче — *кюль-баг*, о чем, кажется, вполне определенно говорит «Дербенд-наме».

Несмотря на то, что в обоих районах, несомненно, должны были находиться значительные группы, представляющие хазарскую этническую общность, ни в районе Тамани, ни в низовьях Терека до сих пор никаких следов бытовой культуры, отличавшейся от местной культуры кочевников, переходивших к оседлости, не выявлено. Такое же положение наблюдается и в Подонье, где при исследовании крепостей, возведенных правительством Хазарии и явно управлявшихся хазарской администрацией (Саркел, Семикаракорское городище), не было найдено следов какой-либо особой хазарской культуры.¹⁵⁰

На Нижней Волге — в коренной области расселения хазарских племенных подразделений (родо-племенных групп), насколько можно судить по тому материалу, который доступен науке, также нет признаков каких-то особых, выделяющихся из всего ареала зливкинской культуры комплексов.¹⁵¹ На поселениях и в могильниках, остатки которых обнаружены на бэровских буграх в дельте Волги (бугор Степана Разина, Бараний, Казенный, Тугинский бугры и др.), найдена керамика в целом подобная той, которая характерна для степных поселений этой культуры, включая кухонные горшки с отогнутым венчиком и рифленным туловом. Погребальный обряд могильников дельты (захоронения в удлиненной яме в вытянутом положении на спине в сопровождении одного-двух сосудов и части туши жертвенного животного, положенных у головы) подобен обряду Зливкинского могильника и других могильников, являющихся эта-

лонными памятниками,¹⁵² и только несущественными деталями отличается от них.¹⁵³

Таким образом, возникновение оседлой культуры в Волжской дельте, очевидно, явилось результатом того же процесса оседания кочевых групп Северокавказской степи, что и возникновение оседлости в дельте Кубани и на Терско-Сулакской низменности. И поскольку здесь, на территории коренной Хазарии, также не удается выделить особенной хазарской культуры, остается предположить, что передвижение собственно хазарских групп в период образования каганата и совместной борьбы кочевников Северного Кавказа с экспансией арабов привели не только к политической, но и к этнической интеграции хазар и издревле связанных с ними племен (барсилы, савиры) с теми родо-племенными единицами, которые оставались в западной части степи после разложения Оногуро-Булгарской конфедерации (вторая половина VII в.). В ходе борьбы за степь старые родо-племенные общности, естественно, дробились, смешивались и группировались в новые, связанные уже не только культурно-родственными, но и в большей степени территориально-политическими и хозяйственными интересами. Можно думать, что именно эта перестройка старых родо-племенных и территориальных связей создала условия для относительно быстрой нивелировки культуры всех этнотерриториальных кочевых объединений, затронутых этим процессом. И вполне закономерно, что в основе этой нивелированной культуры оказалась культура юго-западных булгарских групп, не затронутых арабской экспансией, первыми начавших переход к оседлости и первыми вступивших в глубокие и стойкие этнокультурные связи с абorigенными группами северокавказских предгорий.

Образование в VIII в. трех крупных центров оседания не повлекло за собой полного перехода кочевников Северокавказской степи к оседлости. Как показали разведки С. А. Плетневой Приазовье, в течение VIII—X вв., как и в предыдущие столетия, на побережье Таганрогского залива по Ее, Куго-Ее и Сыке из глубины Предкавказья ранней весной подкочевывали аилы степняков, которые оставались в этом районе до середины лета.¹⁵⁴ Кочевые аилы, состоявшие из нескольких юрт, вероятно, принадлежавшие одной родственной группе, в это время раскидывались на значительном пространстве вдоль побережья и в поймах. Их следы С. А. Плетнева выразительно назвала «обитаемые полосы» — в отличие от более стабильных зимних кочевий — селищ.¹⁵⁵ Несмотря на то, что разведки в восточной части Предкавказья не носили столь целенаправленного характера, как в северо-западном районе, однако и здесь, в местах высокого стояния подпочвенных вод, на территории Терско-Кумского междуречья и особенно вблизи пересохших русел Кумы и Куры встречаются многочисленные следы временного (сезонного) обитания сравнительно небольших подвижных

групп.¹⁵⁶ Керамика, собранная на местах стоянок этой части Предкавказья, в основном связывает их с районом Терско-Сулакского междуречья и особенно близка керамике Шелковского городища, верхнего горизонта Казар-калы и больших поселений-селищ, открытых на левых притоках Кумы, стекающих со Ставропольской возвышенности.¹⁵⁷

В VI—VII вв. Ставропольская возвышенность, по всей вероятности, была местом постоянных летне-осенних кочевий, в VIII в. она превратилась в район постоянных зимовий. В настоящее время здесь открыто более 50 поселений, на которых имеются остатки бытовой культуры VIII—IX и первой половины X вв.¹⁵⁸ Самым западным из них является селище вблизи ст. Темижбекской на правом берегу Кубани, самым восточным — селище в районе с. Чернолесского на притоке Кумы р. Томузловке. На севере возвышенности эти поселения открыты у с. Труновского и ст. Новоалександровской. Разведки, проведенные к западу от возвышенности по Калале и верховьям Челбаса, а также в северных районах Ставропольского края, не дали следов оседлости.¹⁵⁹ Обследование поймы и надпойменных террас Кумы (до г. Прикумск) привели к открытию городищ, синхронных ставропольским поселениям, но принадлежавших, судя по топографии и керамике, к кругу алановских памятников бассейна Малки — Терека.¹⁶⁰ Таким образом, Ставропольская возвышенность вырисовывается как основной район формирования оседлости в центре Предкавказья. Амфорная тара, широко представленная на всех ставропольских поселениях, куда она попадала из Приазовья, Крыма, а иногда даже из византийских городов Средиземноморья, надежно датирует этот процесс. Он начался здесь на рубеже VII—VIII вв. и прервался в середине или в начале второй половины X в.

Поселения, открытые на Ставропольской возвышенности, представляют полную аналогию поселениям зливкинской (салатово-маяцкой) культуры Подонья, Приазовья, Тамани, Восточного Крыма.¹⁶¹ В западной части возвышенности это были в основном небольшие селища, располагавшиеся вдоль речек и ручьев, как правило, по пологому, чаще северному склону долины или балки. Их протяженность обычно не превышала в среднем 200—400 м, а ширина едва достигала 50—100 м. В восточной части возвышенности поселения были крупнее, до 1—1,5 км в длину, и, как правило, располагались в пойме у самого уреза воды. Однако ни те, ни другие не имели фортификации, и их единственным признаком являются выходы культурного слоя на пашне или в обрезах берега. Причем культурный слой, как это свойственно зливкинским памятникам, никогда не покрывает всей площади поселения, а выступает изолированными пятнами, представляющими места расположения жилищ и находящихся вблизи них зольников. Несмотря на то, что раскопки на этих поселениях за очень небольшим ис-

ключением не производились, имеются основания полагать, что кроме легких переносных жилищ на некоторых из них существовали постройки, возведенные из турлука или самана на каменном основании. Керамика, найденная на этих поселениях и в могильниках, обнаруженных рядом с ними, наиболее близка керамике Таманского городища, Фанагории, поселения Восточного Крыма, кочевьям Приазовья. Обилие амфорной тары на этих поселениях еще больше подчеркивает эту близость и вместе с тем указывает на непрерывные контакты между районами Ставропольской степи, Таврикой и Азовским побережьем.

Ряд памятников той же культуры, занимающих промежуточное положение между Приазовьем и Ставропольской возвышенностью, был исследован в последние годы на Средней Кубани в районе Краснодарского водохранилища.¹⁶² До этого здесь был известен только один объект, содержащий зливкинский материал — селище у аула Тлюстенхабль. Теперь же выявлен целый ряд селищ-зимников, сплошной полосой тянувшихся вдоль первой надпойменной террасы как правого, так и левого берега Кубани. О том, что оседающие кочевники прочно обосновались в этом районе и рассматривали его как свою коренную территорию, свидетельствует ряд крупных могильников, которые были исследованы Н. В. Анфимовым у хут. Казово (на месте позднемеотского Гатлукаевского городища № 2), П. А. Дитлером у аула Ленинохабль, В. Н. Каминским около МТФ ст. Старокорсунской. Погребальный обряд этих могильников (захоронения в грунтовых ямах) и сопровождавший погребения инвентарь позволяют с полным основанием сопоставить их с могильниками зливкинского типа. Единственным значительным отличием от них является только богатство погребального инвентаря. Здесь много оружия, предметов личного убора воина (в том числе кольчужный доспех), предметов конского снаряжения, нарядной керамики, разнообразных украшений, встречаются жертвенные захоронения боевых коней. Видимо, родо-племенные группы, оседавшие на Средней Кубани, в отличие от родственных им групп, расселявшихся в VIII—IX вв. по Подонью, оказавшись в составе каганата, утратили своей военной организации и сохранили экономическую основу своего благосостояния.

Проникновение оседающих кочевников, носителей зливкинской культуры в предгорья и признаки оседания их в этой зоне отмечаются не только на левобережье Средней Кубани, где первые кочевнические группы появились еще в VI—VII вв. (Пашковский мог. № 1), но также в Пятигорье и далее к востоку, в предгорьях Кабарды. Здесь известен ряд селищ, добных селищам Ставропольской возвышенности. Как правило, они располагались на открытых к степи подножиях лакских ручьев, вблизи ручьев и источников. Такие селища зафиксированы у железнодорожной станции Машук (Бештаугорское по-

селение, или Козьи скалы), у подножия г. Развалки, на склонах Кабанки и Острой (в окрестностях Железноводска). От ставропольской группы памятников их отличает только то, что в их керамическом комплексе наряду со всеми характерными для салтово-маяцкой культуры формами (в том числе амфорами VIII—X вв.) встречаются фрагменты сосудов, типичных для культуры Прикумья и бассейна Малки — Терека. Видимо, оседавшие в этом районе степняки устанавливали тесные контакты с аборигенными алано-овскими группами, издревле обитавшими в степной части долины Подкумка (поселение «Провал» в Пятигорске, поселение у подножия г. Юцы и др.). Остатки подобных селищ открыты также в среднем течении Баксана и к востоку от него в Черекско-Безенгинском ущелье.¹⁶³

Однако, как показали исследования последних лет, начиная со второй половины VIII в. кочевники стали интенсивно вторгаться также и в горы, тесня аборигенов и занимая их поселения, расположенные на наиболее удобных скотогонных путях, соединяющих горные пастбища и предгорье-предстепье. Имеются материалы, позволяющие предполагать передвижение некоторых степных групп из предгорий Северного Кавказа даже в горы Сванетии.¹⁶⁴ При раскопках городища «Указатель» в районе Медовых водопадов на р. Аликоновке, помимо многочисленной керамики зливкинского облика, сменившей здесь местную аланскую керамику VI—VIII вв., В. Б. Ковалевская обнаружила даже остатки юрт, поставленных на пепелище разрушенного аланского укрепления. К этому же времени, по данным А. П. Рунича¹⁶⁵ и Г. Е. Афанасьева,¹⁶⁶ относится резкое сокращение числа грунтовых катакомбных могильников и прекращение жизни на аланских поселениях в окрестностях Кисловодска.

Продвижение степняков по Подкумку и его притокам, ведущим на горные пастбища Западного Приэльбрусья, вероятнее всего, отразило потребность населения Ставропольской степи в летних выпасах, которая значительно возросла в связи с началом оседания и соответственно закрепления за отдельными родами в границах каганата собственности на землю («...каждый из ... родов имеет ... владение ... своих предков, место, где он располагается»¹⁶⁷). Правительство Хазарии, несомненно, поддерживало этот процесс, так как было заинтересовано, во-первых, в расширении летовок собственно хазарских родов, которые достигали Ставропольской возвышенности в своих перекочевках, и, во-вторых, в установлении контроля за стратегически важным районом Верхнего Прикубанья, который входил в границы алано-овской конфедерации.

Памятником, свидетельствующим о стремлении Хазарского государства утвердиться в этом районе, является городище Калеж или Ак-кала (Хумаринское), расположенное в 11 км к

северу от современного г. Карачаевска. Городище представляет остатки мощной крепости, занимающей площадь около 22 га, построенной по краю горного плато, нависающего над долиной Кубани. Исследования, проведенные на территории городища,¹⁶⁸ показали, что плато было обнесено стенами, сложенными из крупных блоков тесаного песчаника. Ширина стен на некоторых участках достигала 5 м. Стены были усилены башнями, позволявшими не только обеспечивать оборону, но и вести наблюдение за долиной и горными пастбищами. Для того чтобы возвести эту крепость — вытесать из скалы блоки и доставить их на плато и соорудить из них пояс башен и стен, — потребовались колоссальные затраты людского труда и исключительно сильная организационная власть. Судя по родовым тамгам, которыми метились блоки при заготовке камня, в постройке крепости принимало участие значительное число родовых коллективов, вероятнее всего, представлявших местное население, на которое была возложена строительная повинность. Строилась эта крепость для группы, использовавшей письмо системы восточноевропейской руники.¹⁶⁹ Ряд религиозных надписей был нанесен на ее стены. Эти надписи, как и некоторые конструктивные особенности постройки, планировка и найденная внутри нее керамика, сближают Хумаринскую крепость с хазарскими крепостями Дона, Правобережным Цимлянским замком и Саркелом.¹⁷⁰ Из крепости осуществлялся надзор за важнейшей транскавказской артерией — дорогой, ведущей из долины Кубани вверх по Теберде к Кавказскому перевалу и оттуда в Абхазию, а также оказывалось давление на родо-племенные группы, населявшие бассейн Верхней Кубани. За своими стенами крепость могла укрыть значительное войско, пришедшее в случае необходимости на помощь гарнизону, и, главное, в случае необходимости при необходимости коренного населения края стать прибежищем для степняков, которые перегоняли сюда свой скот на летовки. Можно думать, что Хумаринская крепость была не единственной хазарской цитаделью в горной зоне. Топонимика знает хазарские крепости (Къзар-Къала, Гъзар-Гъала) в ущелье Баксана в Балкарии,¹⁷¹ в ущелье Аргуна в Чечне,¹⁷² в ущелье р. Ярыксу в Западном Дагестане,¹⁷³ а «Хроника» селения Иранай, расположенного на Сулаке в Центральном Дагестане, помнит даже о том, что вблизи селения проходила дорога, которой хазары перегоняли скот на летние пастбища, находившиеся на соседней с селением горе Ма'миз, причем само селение служило ставкой «хазарского хана».¹⁷⁴

Несмотря на интегральный характер зливкинской культуры, которая в процессе овладения навыками оседлого хозяйства и быта сглаживала племенные различия между отдельными кочевыми группами Предкавказья, мы вряд ли можем, если приазовско-ставропольский ареал этой культуры

связать с наследниками Оногуро-Булгарской конфедерации, потомками орды Батбая. Ее включение в состав Хазарского каганата, видимо, не привело к отрицательным демографическим последствиям и, как показал материал могильников Среднего Прикубанья, не повлекло за собой разрушения ее военной родовой организации и полного уничтожения традиционной родо-племенной структуры. Булгарские родо-племенные группы не только сохранились в местах своих исконных кочевий, но, начиная с середины VIII в., когда хазары распространили свою власть на горные области Северного Кавказа и области Подонья, сами под давлением хазар начали экспансию в южном и северо-западном направлениях, дойдя до верховьев Дона и Северского Донца.¹⁷⁵

Продвижение хазарских отрядов в горы и захват степняками горных пастбищ и скотопроезних путей, естественно, не могли не отразиться на экономике горных обществ и не сказаться на характере социально-политических связей, скреплявших эти общества. Археология вполне определенно фиксирует последствия установления хазарской доминанты в горах. Местные культуры в течение VIII—IX вв. здесь не исчезли, этнополитические союзы, возникшие в предшествующий период, не распались. Однако границы этих союзов подверглись изменению, а в районах особенно сильного натиска степняков население вынуждено было приспособляться к новым политическим условиям, подчас значительно меняя устоявшиеся бытовые нормы и традиции.

Менее всего давление степняков испытали восточные и центральные районы Алании: аланы не покинули плоскости ни в Терско-Сунженском междуречье, ни в бассейне Малки — Терека, ни даже в междуречье Малки и Кумы. Здесь продолжают сохраняться аланские поселения, возникшие в предшествующие столетия, и возникают новые.¹⁷⁶ Грунтовые катакомбные могильники, наиболее ярко представляющие культуру алано-овских групп, также не исчезают.¹⁷⁷ Правда, в предгорьях восточная граница аланской культуры, как показывает изучение погребальных памятников Ичкерии, в VIII—IX вв. отступает к Аргуну, а оставленный аланами район вновь заполняется носителями древней горной культуры (погребения в каменных ящиках), хотя и несущей следы влияния культуры алан.¹⁷⁸ Этот отход аланских групп из предгорий Ичкерии, вероятнее всего, был вызван передвижениями населения в аваро-андийских районах Дагестана, которое после завершения арабско-хазарских войн попыталось воспользоваться временным ослаблением Алании.¹⁷⁹

К западу от Аргуна в VIII—IX вв. наблюдается значительное усиление алано-овской общности, что нашло выражение в дальнейшей экспансии из предгорий в высокогорную зону.¹⁸⁰ В этот период аланские катакомбные могильники появляются

у слияния Шаро-Аргуна и Чанты-Аргуна (Дуба-юрт), в Ассинском и Джераховском ущельях (Гоуст, Фуртоуг, Бейни, Верхний Алкун, Фельдмаршальская-Алхасте), аланы прочно закрепляются в северной части Дарьяла (Балта, Чми-Суаргом, Харх Верхний Ларс) и проходят в верховья Гизельдона (Кобань) Ардона (Архон), Уруха (Камунта, Хазнидон, Галиат) и их притоков.¹⁸¹ Передвижение аланских групп в горную зону — соединение их в этом районе, о чем явно свидетельствует величина могильников VIII—IX вв. в горах, вряд ли явилось следствием только демографического роста аланской общности. Этот процесс, несомненно, отражал перестройку экономики и социальных связей внутри Аланской конфедерации, вызванную изменением общей политической ситуации в Приазовье. Стабилизация кочевых угодий и оседание кочевнических групп, видимо, лишали алан возможности расширения своей производственной территории за счет степи и направляли их экспансию в высокогорья. Показательно, что в X в., в период ослабления Хазарского каганата, наблюдается обратное явление. Количество аланских катакомбных могильников в горах резко сокращается, и в тех районах, куда в VIII—IX вв. продвинулись аланы, вновь появляются погребальные сооружения типа каменных ящиков (Лежги, Фуртоуг, Памет, Шуан, Датых, Харх Ларс и др.), восходящие к древней традиции аборигенных горных племен.¹⁸² Причем последнее происходит на фоне небывалого социально-экономического подъема аланского объединения, когда к феодальным верхам Алании полностью переходила сила и авторитет Хазарского каганата.¹⁸³

Продвижение аланских групп в горную зону наблюдается в течение VIII—IX вв. также и в западной части Алании, где здесь аланы уступают степнякам — носителям зливкинских культур, не только предстепье и предгорья, но частично и горные плато. Алано-овские группы покидают обжитые поселения, расположенные вблизи скотопрогонных путей, и уходят в верховья труднодоступных ущелий. Вместе с изменением топографии поселений здесь меняется также характер аланских могильников. На рубеже VII—VIII вв. западные группы аланов начинают хоронить своих сородичей не только в традиционных катакомбах, вырытых в грунте, но и в подобных грунтовыми могильникам (катакомбам) овальных камерах, вырубленных в отвесных скалах и, как правило, на значительной высоте. Иногда такие кладбища устраиваются под скальными навесами или в гротах, причем для придания погребальной мере облика катакомбы внутри навеса или грота и вдоль нее специально возводятся каменные или саманные перегородки. Подобные могильники открыты в верховьях Подкумка и ее притоков, в верховьях Кумы, Малки, Баксана, в ущельях,ходящих в долину Верхней Кубани, в верховьях Большого Малого Зеленчуков, на Урупе, в верховьях Большой Лабь

даже западнее — в верховьях Белой. Их ареал охватывает всю территорию Западной Алании, свидетельствуя о массовом перемещении аланских групп в горы.¹⁸⁴ Однако, как и на востоке Алании, этот процесс имел временный характер. В X в. количество скальных могильников резко сокращается, а в предгорьях вновь появляются крупные грунтовые катакомбные могильники.¹⁸⁵ Видимо, ослабление Хазарии вновь открыло аланам Верхнего Прикубанья выход в степь и создало условия для возвращения их к традиционной культуре земледельцев и скотоводов предгорий.

Особенностью алано-овской экспансии в горные районы, общей и для Восточной, и для Западной Алании, было то, что она нигде не приводила к тотальному исчезновению аборигенных групп. Наряду с крупными катакомбными могильниками (грунтовыми и скальными), явно принадлежавшими аланским общинам, и нередко в непосредственной близости от них в течение VIII—IX вв. продолжают существовать могильники, состоящие из каменных «ящиков» и каменных гробниц (склепов), характерные для культуры горцев. Такие могильники известны в верховьях Аргуна, в районе Дарьяла, в верховьях Гизельдона, Фиагодона, Ардона, Уруха.¹⁸⁶ В горах Балкарии наряду с проникающими сюда группами, которые практиковали погребения в грунтовых катакомбах (Былым) и в скальных могильниках (Гунделен), продолжают существовать группы, практикующие характерный для этой территории с V в. обряд захоронения в подземных каменных склепах.¹⁸⁷ В верховьях Кубани сохраняется традиция погребения в каменных гробницах, перекрытых крупными плитами.¹⁸⁸

Судя по письменным источникам, аборигенные группы горной зоны междуречья Кубани и Терека уже в VI в. оказались в столь близких отношениях с обитателями предгорий аланами-овсами, что этноним последних полностью поглотил имена этих групп. Аланский политический союз VI—VII вв., по всей вероятности, формировался на полиэтнической основе, и, таким образом, продвижение собственно алан-овсов, носителей катакомбной культуры, в горы представляло не внешнее вторжение, а постепенную внутреннюю миграцию, в ходе которой одни группы мигрантов устойчиво сохраняли свою этническую чистоту, а другие растворялись в среде аборигенов или, напротив, ассимилировали последних. Соответственно и обратный процесс, связанный с отходом аланских групп в предгорья, представлял не вытеснение аборигенами иноплеменников, а занятия аланской верхушкой союза наиболее удобных для поселения и хозяйственной деятельности земель, расположенных в предгорьях. Взаимная ассимиляция алан и аборигенов в горах нашла свое отражение в появлении новой формы погребального сооружения, которая в IX—X вв. начинает распространяться как в Восточной, так и в Западной Алании. Это — на-

земные или полуподземные склепы-камеры с входным отверстием в фасадной стене, представляющие прообраз осетинских западзов, карачаево-балкарских кешенэ и чечено-ингушских кашей позднего средневековья.¹⁸⁹ Одновременное появление разных частях Центрального Кавказа однотипных погребальных памятников является свидетельством единой культурно (культурно-этнической) общности, возникшей в течение VIII-X вв. в границах аланского объединения.

Политическое и экономическое давление хазарских родоплеменных групп и связанных с ними общностей культуры социальных процессов булгарских групп Северокавказской степи выразилось не только в передвижении алано-овских общин за пределы Северного Кавказа. К середине VIII в. в лесостепном междуречье Верхнего Дона и Северского Донца возникает не имеющий прямых генетических корней в этом регионе обширный ареал поселений и катакомбных могильников собственно салтово-маяцкой культуры, представляющей не что иное, как локальный вариант алано-овской культуры предгорий Центрального Кавказа.¹⁹⁰ Появление алано-овсов вдали от коренных районов формирования их общности обычно объясняют миграцией алан под натиском арабских войск, неоднократно прорывавшихся в заселенные аланами предгорья.¹⁹¹ Однако, как было установлено С. А. Плетневой путем тщательного анализа инвентаря Дмитровского и подобных ему могильников верховьев Дона и Северского Донца, в том числе Салтовского и Маяцкого, алано-овские группы в этом районе появились не ранее второй половины VIII в. (или даже конца VIII в.).¹⁹² Этот факт находится в противоречии с гипотезой о том, что носители лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры представляли аланские общины, отошедшие на север-запад под давлением арабов. К середине — второй половине VIII в. халифат отказался от попыток утвердиться на Северном Кавказе, поэтому перемещение алано-овских групп с верховья Дона и Донца, где они расселились по соседству с передвигавшимися в этот же район булгарами, следует рассматривать только на фоне общей внешней и внутренней политики каганата. Вероятнее всего, это перемещение имело целенаправленный характер и проводилось самим Хазарским государством. Не случайно алано-овские группы оказались только в одном районе — вдоль юго-восточной границы расселения славянских общин, носителей роменско-боршевской культуры.¹⁹³

Переселяя алан, хазары одновременно ослабляли Аланское объединение и создавали на северо-западе своего государства пограничный заслон, который прикрывал междуречье Северного Донца и Дона, ставшее в VIII в. областью интенсивного заселения вытесненных самими хазарами из степей Предкавказья

булгарских родо-племенных групп. По существу это была реализация политического принципа, известного всем крупным империям средневековья. Суть его сводилась к перемещению в пограничные районы беспокойного населения глубинных областей и заселению их иноплеменниками, которые получали права на отведенные им земли и превращались в военно-служилое сословие. Как правило, такие группы длительное время сохраняли внутреннюю автономию и в то же время являлись верными вассалами предоставившего им земли государства. Хазары широко использовали этот принцип. Кочевниками, печенегами или гузами они заселили Саркел,¹⁹⁴ в долине Среднего Сулака разместили «хорезмийцев»-арсиев (Верхнечирюртовский курганный могильник), в верховьях Кубани поставили булгарский гарнизон (Хумаринское городище), а на территории причерноморских адыгов поселили южносибирских тюрок и, возможно, средневожских финнов (верхний горизонт могильника Дюрсо).¹⁹⁵

М. И. Артамонов высказал предположение, что страна Асия, по свидетельству Кембриджского документа, выступившая в начале X в. против хазар, соответствует области расселения алано-овсов в верховьях Дона и Северского Донца.¹⁹⁶ Отождествление асиев Кембриджского документа с какой-либо группой алано-овского объединения племен Северного Кавказа до X в., до того времени, когда исчезла салтово-маяцкая культура в Подонье, представляется малоубедительным, поскольку алано-овсы всего региона в данном источнике обозначены восходящим к византийской и арабской официальной этнополитической номенклатуре наименованием *Алан*.¹⁹⁷

Последнее вовсе не означает, что этноним *аси/ясы*, зафиксированный древним грузинским наименованием ираноязычного населения Северного Кавказа — *овси/оси*, в X в. перестал употребляться на территории самой Алании. Как показали специальные исследования В. А. Кузнецова,¹⁹⁸ Ю. С. Гаглюева,¹⁹⁹ Т. М. Минаевой,²⁰⁰ этнонимы *ас/овс* и *алан*, по крайней мере с VII и до XV в., живут в этнонимике Северного Кавказа параллельно и покрывают собой одну и ту же этнополитическую общность, которая, однако, помимо общего наименования имела также локальные или региональные обозначения: *ир/ирон*, *ди-гор/дыгорон*, *асиаг/æssон* и, вероятно, другие. Особенностью этнонима, *асиаг/æssон*, т. е. *ас/аси/ясы*, является только то, что он был древнее других этнонимов, обозначавших ираноязычную общность северокавказских предгорий и, видимо, местами, в том числе в западных районах Алании, служил ее самоназванием. Отсюда через адыгов-касогов он проник в славяно-русскую этнонимическую X—XII вв. и к первым западным путешественникам, посетившим Кавказ в XIII в., а в период монголо-татарского нашествия вместе с официальным термином «алан» попал так-

же в этнонимике восточных авторов, посвятивших свои труды истории Чингизидов.

Предпринятая здесь попытка проследить динамику развития алано-овсских групп в течение VIII—X вв. на территории Центрального Кавказа приводит к вполне определенному заключению. Развиваясь в тесном взаимодействии с переходившими к оседлости степными общностями, аланы/овсы предпринимали не только не утратили своей этнической определенности, но, напротив, сумели расширить территорию своего обитания, закрепить в составе своего объединения кавказоязычные группы горной зоны, отстоять свою традиционную культуру и, соответственно, укрепить свое этническое самосознание, которое, несомненно, поддерживалось возрастающей с начала X в. тенденцией к сплочению и политической независимости от каганата.

*
* *
*

Нараставший в течение 30—40-х годов кризис в недрах Хазарской державы в середине столетия привел к полному ее упадку, который стал прологом окончательного крушения в середине 60-х годов. Писателю последней четверти X в. Шамс ад-дину ал-Мукаддаси, труд которого был составлен около 985 г. Хазария, уже не существовавшая в то время как государство представлялась дальней северной областью, лежащей чуть ближе предела обитаемой суши, «стены Яджудж и Маджудж».²⁰¹ Это — область «обширная», «пустынная и дикая». Сухая степь, которая не имеет «растительности и плодов». Правда, в области Итиль («при реке Итиль») — так арабские авторы чаще всего называли район коренной Хазарии — ал-Мукаддаси знает города, но список этих городов составлен не на основании свежих свидетельств, а явно заимствован предшественников, хорошо знакомых с волжско-прикаспийской частью Хазарской державы. Новые в сочинении ал-Мукаддаса являются только свидетельство о реке *Хазар*, которая у него явно отлична от реки Итиль. Она находится южнее Итиля. Это, как можно полагать, пограничная река, от которой некогда начинались собственно хазарские земли. На этой реке ал-Мукаддаси знает и соименный ей город. И хотя он упоминает его среди хазарских городов, сведения о которых заимствованы им у других авторов, он сравнивает его с этими городами. Судя по тексту, это город относительно молодой, куда събрались жители разоренных врагами хазарских поселений. С расположен севернее хорошо известного автору Самандара, котором, кстати, по его свидетельству, не было иудеев, а только христиане и мусульмане. Как и более ранние авторы, ал-Мукаддаси подтверждает старые сведения о том, что район Самандара — район виноградарства и садоводства («где много деревьев»).

Также относительно слабо был осведомлен о Северном Кавказе анонимный автор трактата «Худуд ал-алам», составленного, как и труд ал-Мукаддаси, в начале 80-х годов X в. (приблизительно 982—983 гг.).²⁰² Новыми (в отношении Северного Кавказа) по сравнению с сочинениями первой половины X в. в этом трактате являются только сведения о печенегах. Их родовые подразделения, проникшие в конце IX в. в степи Предкавказья, были известны автору под именем *хазарских печенегов*. Он отличал эти подразделения от печенегов *тюркских*, т. е. печенегов, ушедших на западную границу Хазарии и связанных с венграми, которых в X в. нередко именовали тюрками. Печенеги *хазарские*, по словам Анонима, пасли свой скот в «Хазарских горах». Еще ал-Масуди писал о том, что одна из причин нахождения хазарского «отряда» в районе Керченского пролива (Дона — «рукава моря Нитас») — стремление хазар не допускать массовых перегонов скота кочевников (ал-Масуди называет их «гузами») на зимовье в северокавказские степи.²⁰³ Крушение Хазарии, видимо, открыло кочевникам Северного Причерноморья доступ на Северный Кавказ. Впрочем, уже в 40-е годы X в. печенеги проходили, как сообщает Константин Багрянородный, в Западное Предкавказье (Зихию), хотя их коренные кочевья в это время находились еще на расстоянии шести дней пути от Алании и пяти дней пути от Хазарии.²⁰⁴ В 70—80-е годы X в. печенеги, видимо, проникли к югу и заняли Северокавказскую степь. Упомянутые Анонимом «Хазарские горы», вероятнее всего, Ставропольская возвышенность. Во всяком случае, автор определенно локализует постоянные кочевья печенегов к северу от Алании, к востоку от моря Гурз (Азовское — Черное), к западу от Хазарских гор. В его время печенеги нападали на остатки хазарских становищ и поселений, откуда, как говорит Аноним, в мусульманские области попадают «хазарские пленники», захваченные печенегами. Можно думать, что именно к этому времени относится появление в осетинском языке термина *казирак*, означающего «крепостной, раб, холоп».²⁰⁵

Ряд относительно новых сведений сообщает Аноним также об аланах и о стране Сарир. Он говорит, что среди алан есть «горцы и степняки», Сарир он называет областью «горной и степной».²⁰⁶ В этих сообщениях, видимо, отразилось изменение северных пределов Аланского и Сарирского политических образований, которые после крушения Хазарии расширили свои территории в направлении степи. Сообщение ал-Масуди о народе кашаг (касоги) он интерпретирует так: «Касак — город в стране алан, расположенный на берегу моря Гурз».²⁰⁷ Если это сообщение сопоставить с известием Константина Багрянородного о том, что зихам (а по данным Константина, зихи находились на побережье западнее касогов — Касахии) приходится при набегах алан спасаться на прибрежных островах,²⁰⁸ то

можно сделать вывод, что после падения Хазарии аланы расширили пределы своей территории не только в северном, но и в западном направлении, и на какой-то период включили в свою политическую систему адыгские группы Западного Предкавказья. Стремление алан подчинить себе адыгов вполне объяснимо. Это была попытка Аланского объединения выйти к морю, которая прослеживается в политике Аланского царства последовательно и настойчиво в течение всего следующего XI в.

Таким образом, даже те немногочисленные источники, которые после 60-х годов X в. содержат информацию о Северном Кавказе, свидетельствуют о полном изменении этнической ситуации в этом регионе. На востоке Междуморья в это время продолжают доживать свой век отдельные разрозненные группы хазар. Здесь о них как о реальности будут упоминать источники XII и даже XIII в. В восточных предгорьях возрождается постепенно инкорпорирующее в свой состав остатки отдельных хазарских групп и других степных общностей хазарского времени объединение Самандар, которое начнет все теснее смыкаться с разрозненными общинами обращенных в сторону Каспия предгорий (Хайдак/Кайтаг). В горах Дагестана усиливается Сарир, не только расширяющий свою территорию в сторону Алании, что отмечается уже в середине столетия, но и делающий какое-то продвижение в направлении степи. Алания расширяет и свои пределы, и сферу своих интересов на восток и на запад и, кроме того, подобно Сариру, выходит вновь в предстепье. Наконец, степь полностью лишается своего постоянного населения, оно исчезает, по-видимому, уходит предгорья под защиту Алании и Сарира, а его земли превращаются в пастбища новых кочевых общностей, прорвавшихся на запад от Волги в конце IX в., а теперь с падением Хазарского государства, захвативших принадлежавшие ранее его давним вассалам — предкавказским булгарам тучные северокавказские степи. Эта новая ситуация, вероятнее всего, отчетливо стала проступать уже в тот период, когда составлялось письмо царя Иосифа в Кордову. Во всяком случае, арабский путешественник Абу Дулаф, побывавший на Кавказе около 950 г., уже не чувствует потребности в описании Хазарии, она, видимо, в это время больше не интересовала мусульманский мир.²⁰⁹

Правда, ослабление Хазарии и захват степи новыми кочевниками не пресекли интереса к северокавказскому региону со стороны северных стран. Их торговые маршруты на Ближний Восток не могли миновать старого наезженного пути от устья Керченского пролива через Азовское море до устья Дона и оттуда вверх по Дону до переволоки около хазарской крепости Саркел, построенной византийским инженером еще в 837 г. и далее через переволоку (у современного Калача — Воля

Донской канал) в Волгу. Отсюда можно было идти либо на север в страну бургасов (вероятнее всего, мордвы) и Волжскую Булгарию, либо на юг к Итилю и далее в Каспий — к Самандару, Дербенду, в Ширван к Баку (Баку) и Бердаа, в Гилян, Мазандаран и Горган.²¹⁰

Этот путь с конца IX в. освоили русы, под именем которых арабские и хазарские источники прежде всего понимали отряды купцов и воинов, норманнов, скандинавов, варягов русских летописей.²¹¹ В X в. русы стали хорошо известны на Ближнем Востоке. Неоднократно их торговые, вначале мирные караваны, превращались в грозные отряды жестоких разбойников, которые нападали на прибрежные области Прикаспия, а нередко уходили и далеко от побережья вглубь страны. Особенно крупные вторжения русов произошли в 912—913 и 943—944 гг. Ужас от этих вторжений еще долго жил у населения Прикаспия.

В ряду этих вторжений скандинавов в страны Прикаспия некоторые исследователи склонны рассматривать и восточный поход Святослава. Мало того, в последнее время наметилась тенденция вообще ограничить размах и значение этого похода, сведя его только к экспедиции на западные границы каганата, в район Подонья и Саркел.²¹² Сам же факт разрушения хазарской государственности вследствие набега на Итиль и Самандар эти исследователи стремятся отнести к более позднему, чем поход Святослава на Восток, времени и связать его с какой-то неопределенной группой русов. Основными доводами для этих заключений являются, во-первых, расхождение между датой похода Святослава на хазар в «Повести временных лет» и датой разрушения русами Итиля, Самандара и Булгара, указанной в сообщении об этом событии Ибн Хаукаля, и, во-вторых, представление о том, что упомянутые в летописном сообщении о походе Святослава ясы — не северокавказские аланы, а какие-то группы носителей салтово-маяцкой культуры, удержавшиеся на Дону после ее разгрома в конце IX в. Признавая, что в этих доводах, несомненно, есть определенные основания и что поход Святослава к Саркелу действительно выглядит более правдоподобно, чем его движение на Среднюю Волгу в землю булгар и оттуда на Итиль и Самандар, с этой трактовкой похода Святослава все-таки нельзя согласиться.

Дело в том, что, ограничивая дальность продвижения Святослава на Восток только Саркелом, эти исследователи упускают из виду один факт, характеризующий столкновение Святослава с хазарами: указание о том, что хазары вышли против Святослава «с князем своим каганом», как сообщает источник, т. е. прибегли к совершенно чрезвычайному средству защиты — вынесли на поле битвы живого бога — кагана, в лице которого персонифицировались мощь и жизнь Хазарского

государства. Такой оборот война с хазарами могла принять только в том случае, если Святослав действительно оказался волизи Итиля, где в островном дворце под присмотром царя/бега страны содержался каган.²¹³ То, что летопись об Итиле говорит смутно, не называя его имени, а просто отмечая «и город их... взят», совершенно понятно: ведь арабские авторы тоже не знали толком имени Итиля, да и сам Итиль, как мы отметили выше, не был обычным городом. Нахождение же на Дону в середине X в. ясов ничего не меняет, если даже предположить, что они там были. Походы алан, причем кавказских алан, к Дону (Саркелу) известны. Дон был для них вполне достижим (из пределов Алании), но ни о каком постоянном алабском/яском населении источники не упоминают, и археологические сведения о таком населении после конца IX в. не содержат. Что же касается предположения о двух походах на Хазарию, то расхождение в датах исследователями давно объяснено: вторая дата (дата Ибн Хаукаля) относится не ко времени похода, а к тому времени, когда о походе русов Святослава на Хазарию узнал Ибн Хаукаль. Впрочем, нельзя, конечно, исключить, что за первым походом, возглавлявшимся киевским князем, последовал второй. Однако если бы это было так, его действительно нельзя было бы связывать с Русским государством, поскольку силы Руси в тот период, о котором говорит Ибн Хаукаль, были сосредоточены у Киева, где Ольга с трудом отбивалась от печенегов, и в Болгарии, где в это время завяз Святослав, вовлеченный в войну-авантюру, стоившую ему жизни, а Русские политические завоевания, которые были сделаны в Причерноморье его предшественниками.

Летопись не оставляет сомнений в том, что поход Святослава на Хазарию был явлением необычным и не был подобен тем завоевательным предприятиям варягов-«находников», которые совершили набеги на Прикаспийские страны в 912—913 и 943—944 гг. Поводом для похода русских дружин на Восток явилась начатая Святославом в 964 г. борьба за присоединение к Русскому государству земли вятичей, южные районы которой, видимо, еще ориентировались на ослабевший каганат.²¹⁴ Из земли вятичей, о чем свидетельствует простой расчет, времени передвижения дружин Святослава, он прошел к волжским булгарам. Этот путь был вполне естественным, так как земли вятичей граничили с Булгарией. В 965 г. Святослав Булгара прошел вниз по Волге по давно известному Варяжскому пути, в чем опять-таки нет ничего необычного. Необычным является только то, что он не миновал Итиль, а двинулся против него и одержал победу. Итиль был разрушен, но пути назад, видимо, уже не было, вернуться после такого похода Русь мимо Булгара или идти Донским путем Святослав мог. Поэтому он и вынужден был двигаться на юг к Самандару, откуда начинался путь по предгорьям на запад. Здесь С

тослав оказывался союзником алан/ясов, а в дальнейшем адыгов/касогов, для которых он был освободителем от хазарской зависимости. Путь вдоль Кавказского хребта выводил к Керченскому проливу, где находился сильный хазарский гарнизон, преграждавший дороги, ведущие через южную Хазарию в Таврику. Как развивались события в этом районе, мы можем только предполагать, но вполне вероятно, что из Страны касогов, т. е. из низовий Кубани, Святослав двинулся на Дон, где им была взята хазарская крепость Саркел (с этого времени ставшая русской Белой Вежей), а затем пошел в земли вятичей, которые, как сообщает «Повесть временных лет», были наконец обложены данью и присоединены к Руси.

Успешные действия Святослава в приволжской Хазарии и его поход от Самандара к Стране касогов были возможны, разумеется, только благодаря союзу между Русью и печенегами, кочевавшими к востоку от Дона. Не случайно некоторые арабские авторы сам факт разгрома Хазарии, который они, подобно летописи, относят к 965 г., приписывают не русам, а тюркам (Ибн Мискавейх, Ибн ал-Асир), имея в виду печенежско-гузские племена Поволжья и Предкавказья.²¹⁵ Вполне можно представить, что печенеги следовали по кавказским предгорьям за дружинами Святослава, завершая разгром городов и селений, которые оставляли русы. И, разумеется, чем дальше вглубь степей уходили русские дружины, тем более возрастала опасность превращения этих союзников во врагов. Именно печенежские родо-племенные объединения, надо думать, не дали возможности Руси закрепиться в Поволжье и на Северном Кавказе после похода Святослава. Территория коренной Хазарии после этого попадает под влияние Хорезма, Южное Приазовье (Тамань и Керченский полуостров) — под власть Херсонской фемы Византии, а Подонье и Хазарский (Донской) путь становятся достоянием печенегов, которых теперь не сдерживали ни авторитет кагана, ни мощь хазарских гарнизонов, ни дружины русского князя.²¹⁶ Поход Святослава уничтожил власть хазарской военно-аристократической верхушки на водных и степных путях Юго-Востока, но не ликвидировал главную политическую силу этого региона — печенежские «роды и колена».²¹⁷

Вслед за походом Святослава печенежская активность в южнорусских степях резко возрастает и вместе с этим увеличивается значение для Руси и для Кавказа района Керченского пролива, Тамани, которая с этого времени становится основным мостом, связывающим Кавказ с Русью и Византией, основным районом постоянного общения Кавказа и Европы. С этого периода через Тамань идет основной поток информации о процессах, проходивших в глубинах Северного Кавказа, и вокруг Тамани завязываются основные политические и этнополитические узлы истории региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca, London, 1982.

² Dunlop D. M. History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.

³ Последняя оценка этого документа: Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М. 1990. С. 5—7.

⁴ Коковцов П. К. Указ. соч. С. 99—103 (пространная редакция).

⁵ Последняя точка зрения на топографию Самандара: Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 125—128.

⁶ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. М. 1979. С. 152—153. О локализации Самандара см.: Котович В. Г. Археологические данные к вопросу о местонахождении Семендера // Древности Дагестана: Сб. статей / Отв. ред. В. Г. Котович. Махачкала, 1974. С. 235—255; Лавров Л. И. Тарки до XVIII в. // Учен. зап. Ин-та истории языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР: Сб. статей. Махачкала, 1958. С. 13—16; Федоров Г. С. К вопросу о местонахождении столицы Хазарского каганата г. Семендера // Вопросы истории Дагестана: Сб. статей. Вып. 2. Махачкала, 1975. С. 301—309.

⁷ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М. 1963. С. 192 (перевод отрывка из сочинения ал-Масуди «Мурудж ад-дзахаб»).

⁸ Мерперт Н. Я. Кочевые племена в степной полосе Восточной Европы // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР (III—IX вв.). М., 1958. С. 566—567.

⁹ Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 127—128, 157. Прим. 59; Golden P. B. Khazar Studies: an historico-philological Inquiry into Origins of the Khazars. In 2 v. Vol. 1. Budapest, 1980. P. 209—210.

¹⁰ Гадло А. В. Указ. соч. С. 142—150.

¹¹ Минорский В. Ф. Указ. соч. Примечание: Ибн Руста о Дагестане. С. 220.

¹² Минорский В. Ф. Указ. соч. Примечание: Масуди о Кавказе (Мурудж ад-дзахаб... XVII. С. 202).

¹³ Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 46.

¹⁴ Матиане Картлиса (Летопись Картли) / Пер., введение, примечания М. Д. Лордкипанидзе. Под ред. З. В. Анчабадзе. Тбилиси, 1976. С. 44. Прим. 44.

¹⁵ Мы рассматриваем Самандар как аналог Хайдака (Кайтага) (См. Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 126—129).

¹⁶ Там же. С. 66.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 70.

¹⁹ Из «Книги путей и царств» Абу Исхака... ал-Истахрия / Пер. с арабского и прим. Н. А. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901. С. 49.

²⁰ Федоров Г. С. Указ. соч.

²¹ Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 126—127. Прим. 55.

²² Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 3 т. Т. 2. М.; Л., 1975. С. 19.

²³ Масуди о Кавказе. С. 204.

²⁴ Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе // Записки Кавказского отделения Русского Географического общества. Кн. 12. Тифлис, 1883. Шихсанов А. Р. Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестана» Мухаммада Рафи: К вопросу об изучении // Письменные памятники Востока: Сб. статей. М., 1972; Derbend-Nâmeh or the History of Derbend/Transl. by Mirza A. Kazem-Beg. St.-Petersbourg, 1851. P. 205—219.

²⁵ Магомедов Р. М. Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1970. С. 76.

²⁶ Еремьян С. Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу // Записки Института востоковедения. Т. VII. М.; Л., 1939. С. 144.

²⁷ Из сочинения Баладзори «Книга завоевания стран» / Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 5; Бейлис В. М. Из истории Дагестана VI—XI вв. (Серия) // Исторические записки. Т. 73. М., 1963. С. 255.

²⁸ Миклухо-Маклай Н. Д. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке // Учен. зап. Ин-та востоковедения. Т. 9. Л., 1954. С. 205—206.

²⁹ Масуди о Кавказе. С. 203—204.

³⁰ Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 136.

³¹ Ибн Руста о Дагестане. С. 219—220.

³² Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 73, 136.

³³ Бейлис В. М. Указ. соч. С. 258; Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 50—51.

³⁴ Багратиони Вахушти. География Грузии // Записки Кавказского отделения Русского Географического общества. Тифлис, 1904. Кн. 24. Вып. 5. С. 151; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 24—38; Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами (С древнейших времен до XV в.). Грозный, 1963. С. 23—25, 37—38.

³⁵ Патканов К. Из нового списка «Географии», приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 226. СПб., 1883. С. 38; Харадзе Р. В., Рсбакидзе А. И. К вопросу о нахской этнонимике // Кавказский этнографический сборник / Отв. ред. А. И. Робакидзе. Тбилиси, 1968. С. 12—40.

³⁶ Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей: Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с древнегруз., предисл., комментарий Г. В. Цулая. М., 1979. С. 25, 30; Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972. С. 216—218, 389—391.

³⁷ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 125—127; Из сочинения Баладзори... С. 15, 20. Из сочинения Якуби «История» / Пер. с арабского П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 10—12, 19; Из «Тарих ал-камиль» («Полного свода истории») Ибн ал-Асира / Пер. с арабского П. К. Жузе. Баку, 1940. С. 34—35.

³⁸ Коковцов П. К. Указ. соч. С. 105. Прим. 15.

³⁹ Там же. С. 116—117; Golb N., Pritsak O. Op. cit. P. 115, 132—137.

⁴⁰ Масуди о Кавказе. С. 203.

⁴¹ Крачковский Ю. И. Избр. сочинения: В 6 т. Т. 4. М.; Л., 1957. С. 131—134.

⁴² Масуди о Кавказе. С. 209.

⁴³ Кузнецов В. А. Алания X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 152—154.

⁴⁴ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 146; Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.

⁴⁵ Матиане Картлиса. С. 32; Пфаф Б. Б. Материалы для истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 5. Тифлис, 1870. С. 58—60.

⁴⁶ Golden P. B. Op. cit. P. 155—156.

⁴⁷ Гадло А. В. Указ. соч. С. 46—47. Прим. 112.

⁴⁸ "Hudūd al-'Alam". The Regions of the World: The Persian Geography 372 a. h. — 982 a. d. / Tr. and exp. by V. Minorsky with the Preface by V. V. Bartold. L., 1937. P. 445. An. 5.

⁴⁹ Кузнецов В. А. Алания X—XIII вв. С. 18—20; Кулаков-ский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. С. 53—54.

⁵⁰ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio (Greek text) / Ed. by Gy. Moravcsik. Tr. by R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949. § 10—11.

- 51 Коковцов П. К. Указ. соч. С. 117; Golb N., Pritsak O. Op. cit. P. 115, 132—137.
- 52 Гадло А. В. Страна Ихран (Ирхан) дагестанской хроники «Дербенд-наме» // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии: Сб. статей / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе, 1984. С. 118—138; Малыханов Б. К. вопросу о хазарском Семендере в Дагестане (Материалы по истории Нагорного Дагестана) // Учен. зап. ин-та истории языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Т. 14. Махачкала, 1969. С. 198—199.
- 53 Древнетюркский словарь / Отв. ред. В. М. Наделяев, Д. Н. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Шербаков. Л., 1969. С. 77, 91, 325—326, 417.
- 54 Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. «Дербенд-наме» (К вопросу об изучении) // Восточные источники по истории Дагестана: Сб. статей / Отв. ред. А. Р. Шихсаидов, М.-С. Саидов, М. И. Садыки. Махачкала, 1980. С. 27. Прим. К.
- 55 Бакиханов Аббас Кули Ага (Кудси). Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 6; Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: В 2 ч. Ч. 2. М., 1823. С. 196; Магомедов М. Д. Верхнечирюртовское городище // Учен. зап. ин-та языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Т. 19. Вып. 2. Махачкала, 1969. С. 155; Тарихи Дербенд-наме / Пер. под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1880. С. 98.
- 56 Малыханов Б. Указ. соч. С. 197.
- 57 Бакиханов Аббас Кули Ага (Кудси). Указ. соч. С. 34; Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 26. Прим. Я.
- 58 Constantine Porphyrogenitus. De caeromontis aulae byzantinae / I. Reiske. In 2 v. Vol. I. Bonnae, 1829. P. 48, 688.
- 59 Коковцов П. К. Указ. соч. С. 116—117.
- 60 Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 356; Golb N., Pritsak O. Op. cit. P. 115, 132—137.
- 61 Golb N., Pritsak O. Op. cit. P. 126—129, 133—134, 136—137.
- 62 Артамонов М. И. Указ. соч. С. 356—360.
- 63 Гадло А. В. Этносоциальные процессы на Северном Кавказе в свете археологических источников VIII—X вв. // Историческая этнография. Проблемы археологии и этнографии. Вып. 3: Сб. статей / Отв. ред. Р. Итс. Л., 1985.
- 64 Marquart J. Osteuropäische und asiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch—topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts. Leipzig, 1903. S. 479.
- 65 Коковцов П. К. Указ. соч. С. 101.
- 66 Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. § 42. P. 9—103.
- 67 Гадло А. В. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // История феодальной России: Сб. статей / Отв. ред. И. Я. Фроянов. Л., 1980. С. 103.
- 68 Белокуров С. Сношения России с Кавказом (Материалы, изъятые из Московского Главного архива Министерства иностранных дел 1578—1613). М., 1889. С. 1, 3; Кабардино-русские сношения XVI—XVII вв.: В 2 т. Т. 1. М., 1957. С. 383—387, 424. Прим. 415.
- 69 Нарты. Адыгский героический эпос (Тексты и переводы) / А. И. Алиевой. Вступительная статья А. Т. Шортанова. М., 1974. С. 280.
- 70 Гадло А. В. Князь Инал...
- 71 Пфаф В. Б. Указ. соч. С. 76; Шанаев Д. Осетинские народные сказания // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1880. С. 321.
- 72 Броневский С. М. Указ. соч. Ч. 2. С. 59; Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / Сост., переводов, вступит. статья В. К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 218. Прим.
- 73 Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы: Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1960. С. 121; Лавров Л. И. Абазы: Историко-этнографический очерк // Труды института этнографии. Т. 26. Л., 1955. С. 34.
- 74 Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. С. 46—47.
- 75 Бушуев С. И. Из истории русско-кабардинских отношений. Нальчик, 1956. С. 23—24.
- 76 Ногмов Ш.-Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 109—111.
- 77 Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 53.
- 78 Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 128.
- 79 Артамонов М. И. Указ. соч. С. 419—420.
- 80 Древнетюркский словарь. С. 209, 547, 569.
- 81 Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 259, 231. Прим.; Ногмов Ш.-Б. История адыгейского народа. С. 109.
- 82 Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI—XVII вв.). Сухуми, 1959. С. 100.
- 83 Дмитриев А. В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 158. М., 1979.
- 84 Ногмов Ш.-Б. 1) Филологические труды / Подготовка к печати Г. Ф. Турчанинова: В 2 т. Т. 1. Нальчик, 1956. С. 55—59; 2) История адыгейского народа. С. 115—118.
- 85 Масуди о Кавказе. С. 206—207.
- 86 Коковцов П. К. Указ. соч. С. 101, 105. Прим. 14.
- 87 Там же. С. 123, 122. Прим. 23; Golb N., Pritsak O. Op. cit. P. 129.
- 88 Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. § 42, 90—103.
- 89 Ibid. § 42, 495—506.
- 90 Ibid. § 53, 497.
- 91 Волкова Н. Г. 1) Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII—начале XX в. М., 1974. С. 72—74; 2) Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. С. 58—60.
- 92 Волкова Н. Г. Этнонимы... С. 60.
- 93 Лавров Л. И. Из истории бжедуг и жанеевцев // Учен. зап. Кавказского ин-та экономики, языка, литературы, истории: Вып. 2. Майкоп, 1965. С. 248—249.
- 94 Волкова Н. Г. 1) Этнический состав... С. 28—30; 2) Этнонимы... С. 31—32, 36—37; Лавров Л. И. «Обезы» русских летописей // Советская этнография. 1946. № 4. С. 165—167; Чулая Г. В. Обезы по русским источникам // Советская этнография. 1975. № 2.
- 95 Масуди о Кавказе. С. 206—207.
- 96 Коковцов П. К. Указ. соч. С. 117.
- 97 Масуди о Кавказе. С. 209.
- 98 Кузнецов В. А. Указ. соч. С. 22.
- 99 Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. § 12, 1—3; § 42, 75—77.
- 100 Повесть временных лет / Подг. текста Д. С. Лихачева. Пер. Д. С. Лихачева, Б. А. Романова. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц: В 2 ч. Ч. 1. М.: Л., 1950. С. 37.
- 101 Гадло А. В. 1) О черных и внутренних болгарях: Одна из спорных проблем исторической этногеографии южнорусской степи // Доклады по этнографии. Географическое общество СССР. Вып. 6. Л., 1968. С. 3—25.
- 2) Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII—X вв. // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 5. Л., 1968. С. 55—65.
- 102 См.: Golb N., Pritsak O. Op. cit. P. 36, 37, 39, 55—57, 132.
- 103 Артамонов М. И. Указ. соч. С. 385—399; Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе (Горган и Поволжье в IX—X вв.). М., 1962. С. 185—202.
- 104 Рыбаков Б. А. Русь и Хазария // К исторической географии Ха-

зарии. Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия: Сб. статей. М., 1983. С. 76—88.

¹⁰⁵ По вопросам социально-экономической истории Хазарии см.: Плетнева С. А. Хазары. М., 1976; Новосильцев А. П. Указ. соч. С. 100—144.

¹⁰⁶ Ибн Хордадбэ. Книга путей и царств / Пер. с арабского, примечания Н. А. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 32. Тифлис, 1903. С. 15; Golb N., Pritsak O. cit. P. 39.

¹⁰⁷ Golb N., Pritsak O. Op. cit. P. 16—19.

¹⁰⁸ Из «Книги драгоценных камней». Сочинения Абу-Али Ахмеда и Омара ибн Руста / Пер. с арабского и прим. Н. А. Караулова // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 32. Тифлис, 1903. С. 43.

¹⁰⁹ Там же. С. 46.

¹¹⁰ Там же. С. 44.

¹¹¹ Подробнее см.: Артамонов М. И. Указ. соч. С. 400—412; Захoder Б. Н. Указ. соч. С. 117—229.

¹¹² Ибн Хаукаль. Из книги «Путей и царств» / Пер. с арабского, примечания Н. А. Караулова // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908. С. 115; Из «Книги о стране Ибн ал-Факиха ал-Хамадани / Пер. с арабского и примечания Н. А. Караулова // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 31. Тифлис, 1902. С. 44.

¹¹³ Артамонов М. И. Указ. соч. С. 400; Плетнева С. А. Хазары. С. 46—47.

¹¹⁴ Захoder Б. Н. Указ. соч. С. 138.

¹¹⁵ Ибн Хаукаль. Указ. соч. С. 113.

¹¹⁶ Golden P. V. Op. cit.

¹¹⁷ Захoder Б. Н. Указ. соч. С. 135—136.

¹¹⁸ Дорн Б. А. Известия о хазарах восточного историка Табари / Пер. с немецкого П. Тяжелого // Журнал Министерства народного просвещения. Кн. 43. СПб., 1844. С. 72.

¹¹⁹ Артамонов М. И. Указ. соч. С. 385—399; Ибн Хаукаль. Указ. соч. С. 112; Из «Книги путей и царств» Абу Исхака... ал-Истахри / Пер. с арабского и примечания Н. А. Караулова // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. Тифлис, 1901. С. 11; Плетнева С. А. Хазары. С. 45; Якубовский А. Ю. К вопросу исторической топографии Итиля и Болгар в IX—X вв. // Советская археология. 1948. Т. 10. С. 225—270.

¹²⁰ Ибн Хаукаль. Указ. соч. С. 109; Из «Книги путей и царств» Абу Исхака... ал-Истахри. С. 53.

¹²¹ Сабанисдзе Иоане. Мученичество Або Тбилели // Грузинская проза: Избранные романы, повести и рассказы / Под ред. К. Лордкипанидзе. С. Чиковани и др.: В 3 т. Т. 1. V в. — первая половина XIX в. М., 1983. С. 19.

¹²² Brosset M.-F. Histoire de la Géorgie depuis l'antiquité jusqu'au XIX^e siècle. Histoire ancienne, jusqu'en 1469 de J.-C. St.-Petersbourg, 1868. P. 18, 248.

¹²³ Brosset M.-F. Op. cit. P. 18, 172, 175.

¹²⁴ Гадло А. В. 1) Археолого-этнографические исследования 1972 в западных районах Ставропольского края // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 14. Ставрополь, 1976; 2) Кавказская археолого-этнографическая экспедиция 1966—1981 гг.: Краткие итоги работ // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. истории, языка и литературы. Л., 1982. Вып. 2; 3) Новые материалы к этнической истории Северокавказской степи // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг.: Тезисы докладов. Уфа, 1980. С. 63—64; 4) Памятники салтово-маяцкой культуры в Центральном Предкавказье // Проблемы этноисторической и всеобщей истории: Сб. статей / Отв. ред. В. А. Ежов. Вып. 1. М., 1976. С. 99—104; 5) Салтово-маяцкие (протоболгарские) памятники в восточных районах Ставрополья // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980. С. 63—64; 6) Прабългарски паметници от VIII—X век в Централното Предкавказие // България 1300: Статии и изследвания на ленинградските българисти / Под ред. на акад. Д. С. Лихачов. София, 1983. С. 336—350.

¹²⁵ Плетнева С. А. 1) Восточноевропейские степи во второй половине VIII—X вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 62—82; 2) От кочевий к городам (Салтово-маяцкая культура). М., 1967; 3) Хазары. С. 43—46; Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2 / Отв. ред. В. В. Седов. М., 1987.

¹²⁶ Плетнева С. А. Восточноевропейские степи... С. 75; Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 62 / Отв. ред. М. И. Артамонов. Л., 1958. С. 85—150.

¹²⁷ Гадло А. В. Памятники салтово-маяцкой культуры... М., 1967.

¹²⁸ Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Некоторые вопросы ранне-средневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии: По материалам новых могильников // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа: Сб. статей / Отв. ред. В. Б. Виноградов. Грозный, 1979. С. 63—86.

¹²⁹ Масуди о Кавказе. С. 205.

¹³⁰ Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 62 / Отв. ред. М. И. Артамонов. Л., 1958. С. 47—48; Гадло А. В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости: По материалам восточнокрымской степи и предгорий VIII—X вв. // Этнография СССР: Сб. статей / Отв. ред. Л. Н. Гумилев. Л., 1971. С. 61—75; Плетнева С. А. От кочевий к городам.

¹³¹ Гадло А. В. 1) Кавказская археолого-этнографическая экспедиция... 2) Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья // Материалы по археологии Дагестана: Сб. статей. Вып. 5 / Отв. ред. В. Г. Котович. Махачкала, 1974. С. 140—153.

¹³² Гадло А. В. 1) Новые материалы к этнической истории Северокавказской степи... 2) Памятники салтово-маяцкой культуры... 3) Салтово-маяцкие (протоболгарские) памятники в восточных районах Ставрополья...

¹³³ Алексеева Е. П. 1) Материальная культура черкесов в средние века: По данным археологии // Труды Карачаево-Черкесского ин-та экономики, истории, языка, литературы. Сер. историческая. Вып. 4. Ставрополь, 1964. С. 164—252; 2) Погребальный обряд и материальная культура ранне-средневековых адыгейских племен // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Вып. 3 / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе, 1975. С. 14—19; Ковалевская В. Б. Северокавказские древности. Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева. М., 1981. С. 92.

¹³⁴ См., напр.: Бердзенишвили К. И. Позднеантичная керамика из Цебельды // Материалы по археологии Грузии и Кавказа: В 2 вып. Вып. 2. Тбилиси, 1959. С. 95—108 (на груз. языке); Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969; Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии // Советская археология. 1973. № 1. С. 171—191; Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Апуштинский могильник IV—VI вв. н. э. в Абхазии // Советская археология. 1970. № 1. С. 175—190. — Последней, наиболее полной, сводкой материалов о керамике салтово-маяцкой культуры является венгерское издание: Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten / Herausgegeben von Csanád Bálint. Varia Archaeologica Hungarica. V. 3. Budapest, 1990.

¹³⁵ Гадло А. В. Проблема Приазовской Руси...; Кобылина М. М. Раскопки Фанагории // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М., 1959. С. 1—10.

культуры. Вып. 37. М., 1951. С. 232—237; Ляпушкин И. И. Славянские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 6 / Отв. ред. М. И. Артамонов. Л., 1941. С. 191—246; Плетнева С. А. 1) Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав: Прабългарска култура. София, 1981. С. 9—19; 2) Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани: Сб. статей / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1963. С. 5—72.

136 Гадло А. В. Проблема Приазовской Руси... — По материалам последних обследований Таманского полуострова на его территории известно 64 поселения, основанных ориентировочно в VIII в. (Паромов Я. А. Принципы изучения эволюции системы расселения на Таманском полуострове в античное и средневековое время // Древние памятники Кубани: Материалы семинара / Ред. А. М. Ждановский, И. И. Марченко. Краснодар, 1990. С. 56—69, 208. Рис. 26).

137 Плетнева С. А. От кочевий к городам. С. 15—19.

138 Гадло А. В. 1) Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива: По материалам раскопок 1963 г. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 113. М., 1967. С. 68—84; 2) Раскопки раннесредневекового селища у д. Героевки в 1964 г. // Советская археология. 1969. № 1. С. 160—168.

139 Атаев Д. М., Магомедов М. Г. Андрейаульское городище. Материалы по археологии Дагестана. Сб. статей. Вып. 5 / Отв. ред. В. Котович. Махачкала, 1974. С. 121—139.

140 Гадло А. В. 1) Городище Казар-кала: К вопросу о хазарской культуре в Северном Дагестане // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 144. М., 1975. С. 60—66; 2) Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья...

141 Гадло А. В. 1) Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья. С. 150; 2) О скотоводстве в Северном Дагестане в I тыс. н. э. // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-Кавказских чтений. Отв. ред. В. П. Курылев. Л., 1983. С. 20—21. — То же показали материалы Андрейаульского городища (см.: Атаев Д. М., Магомедов М. Г. Андрейаульское городище. С. 136).

142 Виноградов В. Б. Открыт ли Семендер? // История СССР. 1968. № 4. С. 232—233; Гумилев Л. Н. 1) Открытие Хазарии: Историко-географический этюд. М., 1966. С. 166—177; 2) Где же тогда Семендер? История СССР. 1969. № 3. С. 242—243; Магомедов М. Г. Хазарские поселения в Дагестане // Советская археология. 1975. № 2. С. 209—214; Котович В. Г. Археологические данные к вопросу о местонахождении Семендера // Древности Дагестана: Материалы по археологии Дагестана. Вып. 5 / Отв. ред. В. Г. Котович. Махачкала, 1974. С. 232—255.

143 Гадло А. В. Кочевье хазарского времени у ст. Заплавской. Нижнем Дону // Проблемы археологии: Сб. статей. Вып. 2 / Отв. ред. А. Столяр. Л., 1978. С. 118—119; Плетнева С. А. От кочевий к городам. С. 13—19.

144 Магомедов М. Г. Древние политические центры Хазарии // Советская археология. 1975. № 3. С. 73—74.

145 Чичуров А. И. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (Тексты, перевод, комментарий). М., 1980. С. 126, 179.

146 Марр Н. Я. По поводу русского слова «сало» в древнеармянском описании хазарской трапезы VII в.: К вопросу о древнерусскокавказских отношениях // Избранные работы: В 5 т. Т. 5. Л., 1935. С. 182; Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов (Монгольский кочевой социализм). Л., 1934. С. 102—106; Гадло А. В. Проблема Приазовской Руси... С. 19.

147 Лавров Л. И. Кавказская Тюмень // Из истории дореволюционного Дагестана: Сб. научных трудов / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. Махачкала, 1976. С. 163—175.

148 Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961. С. 193—194.

149 Магомедов Р. М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1968. С. 59; Саидов М.-С., Шихсанов А. Р. Указ. соч. С. 45—47.

150 Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа; Плетнева С. А. Хазары. С. 50; Флеров В. С. 1) Раскопки на Семикаракорском городище // Археологические открытия 1974 года. М., 1975. С. 129—130; 2) Раскопки на Семикаракорском городище // Археологические открытия 1971 года. М., 1972. С. 163—164; 3) Раскопки Семикаракорского городища // Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 149—151. — Нет никаких следов особой хазарской культуры и на других памятниках Хазарии (см.: Маяцкое городище: Сб. статей / Отв. ред. С. А. Плетнева. М., 1984; Афанасьев Г. Е. Население лесной зоны...).

151 Гумилев Л. Н. 1) Открытие Хазарии; 2) Хазария и Каспий // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. географии, геологии. Вып. 1. Л., 1964. С. 83—95; 3) Памятники хазарской культуры в дельте Волги // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 26. Л., 1965. С. 49—51; 4) Хазарское погребение и место, где стоял Итиль // Там же. Вып. 22. Л., 1962. С. 56—57; Минаева Т. М. Погребение Зацарицынского района г. Сталинграда // Сообщения Гос. академии истории материальной культуры. Л., 1932. № 3—4. С. 63—64.

152 Плетнева С. А. От кочевий к городам. С. 91—102.

153 Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья. С. 9—12, рис. 1.

154 Плетнева С. А. 1) От кочевий к городам. С. 13—19; 2) Номадские поселения през VII—IX вв. в Приазовье и бассейна на река Дон // Археология. Кн. 4. София, 1964. С. 1—8.

155 Плетнева С. А. 1) От кочевий к городам. С. 13—19; 2) Номадские поселения през VII—IX вв. в Приазовье и бассейна на река Дон. С. 5.

156 Виноградов В. Б., Петренко В. А., Мялковский В. А. К этнической истории Северо-Западного Прикаспия в I тысячелетии до н. э. — XVIII в. н. э. Предварительное сообщение // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа / Под ред. В. Б. Виноградова. Грозный, 1979. С. 45—58; Гумилев Л. Н. 1) Открытие Хазарии. С. 158—172; 2) Хазария и Терек // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. географии, геологии. Вып. 4. Л., 1964. С. 78—88; Крупнов Е. И. 1) Десять лет деятельности Северокавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР // Археолого-этнографический сборник Чечено-Ингушского ин-та истории, языка, литературы. Вып. 3. Грозный, 1969. С. 7—20; К историко-археологическому изучению степного Дагестана и Северо-Западного Прикаспия // Материалы по истории Дагестана. Вып. 2 / Отв. ред. В. Г. Котович. Махачкала, 1961. С. 83—87; Первые итоги изучения Восточного Предкавказья // Советская археология. 1957. № 2. С. 154—174; Маркович В. И. 1) Работы в Дагестане // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 110; 2) Разведки в юго-восточных районах Калмыкии и предгорном Дагестане // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 117—118.

157 Гадло А. В. 1) Кавказская археолого-этнографическая экспедиция; 2) Салтово-маяцкие (протоболгарские) памятники в восточных районах Ставрополя.

158 Гадло А. В. 1) Памятники салтово-маяцкой культуры в Центральном Предкавказье; 2) Прабългарски паметници от VIII—X век в Централно Предкавказие. — В 80-х годах открытые нами памятники Ставропольской возвышенности были вновь обследованы Х. Х. Биджиевым (см.: Биджиев Х. Х. 1) Исследование болгарских поселений степного Предкавказья в 1982—1983 гг. // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии: Сб. статей / Отв. ред. Е. П. Алексеева. Черкесск, 1985. С. 5—34; 2) Исследование средневековых поселений Карачаево-Черкесии и степного Предкавказья в 1985—1986 гг. // Вопросы археологии и средне-

5 Гадло А. В.

вековой истории Карачаево-Черкесии: Сб. научн. трудов / Отв. ред. Е. П. Алексеева. Черкесск, 1989. С. 24—47).

159 Мацкевой Л. Г., Навротский Н. И., Гадло А. В. Исследования Челбасско-Дмитриевской экспедиции // Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 138—139.

160 Гадло А. В., Найдено А. В. и др. Работы в Ставропольском крае // Археологические открытия 1973 года. М., 1974. С. 103—104.

161 Гадло А. В. Проблема Приазовской Руси...; Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры...; Плетнева С. А. От кочевий к городам. Гл. I; Баранов И. А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав: Прабългарската култура. Вып. 2. София, 1981. С. 57—71; Baranov I. A. Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur in der Krim // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur und ihrer Varianten. Varia Archaeologica Hungarica. V. 3. S. 23—45.

162 Аптекарев В. З. Раскопки могильника городища II у хутора имени Ленина // Археологические открытия 1980 года. С. 95; Каменский И. С. Работы в Краснодарском крае // Археологические открытия 1979 года. С. 105—106; Каминский В. Н., Лавриненко И. В. Раннесредневековые погребения из могильника близ ст. Старокорсунской Краснодарского края // XI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Новороссийск, 1981. С. 82—84; Тарабанов В. 1) Исследование средневекового селища у хутора имени Ленина // Археологические открытия 1980 года. С. 119; 2) Средневековый могильник у аула Казазово: Историческая этнография / Отв. ред. Р. Ф. Итс. Л., 1983. С. 148—155. — Наряду с могильниками, содержащими характерные для погребального обряда «зливкинцев» труположения в грунтовых ямах, в 80-е годы в районе Краснодарского водохранилища обнаружены также могильники VIII—X вв., содержащие захоронения, совершенные по обряду трупосожжения. Их этническая принадлежность пока неясна (Пьянков А. В. Новые средневековые могильники у аула Казазово // Древние памятники Кубани. Материалы семинара / Ред. А. М. Ждановский, И. И. Марченко. Краснодар, 1990. С. 156—165, 227—232).

163 Чеченов И. М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Памятники средневековья (IV—XVIII вв.). Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг.: В 3 т. Т. 3 / Под ред. В. А. Кузнецова. Нальчик, 1987. С. 62—77, 105—123. — Материалы, характеризующие распространение салтово-маяцкой (зливкинской) культуры в районе Кавказских Минеральных вод, собраны А. В. Гадло в 70—80-е годы.

164 Ковалевская В. Б. 1) Раскопки аланского могильника IX вв. Мокрая Балка близ Кисловодска // Археологические открытия 1971 года. М., 1972. С. 158—159; 2) Раскопки аланской крепости в Карачаево-Черкесии // Археологические открытия 1975 года. М., 1976. С. 102—103; 3) Работы в Ставропольском и Краснодарском краях // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 96—97; 4) Северокавказские древности. С. 83—97. — О находках зливкинской керамики в Сванетии см.: Кузнецов В. А. Предисловие // Памятники средневековья (IV—XVIII вв.). Археологические находки на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг.: В 3 т. Т. 3 / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Нальчик, 1987. С. 8.

165 Рунин А. П. 1) Аланские катакомбные могильники V—VIII вв. в г. Кисловодске и его окрестностях // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии: В 3 т. Т. 2 / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе, 1969. С. 97—111; 2) Катакомбные могильники в районе Кисловодска // Советская археология. 1963. № 3. С. 208—214.

166 Афанасьев Г. Е. Новые находки в Мокрой Балке близ Кисловодска // Советская археология. 1979. № 3. С. 171—185; 2) Поселения IX вв. в районе Кисловодска // Советская археология. 1975. № 3. С. 51—53; 3) Хронология могильника Мокрая Балка // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 158. М., 1979. С. 43—51; 4) Этапы разви-

аланской культуры V—VIII вв. // VI Крупновские чтения в Краснодаре: Тезисы докладов. М., 1976. С. 8—10.

167 Коковцов П. К. Указ. соч. С. 85—86, 102.

168 Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М., 1971. С. 132—135; Биджиев Х. Х., Гадло А. В. 1) Раскопки Хумаринского городища в 1975 году // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии: Сб. статей / Отв. ред. В. И. Марковин. Черкесск, 1979. С. 14—33; 2) Раскопки Хумаринского городища в 1974 году // Археология и этнография Карачаево-Черкесии: Сб. статей / Отв. ред. Я. А. Федоров. Черкесск, 1979. С. 27—51; Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.

169 Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища // Советская археология. 1963. № 1. С. 298—305.

170 Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа. С. 45—48; Байчуров С. Северокавказский ареал древнетюркской рунической письменности: Автореф. канд. дис. М., 1977; Кляшторный С. Г. Хазарская надпись на амфоре с Маяцкого городища // Советская археология. 1979. № 1. С. 270—275; Плетнева С. А. От кочевий к городам. С. 25—44.

171 Деген-Ковалевский Б. Е. Работы на строительстве Баксанской электростанции // Археологические работы на новостройках в 1932—1933 гг.: Сб. статей: В 2 ч. Ч. 2 / Отв. ред. А. А. Иессен. Л., 1935. С. 27; Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 55.

172 Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского ин-та истории, языка и литературы. Т. 7. 1966. С. 74.

173 Гадло А. В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья. С. 141.

174 Саидов М.-С. Дербенд-наме // Труды второй научной сессии (2—12 апреля 1949 г.) АН СССР. Дагестанская научно-исследовательская база. Махачкала, 1949. С. 115; Тарихи Дербенд-наме / Пер. под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898. С. 45.

175 Плетнева С. А. 1) Восточноевропейские степи... С. 70—71; 2) Древние болгары... С. 17.

176 Гадло А. В., Найдено А. В. и др. Работы в Ставропольском крае; Деген-Ковалевский Б. Е. Указ. соч.; Круглов А. П. Археологические работы на Северном Кавказе // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. Вып. 5. Л., 1940. С. 67—68; Крупнов Е. И. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР // Учен. зап. Кабардинского НИИ. Т. 4. Нальчик, 1948. С. 280—328; Минаяева Т. М. Археологические разведки в долине р. Сунжи // Сборник научных трудов Ставропольского Пед. ин-та. Вып. 13. Ставрополь, 1958. С. 413—432.

177 Багаев М. Х. Разведки в бассейне р. Гой // Археологические открытия 1980 года. С. 96; Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры Чечено-Ингушетии...; Виноградов В. Б., Савенко С. Н. Исследования в низовьях р. Мартан // Археологические открытия 1977 года. М., 1978. С. 111—112; Мамаев Х. М. 1) Новые аланские могильники в плоскостной и предгорной Чечено-Ингушетии // IV Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докладов. Орджоникидзе, 1974. С. 39—40; 2) О хронологии раннесредневековых катакомбных могильников Чечено-Ингушетии // VIII Крупновские чтения: Тезисы докладов. Нальчик, 1978. С. 89—90.

178 Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Указ. соч. С. 79—80.

179 Мамаев Х. М. 1) Аланы Северного Кавказа в арабско-хазарских войнах VII—VIII вв. н. э. // Археология и краеведение вузу и школе / Отв. ред. В. Б. Виноградов. Грозный, 1981. С. 37—39; 2) Из истории связей раннесредневековой Ичкерии с Дагестаном // V Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докладов. Махачкала, 1975. С. 89—91.

- 180 Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Иранские элементы в топонимике и гидронимике Чечено-Ингушетии // Известия Чечено-Ингушского ин-та истории, языка и литературы. Т. 8. Вып. 2. Грозный, 1966. С. 75—95; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. С. 116.
- 181 Деопик В. Б. Северокавказские аланы // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории Ассинского ущелья // Известия Ингушского научно-исследовательского ин-та. Т. 4. Вып. 2. Владикавказ, 1934. С. 129—147; Круглов А. П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. // Учен. зап. Чечено-Ингушского научно-исследовательского ин-та истории языка и литературы. Вып. 1. Грозный, 1938. С. 3—33; Крупнов Е. И. 1) Археологические памятники Ассинского ущелья // Труды Государственного исторического музея. Вып. 12. М., 1941. С. 157—198; 2) Археологические памятники верховья р. Терек и бассейна р. Сунжи // Там же. Вып. 17. М., 1947. С. 38—39; 3) Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов. По материалам Северокавказской экспедиции Государственного исторического музея, 1935 г. // Вестник древней истории. 1938. № 2(3). С. 113—121; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. С. 13—32; Самоквасов Д. Я. Могилы Русской земли: Описание археологических раскопок и собрания древностей проф. Д. Я. Самоквасова. М., 1908. С. 175—185.
- 182 Ковалевская В. Б. Северокавказские древности...; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. С. 89—103; Крупнов Е. И. Археологические памятники верховьев Терек и бассейна р. Сунжи. С. 38—49; Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории... С. 78—79; Виноградов В. Б. Новое об археолого-исторической панораме восточной части Терско-Кумского междуречья // III Донская археологическая конференция, посвященная хронологии культур степной части Северного Кавказа: Тезисы докладов. Ростов н/Д., 1979. С. 11—14.
- 183 Гадло А. В. [Рец.] Кузнецов В. А. Алания X—XIII вв. Орджоникидзе: «Ир», 1971 // Византийский временник. Т. 38. 1977. С. 206—214.
- 184 Иерусалимская А. А. «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1972; Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 3. Л., 1941. С. 7—50; Ковалевская В. Б. Северокавказские древности... С. 88—89; Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII вв. // Советская археология. 1973. № 2. С. 60—75; Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья: По археологическим данным. Ставрополь, 1971; Рунич А. П. Склепы раннего средневековья из района Пятигорья // V Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тез. докладов. Махачкала, 1975. С. 82—84; Текеев Г. Х.-У. Инвентарь из скальных могильников Карачаево-Черкесии // Там же. С. 73—74; Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Т. 8. М., 1900. С. 47—49.
- 185 Кузнецов В. А. 1) Аланские племена Северного Кавказа. С. 28—29; 2) Археологические разведки в Кабардино-Балкарии в районе Кисловодска // Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. 9 / Отв. ред. Е. И. Крупнов. Нальчик, 1961. С. 205—216; Рунич А. П. 1) Катакомбные могильники в районе Кисловодска // Советская археология. 1963. № 3. С. 241—244; 2) Кугульские склепы // Археологические открытия 1975 года. М., 1976. С. 144—145.
- 186 Крупнов Е. И. Галиатский могильник...; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. С. 88—103; Кусаева С. С. 1) Археологические находки последних лет в Северной Осетии // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского ин-та. Т. 19. Орджоникидзе. 1957. Т. 19. С. 184—189; 2) Археологические памятники Восточной Осетии (Чми и Балта) как источник по истории древней Алании: Автореф. канд. дис. Л., 1953; Пчелина Е. Г. Два погребения алаано-хазарской культуры

из селения Лац // Труды секции археологии Российской ассоциации научных ин-тов общественных наук. Вып. 4. М., 1929. С. 408—426; Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа.

- 187 Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. С. 77; Акритас П. Г. 1) Археологические исследования Чегемского ущелья в 1959 г. // Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. 9. Нальчик, 1961. С. 177—192; 2) Вновь открытые аланские подземные склепы в Баксанском ущелье // Учен. зап. Кабардинского научно-исследовательского ин-та. Т. 11. Нальчик, 1957. С. 407—414; Крупнов Е. И. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946; Нечаева Л. Г. Катакомбный могильник Былым // Археологические открытия 1969 года. М., 1970. С. 101—102; Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. С. 56.
- 188 Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. С. 84—86; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. С. 48—52; Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья. С. 58—63.
- 189 Кокеев Г. А. Склеповые сооружения горной Осетии: Историко-этнологический очерк. Владикавказ, 1928; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 79—105; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. С. 43—48, 103—108; Минаева Т. М. К истории алан... С. 63—67; Рунич А. П. Укрепления раннего средневековья в Кисловодской котловине // Археолого-этнографический сборник Кабардино-Балкарской научно-исследовательской ин-та. Вып. 1 / Отв. ред. И. М. Чеченов. Нальчик, 1974. С. 95—109; Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963; Семенов Л. П. Археологические разведки в Ассинском ущелье // Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. Вып. 54. М., 1952. С. 110—121.
- 190 Спицын А. А. Историко-археологические разыскания (1. Ископные обитатели Дона и Донца. 2. Тмутаракань) // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 19. СПб., 1909. С. 67—79; Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона; Плетнева С. А. 1) Восточноевропейские степи... С. 62—75; 2) Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. М., 1972. С. 108—118; 3) От кочевий к городам. С. 25—35, 71—91, 184—189; 4) Средневековые поселения верховьев Северского Донца // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 79. М., 1960. С. 3—20; Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985; Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны...
- 191 Плетнева С. А. 1) Восточноевропейские степи... С. 65; 2) От кочевий к городам. С. 184—185.
- 192 Плетнева С. А. 1) Восточноевропейские степи... С. 64. Рис. 37; 2) От кочевий к городам. С. 135—143. Рис. 36; 3) Дмитровский могильник. М., 1980.
- 193 Плетнева С. А. Об этнической неоднородности...
- 194 Артамонов М. И. 1) История хазар. С. 288—323; 2) Саркел-Белая Вежа. С. 36.
- 195 Дмитриев А. В. Указ. соч.
- 196 Артамонов М. И. История хазар. С. 356—360. — О. Притсак полагает, что термин *Асия* восходит к термину *аорсы* античных источников и соответствует этнониму *буртасы* арабских авторов (см.: Gold N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of The Tenth Century. Ithaca, London, 1982. P. 132—134). По мнению О. Притсака, этим термином обозначались мордовские племена, обитавшие на Средней Волге. В последнее время Г. Е. Афанасьевым высказана гипотеза о принадлежности лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры именно буртасам, которые, по его мнению, представляли ираноязычную общность, родственную кавказским аланам/ясам (Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны... С. 155—167). О дискуссии по поводу этнической принадлежности буртасов см.:

Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема бургасов: Тезисы к межобластной научной конференции. Пенза, 1990.

197 Коковцов П. К. Указ. соч. С. 116—117.

198 Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. С. 123—

131. 199 Гаглов Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966. С. 175—177.

200 Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья... С. 191—

209. 201 Из книги Шамс-уд-дина ал-Мукаддасия «Лучшее из делений для познания климатов» / Пер. с арабского Н. А. Караулова // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 38. Тифлис, 1908. С. 3—5.

202 «Hudūd al-'Ālam». Р. 53, 67, 83, 100, 160.

203 Масуди о Кавказе. С. 198.

204 Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: В 3 т. Т. 1. Л., 1958. С. 272—273.

205 Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. § 6, 3—5; 37, 45—46.

206 «Hudūd al-'Ālam». Р. 160.

207 Ibid. Р. 162.

208 Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. § 42, 99—108.

209 Вторая записка Абу Дулафа / Издание текста, перевод с арабского, введение и комментарии П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова. М., 1960.

210 Артамонов М. И. История хазар. С. 365—384, 426—437; Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Советское востоковедение. Вып. 1. 1940. С. 15—50; Дорн Б. А. Каспий (О походах древних русских в Табаристан, с дополнительными сведениями о других набегах их на побережья Каспийского моря). СПб., 1875; Заходер Б. Н. 1) Каспийский свод... М., 1962. С. 31—33; 2) Каспийский свод... М., 1965. С. 77—126; Насонов А. Н. Тмуторокань в истории Восточной Европы Х в. // Исторические записки. Т. 6. М.; Л., 1940. С. 79—99; Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 172—219.

211 Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 208.

212 Там же.

213 Артамонов М. И. История хазар. С. 408—409; Ludwig I. Struktur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches im Licht der schriftlichen Quellen. Münster, 1982. S. 165—170.

214 Гадло А. В. Восточный поход Святослава (К вопросу о начале Тмутороканского княжения) // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 59—68.

215 Знойко Н. О походе Святослава на Восток // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 10. СПб., 1908. С. 258—299; Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982; Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 220—227. В последней работе приведена новейшая историография вопроса.

216 Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 95—101.

217 Гадло А. В. Проблема Приазовской Руси...



Глава II

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В XI В.

Восточный поход Святослава, приведший к исчезновению Хазарского каганата как политической силы с карты Северного Кавказа, и шире — всего Юго-Востока Восточной Европы, открыл новый период в истории народов региона. Однако было бы неверным представлять, что изменения в политической, социальной, этнической сферах начались немедленно и обозначились уже в 70-е или 80-е годы X в. Святослав, разумеется, не мог уничтожить все силы каганата, и поход его дружин в далекую и экзотическую для русов страну вряд ли хоть в какой-то степени преследовал цель тотального уничтожения ее населения. Главное было сбросить ту военно-административную паразитическую верхушку, которая держала в своих руках нити управления империей, и это было сделано. Вятичи перестали платить хазарам дань, освободились касоги, аланы / ясы, перестали зависеть от хазар бургасы, болгары, печенеги и гузы. Собственно хазарский этнос утратил свое единство и начал концентрироваться в виде отдельных локальных сообществ на наиболее удобных для него окраинах бывшего государства: на Тамани, в Крыму, в низовьях Терека и Сулака, вблизи Сана-мандара и в районе разрушенного Итиля в дельте Волги. Последний раз хазары упоминаются как живая реальная общность в 1064 г. Под этим годом автор хроники «Тарих ал-Баб» отметил переселение 3 тыс. хазарских семейств, которые он называет «остатки хазар», в город Кахтан, который, вероятнее всего, тождественен Самандару.¹

Выше мы отмечали, что в арабо-персидской географической традиции, в принципе полностью базирующейся на авторитетах первой половины X в., в 80-х годах в отношении Северного Кавказа появляются, хотя и небольшие, но все же существенные новые сведения. В это время Сарир и Алания захватывают прилегающие к горам районы предстепня, а в степных районах, т. е. в глубине Азово-Каспийского междуморья, господствуют

щей этнической общностью становятся огузо-печенежские племена и родо-племенные объединения.² Наиболее показательным фактом изменения этнополитической ситуации в регионе является оживление интереса к нему со стороны Византии. Константинополь немедленно отреагировал на распад Хазарии и попытался закрепиться в западных областях Предкавказья.

Первым шагом к этому стало восстановление на Тамани Таматархе, в крепости-городе, бывшем длительное время одним из важнейших опорных пунктов на Хазарском пути из Причерноморья на Восток, епископской кафедры, а соответственно и возобновление проповеди христианства в западных землях каганата. Такая кафедра существовала в составе Готской митрополии в VIII в., но после принятия верхушкой каганата иудаизма была ликвидирована. Вслед за ней была ликвидирована и Зихская архиепископия в Никопсисе, старом зихском (адыгском) религиозном центре, вероятно, находившемся в районе современного г. Туапсе.³ Восстановленная теперь в ранге архиепископии кафедра получает наименование Таматархской или Зихской, т. е. по имени страны и народа, к которому была обращена ее проповедь, и входит в разряд церковных организаций, непосредственно связанных с патриархатом. Сведения о ней находятся в епархиальных перечнях (Нотии епископатуум), датирующихся широко — временем от 920 до 980 г. и составившихся на основании списков начала Х в. (время патриарха Николая I Мистика и императора Льва VI), в которых упоминания о ней, однако, еще отсутствуют. В новых списках Зихская (Таматархская) кафедра занимает последнее, обычно 50-е или 53-е место, что служит явным подтверждением того, что она возникает в самом конце отмеченного периода. Впрочем, ее организация и не могла относиться к периоду более раннему, чем середина 60-х годов Х в. В последние десятилетия существования каганата его нетерпимость к христианству резко обострилась вследствие явно антииудейской политики правительства империи.⁴ Х. Гельцер, один из наиболее авторитетных исследователей Нотий епископатуум, вообще списки, содержащие упоминание на 53-м месте Зихской кафедры, датирует периодом правления императора Иоанна Цимисхия (969—976 гг.). Видимо, сразу же, как только был ликвидирован контроль каганата над Волго-Донским путем, Константинополь попытался сам «оседлать» его, связав население Тамани и ближайших предгорий, населенных адыгами, со старыми христианскими центрами Крыма — Херсоном и Боспором, которые древле также именовались зихскими.⁵ Вряд ли он при этом учитывал того, что народ «зибус» (т. е. зихи/адыги), как свидетельствовал в 60-е годы Х в. автор Кембриджского документа, был одним из народов, особенно враждебных каганату.⁶

Войны с каганатом, не затихавшие, вероятно, в течение десятилетий, и все обострявшаяся угроза со стороны алан/овс-

и русов создали, как можно думать, в середине Х в. предпосылки для нового осознания адыгской общностью необходимости сплочения всех адыгоязычных этнотерриториальных групп и возрождения адыгской государственности, начала которой были заложены во второй половине VIII в. в эпоху легендарного князя Инала.⁷ Когда в результате фантастического по своей дерзости похода дружин Святослава 965—966 гг. каганат адыги предстали Русскому государству уже в виде политического объединения, подобного объединению алан/ясов (в летописи), которое все источники Х в. одинаково характеризуют как вполне консолидированное образование — «царство». В отношении обеих общностей Святослав, по свидетельству сохранившейся наиболее древней версии повествования о его походе на Восток Новгородской Первой летописи, повел себя необычно. Победив их («...ясы победи и касогы...»), он не обложил их данью, как вятичей, а потребовал от них признания вассальной зависимости от Киева («...и приведе к Киеву...»).⁸ Этим он приобрел, несомненно, двух сильных союзников в борьбе с каганатом и обеспечил себе выход из глубин Хазарии на Русь. Установление вассалитета, разумеется, было возможно только при наличии и у одной, и у другой общности политического центра, который контролировал бы действия отдельных племенных и территориальных групп, входивших в их состав.

С уходом русских дружин из Прикубанья, а мы знаем, что в 966 г. Святослав уже действует на Дону против Саркела, а затем идет в землю вятичей,⁹ зависимость адыгского объединения от Руси должна была ослабеть, а может быть, и вообще утратила силу. Однако разгром Русью политических центров каганата и установление временного военно-политического равновесия между Аланским царством и объединением адыгов безусловно сыграли положительную роль в дальнейшей истории адыгской общности. С этого времени дельта Кубани оказалась полностью под контролем адыгов, а хазарский Тумен-тархан (Таматарха, Тматорокань) стал в основном адыгским городом.¹⁰ К этому же времени относится, видимо, и возрождение здесь центра епархии.

Единственным источником, дающим представление о новом политическом объединении адыгов, является включенный в «Повесть временных лет» под 1022 г. рассказ о войне, которую вел с адыгами («касогами» в тексте) внук Святослава Мстислав.¹¹ Как следует из этого рассказа, русскому князю и его дружине в этой войне противостояло адыгское войско, поражение которого привело к установлению даннической зависимости всех адыгов, т. е., очевидно, войско, представлявшее различные территориальные группы и общины. Во главе этого войска стоял не временный предводитель — военачальник, облеченный властью только на период войны, а сосредоточивший в своих руках политическое, административное и военное управление

государь (соверен), персона которого была сакрализована. С его единоличного решения зависела стратегия войны и судьба подвластных ему частей общности. Возглавляя объединение целом, он одновременно, что вполне естественно, представлял в нем одну из таких его частей, с которой не порывал связь. То же, как мы отмечали выше, наблюдалось и у алан/овсов. Где, по словам Ибн Рустэ, «власть и почет» принадлежали одному из четырех племенных подразделений.¹² Летопись называет эту часть вполне определенно — «земля его». Она же указывает, что в этой части-«земле» находилась его личная собственность («все имение его») и в нее уходили его родовые корни: там была расположена его резиденция и находилась его семья («жена его и дети его»). С племен и общин, вошедших в объединение, он взымал «дань», под которой следует правильно понимать подать, право на которую после его гибели в поединке присвоил победитель — русский князь. Его особое положение внутри адыгской общности было закреплено и особым титулом. Этот титул русский источник передает как «князь и сожьский», а греческий источник позднее дает его эквивалент «архонт Зихии».¹³ Сакральность его власти и его персоны определенно проявились в том, что, как передает летописный рассказ, судьба возглавляемого им объединения рассматривалась как полное отражение его личной жизни: от его победы и гибели в поединке с главой враждебного адыгам войска зависело благополучие его народа («...и рече... к Мьстиславу... Да аще одолееши ты, то возмещи... землю мою. Аще ли одолею, то възму твое все»).

Нельзя исключить, что и его имя — «Редедя», как оно, сомненно с некоторым искажением, передано летописью, имело сакральный характер. Адыгский фольклор знает мифологический персонаж с похожим именем — Уори-дада. В фольклоре XIX—XX вв. это — мудрый старец, разрешающий споры, судья, покровитель общего дела и общественного коллективного (щего) труда, от которого зависят благополучие и изобилие. Обращение к нему звучит в адыгских старинных свадебных песнях, а также песнях, певшихся при совместных работах на полях и во время уборки урожая.¹⁴ На эту параллель впервые обратил внимание еще Ш.-Б. Ногмов.¹⁵ Он же дал пересказ адыгского предания о войне между адыгами и тматороканцами, князем, исход которой был решен поединком. Интересно, что в версии Ш.-Б. Ногмова имя Редедя принадлежит не князю адыгов, а «могучему великану», богатырю-борцу, принимающему на себя сакральные функции князя в единоборстве с предводителем врагов и погибающему за свой народ.

Главой адыгов во время войны с ними Мстислава Ш.-Б. Ногмов, на основе только ему известных фольклорных материалов, называет потомка Инала («внука») по имени Идар. Этот же персонаж в «Истории» Ш.-Б. Ногмова действует, однако, неправдо-

подобно долгое время. Кроме походов на «Тамтаракайское княжество и Хазарское царство» он участвует в войне между адыгскими князьями, потомками Инала, в результате которой часть адыгов из Прикубанья переселяется на восток на территорию современной Кабарды, затем сам совершает поход на ушедших из Прикубанья адыгских князей и, перебив часть их, переселяется на новые земли, где добивается признания «старшим» князем. Потомком Идара в третьем поколении (опять же «внуком») Ш.-Б. Ногмов называет тестя Ивана Грозного, «большого князя» Кабарды, Темрюка. По Ш.-Б. Ногмову, Идар — «внук» Инала от самого младшего сына, Кирмиша.

Русская летопись, а также русские и адыгские родословные, не связанные прямо с родословными, которыми пользовался Ш.-Б. Ногмов, также знают Идара (или Айдара). В летописи он — отец Темрюка: летопись называет Темрюка — Идарович (Айдарович).¹⁶ В русских родословных XVII в., передающих родственные отношения князей Черкасских, потомков Темрюка, Темрюк тоже Идарович, но Идар в них сын не Кирмиша, младшего Иналовича, а Инармаса, старшего, и не внук, а правнук Инала (в тексте родословной, принадлежавшей А. И. Лобанову-Ростовскому, значится не Кирмиш, а Кирклыш).¹⁷ В адыгской родословной, с которой был знаком Я. Потоцкий, Идар так же, как и у Ш.-Б. Ногмова, внук Инала; так же, как и в русских родословных, сын Инармаса (в тексте Унамаса), но не только не отец Темрюка, а вообще не оставивший потомства представитель рода Инала.¹⁸ Наконец, имеются русские документы, в которых Идаровичами называются не только Темрюк и его братья, но и его сын Мамстрюк, и даже их дальнейшие родственники, например, «Каншов-мурза Битемрюков сын Айдаров», живший в 20-х годах XVII в.¹⁹

Изучение текста Ш.-Б. Ногмова, где он приводит пересказы фольклорных источников, упоминающих князя Идара, дает основание думать, что ему были известны несколько преданий (или несколько циклов преданий), в которых в качестве основного героя или одного из героев выступал «внук» Инала Идар. Причем эти предания могли повествовать о событиях далеко отстоящих друг от друга эпох. Связывало их только одно — общее имя героя и его происхождение, как и других героев княжеской крови, от Инала. Несомненно способствовало этой связи то, что личное имя *Идар*, вероятнее всего, возникшее из заимствованного адыгами у алан/овсов социального термина *аддар* (со слабым первым *æ*), что буквально означает «рукодержец», «предводитель», «вождь», было довольно широко распространено наряду с его промежуточной формой *Ильдар* в адыгской аристократической среде.²⁰ Действительно, в тех преданиях об Идаре, которые отражают события интересующей нас эпохи, Идар выступает как предводитель войск, в основном представляющих адыгские этнотерриториальные группы, населявшие ни-

зовья Кубани и ближайшие к ним районы Закубанья (в те Ш.-Б. Ногмова они обобщенно именуются традиционным низовых общностей именем *кахи*): шегаков, шапсугов, бжгов-хамышевцев. Идар — непримиримый враг Тамтаракай Тматорокани), войны с которым, по-видимому, и составляют сюжетную основу одного из циклов. Их итогом, по перес Ш.-Б. Ногмова, стал в конце концов захват города и окружающей его области, что в конкретной ситуации, видимо, имеет место неоднократно, но что было вполне вероятно и в ситуации, сложившейся в низовье Кубани после разгрома тославом на Нижней Волге столицы хазар Итиля и по сути уничтожения хазарского государства. Для нас в преданиях Идаре — «внуке» Инала важно то, что они подтверждают ланный на основании летописного текста вывод о том, что в за разгромом Хазарии, во-первых, центростремительные тенденции внутри адыгской общности возродились, и, во-вторых, Тамтаракай с его хорой вошел непосредственно в орбиту влияния адыгского объединения. Кроме того, из них мы узнали, попытка объединения адыгов была предпринята представителем одной из ветвей династии Инала, которая, как и вомена Инала, опиралась главным образом на низовые этнориториальные группы, и прежде всего на шегаков, для которых Тумен-тархан (Тамтаракай) был и ближайшим соседом, и постоянным объектом вожделения, и одновременно источником опасности.

О состоянии аланской общности в период, наступивший посредственно за разгромом Хазарии, источники говорят о мало. Однако с полным основанием можно предполагать, что центростремительные тенденции, которые были характерны Алании в первой половине Х в., причем характерны в более выраженной степени, чем для других общностей региона, не только сохранились, но и значительно усилились. Здесь также видим стремление Константинополя поддержать эти тенденции, поскольку Алании в политической концепции империи на Востоке всегда отводилась весьма значительная роль. И в других случаях, проводником внешней политики империи ее периферии, в Алании являлась церковь. Епископская кафедра в Алании существовала уже в начале Х в., и, как свидетельствует ал-Масуди, именно расширение влияния христианства вызвало войну между Аланией и Хазарией, вспыхнувшую в 932 г.²¹ Но, несмотря на поражение Алании в этой войне, вряд ли можно думать, что церковь и стоявшая за ней династия империи отступили надолго. Имеются документальные подтверждения того, что в конце Х в. аланская епархия держивала постоянные контакты с Константинополем,²² а в свою очередь, стремился поддерживать аланское христианство не только духовно, но и материально.

Выше мы отмечали, что во второй половине Х в., очеви

как результат ослабления, а затем и вообще ухода каганата с политической сцены отмечается выход алан/овсов на равнины.²³ Этот отлив алан из горных, трудных для обитания районов, по-видимому, был отмечен правительством Восточной Грузии, следствием чего явилась попытка царя Кахетии Квирике III (1010—1029 гг.) подчинить горные области, лежащие к востоку от Дарьяла. Экспансия Грузии в земли вайнахов — страны дурдзуков и глигвов — отмечается и в предшествующие столетия, о чем, в частности, красноречиво свидетельствуют попытки грузинской церкви утвердиться в этом районе.²⁴ Как правило, эти попытки активно отражались горцами, опиравшимися на содействие Алании и каганата. Новая расстановка сил в Северокавказской степи давала надежды на закрепление грузинского влияния в этой зоне. Однако, как сообщает «Картлис цховреба», аланы не собирались полностью терять освоенные ими горы. На защиту дурдзуков и глигвов двинулся царь Алании Урдуре.²⁵ Его поход не увенчался успехом: он погиб в битве, а горцы, по-видимому, вынуждены были принять верховенство Восточной Грузии. Неудачный поход Урдуре, совершенный как раз в тот момент, когда шла борьба адыгского объединения с экспансией Русского государства, по-видимому, не позволил аланам и касогам объединиться. Во всяком случае, очень скоро на Северном Кавказе возникает новая группировка политических сил, в которой главную роль начинают играть аланы и русы.

Русское княжение в Тматорокани упоминается в «Повести временных лет», основном письменном источнике, содержащем свидетельства о нем, впервые под 988 г., но упоминается явно в контексте, из которого следует, что безоговорочно принимать эту дату как дату включения Тматорокани и связанной с нею части Северного Кавказа в систему Русского государства нельзя. Под 988 г. летописный текст в отношении Тматорокани сообщает только то, что после смерти старшего сына Владимира Святославича, Вышеслава, сидевшего с 997 г. в Новгороде, был произведен передел наместничеств (уделов) между сыновьями великого Киевского князя, в результате чего Тматороканский стол, очевидно, уже существовавший к этому времени, достался одному из младших сыновей Владимира — Мстиславу («Умершу же старейшему Вышеславу Новгороде, посадиша Ярослава Новгороде, а Мстислава Тматорокани»). У В. Н. Татищева смерть Вышеслава и последовавшие за нею перемещения сыновей Владимира на уделах отнесены к 1010 г. Так называемое «Южно-русское житие» Владимира дает основание думать, что до Мстислава на Тматороканском столе сидел его родной брат (брат не только по отцу, но и по матери, второй взятой Владимиром жене — чехине) Святослав, который в 1010 г. был переведен с дальнего Тматороканского удела ближе к Киеву в Древлянскую землю.²⁶ Обстоятельства появления в Тматорокани Святослава Вла-

димировича источниками не освещены, и нам остается только предполагать, что между его вокняжением и присоединением Тмуторокани к державе Владимира имеется более или менее определенная связь. Установлению ее помогает известие о походе Владимира на «козар», которое не вошло в «Повесть временных лет» и сохранилось только в публицистическом произведении XI в., основанном на не дошедшей до нас древней летописи, — в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру», составленной неким Иаковом-мнихом.²⁷ В конце X — начале XI в. «козары», как свидетельствует весь комплекс источников, представляли относительно компактные группы только на Тамани, Нижнем Дону, в Таврике и кое-где в восточной части Предкавказья — Нижнее Поволжье, окрестности Самандара и Дербента. Политическим и идеологическим центром западной группы «козар», несомненно, была Тмуторокань, где «козары»/хазарские князья продолжают упоминать в течение всего XI в.²⁸ Уже в середине X в. Константин Багрянородный, описывая Причерноморье, выделял Тмуторокань (Таматарху) в самостоятельную область (владение), одноименное городу (у Константина — крепость «остров»).²⁹ Судя по тому, что он не включал ее ни в границы Византии, ни в границы Зихии, ни в границы Алании, эта область представлялась ему, видимо, образованием вполне автономным. Это был, если использовать терминологию «Киево-Печерского патерика», буквально «Тмутороканский остров».³⁰

Несмотря на то, что известие Константина о Тмуторокани дает основание предполагать ее полную автономию, доверять ему вряд ли следует. И тот факт, что «козары» Тмуторокани в течение всего XI в. выступают весьма активной политической силой, и то, что памятники еврейско-хазарской переписки с очевидностью указывают на зависимость от каганата района вплоть до последних его дней, что вполне авторитетно подтверждается ал-Масуди, писавшим тогда же, когда и Константин, 50-е годы X в., в общем свидетельствуют против этого. Но вместе с тем во всех этих известиях есть одно важное противоречие — хазарские источники не знают Тмуторокани, не называют Тмуторокань и описавший путь купцов-русов через проливы Тор-начала X в. ал-Факих. Все они центром хазарской администрации в устье пролива называют город (крепость) *С-м-к-рай* (*Самкерц/Самкуш*), который большинство исследователей считают тождественным Тмуторокани. Однако нельзя не включить, что *С-м-к-р-ц/С-м-куш*, или как это слово передано в Кембриджском документе — *С-м-к-рай*, представляет наименее местный военный хазарский центр в земле адыгов, который местными преданиями связывается с именем Инала — *Шанк-рай* (*Чанчир*). Эта крепость, лежавшая к югу от дельты на крайнем берегу, обратила на себя внимание турецкого путешественника Эвлии Челеби, побывавшего в ее окрестностях в начале XVII в. Он передал ее название как *Шанк-рай* (ср. *С-м-к-рай*).

рай) и записал местное предание о ее постройке «франками-генуэзцами», которое, видимо, отражало местное представление о ее глубокой древности и чужеземном происхождении.³¹ Если принять версию о том, что Тмуторокань и *С-м-к-рай/С-м-к-р-ц* были разными пунктами — первый торговым городом, а второй ставкой хазарского гарнизона, то отсутствие у Константина Багрянородного упоминания о хазарах в связи с Таматархой становится вполне объяснимым.

Какова была административно-политическая структура Тмутороканского владения, мы можем представить по притче о покаянии дани хазарам, которую внес в летопись в XI в. хорошо знакомый с тмутороканской действительностью и соответственно с местными тмутороканскими хазарами (в летописи — «козары») монах Киево-Печерского монастыря Никон, много лет проживший на этом «острове» и основавший там в 60-х годах XI в. свой монастырь. У хазар он знает «князя» и «старейшин» (или «старцев»), которым принадлежит в решении наиболее значимых политических вопросов ведущая роль.³² Вряд ли можно сомневаться, что Никон интерполировал на глубокую древность — эпоху первых столкновений хазар и полян в VIII в. — реальность своих дней. Несомненно, «князя» и «старцев» он видел в Тмуторокани, где принимал деятельное участие в местной политической борьбе.

«Остров» имел и свое войско: оно участвовало в 1023—1024 гг. в походе Мстислава на Русь,³³ а с 70-х годов X в. он чеканил и собственную монету.³⁴ Это была по существу автаркичная территориальная (городская) община-государство, подобная Херсону в Крыму. До назначения в Херсон стратига из Константинополя и преобразования ближайшей к нему территории в фему, что произошло в 837 г., он управлялся избираемым из среды местной знати *протевом* (буквально «первенствующим»), главой войска «*архонтом*» и так называемыми «*отцами города*» (ср. «старцы»).³⁵ Как и в Херсоне, в Тмуторокани была своя автокефальная епархия, деятельность которой не ограничивалась городом, но распространялась также и на соседние, заселенные язычниками земли. Отличие между ними проявлялось, пожалуй, лишь в том, что христианство в Херсоне было к концу X в. уже старой, впитавшейся в бытовую культуру города религией, а в Тмуторокани оно только утверждалось, причем утверждалось в борьбе одновременно и с местным язычеством, и с местным хазарским иудаизмом. Напоминал Тмуторокань по своей социальной и административной структуре также и Дербенд, о чем подробнее будет сказано ниже (см. с. 126—129).

Поход Владимира на хазар (козар) нельзя не рассматривать как политическую акцию, имевшую своей целью восстановление утраченные после поражения Святослава в Болгарии на рубеже 60—70-х годов позиции Руси на побережье Черного.

моря,³⁶ и как подготовку к возобновлению активной политики в отношении Византии. Боязнь утверждения Руси на побережье Понта пронизывает договоры Византии с Игорем, со Святославом и с Ярополком.³⁷ Во всех этих договорах содержится статья «О Корсунстей стране» (Корсунь — Херсон), запрещающая русскому князю по существу любые действия, угрожающие византийским интересам в Таврике и прилежащих к ней землям. Владимир, воспользовавшись неблагоприятной политической ситуацией, сложившейся в Византии, в 985 г., согласно хронике «Повести временных лет», своим походом на болгар, вопреки этой статье,³⁸ своим походом на болгар, вопреки этой статье, не только обеспечил ему спокойный тыл на юго-западных границах, но и союзника в случае дальнейших действий в области Причерноморья, издревле связанного с империей. Дань, наложенная им «на козары», а соответственно и установление зависимости тмutorоканских козар от Киева, являлась, таким образом, вторым значительным шагом в цепи событий, подготовивших поход на Херсон, который издавна служил оплотом Византии в Таврике, и последовавшему за ним коренному изменению отношений между Византией и Русью.

Не сохранив сведений о походе Владимира на Тмutorокани, «Повесть временных лет» сохранила, однако, свидетельства о существовании прямых контактов между Владимиром и жителями Тмutorокани. Это свидетельство относится к периоду поиска Владимиром религиозной концепции, которая могла бы успешно заменить искусственно созданную им в начале 80-х годов новую для Руси синкретическую религиозную доктрину, основанную на языческих верованиях племенных общностей, вошедших к этому периоду в состав Русского государства. В 986 г. среди других религиозных проповедников, прибывших в Киев, летопись называет также и хазарских иудеев («жидов козарьстии»), которые не только выступали с изложением своего вероучения (оно, кстати, в Киеве было давно известно³⁹), но и пытались привлечь внимание киевского князя к своему временному состоянию их общины («предана бысть земля их христианом»).⁴⁰

Владимир, несомненно, хорошо осведомленный о положении хазарских иудеев в Тмutorокани после учреждения в городе новой христианской епархии, с одной стороны, опиравшейся на Константинополь, а с другой — на поддержку тех групп населения, которые воевали христианство, встретил их с явной враждебностью. Иудаизм, с которым у современников Владимира связывалось воспоминание о катастрофе, постигшей в недавнем прошлом верхи Хазарского каганата, не мог привлечь к себе главенство бывшей силы Руси. Выбор в пользу византийского христианства, по-видимому, был им уже сделан. Однако политическая нестабильность «Тмutorоканского острова», изнутри подде-

ваемая религиозными распрями, вряд ли была оставлена им без внимания. Несмотря на крах их религиозной миссии, проповедникам иудаизма, судя по всему, удалось добиться решения не менее важного для них политического вопроса — вмешательства Руси в дела Тмutorокани.

Поход Владимира на козар, а под этим этнонимом летопись понимает не только тмutorоканских иудеев, но и все коренное население тмutorоканской общины, привел к установлению в конечном итоге русского протектората над городом и прилегающей к нему округой. Это закрепилось введением в Тмutorокани наместничества и соответственно размещением там сопровождавшей наместника дружины. Киевский князь как соверен одной из областей Хазарии после этого получил право именовать себя титулом каган,⁴¹ а население Тмutorокани приняло на себя обязательство выплачивать ему подать — «дань». Это произошло, как можно думать, на основании ряда фактов, отмеченных в дербендской хронике «Тарих ал-Баб», в пределах второй половины 986 — первой половины 987 г. Под 987 г. хроника сообщает о том, что к Дербенду подошли 18 русских судов (что, естественно, могло произойти не позднее ранней осени), которые, как в дальнейшем выяснилось, доставили в город отряд воинов, прибывший для освобождения местного правителя (эмира) Маймуна б. Ахмада, находившегося к тому времени уже несколько лет в плену у городских старейшин (райсов).⁴² Маймун б. Ахмад, как говорит хроника, сам тайно связался с русами и просил их помощи. Логично предположить, что тайное посольство эмира Дербенда было направлено через Северный Кавказ к «Тмutorоканскому острову», где, как стало, по-видимому, ему известно, осенью 986 г. или весной 987 г. сконцентрировался значительный русский флот. О том, что прибывшие на помощь эмиру Дербенда русы были связаны с Владимиром, может свидетельствовать следующее обстоятельство. В 989 г., т. е. вскоре после принятия Владимиром христианства, в Дербенде вспыхнули религиозные волнения, которые были направлены вполне определенно против Маймуна б. Ахмада, окружившего себя после освобождения гвардией, составленной из русов. Эмир обвинялся в измене исламу, и от него требовали либо немедленного обращения в ислам русов из его окружения, либо их выдачи на расправу толпе, подогревавшейся специально прибывшим в город мусульманским проповедником из Гилян (юго-западный берег Каспия) Мусой ат-Туси. Восстание в Дербенде — это, несомненно, реакция мусульманских стран Ближнего Востока, традиционно связанных Хазарским путем с Русью, на начало религиозной реформы Владимира, а объект ненависти восставших — это не случайные воины-норманны, заброшенные в поисках добычи на побережье Каспия, а связанные с Киевом и потому вдвойне опасные для стран ислама наемники.⁴³

В «Повести временных лет» известие о походе Владимира на козар не сохранилось, вероятнее всего, вследствие перерботки под влиянием «Корсунской легенды» всего текста Начальной летописи, повествовавшего о его княжении. Из древнейшего текста, как это установлено исследователями русской летописания, было изъято практически все, что относилось к первому крещению Владимира, которое произошло в Киеве или вблизи него в конце 987 г. и которое, как полагают, не было признано Константинополем.⁴⁴ Тмутороканская тема входит в «Повесть временных лет» и получает пространное изложение только в связи с началом княжения Ярослава. Для того чтобы объяснить события 1023—1026 гг., когда происходила борьба между Ярославом и его младшим сводным братом Мстиславом за великое княжение, летописец к тексту статьи 1022 г., повествующей в Древнейшем своде только о походе Ярослава к Бресту, присоединяет рассказ о княжении Мстислава в Тмуторокани. Этот рассказ характеризует происхождение тех сил, которые опирались Мстислав в борьбе с Ярославом, и служит прелюдией к описанию этой борьбы и ее последствий.⁴⁵

Автор летописного рассказа о княжении в Тмуторокани Мстислава и его войне с касогами за право обладания этим княжеством давно установлен историками русского летописания. Им был Никон, основательно переработавший около 1073 Древнейшую Киевскую летопись 1037—1039 гг.⁴⁶ Его особый интерес к личности Мстислава и его осведомленность о времени пребывания Мстислава на Тмутороканском столе вряд ли могут быть подвергнуты сомнению. Никон с 1061 по 1067, а затем вторично с 1073 по 1078 г. жил в Тмуторокани. Во время своего первого пребывания в Тмуторокани он вполне мог еще заста- там в живых современников Мстислава и участников его похода на касогов. Кроме того, как человек, без сомнения, связанный с клиром основанной Мстиславом церкви Богородицы, которая являлась материальным памятником победы Мстислава, он определенно знал и историю ее сооружения, и время освящения, и источники ее доходов, включая княжеские пожертвования и вклады. Но был у Никона, по-видимому, и еще один источник, который мог стать сюжетной и текстологической основой включенного им в летопись рассказа о делах Мстислава в Тмуторокани. Это — посвященная походу Мстислава на касогов и его поединку с касожским князем баллада («слава», «песнь» сложная княжеским певцом Бояном, жившим при дворе сына Ярослава, Святослава Ярославича, которому после смерти Мстислава достались его владения — Чернигов и Тмуторокани). Об этом свидетельствует автор «Слова о полку Игореве», который, вспоминая Бояна в вводной части поэмы, среди его произведений упоминает «песнь», посвященную «храбром Мстиславу, иже зареза Редедю пред пълкы касожьскими».⁴⁸ Никон был современником Бояна, и их пути могли неоднократно

ресекались. Они могли встречаться и в Киеве, и в Чернигове, куда в 1067 г. по поручению тмутороканской общины ездил Никон, могли встречаться и в самой Тмуторокани, где Никон жил в годы правления там сыновей Святослава, Романа и Глеба, и где он находился во время похода на Тмуторокань самого Святослава.⁴⁹ Мог он слышать песнь о Мстиславе и во вторичном исполнении от учеников Бояна и даже мог иметь ее запись. Зависимость летописного рассказа от баллады, произведения художественного, явно проявляется во всей его структуре. Обычная для хроники сухая констатация фактов заменена в нем описанием поступков, слов, мыслей героев, т. е. их образами. «Песенная» версия предания о походе Мстислава на касогов для составителя летописного рассказа, несомненно, была предпочтительнее других. И не только потому, что в ней предание уже приобрело литературную форму и обозначились образы действующих в нем лиц, но и потому, что именно в этой версии оно получило апробацию в качестве исторического источника, причем апробацию в самой осведомленной и взыскательной к истории княжеско-дружинной среде.

Таким образом, близкое знакомство автора летописного рассказа о пребывании Мстислава в Тмуторокани и его походе на касогов, вероятно, самом ярком событии тмутороканского княжения Мстислава, с теми местами, где сохранялась и поддерживалась память о его герое и где реальностью была платимая касогами со времени победы над ними дань, и с тем социальным кругом, который чтит память о Мстиславе и ориентировался на его воинскую доблесть, может служить гарантией достоверности положенных в основу рассказа фактов, а они для нашей темы весьма значительны.

Во всех исследованиях, затрагивающих историю Тмутороканского княжества, поход Мстислава на касогов обычно датируется в соответствии с датировкой той летописной статьи, в которую этот рассказ включен Никоном, т. е. 6530 (1022). Между тем в самом рассказе о походе имеется указание, явно противоречащее этому. Первые вводные слова рассказа «в си же времена...» прямо отсылают читателя к статьям, предшествующим ему и приводимым под 1016—1019 гг., где повествуется о борьбе Ярослава за Киевский стол и междоусобицах на Руси, возникших после смерти Владимира, случившейся 15 июля 1015 г. Кроме того, из рассказа явствует, что за время, прошедшее между походом на касогов и началом движения Мстислава на Русь, он успел не только заложить, но и достроить церковь Богородицы в Тмуторокани («заложил... и создал»), на что должно было уйти несколько лет (при обычных сроках на строительство храма уходило от 4 до 6 лет).⁵⁰ Вспомним, что к вопросу о строительстве церквей Никон был очень внимателен, о чем свидетельствует его указание под 1036 г., что тот же Мстислав не успел достроить собор Спаса в Чернигове. Из

всего сказанного следует, что поход Мстислава на касогов предпочтительнее всего датировать 1016 или 1017 гг., что дает основание рассматривать его не изолированно как сугубо локальное событие, а в связи с теми политическими ситуациями, которые складывались в середине второго десятилетия XI в. Северном Причерноморье, на Кавказе, в Византии и на Руси.

Выше мы уже отмечали, что время похода Мстислава на касогов совпадает со временем некоторого ослабления Алавердисского царства после неудачного похода царя Урдуре на Кахетию, который был, в свою очередь, инспирирован попыткой вторжения кахетинского правителя Квирике III в горную зону Большого Кавказа. Но эти действия Квирике стали возможны только в связи с тем, что на время прекратились его распри с владетелем Западной Грузии Георгием I (1014—1027 гг.), который активно включился в подавление антиправительственных мятежей, вспыхнувших в разных частях Византийской империи в царствование Василия II. В 1015 г. мир был нарушен и в Северном Причерноморье: в принадлежавших империи после триумфального похода Владимира в Таврику городах началось восстание византийского наместника («архонта») этой территории («Хазарии» по тексту источника) Георгия Цулы, или Тзулы, попытавшегося отложиться от Константинополя.⁵² Действия Георгия Цулы, вероятнее всего, явились реакцией местной, северопричерноморской по своему происхождению аристократии, к которой принадлежал род Цулы, на кризисную ситуацию, возникшую в Киеве в связи со смертью Владимира. Момент для восстания был выбран, несомненно, удачно: Василий II был занят войной с Болгарией, а Святополк, захвативший после смерти Владимира Киев, готовился к борьбе с Ярославом. Однако восставшие просчитались. Император слишком дорожил Таврикой и, разумеется, сам был не прочь воспользоваться начавшейся на Руси междоусобицей. В январе 1016 г. он направил в Крым военную экспедицию, которой в первом же сражении удалось разбить восставших и взять в плен их предводителя. После этого, как говорит источник, византийские войска «подчинили страну».⁵³ Очевидно, для придания этой акции видимости двусторонних действий в состав экспедиционного корпуса Василий II включил русский отряд под командованием некоего Сфенга, которого в Константинополе считали братом покойного Владимира. Кто был на самом деле этот Сфенг, неясно. Предположения, встречающиеся в литературе о том, что под этим именем следует видеть Мстислава, отпадают, так как в Византии Мстислава хорошо знали и называли совсем другим именем, близким по звучанию к подлинному, — Носистлав (Νοσιστλαβος). Можно, конечно, предположить, что Сфенг был направлен из Тмуторокани во главе отряда, принадлежавшего старой отцовской дружине, которой он предводительствовал, играя при Мстиславе роль советника — «кормильца».⁵⁴ Однако

скорее всего, это был предводитель одного из наемных варяжских отрядов, служивших императору, который действовал независимо от Русского государства и его наместника в Тмуторокани. Предполагать, что Мстиславу был интересен захват «Хазарии» империей и, соответственно, усиление ее позиций в Таврике, в этот период вряд ли возможно.

На фоне этих событий поход Мстислава на касогов следует воспринимать как необходимую меру, направленную в первую очередь на укрепление независимого положения Тмутороканского княжества в условиях надвигающейся византийской опасности. Захват империей Крыма должен был стимулировать окрестное касожское (адыгское) население, которое, как отмечено выше, в конце X — начале XI в. восстановило свое политическое объединение, к возобновлению притязаний на Тмуторокань. Ситуация, сложившаяся на Руси после смерти Владимира, не позволяла надеяться на помощь из Киева ни в случае столкновения с империей, ни в случае столкновения с касогами. Мстиславу необходимо было срочно расширить свою политическую базу, увеличить подвластный ему военный контингент, обезопасить свой тыл. Предъявленные им в 1023 г. Ярославу претензии на долю в наследстве, оставшемся после отца и братьев, свидетельствуют о том, что, заботясь о своей вотчине Тмуторокани, он не забывал также и о своих правах на Киев и другие русские княжества. Предстоящая за них борьба также требовала новых людских резервов и материальных средств. Взять людей и средства Мстислав, помимо самой Тмуторокани, мог только в соседних с нею областях Северо-Западного Кавказа, находившихся во владении касожского объединения. Таким образом, его положение в 1016—1017 гг. во многом напоминало положение Ярослава накануне войны со Святополком за Киев и Поднепровскую Русь.

Для того чтобы понять сущность политических и социальных изменений, произошедших на Северо-Западном Кавказе после столкновения Мстислава с касожским объединением, необходимо вновь всмотреться в характеристику двух противоборствующих в этом столкновении сил.

Тмуторокань, как было отмечено выше, представляла собой не просто город-поселение, но автаркичную общину, власть в которой распространялась как на сам город, так и на прилегающую к нему округу-хору. После падения каганата эта община некоторое время еще пыталась, по-видимому, играть самостоятельную роль и балансировать между местными адыгскими обществами, Византией и Русью, однако после похода Владимира на козар, завершившегося наложением на нее дани и утверждением, как мы полагаем, в ней русского наместничества, а особенно после взятия Владимиром Корсуни и установления временного паритета в отношениях между Русью и империей в Таврике, она полностью признала сюзеренитет Киева,

осознав все экономические и политические преимущества этого союза. Появившийся в 1010 г. в Тмуторокани Мстислав, как один из младших княжичей в многочисленном семействе Владимира, вряд ли мог с самого начала рассчитывать на богатый и престижный удел в коренных русских землях. Поэтому можно думать, что с самого своего вокняжения в Тмуторокани он взял курс на укрепление отношений с «козарами» — общиной города и ее верхами, с местной христианской епархией, с которой были связаны провизантийски настроенные группы местного населения, и с окружающей Тмутороканский остров касожской (адыгской) периферией.

Насколько глубоко были его связи с местным кавказским миром, свидетельствует имя его сына, оставленного им правителем в Тмуторокани после ухода в 1023 г. на Русь. Его он назвал именем необычным для русской великокняжеской семьи, но исключительно популярным среди христиан средневекового Кавказа — Евстафий.⁵⁵ Показательно также и его отношение к кавказской части дружины, с которой он выступил против Ярослава под Ливеном.⁵⁶ Можно думать, что после установления в Тмуторокани русского наместничества не произошло разрушения старой социальной и управленческой структуры, город продолжал жить по своим прежним законам и обычаям. Русский князь присвоил себе лишь prerogative высшей власти (подобно стратигу в Херсоне), сохранив его самостоятельность и самоуправление.

Мы не знаем, насколько глубоко русское культурное влияние в годы княжения Святослава и Мстислава Владимировичей проникло в культуру Тмуторокани, хотя, несомненно, общение с Русью в эти годы должно было возрасти. Вполне возможно, что в город и его округу после похода Владимира на Корсуни стали вливаться отдельные группы русских «черных людей», которые, как свидетельствует «Житие Владимира особого состава», шли за «воями» князя в Таврику.⁵⁷

Поддерживала, конечно, это влияние и окружавшая князя наместника русская дружина. Однако не этот этнический пласт определял в эти десятилетия облик Тмуторокани, о чем совершенно определенно свидетельствует характер его культурных слоев конца X — начала XI в.⁵⁸ После похода Святослава город «варваризируется», причем прежде всего за счет местного с верокавказского этнического компонента, который вместе с потомками древнего хазаро-булгарского населения — «козарми», в этот период и определяет его этнический облик.

Русский князь-наместник с самого момента своего появления в Тмуторокани, и это важно отметить, становится не только главой козар, составлявших коренную часть тмутороканской общины, но и тех выходцев из различных адыгских общин и территориальных объединений, которые со временем проникали в эту общину, селились в пределах города и на окружающих е

землях. Вместе с тем он одновременно становится также и светским главой всех адыгов-христиан, поскольку на подвластной ему территории располагался адыгский епархиальный центр — Зихская архиепископия. Местная церковь, не связанная с русской митрополией, как можно думать, представляла реальную силу, которая могла способствовать расширению его влияния среди населения Северо-Западного Кавказа, и, как показывает факт постройки им в Тмуторокани обетного храма, Мстислав высоко оценивал эту поддержку. Установление и укрепление связей князя с адыгским окружением должна была поддерживать также и козарская община. Город был главной артерией, соединявшей торговые пути Северного Кавказа с рынками Малой Азии и Средиземноморья, и от того, насколько они были безопасны, в значительной степени зависело благосостояние его обитателей, занимавшихся ремеслом и торговлей. Для них русский князь и его дружина были гарантами нормального функционирования городского организма, его сохранности и процветания.

Утверждение Мстислава на тмутороканском княжении и его взаимоотношения с местной козарской и адыгской средой нельзя рассматривать вне связи с теми процессами, которые в конце X — начале XI в. происходили у адыгов за пределами Тмутороканского острова. Выйдя за пределы своего владения, Мстислав, как следует из летописного рассказа, встретил сопротивление не разрозненных, а объединенных сил, во главе которых стоял верховный sovereign адыгской общности — «князь касожский», в лице которого персонифицировалось представление о мощи и благоденствии всего адыгского народа. Очевидно, уверенность в своей сопричастности высшим силам и побудила предводителя адыгов поставить результаты войны с тмутороканским князем-наместником в зависимость от единоборства, предоставив, таким образом, решение вопроса о судьбе стоявшего за ним политического образования по существу случайности или, как понимали это в средние века, «Божьему Суду».

Войну с касогами (адыгами), начатую Мстиславом, вряд ли будет правильным объяснять односторонне, только политическими задачами, стоявшими перед русским правителем Тмуторокани. Эта война давно назрела, и столкновения между Тмутороканью и адыгами, жившими за пределами Тмутороканского острова, происходили не однажды, о чем свидетельствуют предания адыгов. Тмутороканский остров, крепко державший в своих руках торговые и политические связи Северо-Западного Кавказа, заселенный в значительной степени адыгами и все более стягивающий к себе выходцев из различных адыгских общин и территориальных групп, издавна привлекал верхи адыгского объединения. Для них существование в низовьях Кубани независимой автаркии было преградой к дальнейшей консолидации адыгской общности. Двум самостоятельным политическим силам (системам) по мере усиления той и другой становилось все более

тесно в пределах Северо-Западного Кавказа. Таким образом процесс зарождения адыгской государственности ставил повестку дня вопрос о слиянии адыгского объединения и Тмутарокани.

Судя по летописному рассказу, и князь касожский, и Мстислав отчетливо понимали всю значимость предстоящего сражения, когда их полки встретились и приготовились к бою, и эти надо думать, были вызвано их обоюдное решение обратиться к поединку. Смысл поединка двух вождей и неотвратимость гибели одного из них в результате его, несомненно, были понятны и их дружинам. Подобный способ решения важнейших политических вопросов в ту эпоху, о которой идет речь, был широко распространен. Сходная ситуация описана, например, в «Повести временных лет» под 6500 (992) г., где повествуется о предложении «князя печенежского» Владимиру путем поединка двух борцов решить вопрос о заключении между печенегами и Русью трехлетнего мира («И приеха князь печенежский к реке Волхова Володимера и рече ему: „Выпусти ты свой мужь, а я свода ся борета. Да аще твой ударить моимь, да не воюем за три лета“»).⁵⁹ Адыгский фольклор свидетельствует, что адыгские аристократы держали у себя профессиональных борцов-поединщиков (пелуанов) и в более позднее время.⁶⁰ Ритуал таких поединков, судя по многочисленным описаниям их в былинах адыгских сказаниях, был тщательно разработан и строго соблюдался. Опрокинув противника на землю («ударил имь о землю»), победитель непременно должен был завершить бой прилитием крови врага, извлечением внутренностей, отсечением головы, переломом позвоночника и даже расчленением тела. Былинные герои «режут», «порят», «пластают» грудь побежденного, «смотрят сердце», «мешают кровь с печенью» и т. п.⁶¹ Представлениям первобытной идеологии, этими мерами достигалось полное уничтожение жизненной силы противника, его души, обеспечивалась безопасность победителя. Через соприкосновение с кровью побежденного победитель принимал от него всю его физическую и духовную мощь. Кровью и внутренностями побежденного он благодарил и своих сверхъестественных покровителей. Текст Ипатьевского свода и восходящий к нему текст «Повести временных лет» позволяет предполагать, что оригинал рассказа о поединке Мстислава и касожского князя был полнее, чем в той редакции, в которой он дошел до нас, и содержал некоторые подробности, которые представителем Лаврентьевского свода были убраны, так как они по-видимому, своей натуралистичностью подрывали, с его точки зрения, представление о Мстиславе как воителе-христианине с помощью Богородицы побеждающего своего противника. С в Лаврентьевской летописи: «И вынзе ножь и зареза Редедю в Ипатьевской: «И вынемь ножь, оудари и в гортань. И бысть зарезан Редедя»;⁶² в былине об Илье и Сокольнике:

«Ухватил он Сокольника за подпазухи
И бросил его на сыру землю
Он вытащил ножичок булатный,
Взорвал его латы железные,
А хотел он резать да груди черные,
А смотреть да его ретиво сердцо...»⁶³

Победив в единоборстве касожского князя, Мстислав тем самым приобрел право на власть не только над той частью адыгов, которая населяла Кубанскую дельту, собственно Тмутароканский остров (эта группа, кстати, обычно выделялась из адыгского массива позднее, в XVII—XIX вв., и носила особое наименование — *адале*, буквально ‘островитяне’. — А. Г.), но и над всей адыгской общностью, признававшей его своим sovereignом. Сам акт единоборства, происходивший открыто на глазах представителей обеих сторон, заинтересованных в решении вызвавшего поединок политического спора («пред пълкы»), при заключении договора, включавшего абсолютно равные условия для участвующих в нем борцов, являлся ничем иным и воспринимался современниками не иначе, как ритуал передачи этой власти. Не случайно летопись не говорит о сопротивлении адыгов (касогов) Мстиславу или о битве, произошедшей после поединка. Согласно приведенному в летописи под 1023 г. сообщению о том, что Мстислав двигался на Русь «с касогы», можно сделать вывод о признании его главой адыгской общности и населением Страны адыгов, и ее военной организацией. Летописное выражение «и шед в землю его (касожского князя. — А. Г.)» не может означать ничего другого, как продвижение Мстислава после победы в тот район Страны адыгов, с которым касожский князь был связан лично и где находилось его личное имущество («именье»), располагалась его резиденция и жила его семья. По условию поединка все это переходило в собственность Мстислава. Пленение семьи противника или, точнее, установление над нею покровительства нового адыгского sovereigna в соответствии с договором-завещанием, значительно усиливало права Мстислава на главенство в адыгской общности. Русские родословные предания помнят, что сыновья касожского князя, побежденного Мстиславом, были взяты в его семью, крещены (при крещении им были даны имена Юрий и Роман. — А. Г.) и за одного из них Мстислав выдал свою дочь.⁶⁴ Посредством воспитания детей Редеди и благодаря браку своей дочери с его сыном Мстислав вступил в условное (как аталык, воспитатель княжича) и реальное (как тесть) родство с родом Редеди и со всей адыгской общностью, причем посредством установления этих связей он стал, согласно адыгскому обычному праву, старшим родственником адыгов. Как законный sovereign, он, естественно, воспользовался и своим правом облагать адыгов податью («и дань възложи на касогы»), кото-

рую выымали и все наследовавшие после него Тмудорок
русские князья.⁶⁵

В адыгском фольклоре, по свидетельству Ш.-Б. Ногмо
еще в начале XIX в. жило предание, по своему содержанию
представляющее параллель летописному рассказу о поединке
Мстислава и Редеди. В нем рассказывалось о войне адыг
с Тамтаракаем и единоборстве тамтаракайского князя с адыг
ским богатырем Редедеем.⁶⁶ Несмотря на весьма нечеткое из
ложение предания, явно выявляющее стремление Ш.-Б. Ногмо
приблизить его к повествованию летописи, и целый ряд р
хождений между ними, приведенная Ш.-Б. Ногмовым цита
из этого предания, которая содержит вызов адыгским богате
рем тамтаракайского князя на поединок, заставляет не толь
верить в существование такого предания, но и предполаг
что в основе и предания, и летописного рассказа мог леж
один источник, или, во всяком случае, что они зарождались
одной социальной и поэтической среде. «Чтобы не терять с обе
сторон войска, не проливать напрасно крови и не разрывать
дружбы, одолей меня и возьми все, что имею», — обращает
адыгский богатырь к князю в предании.⁶⁷ «Что ради губи
дружину меж собою? Но снидеве ся сама борот. Да еще о
лееши ты, то возмеш имень мое, и жену мою, и дети м
и землю мою», — говорит Редедя Мстиславу в летописном р
сказе.⁶⁸ Сближает оба повествования также и то, что оба о
свидетельствуют, хотя и различно по форме, но одинаково
сути, о главном итоге поединка — прекращении на время в
ны между адыгами и Тмудороканью. Причем, если в лето
ном рассказе это следует из общего анализа хода событ
то в адыгском предании об этом, по словам Ш.-Б. Ногмо
говорилось прямо: «...происшествие это прекратило войну
и адыхейцы возвратились в отечество, более сожалел о пот
лучшего воина, чем о неудаче предприятия».⁶⁹ Прав
Ш.-Б. Ногмов на основании адыгского предания добавляет,
стремление отомстить за смерть Редеди и уничтожить Тамта
кай не оставляло после этого адыгов, и «спустя несколько л
они с помощью оссов (т. е. алан) попытались осуществить
но это добавление нисколько не отрицает того, что было с
зано выше об итоге поединка. Мало того, оно еще бол
укрепляет доверие как к сообщению самого Ш.-Б. Ногмо
о существовании адыгского предания, так и к использованию
им фольклорному источнику. Нет ничего невероятного в т
что поединок, на столетие вперед решивший политическую су
бу адыгской общности, вдохновил не только русского кня
ского певца, но и адыгских джегуако, которые в своих ска
ниях воспели доблесть погибшего богатыря и призывали а
гов к отмщению. Упоминание в источнике Ш.-Б. Ногмова
удачной попытки адыгов и оссов захватить Тмудорокань («
воевать тамтаракайскую землю») может быть поставлено

связь с известием Никоновской летописи о походе Ярослава на
ясов, который отнесен к 1029 г.⁷⁰

Объединение под властью тмудороканского князя всей адыг
ской общности (или значительной ее части), а точнее, присо
единение к Тмудороканскому княжеству его периферии, насе
ленной адыгскими этнотерриториальными группами, племенами
и общинами, надо думать, было восторженно встречено город
ской общиной Тмудорокани, поскольку оно открывало торго
вой предприимчивости тмудороканских козар широкое поле дея
тельности на всем Северо-Западном Кавказе и значительно уве
личивало роль города как торжища и порта. В город потекла
адыгская (касожская) дань, совладельцем которой он прямо
или косвенно становился. Его безопасность была теперь надежно
защищена и от замыслов Византии, и от посягательства со сто
роны ближайших соседей — степняков и горцев. Тесно связан
ный с городом клир Зихской епархии поспешил своими специ
фическими средствами закрепить победу Мстислава. Им была
распространена легенда о помощи Богородицы, с одной стороны,
укреплявшая веру в сверхъестественное происхождение власти
князя над адыгами, а с другой — придававшая языческому по
своей сути и варварскому по форме способу приобретения этой
власти облик христианского подвига и самопожертвования. Сам
Мстислав, видимо, хорошо представлял потенциальные возмож
ности церкви как союзника в борьбе за единение создаваемого
им государства. После триумфального возвращения в Тмудоро
кань из похода в страну адыгов он, как свидетельствует лето
писный рассказ, заложил в городе новый храм и таким образом
отделил часть захваченной им добычи и полученной с касогов
дани местному епископату.

Итак, на Русь в 1023 г. Мстислав вступал не наместником
отдаленного и полузабытого удела, а совершено крупного поли
тического образования, опиравшегося на материальный и люд
ской потенциал Северо-Западного Кавказа. Он объединил в
рамках одной политической системы Тмудорокань и адыгские
этнотерриториальные группы. В лице тмудороканских князей из
династии Рюриковичей адыгская общность нашла приемлемую
для себя в тех условиях, на раннем этапе строительства собст
венной государственности, форму политической надстройки. Ле
тописный рассказ о поединке Мстислава и касожского князя,
повторяющий фабулу баллады, воспевавшей рыцарскую доб
лесть обоих участников поединка, запечатлел, как выясняется,
не рядовой эпизод из истории русско-адыгских взаимоотношений,
а сам факт их установления, факт признания адыгами верховной
власти русских правителей Тмудорокани.

Летописное повествование о событиях, происходивших на
Руси после смерти Владимира, создает впечатление, что Мсти
слав был оторван от Поднепровья и никакого интереса к делу
наследия отца не проявлял. Однако имеется сообщение В. Н. Та

тищева о том, что в 1023 г. Мстислав потребовал у Ярослава «части в прибавок (к своим владениям. — А. Г.) из уделов них, которыми он завладел». На это требование Ярослав тил, видимо, уступкой, передав в удел Мстислава на Русь, что Мстислава не удовлетворило. Обида на Ярослава версии В. Н. Татищева, и привела к борьбе между братьями. Так разгорелась война 1024—1026 гг. На самом же деле показывает анализ летописного рассказа о войне Мстислава с касогами, тмутороканский князь к походу на Русь тщательнее готовился. Мало того, получение в удел на Руси Муром, возможно, и ущемляло несколько его самолюбие, поскольку Муром был последовательно вотчиной самых младших княжичей — Бориса и Глеба, а затем, в 1020 г., стал местом ссылки двоюродного брата Владимировичей новгородского посадника Константина Добрынича, было для него как владения тмуторокани исключительно важно, так как через Муром важнейшая торговая артерия, выводившая из глубин Севера Руси в Подонье, а оттуда на Кавказ. Мстислав же претендовал на большее. Он был хорошо осведомлен о том, что происходило в Киеве, и узнав, что в 1022—1023 гг. Ярослав был связан отношениями между полоцкими князьями и Новгородом, пошел прямо на Киев. Киевляне не приняли подступившего к Днепру и отойти к Чернигову, который открыл ему ворота («на столе Чернигове»). Это обстоятельство послужило началом раздела Руси на две части, который был закреплен миром, заключенным братьями у Городца. Так, Черниговское восточное Поднепровье, Подонье с прилежащими к нему муромскими районами и западные районы Северного Кавказа оказались в составе одного владения, одной политической системы.

Созданная Мстиславом система, опиравшаяся на центры — Чернигов, Муром, Тмуторокань, просуществовала 70-х годов XI в. По существу это была последняя попытка стабилизации каганата с той, однако, существенной разницей, теперь произошло смещение к западу основных связывавших эту систему путей. Наследники Мстислава предприняли ряд попыток для усиления этой системы и ее оптимального функционирования, однако в конце концов центробежные силы действовали в XI—XII вв. на всей территории Восточной Европы, привели ее к упадку, а в дальнейшем и к полному исчезновению.

Образование Тмутороканского княжества привело к активизации составивших его этнических общностей в двух направлениях. Во-первых, началось движение отдельных козарских (адыгских) групп, т. е. коренного населения Северного Кавказа на север, в коренные восточнославянские области, во-вторых, вновь активизировалось движение отдельных славяно-варяжских групп в направлении Северного Кавказа и Закавказья. Летопись, описывая выход М-

стислава из Тмуторокани, совершенно определенно отмечает, что вместе с Мстиславом к Киеву двигались дружины козар и касогов, которые в 1026 г. составляли костяк войск Мстислава и которые он ценил выше, чем присоединившихся к нему в Поднепровье северян.⁷¹ Можно думать, что не все вышедшие с Мстиславом на Русь тмутороканские дружинники в дальнейшем вернулись в Прикубанье. Топонимика Северской земли сохранила воспоминание о козарицах и касожичах, осевших в лесостепи в течение XI в.⁷²

Новое русское продвижение в Предкавказье может быть связано с упомянутым в Никоновской летописи и подтверждаемым материалами В. Н. Татищева походом Ярослава на ясов.⁷³ Согласно версии Татищева, Ярослав не только победил ясов/алан, но и привел в Поднепровье ясский полон, который расселил к югу от Киева по Роси. Этот поход, датируемый 1029 г., несомненно, мог быть предпринят только по согласованию с Мстиславом, за которым с 1026 г. было признано право полного суверенитета в восточной части Руси. Полагать, что поход Ярослава против ясов не затронул территории Кавказа, а ограничился районом Подонья, как думают некоторые исследователи, можно было только до тех пор, пока не были археологически обследованы расположенные на Среднем и Нижнем Дону памятники салтово-маяцкой культуры. Сегодня хорошо известно, что никаких этнических групп, носителей этой культуры, в X—XI вв. в области ее распространения уже не существовало. Мысль о дальности расстояния не может быть основанием для отрицания возможности такого похода. Поход Святослава Ярославича, совершенный им в 1065 г. в Тмуторокань, в помощь сыну Глебу, — прямое свидетельство того, что в экстренных случаях военные отряды, имевшие свою базу в Поднепровье, могли, несмотря на наличие кочевников в Причерноморской степи, достигать Северного Кавказа относительно легко и оперативно.⁷⁴ Суть проблемы, по-видимому, сводится к тому, что побудило Ярослава предпринять этот поход. На этот вопрос, вероятно, близкий к истине ответ дал В. В. Мавродин. Он предположил, что поводом для похода 1029 г. могли быть события, нашедшие отражение в одном из адыгских преданий, пересказанных Ш.-Б. Ногмовым, где говорилось, что «спустя несколько лет» после поединка между Мстиславом и Редедей адыги попытались «завоевать тамтаракайскую землю» и призвали на помощь себе «оссов», которые дали им войско численностью «до 6000 отборных людей». Адыги и оссы, говорит предание, одержали победу и, разорив «область Тамтаракайскую», разошлись по своим селениям («возвратились в отечество»)⁷⁵. Совершенно очевидно, что нет ничего невероятного в том, что после ухода в 1023 или 1024 г. на Русь Мстислава с верными ему дружинами козар и касогов на периферии Тмутороканского княжества могло вспыхнуть восстание, поддержанное отрядами

соседних адыгам и издревле рвавшихся к морю через их алан,⁷⁶ которое Мстиславу и пришлось подавлять с помощью старшего брата. Совместный поход обоих братьев через 1031 г. на Польшу и Червенские города, т. е. уже на периферии владений Ярослава, ставший кульминацией торжества митрополита «братолюбства», наступивших на Руси после многих лет разлуки, такую возможность подтверждает. Известно, что приведенный из Польши, братья разделили: Ярослав опять свою часть пленников поселил по Руси, Мстислав свою — по Чернигову, где как можно полагать на основании содержания текстов, повествующих об этих походах, им была решена также и его часть яassicкого полоня.⁷⁷

Дербендская хроника «Тарих ал-Баб» косвенно подтверждает свидетельства Никоновской летописи и В. Н. Татищева о походе русских князей в 1029 г. в Предкавказье. Согласно хронике, в следующем за походом — 1030 г. значительный отряд русов (около 4 тыс. человек) напал на Ширван, подошел к кораблям, и, следовательно, пройдя по Хазарскому пути в Тматорокани, к побережью в районе Баку (Баку).⁷⁸ В том же районе попытался высадиться еще один отряд русов. В 1032 г. русы, теперь уже соединившиеся с аланами, с гор проходили в Ширван и также через горы пытаются наступать на Северный Кавказ, обремененные огромной, по словам источника, «живой и неодушевленной добычей».⁸⁰ И, наконец, в следующем, 1033 г., объединенные силы русов и возглавляемые «властителем алан», нападают на области восточнее, лежащую между землями Дербенда и Сариром (Горы Дагестан).⁸¹ Все эти факты определенно говорят о том, что в 1029—1030 гг. значительные русские дружины сконцентрировались в районе Тматорокани или прилежащих к ней западных районах Северного Кавказа, откуда часть их пошла водным путем, а часть двинулась по суше, что неизбежно заставило последних соединиться с дружинами аланских воинов, открывших для них горные дороги в Закавказье. Таким образом, в 1029 г. повторилась хорошо знакомая по истории русских походов в Причерноморье и на Константинополь ситуация: бранные для совершения большого военного предприятия после его завершения (удачного или неудачного) рассредоточивались, причем часть дружин, наиболее тесно связанная с Днепром, возвращалась в Киев, а остальные уходили искать счастья в Прикаспийские страны, в Византию, в Средиземное море.⁸²

Новым и важным обстоятельством, связанным с этими фактами, явилось то, что русы, после пребывания в Ширване и в Баку, как сообщает «История династии Шаддадинов», направились «в сторону Рума (т. е. Причерноморья. — А. Г.) и дошли... страны Рус», т. е., вероятнее всего, как предполагал В. Ф. Минорский, вернулись в район Тматорокани.⁸³ Учи-

тывая русов в 1030 г. в борьбе правителя Аррана Фадла б. Мухаммада б. Шаддада с его восставшим сыном Аскарией близкого познакомило их с политическими проблемами Восточного Закавказья. Таким образом, союз русов и алан, недавно потерпевших поражение в Кахетии, не может казаться случайным. В 1032—1033 гг. аланы включают русов в орбиту своей политики и открывают им горные дороги, ведущие в Ширван и к Дербенду.

На фоне новых данных из местных кавказских хроник, излагающих историю Дербенда и Аррана (Гянджи), введенных в 50-е годы XX в. в научный оборот В. Ф. Минорским, по-новому выглядит известное сообщение ряда новгородских летописей о походе некоего Улеба в 1030 г. к Железным воротам («и тогда же Улеп изыде из Новгорода на Железные врата и опять мало их прииде» — Софийская первая летопись). Теперь очевидно, что в этом сообщении сохранился отзвук активных действий русских отрядов на Кавказе, а не в области расселения приуральской Югры.

В этот период Алания продолжала политику сближения с царством Сарир, что нашло отражение даже в появлении единого этнонима *Сарир ал-Алан* (т. е. «Аланский Сарир»).⁸⁴ Благодаря выпискам из местных восточнокавказских хроник «Истории Ширвана» и «Истории Дербенда» («Тарих ал-Баб»), сохранившихся в сочинении турецкого ученого XVII в. Мюнеджжим-баши, имеется возможность представить степень этнической консолидации Сарира, центром которого в интересующую нас эпоху, по-видимому, оставалось Хунзахское плато (Страна хундзов, район современного аула Хунзах). Обе хроники свидетельствуют, что с середины IX в. (походы Буги Старшего) Сарир был постоянным объектом нападений связанных с халифатом правителей Закавказья и Дербенда и одновременно организатором вторжений горских народов Восточного Кавказа на подчиненные арабам территории.⁸⁵ Особенно крупный поход был предпринят правителями Ширвана и Дербенда в 912 г., он закончился столь значительным поражением арабов, что в плен к их врагам попали и ширваншах, и эмир Дербенда вместе с огромным числом воинов (10 тыс. по данным источника). Сарир в этой войне действовал вместе с областью Шандан (по-видимому, современный район Акуша-Дарго) и хазарами.⁸⁶ Количество пленных, захваченных союзниками, свидетельствует о том, что даже при допущении завышения указываемой источником цифры Сарир мог выставить весьма значительную армию и, соответственно, был страной обширной и густонаселенной. Это подтверждают и данные о совместном походе войска Сарира и эмира Дербенда Ахмада б. Абд ал-Малика на ширванскую крепость Шабаран в 968 г. Тогда в результате выступления против сарирских войск, союзных эмиру, жителей Дербенда было перебито сто возглавлявших сарирские войска

предводителей.⁸⁷ Отношения между Сариром и Дербендо-
чали меняться только в 20-х годах XI в. К этому време-
коалиции Сарир — Шандан отпала область Карах, через
рую шел путь в горы, завоеванная в 995 г. эмиром Дерб-
Маймуном б. Ахмадом и обращенная им в ислам, а также
ностью исчезла надежда на возможность в борьбе с Дербен-
и Ширваном использовать северокавказские силы (ха-
В 1025 г. был заключен брак эмира Дербенда Мансура б.
муна б. Ахмада с дочерью «владельца» Сарира, который
дальнейшем неоднократно давал Сариру и союзным
владениям Дагестана вмешиваться во внутренние дела
бенда, выступая на стороне эмира. В этом отношении пред-
ляет интерес конфликт, произошедший между жителями
бенда и сарирцами в июле 1064 г. Со стороны Сарира в
принимали участие многие этнические группы, в том ч
«различные тюрки», впервые появившиеся в восточной ч
Кавказа. Все войско, выступившее против Дербенда, нах-
лось под командованием подчиненных «владельцу» Сар-
«тарханов» и «батриков», которые, по-видимому, явля-
местными сарирскими военачальниками различных ранг
Таким образом, мы видим, что политическая система Сарир
первой половине XI в. развивалась параллельно политичес-
системе Алании. И в том, и в другом образованиях шли о-
типные, насколько об этом можно судить по отрывочным
дениям, этносоциальные процессы.

*
* *

Активные контакты между этническими образованиями
верного Кавказа, которые отмечаются в первой половине
годов XI в., в 40—50-е годы вдруг по неизвестным для нас
чинам затухают, и, как следствие этого, замолкают и ис-
ники, дающие возможность проникнуть внутрь Северокав-
ского региона. Не исключено, что нарушение межкавказ-
связей было вызвано появлением в Северокавказской ст-
первых половецких (кыпчакских) групп и, соответственно,
крашением функционирования тех караванных путей и до-
которые еще были проходимы и использовались в начале XI
летия. Последним свидетельством о движении по такой дор-
ведшей из Подонья на Маныч, а от него по Егорлыку к го-
является обнаруженный в начале XIX в. около села Прег-
ного на севере Ставропольского края крест с русской
писью, датированной 1041 г.⁸⁹

После сообщения, датированного 1033 г., о смерти сына М-
слава, Евстафия, который, по материалам В. Н. Татищева, у-
князем Тмуторокани, «Повесть временных лет» на протяжении
длительного времени хранит о Кавказе полное молчание. Т-
торокань вновь появляется на ее страницах только под 10-

Под этим годом сообщается, что в Тмуторокани произошел по-
литический переворот, в результате которого был смещен и из-
гнан «седевший» там князь Глеб, сын черниговского князя Свя-
тослава Ярославича, и город захватил «бежавший» из Руси в
Тмуторокань его двоюродный брат Ростислав, сын Владимира
Ярославича.⁹⁰ В статьях, приводимых под следующими 1065 и
1066 гг., эта тема получает развитие. Под 1065 г. рассказыва-
ется о походе Святослава Черниговского в Тмуторокань
с целью вернуть Тмутороканский стол Глебу. А под 1066 г. ле-
тописец рассказывает о княжении в Тмуторокани Ростислава,
которому удалось вторично изгнать Глеба и закрепиться на
северо-западе Кавказа.⁹¹

Как установлено исследователями русского летописания,
статьи, повествующие о событиях, происходивших в Тмуторо-
кани в 1064—1066 гг. (на самом деле, вероятнее всего, в 1062—
1067 гг.), принадлежат перу того же автора, что и статьи, по-
вествующие о пребывании в Тмуторокани Мстислава и его
борьбе с Ярославом. Этим автором был тот же Никон, кото-
рый с весны 1061 г. до февраля 1067 г. (в пересчете на совре-
менное летосчисление), когда Ростислав погиб, отравленный
прибывшим к нему («с лостью») византийским чиновником
(«котопаном»), жил в Тмуторокани и был очевидцем происхо-
дивших там событий. Мало того, вскоре после смерти Рости-
слава он был «умолен» жителями Тмуторокани, как рассказы-
вает «Киево-Печерский патерик», взять на себя ведение пере-
говоров со Святославом о новом возвращении на тмуторокан-
ское княжение Глеба, что и выполнил, вернувшись в августе
1068 г. на Тамань вместе с князем.⁹²

Близкое знакомство с внутренней жизнью Тмуторокани и,
судя по всему, активное в ней участие ставят Никона-летопис-
ца в положение особого свидетеля, а его кратким текстам при-
дают значение в высшей степени достоверного источника. При
этом особого внимания заслуживают его свидетельства относи-
тельно политической деятельности и личности Ростислава.⁹³
Несмотря на свое явное расположение к Глебу, в правление
которого он впервые появился на Тамани и без содействия ко-
торого вряд ли сумел бы основать там свой монастырь, о чем
мы знаем благодаря опять же «Киево-Печерскому патерику»,
Никон дает яркую и лестную характеристику его сопернику
Ростиславу. Если сравнить то, как в 1078 г. печерский летопи-
сец, продолжатель летописи Никона, писавший в период его
игуменства и, несомненно, под его влиянием, характеризует
Глеба, с тем, как характеризует Ростислава сам Никон, станут
очевидными качества, которые позволили Ростиславу не только
отобрать у Глеба Тмуторокань, прочно утвердиться в ней, но и
включить в орбиту своей деятельности кроме западных обла-
стей Предкавказья по существу весь Северный Кавказ. Несмот-
ря на то, что продолжатель Никона знал и об участии Глеба в

ряде походов, и о его мужественном, хотя и коварном, поведении в 1071 г. во время мятежа в Новгороде, он не находит ни одного слова, чтобы отметить достоинства Глеба как князя, правителя и князя-воина. Глеб «милостив убогим и страннолюбив, тщанье имея к церквам, тепл на веру и кроток...», в то время как Ростислав, по словам Никона, в первую очередь «мужь добль» и «ратен».⁹⁴

Как можно заключить из летописных текстов, повествующих о событиях, связанных с борьбой за тмутороканское княжение Ростислава, и «Киево-Печерского патерики», Тмуторокань в начале 60-х гг. XI в. считалась и потомками Ярослава, и обитателями самой Тмуторокани областью, находящейся в вассальной зависимости от князей Чернигова наряду с Муромом, и когда уступленным Ярославом Мстиславу, и другими восточными окраинами Руси. Это обстоятельство дает право предположить, что за те десятилетия, которые прошли со времени объединения под рукой Мстислава Тмутороканского и Черниговского уделов, в Прикубанье не произошло заметных политических изменений. Местная адыгская династия за эти десятилетия не возродилась, население города и связанные с ним территориальные группы и общины не разорвали сложившиеся за годы княжения в Тмуторокани Мстислава связи с русской княжеской династией и Русским государством.

В этом отношении весьма показательным является то, что после смерти Ростислава вопрос о замещении княжеского стола решают сами тмутороканцы (Никон, по словам «Патерики», «умолен бысть от людей тех») и решают его однозначно в пользу представителя черниговского княжеского дома. Святослав же смотрит на Тмуторокань вообще как на один из уделов своей огромной вотчины. Этим объясняется и его поход на Северный Кавказ в 1065 г. для возвращения на Тмутороканский стол сына, и его уступка миссии Никона в 1067 г., когда Глеб вновь, несмотря на позор повторного изгнания, был отправлен княжить в Тмуторокань, и, наконец, отзыв в 1068 г. (1069 г.) все-таки непопулярного, видимо, в Тмуторокани Глеба на Русь и назначение в Тмуторокань другого сына — Романа.

Святослав, как можно с достаточным основанием предположить, стал sovereignом Тмуторокани около 1054 г., когда после смерти Ярослава в соответствии с его завещанием перешел на стол Владимира Волынского в Чернигов. Видимо, тогда в качестве своего наместника он и направил в Тмуторокань Глеба, которому в то время было не более 9—10 лет (Святослав в 1054 г. шел двадцать седьмой год).⁹⁶ К 1064 г. Глеб, таким образом, был для Тмутороканской области уже не чужим, а по существу ее вскормленным, т. е. собственным князем. Однако переворот, совершенный в 1064 г. Ростиславом, и удаление его на Тмутороканском столе, с чем, судя по разрыву событий, на какое-то время вынужден был смириться С

слав, позволяют предполагать, что в начале 60-х годов в Тмуторокани сформировалась партия, недовольная зависимостью от Чернигова. Ростислав, согласно Никоновской летописи, «бежа Тмутороканю... из Новгорода»⁹⁷ и, несмотря на то, что вместе с ним в Тмуторокань пришли два знатных новгородца — Порей и Вышата, которые, несомненно, как и Ростислав, привели туда свои дружины, вряд ли обладал значительной военной силой.⁹⁸ Изгнать Глеба и выстоять против Святослава, бросившегося спасать сына, вторично изгнать Глеба и утвердиться там настолько прочно, что его, по словам Никона, «убоявшеся грѣци», Ростислав без поддержки изнутри Тмуторокани, разумеется, не мог («Иде Святослав на Ростислава к Тмутороканю. Ростислав же отступи кроме из града, не убоявшеся его, но хотя противу стрѣви своему оружью взяти»). Только внезапная смерть Ростислава, видимо, спутала замыслы античерниговской партии. Тмуторокани пришлось вновь принимать Глеба, а затем в течение более десяти лет терпеть княжение «красного Романа» Святославича (так называет брата Глеба «Слово о полку Игореве»)⁹⁹. Важно и то, что Ростислав, захвативший Тмуторокань у ее sovereignа и сравнительно недолго ею управлявший, был погребен жителями города в церкви Богородицы, в том самом храме, который возвел Мстислав в память о своей победе над касогами, а тело Романа, «законного» князя (которого удалось устранить в 1079 г. руками половцев), было оставлено в Диком поле без погребения,¹⁰⁰ о чем с горечью говорит продолжатель Никона: «Суть кости его и до селе лежаче тамо, сына Святославля, внука Ярославля».¹⁰¹

В материалах В. Н. Татищева, восходящих, по всей вероятности, к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., включавшему значительное количество известий, не вошедших в «Повесть временных лет» (или сознательно изъятых из нее при переработках текста во втором десятилетии XII в.), имеются сведения, позволяющие представить в общих чертах дотмутороканский период жизни Ростислава и таким образом попытаться выявить причины, приведшие его в Тмуторокань, где он не только нашел приют, но и оказался во главе недовольных Черниговом сил. Согласно этим материалам, Ростислав (его христианское имя — Михаил), родившийся в 1038 г. в Новгороде, провел там свое детство, находясь при дворе отца, старшего из Ярославичей — Владимира.¹⁰² В Новгороде Ростислав оставался и после смерти Владимира, до 1055 г., когда Новгород был отобран у него Изяславом, ставшим после смерти Ярослава князем Киева и старейшиной русских князей. Тогда же, видимо, были отобраны Ростов и Суздаль, приданные ему Ярославом в 1052 г. после смерти отца. В Новгороде Изяслав стал княжить сам, поручив управление Новгородской землей дальнему родственнику Ярославичей Остромиру, внуку Добрыни, знаменитого дяди Владимира Святославича, а Ростов и Суздаль пере-

дал следующему после него по старшинству брату — Свя-
славу.¹⁰³ В качестве компенсации за отобранные владения И-
слав дал в 1057 г. Ростиславу Владимир Волинский и при-
лежащую к Волыни Червенскую землю, расположенную в се-
верном Прикарпатье, которые до этого по завещанию Яросла-
ва принадлежали младшему из Ярославичей Игорю, переведен-
ному в том же году на ставший вакантным более высокий стол
в Смоленске.¹⁰⁴ Посадив Ростислава на Волыни, Изяслав тем
самым закрепил за ним лен, соответствующий его положению
в иерархической системе рода Рюриковичей, но и лишил того
этого положения, в котором он находился при жизни деда,
дяди князем Новгородом и всей Северо-Восточной Руси.

До 1060 г. Ростислав, по-видимому, был вынужден мир-
но жить со своим новым положением. На Волыни он женился на
германской принцессе и здесь у него родились три сына, за ко-
торыми он закрепил часть земель своего нового лена.¹⁰⁵ Одна
мысль о возвращении в Новгород его, видимо, не оставляла.
Вряд ли случайно своему старшему сыну он дал здесь имя
Рюрик, явно указывающее на сохранение у него пиетета к
новгородской среде, в которой циркулировали предания о
генеральном основателе русской княжеской династии, и на
деленные надежды в конце концов встать во главе этой ди-
настии, на что как старший внук Ярослава он безусловно
имел все права.¹⁰⁶

В 1061 г. Ростислав, как свидетельствует Тверской лето-
писный сборник, вновь появился в Новгороде, где к этому вре-
мени Изяслав посадил наместником своего старшего сына Мсти-
слава.¹⁰⁷ Правление в Новгороде Мстислава, по-видимому, вызвало
неудовольствие новгородцев. Мстислав, как можно судить
по его расправе с киевлянами, освободившими полоцкого князя
Всеслава в 1068 г., был человеком злобным, жестоким и
несправедливым.¹⁰⁸ Как развивались события в Новгороде, ко-
гда там появился Ростислав, мы не знаем, но то, что он и его
спутники потерпели поражение, совершенно очевидно. Бежав
из Тмутарокань с Ростиславом Порей и Вышата принадлежали
к высшему слою русской военной аристократии того време-
ни. О Порее продолжателе Никона вспоминает вновь под 1071 г.
называя его среди знатнейших воевод Всеволода, павшего
в битве с половцами на Сожице.¹⁰⁹ Вышата же был сыном
новгородского посадника Остромира и, соответственно, род-
ственником Рюриковичей. В 1043 г. он по поручению Ярослава
полнял обязанности воеводы во время похода отца Ростисла-
ва Владимира на Константинополь.¹¹⁰ Часть воинов, участво-
вавших в этом походе, после его окончания оказалась в плену
в Византии,¹¹¹ а часть направилась на Кавказ и участвовала
в походе не Баграта IV с его мятежным вассалом эриставом Липар-
том Багваши.¹¹²

Выступление Ростислава против Мстислава Изясла-
ва

опиравшееся на поддержку новгородского патрициата, было
первым посягательством на порядок распределения столов и
уделов, установленный старшими Ярославичами в 1054 г., и
прямым нарушением совершенных прав Изяслава как старей-
шего княжеского рода. Не могло не затронуть оно и владев-
шего северо-восточными окраинами Руси, некогда принадле-
жавшими Ростиславу, Святославу. За это Ростислав, как мож-
но думать, был единодушно осужден всеми представителями
рода Рюриковичей и лишен своего лена. Семья Ростислава, со-
гласно материалам, которые были в распоряжении В. Н. Тати-
щева, была арестована Изяславом.¹¹³ На Руси Ростислава те-
перь ожидала такая же участь, какая постигла полоцкого кня-
зя Всеслава Брячиславича, посягнувшего вслед за Ростиславом
в 1065 г. на установленный Ярославичами порядок.¹¹⁴ В этих
условиях у Ростислава, видимо, возникла мысль нанести удар
по триумvirату старших Ярославичей с юга, превратив Тмута-
рокань, как это сделал в свое время Мстислав, в опорный пункт,
где можно было бы временно укрыться, а затем, собрав сред-
ства и силы, вновь двинуться на Русь. Нельзя исключить и
того, что мысль об использовании Тмутарокани в качестве базы
была подсказана Вышатой, который после неудачи, постигшей
войско Владимира Ярославича, три года провел в византийском
плену и, очевидно, был достаточно хорошо осведомлен о поли-
тической ситуации в Причерноморье. Можно думать, что на
решение Ростислава двинуться к Тмутарокани повлияли также
и ходившие на Русь предания о походах из Новгорода на
Царьград, Корсунь и Корчев, следы которых новгородские и
верхневолжские письменные памятники хранили еще в XV—
XVI вв.¹¹⁵

Мы не знаем, как долго удавалось Ростиславу удерживать-
ся в Новгороде, когда и где он впервые вступил в контакт
с представителями тмутароканской общины, какими путями он
и его спутники пробирались из Новгорода в Тмутарокань. Но
мы с полным основанием можем предполагать, что после по-
пытки восстать против старших Ярославичей Днепровский
путь был для него закрыт и ему пришлось идти на юг древ-
ним восточным путем — через Рязань, Муром и вниз по Дону.
На Дону в это время еще существовали отдельные русские по-
селения, связанные с Тмутароканью — Белая Вежа на месте
хазарского Саркела, поселение на Казачьем Ерике в дельте
Дона и, вероятно, ряд других,¹¹⁶ на которые выходили степные
дороги, ведущие на восток, и от которых начинались дороги, шед-
шие через степи Предкавказья в Тмутарокань и Аланию. По-
явление здесь Ростислава не могло остаться незамеченным из-
за Тмутарокани, и, следовательно, у ее жителей было время для
выбора: подготовиться к обороне, сплотившись вокруг своего
вскормленника Глеба, или, напротив, восстать против Глеба,
открыв ворота Ростиславу и его спутникам. Тмутароканцы, по

свидетельству Никона, выбрали последнее: они не только приняли Ростислава, но и сохранили преданность ему во время военной экспедиции, предпринятой против них Святославом.

Важнейшим памятником, дающим ключ к пониманию политики Ростислава как Тмутороканского князя и, соответственно той группы жителей Тмуторокани, которая его принимала поддерживала в противовес черниговскому ставленнику Глебу является опубликованная впервые в 1941 г. румынским историком Н. Бэнеску булла (свинцовая печать), содержащая христианское имя Михаил и титул — «*архонт Матрахи, Зихии всей Хазарии*».¹¹⁷ Эта печать рядом исследователей приписывается Олегу Святославичу, также носившему имя Михаил, который в 1079 г. сменил на Тмутороканском столе своего брата Романа. Однако, как следует из анализа других известных на сегодня печатей, прямо связанных с личностью Олега, он должен был иметь титул *архонт Руси*, поскольку титул его жены Феофано был *архонтиса Руси*. Сфрагистике известна целая серия печатей русских князей с этим титулом (матери Владимира Мономаха Марии, его отца Всеволода-Андрея, его двоюродного брата Давыда Игоревича). При этом все они датируются временем не ранее последней четверти XI в., т. е. более поздним, чем период деятельности Ростислава.¹¹⁸ Титул, обозначенный на печати Ростислава-Михаила, — явление уникальное в русско-византийской сфрагистике. Этим титулом засвидетельствована не только сложившаяся еще на рубеже 10—20-х годов X в. политическая реальность — объединение Тмутороканского острова (Матрахи-Таматархи) с окружающей его каспийской периферией (Зихия), но и политическая программа нового правителя Тмуторокани — его стремление к установлению тмутороканской гегемонии над территорией всего восточноевропейского Юго-Востока, некогда объединенного Хазарским каганатом, включая Северный Кавказ, Нижнее Подонье, Поволжье и Восточный Крым. Византийцы XI в. Хазарией называли только Крым, владелец печати определением «*всей*» (συν) подчеркивает, что он претендует на территорию Хазарии не в этом современном и узком ее понимании, а в другом, древнем и широком. В свой титул *архонт всей Хазарии* он вкладывает таким образом значение «каган», как именовались древние правители этой огромной державы. Одновременно этим титулом он подчеркивает, видимо, также и свое особое положение в роде Рюриковичей как старший прямой потомок Владимира и Ярослава, которых современники сопоставляли с правителями Хазарии и в торжественных случаях величали каганами.¹¹⁹

Краткий текст Никона, повествующий о недолгом княжении Ростислава в Тмуторокани, по своему смыслу почти полностью соответствует тому, что рассказывает о себе сам Ростислав в титулатуре, приведенной в легенде его печати. «Ростиславу

Тмуторокани и емлющую дань у касог и у инех стран», — говорит о нем Никон. В конкретной ситуации 1065—1066 гг. «инех странами», с которых мог взимать дань Ростислав, будучи князем (архонтом) Тмуторокани и Страны адыгов (касогов, Зихии), следует считать именно области древней Хазарии, лежащие к востоку от Страны адыгов в глубине Северного Кавказа. Зависимость от Ростислава восточной стороны Керченского пролива с его главным городом Боспором (Корчевом) и прилежащих к нему земель Восточного Крыма представляется в это время весьма сомнительной, несмотря на то, что надпись Тмутороканского камня, сделанная сменившим Ростислава Глебом зимой 1067—1068 гг., казалось бы, дает основание для такого вывода.¹²⁰ На рубеже 50—60-х годов Византия значительно усиливает свои позиции в Крыму, о чем вполне определенно свидетельствует строительная надпись «стратига Херсона и Сугдеи» Льва Алиатта, датированная 1059 г. Боспор в это время, по-видимому, получает также своего стратига.¹²¹

Именно на этом фоне расширения византийского присутствия в Крыму, вероятнее всего, и следует искать причины, побудившие правительство империи направить в Тмутороканию к Ростиславу «с лестью» посла, который в ходе своей миссии, несмотря на благоприятный прием, оказанный ему правителем Тмуторокани («Оному же пришедцю к Ростиславу и вверившюся ему, чтишь и Ростислав»), видимо, не нашел другого решения поставленных перед ним политических задач, кроме самого крайнего, — убийства князя. Надпись Глеба, текст которой говорит об измерении им расстояния между Тмутороканью и Корчевом (Боспором), — это, скорее всего, не констатация ситуации, сложившейся на берегах Керченского пролива в период правления его соперника в борьбе за Тмутороканский стол, а своеобразная реляция о попытке самого Глеба закрепить за Тмутороканью западный берег пролива, т. е. сделать по существу именно то, что империя ожидала от Ростислава, зная его воинственность и далеко идущие амбиции. Удобным поводом для этой акции вполне могло стать восстание, вспыхнувшее в Херсоне (Корсуни), по свидетельству Никона, сразу же после смерти Ростислава. По вполне обоснованному предположению А. Л. Яковсона, оно было направлено против центрального правительства Византии, представителем которого был отравивший Ростислава «котопан».¹²² Начавшись в 1067 г., это восстание продолжалось, по материалам В. Н. Татищева, «против корсунян» выступили войска, посланные по просьбе императора Михаила VII Дуки сидевшим тогда в Киеве Святославом, во главе которых был поставлен Глеб Святославич, в то время новгородский князь, и Владимир Всеволодович (Мономах), бывший тогда смоленским князем.¹²³

В. Н. Татищев расширяет сохранившуюся в «Повести вре-

менных лет» характеристику правления Ростислава в Тмутарокани, включая в число его данников также и «яс», т. е. алан. Нечем при этом основывается В. Н. Татищев — неясно, но это добавление к каноническому летописному тексту «Повести временных лет» (Лаврентьевский и Ипатьевский списки) вряд ли было домыслом самого В. Н. Татищева, который, как известно, не сумел правильно локализовать Тмутарокань и испытывал значительные затруднения, комментируя тексты, упоминавшие заграничные для него касогов и ясов.¹²⁴ Булла Ростислава дает основание думать, что, претендуя на «всю Хазарию», он не исключал также и яские земли, составлявшие некогда значительную долю вассальных территорий каганата. При этом он вполне обоснованно мог опираться на традицию взаимоотношений Руси и ясов, возникшую во время похода в Хазарию Святослава Игоревича («и ясы победи») и укрепившуюся в период правления в Тмутарокани Евстафия Мстиславича, в 1029—1033 гг. Память о походе Ярослава, вне зависимости от того, до какого географического предела он дошел, вряд ли к началу 60-х годов, когда в Тмутарокани появился Ростислав, изгладилась у ее жителей. Для них «дань», взимаемая их князем с «инех стран», среди которых могли быть какие-то более или менее крупные частые Алании, была такой же реальностью, как и «дань» (вернее, подать), взимаемая с касогов.

Вместе с тем нельзя не отметить, что политическая ситуация, сложившаяся на Северном Кавказе к началу 60-х годов, была такова, что никаких существенных форм вассальной зависимости алан/овсов (Аланского царства) от Тмутарокани мы это время предполагать не можем. Это было время крупнейшего правителя средневекового Аланского государства Дорголе («великий царь овсов Дорголе» по «Картлис цховреба»), сына великого Византии и Грузии, родственника императора Михаила Дуки (1071—1078 гг.) и грузино-абхазского царя Баграта (1027—1072 гг.).¹²⁵ Очень существенно, что именно в период пребывания Ростислава в Тмутарокани происходит активизация верокавказских политических образований Сарира и Алании. В 1062 и в 1065 гг. Дорголе вместе с грузинскими войсками совершает опустошительное вторжение в западный Азербайджан (Арран), управлявшийся с конца X в. курдской династией Шадидов.

Усиление Алании, особенно западной ее части, расположенной в верховьях Кубани, несомненно, находившейся под контролем Дорголе, не могло не беспокоить население Тмутарокани, поэтому авансы, которые выдал тмутароканской общине Ростислав, провозгласив себя «архонтом всей Хазарии», разумеем, нашли у них отклик. Кроме того, появление Ростислава на Северном Кавказе и поддержка, оказанная ему тмутароканцами, могли остаться без внимания и со стороны Алании, тем более на фоне появившихся в восточной части Предкавказья «раз-

ных тюрков». Касожское (Тмутароканское) объединение, возглавляемое Ростиславом, становилось серьезной угрозой для продолжения совместных грузино-аланских вторжений в мусульманские земли Закавказья. В этой связи нельзя пройти мимо известия «Картлис цховреба» о свидании Дорголе с Багратом IV, которое по просьбе аланского царя состоялось после похода алан и грузин на Гянджу (Арран), вероятно всего, летом 1066 г.¹²⁶ Разумеется, при этой встрече Дорголе не мог не затронуть политических вопросов, не мог также и Баграт, знакомый с русами-«варангами» по событиям 1043—1046 гг., оставить без внимания ситуацию, возникавшую на Северном Кавказе. К этой встрече, можно думать, тянется одна из нитей того заговора против Ростислава, исполнителем которого стал византийский «котопан». Стабильность Алании, державшей в своих руках кавказские перевалы и обладавшей значительным военным потенциалом, в течение многих веков была фундаментальной основой всей византийской политики на Кавказе. Угроза этой стабильности должна была напугать империю не меньше, чем угроза потери ее позиций в Таврике. Не претендовавшие на возрождение Хазарского каганата с центром в Тмутарокани, сыновья Святослава Черниговского не волновали так Константинополь, как взволновал его Ростислав. Со старшими Ярополком, со Святославом, а особенно с Изяславом и Всеволодом, в центре интересов которых были Киев и Русские земли, Византия могла всегда договориться. Ростислав же был изгоем, и поэтому его приходилось особенно опасаться, так как действия его были непредсказуемыми.

Что же привлекало в Ростиславе тмутароканскую общину и связанное с ней касожское (адыгское) окружение Тмутарокани, кроме его личных качеств («добль, ратен, возрастом же леп и красен лицом, и милостив убогим»)? Почему в 1081 г. Тмутарокань так же, как в 1064 г. Ростиславу, открыла свои ворота его сыну Володарю Ростиславичу, скинув присланного от великого князя Всеволода «посадника» Ратибора? Чего стремилось достичь Касожско-Тмутароканское объединение, противопоставляя династическую линию, восходящую к Владимиру Ярославичу, династической линии, восходящей к Святославу? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо остановиться на рассмотрении исторического фона, который определял жизнь Тмутарокани начиная с середины XI в. Главное в этом фоне — все более нарастающая опасность, вслед за относительной политической независимостью, которой пользовалась до этого Тмутарокань и связанные с ней касожские группы, утратить свое положение средоточия торговых путей, соединявших Поволжье и Прикаспийские страны с Византией и Средиземноморьем.

В середине XI в. византийские чиновники вновь отстраивают и укрепляют Херсон, административно объединяя его с Судеей, и тем самым берут в свои руки контроль за каботажным

плаванием из Руси, из Днепровского устья в Керченский пролив.¹²⁷ Одновременно Византия начинает серьезно угрожать интересам Тмуторокани с юга. В 1033 г. она приобретает у вдовы абхазского правителя Георгия I Альды, аланки по происхождению, Анакопию (современный Новый Афон), один из важнейших центров Абхазского царства, и получает опору для влияния на южные группы адыгов и контроль за каботажным плаванием вдоль северо-западного побережья Кавказа, мимо которого проходил путь, ведущий в Трапезунд, старый город-порт Тмуторокани.¹²⁸ На востоке Аланское царство достигает на высшей точки своего развития, по существу перекрывая дорогу через центральный и западный Кавказ.¹²⁹ Наконец, на севере появление половцев (первая дата в русских источниках — 1055 г.) становится прямой угрозой существования столь важного для Тмуторокани Волго-Донского пути и столь необходимой связи с Поднепровским Левобережьем и Подоньем. В этих новых условиях Тмуторокани нужен был независимый правитель, обладавший и безупречной генеалогией, и сильной рукой. Такой правитель, который способствовал бы сохранению внутригородской общины ее материальных ресурсов — доходов от торговли и даней, поступавших от касогов и «иных стран». В городе больше не могли мириться с зависимостью от Чернигова и с утечкой в далекое Поднепровье части городских богатств, тем более, что с каждым десятилетием черниговские князья все более активно включались в междоусобную борьбу на Руси и все меньше дорожили своей далекой тмутороканской вотчиной. На этом фоне политическая программа Ростислава созвучная помыслам и чаяниям тмутороканских козар, не могла не найти у них поддержки. С 1064 г. в Тмуторокани начинается серия античерниговских выступлений. В 1079 г. тмутороканские козары инспирируют убийство Романа и передают Византии плененного ими Олега. В 1081 г. они принимают на княжство Володаря Ростиславича и его дядю Давыда Игоревича. В 1083 г. выступают против вернувшегося из заточения Олега.¹³⁰ Возвращение Олега, хотя и положило конец существованию античерниговской партии («козар»), но не изменило общего курса. Олег принял его, и это помогло ему не только самому в течение десятилетия удержаться в Тмуторокани, но и передать ее младшему брату.

Итак, разбор кратких летописных известий о событиях, произошедших в 1064—1067 гг. в Тмуторокани, дает нам возможность определить следующий после объединения в одном политическом образовании с Тмутороканью этап истории адыгской средневековой общности.¹³¹ Этот этап, реконструируемый главным образом через анализ политической истории Тмуторокани, характеризуется стремлением населения Северо-Западного Кавказа, не порывая с русской княжеской династией, восстановить политическую независимость, придав новому образованию

широкую разрушенной в 60-х годах Х в. Хазарской империи, около трехсот лет объединявшей народы и племена юго-востока Восточной Европы. Осуществить это стремление в 60-е годы XI в. населению Северного Кавказа не удалось. Вмешательство Византии в самом начале остановило процесс создания нового государственного образования и тем самым навсегда покончило с иллюзиями тмутороканских хазар/козар о возможности восстановления древнего каганата.

* * *

В общем контексте источников, содержащих свидетельства о Тмутороканском княжестве, молчание, которое они хранят о нем в течение целого десятилетия после унижительного посольства Никона Печерского в Чернигов к Святославу и вторичного возвращения его сына Глеба на Тмутороканский стол, может быть истолковано вполне определенно и однозначно. Призывав к себе вновь черниговского князя, Тмутороканское политическое образование, по-видимому, оказалось так крепко привязано к огромным владениям Святослава, а активность его социальных верхов так сильно ограничена их властным совершенством, что Тмуторокань на длительный ряд лет выпадает из политической жизни Руси и, соответственно, из сферы интересов русских летописцев.

В эти годы престиж Тмутороканского стола на политических весах потомков Ярослава, вершивших судьбами Восточной Европы, хотя и постепенно, но неуклонно стал падать. Святослав заменяет на нем своего старшего сына Глеба четвертым — Романом, а Всеволод в дальнейшем, став владельцем Чернигова, вообще лишает его представителя династии и посылает в Тмуторокань «посадника» из своих ближних людей, вероятно, переяславских или черниговских бояр.

Вследствие расширения в Южнорусской степи половецких кочевий Тмутороканская земля в эти годы все более и более отдалается от Поднепровья, и обеспечение ее политической целостности и связи с Русью становится труднейшей функцией ее правителя. Только победа Святослава осенью 1068 г. под Черниговом на р. Снови спасла его южные вассальные земли, включая Тмуторокань, от полного разгрома и разорения.¹³² Косвенно об исключительно сложном положении Тмуторокани в эти годы свидетельствует то, что даже в походе русских князей в Таврику (Крым) «на корсунян», восставших против императора Михаила VII Дуки, который был организован (или только планировался) Святославом во время его великого княжения (1073—1076 гг.), не принимает участия ближайший сосед мятежников Роман с его тмутороканскими дружинами, а действуют вызванные на юг из Новгорода Глеб Святославич и из Смоленска — Владимир Всеволодович.¹³³

Вновь Тмуторокань, а соответственно, и Северный Кавказ,

привлекают к себе внимание летописца, составителя «Повести временных лет», только при рассказе о событиях, произошедших на Руси после смерти Святослава (в конце декабря 1076 г.).¹³⁴ Весной 1077 г. против занимавшего в то время великокняжеский стол Всеволода (законный великий князь Изяслав Ярославич, изгнанный младшими братьями Святославом и Всеволодом, находился в Польше) поднял мятеж один из его младших «сыновцев» (племянников) Борис, сын умершего в Смоленске Вячеслава Ярославича, определенный еще Святославом на ближайший к Киеву, но малозначительный с политической точки зрения стол в Вышгороде.¹³⁵ Воспользовавшись тем, что Всеволод выступил из Киева навстречу Изяславу, двинувшемуся из Польши на Русь с нанятым на западе войском, Борис попытался завладеть Черниговом, на который после смерти Святослава претендовал сам Всеволод. Ему удалось захватить город и сесть на Черниговском столе, где он, однако, продержался только восемь дней. Владимир Всеволодович (Мономах) выгнал его из Чернигова, и он, как говорит летопись, «бежа Тмутороканю к Романови».¹³⁶ Там же, год спустя, в апреле 1078 г. появился и его двоюродный брат Олег Святославич, третий сын Святослава, чья судьба с этого времени оказалась долгие годы связана с Северо-Западным Кавказом.

Впервые «Повесть временных лет» упоминает Олега в 1076 г., когда он вместе со своим двоюродным братом Владимиром Всеволодовичем по поручению отца ходил с войсками в Польшу и Чехию.¹³⁷ В это время он, по-видимому, был князем Владимира Волынского, хотя свою политическую карьеру начал на Северо-Востоке наместником отца в Ростовской земле,¹³⁸ торую тот, став великим князем, получил от Всеволода в обмен на Чернигов. Ростов был, хотя и дальней, но весьма престижной вотчиной, и направление туда Олега явно свидетельствовало о признании Святославом военных и политических способностей своего третьего сына, поскольку это было сделано в ходе второго — Давыда. С переводом на юг, на Волынь, Олег шел в мир большой киевской политики, однако внезапная смерть отца поставила его на место, соответствующее его реальному положению в родовой иерархии Рюриковичей. По примирения Изяслава и Всеволода он был лишен Владимирского стола («из Володимеря выведен», как пишет о нем в своем «Поучении» Мономах¹³⁹), а затем в качестве не то пленника оказался при дворе Всеволода в некогда родном Чернигове. Здесь на Пасху 1078 г. он был приглашен Владимиром на Красный двор (очевидно, в княжескую резиденцию, где между ним и Всеволодом произошло объяснение, в котором фигурировали какие-то 300 гривен золота, при свидетелях переданные Владимиром отцу).¹⁴⁰ Результатом этого объяснения стало то, что Олег вынужден был бежать из Чернигова по приказу Бориса в Тмуторокань.

Чего хотел добиться от Олега Мономах (а именно он, по его же словам, был организатором встречи с Олегом и его объяснения с отцом), неясно. Но с этого времени между Всеволодом и Владимиром, с одной стороны, и Олегом, — с другой, началась длительная многолетняя вражда. С большой долей вероятности можно предположить, что Олег был уличен в связи с Борисом и в помощи ему. Как один из самых младших княжичей в роде, Борис никак не мог рассчитывать на стол в Чернигове, тем более при жизни детей Святослава. Мятеж Бориса был, скорее всего, задуман как удар в спину Всеволоду, когда он шел на Волынь для сражения с возвращавшимся на Русь Изяславом. В случае успеха Бориса против Всеволода на Волыни мог подняться и сидевший там Олег и постоянно враждебные старшим Ярославичам червенские князья, потомки Ростислава. Мир, внезапно заключенный между Изяславом и Всеволодом, давший Изяславу возможность вернуться на великокняжеский стол в Киеве, а Всеволоду отойти на второе тогда на Руси по значению Черниговское княжение, явно смешал все карты. Теперь Тмуторокань стала оплотом мятежных князей. То, что они избрали ее местом своего спасения, обнаруживает еще одного участника этой авантюры — им, очевидно, был брат Олега, Роман, с 1068 г. княживший в Тмуторокани.

Появление в Тмуторокани Олега (он появился там в апреле или мае 1078 г.) дало толчок к началу открытых действий. В Тмуторокани Олега, по-видимому, ждали и готовились. Однако поднять в поход на Русь тмутороканских козар и касожских князей Роману, судя по всему, в это время не удалось. На призыв к совместному выступлению откликнулись только половцы, новая политическая сила, заполонившая Причерноморские и Северокавказские степи. Население Тмуторокани и ее окрестностей, как показал весь дальнейший ход событий, не желало втягиваться в междоусобицу, начатую Святославичами, поскольку смерть Святослава давала им шанс освободиться от черниговской зависимости. К середине лета 1078 г. обстановка в Тмуторокани была уже такова, что Роман не рискнул покинуть город и присоединить свою дружину к дружинам Олега и Бориса, направившимся в сторону Чернигова.

В конце лета Олег и Борис с половцами подошли к Суле, основному рубежу русско-половецкого пограничья, куда из Чернигова выступил Всеволод.¹⁴¹ Это был первый случай, когда возглавляемые русскими князьями половецкие кочевья начали движение на Русь. Состоявшаяся 25 августа битва при речке Сожице (приток Сулы) привела к поражению Всеволода, в результате которого он вынужден был бежать в свой Переяславль, а оттуда идти в Киев на поклон к Изяславу. Черниговцы, видимо, полагавшие, что вокняжение в их городе Святославичей восстановит их старые отношения с Северным Кавказом, помирят со Степью и избавит от переяславцев, составлявших

окружение Всеволода, не только приняли Олега и Бориса, как показали дальнейшие события, готовы были биться с противниками. Союзные Олегу и Борису половцы, судя по ответствующей летописной статье, не были введены в Черниговскую землю, их движение было остановлено на Суле и направлено в сторону принадлежащего Всеволоду Переяславля, куда в это время на помощь отцу спешил из Смоленска Владимир.

Олег и Борис во второй раз не смогли по достоинству оценить дипломатические способности Всеволода. Оторвавшись от основного массива союзных им половцев, они к началу октября оказались лицом к лицу с объединенными силами уже не одного, а четырех враждебных им князей — Изяслава, его сына Ярополка, Всеволода и Владимира. Очевидно, уяснив всю слабость своего положения, Олег попытался предотвратить сражение и пойти на переговоры, но не был поддержан горячим риском. 3 октября на Нежатиной Ниве под Черниговом произошла битва, в которой пали великий князь Изяслав и Борис, живший свою голову, как говорит автор «Слова о полку Игореве», «за обиду Олгову». Кровь Изяслава и Бориса, как и кровью дружинников Всеволода, погибших на Сожице, были поставлены современниками в вину Олегу, и с этого времени за ним ползла растянувшаяся на столетия черная слава врага Руси «Гориславича». Битву на Нежатиной Ниве он проиграл и вынужден был бежать на Северный Кавказ.

В Тмуторокани, куда направился после поражения Олег, появление, видимо, произвело тяжелое впечатление. Из Чернигова он ушел «в мале дружине», половцы, судя по всему, кинули его. Однако летом следующего 1079 г. он предпринимает еще одну попытку заставить Всеволода уступить ему Чернигов. Но теперь на авансцену выдвигается Роман, который берет вновь союзных братьям половцев прямо на Переяславль. Сам же Олег остается в стороне, видимо, готовясь в случае, если Роману удалось бы оттянуть к Переяславлю силы Всеволода и Владимира, вновь броситься на Чернигов. Однако этот раз он просчитался. Роман с половцами сумел дойти только до южной границы Переяславского княжества, до города Воиня. Вышедший навстречу ему из Киева Всеволод (после бегства Изяслава он теперь законно занял великокняжеский престол) перекупил половцев, которые внезапно повернули назад, в Приазовье. Вместе с ними вынужден был отойти и Роман. Тмуторокань он не вернулся. Представители козарской общины города, которые, вероятно, по своему положению должны были сопровождать князя в походе, т. е. собственно городская община, выдали его половцам. Роман был ими убит и брошен в степи.¹⁴²

Когда известие об этом достигло Тмуторокани, в городе началось восстание. Во главе его встали те же лица, которые участвовали в устранении Романа. Мы не знаем, сделал ли

какую-либо попытку объявить себя «архонтом Матрахи» вместо брата, но нам достоверно известно, что он был схвачен представителями античерниговской партии и как опасный пленник вывезен за пределы Тмутороканской земли — в Константинополь.

(«А Олга емше козаре, поточиша и за море Цесарюграду».)¹⁴³ Полагать, что инициатором этой акции была империя, вряд ли возможно.¹⁴⁴ На рубеже 70—80-х годов XI в. Византия переживала столь острый политический кризис, что трудно представить, чтобы ее правительство могло в это время замысливать какие-то серьезные политические действия в Северном Причерноморье и на Кавказе. Другое дело, что оно не могло отказать в услуге своему старому и верному союзнику на Руси Всеволоду. Тот факт, что вслед за пленением и высылкой Олега в Тмуторокани сразу же появился «посадник» Всеволода Ратибор, очевидно, взявший в свои руки основные нити управления Тмутороканской землей, о чем свидетельствует довольно большое количество его булл (свинцовых печатей), найденных на Тамани, в Крыму, на Балканах,¹⁴⁵ кажется, прямо указывает, кто направлял тмутороканских козар в их борьбе со Святославичами.

Гибель в конце мая 1078 г. на Севере в Заволочье Глеба Святославича, убийство Романа половцами и высылка Олега за пределы Руси избавили Всеволода на время от соперников, претендовавших на черниговское княжение с его северокавказскими вассальными землями, которое он передал своему сыну Мономаху, и одновременно укрепили его влияние на Черноморском побережье от Дуная до Кавказа. Под его опекой оказались теперь и основные участки торговых путей, шедших на восток через степи, и морской путь из Днепра к Тмуторокани и оттуда на Дон и Волгу. Однако, посылая Ратибора на Северный Кавказ, Всеволод совершил явный политический промах. Он не учел, что для козарской общины Тмуторокани была неприемлема не собственно зависимость от дальнего и все более удалявшегося Чернигова и его представителей Святославичей, а вообще любая политическая зависимость от дальней и чужой силы. Именно этим, вероятнее всего, следует объяснить тот факт, что через год с небольшим после появления Ратибора в Тмуторокани его жители открыли ворота новым беглецам. Это были внук Ярослава Давыд Игоревич (сын младшего Ярослава, умершего в 1060 г. в Смоленске), у которого Всеволод отобрал Туров, и сын Ростислава Володарь, сидевший до того в Перемышле. Князья, по-видимому, без всякого сопротивления со стороны жителей города «яста» Ратибора и объявили себя правителями Тмутороканской земли.

То, что уход Давыда и Володаря в 1081 г. с родных мест на Северный Кавказ был следствием ущемления их вотчинных прав и амбиций Ярополком Изяславичем, князем Волыни, которого поддерживал Всеволод, и то, что таким образом выра-

жали они свой протест против великого князя, вполне по- Но то, что местом своего пребывания, оказавшись в оппо- к великокняжеской власти, избрали именно Тмуторокань- бует объяснения. Что привело их от Сана и Припяти к К- рийскому Боспору и почему их принимают тмутороканцы, почитая законной власти, основанной на авторитете самого- тельного и сильного правителя Руси? Конечно, Володарь- тмутороканцев был почти своим князем как сын Ростислав- чтобы уйти от Перемышля на Северный Кавказ он, несомн- должен был быть уверен, что там помнят о его отце и з- его, что его примут и поддержат. Иными словами, для того- бы сдвинуть двух западнорусских князей с насиженных мес- надо было специально подготовить, вовремя информир- о политических настроениях в Тмуторокани и даже проло- маршрут их пути протяженностью не менее трех тысяч кил- ров. Кто это мог сделать и кто в этом мог быть заинтересо- Думается, что это могло быть только делом тех купеческих- пораций, которые были фактическими хозяевами торгового- проходившего из Западной Европы через Южную Польшу, карпатье, Волинь на Киев и далее до Тмуторокани. Тмутор- ские козары, по-видимому, были связаны с этими корпора- и экономически и конфессионально. Через них они и выб- себе после избавления от Святославичей новых князей, кот- как потомки Ярослава вполне удовлетворяли честолюбие з- ского окружения, а как лица, не связанные с ближними пол- ческими образованиями, лишенные средств и независи- устраивали верхи козарской общины.

Приглашая новых князей, тмутороканская община, раз- ется, не могла предполагать, как сложится судьба выслан- «за море» Олега. Вполне возможно, что и козары, и помо- ший им Всеволод рассчитывали, что он в Византии погиб- Но Олег был не простым пленником, а пленником весьма в- кого ранга — племянником русского великого князя, женатог- дочери императора Константина IX Мономаха, и следоват- но, — дальним родственником Мономахов. По аналогии с с- цией, сложившейся в 30-е годы XII в., когда Мстислав Влад- рович (сын Владимира Мономаха) выслал в Константино- пятерых полоцких князей с их семьями, можно полагать, з- ссылка Олега была предварительно оформлена каким-то ди- матическим протоколом, и, соответственно, в Константино- ему было заранее определено какое-то содержание и назна- какая-то служба.¹⁴⁶ Правда, в Константинополь он попал в т- ма неудачное время. Вскоре после его появления в столице- перии там вспыхнул бунт варяго-русского корпуса, по суще- являвшегося личной гвардией императора (в конце 1079 — на- 1080 года).¹⁴⁷ И поскольку знатный русский пленник, несом- но, так или иначе с этим корпусом был связан, можно с пол- основанием предположить, что репрессии, обрушившиеся на

подавления бунта на варяго-русов, в какой-то мере должны были затронуть и его. Как и другие выходцы из Руси, он, вероятнее всего, был выслан из столицы в провинцию. Во всяком случае мы имеем свидетельство о том, что «два лета и две зимы» он провел на острове Родос, о чем упоминает черниговский игумен Даниил, совершивший в 1104—1106 гг. паломничество в Иеруса- лим, о котором он оставил записки.¹⁴⁸

Правительственный переворот в Византии, приведший к па- денню императора Никифора III Вотаниата и приходу к власти новой династии Комнинов (март — апрель 1081 г.), видимо, отра- зился на судьбе Олега. Комнины стремились открыть самый ши- рокий доступ в армию и чиновничий аппарат империи способ- ным и преданным им людям негреческого происхождения и одно- временно связать с империей верхи соседних государств.¹⁴⁹ При их дворе Олег мог встретить не только земляков из Руси, но и кавказцев. Сам новый император Алексей I Комнин (1081— 1118 гг.) был приемным сыном аланки по матери и грузинки по отцу императрицы Марии (жены Михаила VII Дуки, а после низвержения последнего жены Никифора III Вотаниата). Брат императора Исаак Комнин был женат на дочери царя Алании Дорголеда Ирине, двоюродной сестре императрицы Марии.¹⁵⁰ Их окружали родственники и слуги, вывезенные из Алании, Аб- хазии и Грузии. Русский аристократ, чей род владел землями, соседними с Абхазией и Аланией, не мог затеряться в этой среде. Олег, видимо, обратил на себя внимание нового императора, следствием чего стал его брак с представительницей одного из знатных византийских родов (в середине XII в. этот род дал пат- риарха Николая IV) Феофано Музалон,¹⁵¹ и в 1083 г. он вместе с женой был отпущен на родину.

Однако в Поднепровье Олег не появился, а высадился в Тму- торокани и, судя по последствиям его появления там, вполне определенно указанным летописью, высадился в сопровождении либо приданного ему императорского отряда, либо набранной им в Константинополе дружины. Ту часть тмутороканской общины, которая попыталась воспрепятствовать занятию им города, он уничтожил («исече»), а «севших» на Тмутороканском столе Давыда и Володаря арестовал («я»)¹⁵² Главный же удар он на- нес верхам античерниговской партии, «иже беша светници на убь- енье брата его и на самого», как говорит летописец. В целом же тмутороканская община и город, по-видимому, не пострадали. Мало того, можно думать, что Олегом была сохранена и воен- ная организация — городское ополчение тмутороканских козар. Мы имеем, во всяком случае, определенное свидетельство, отно- сящееся к 1095 г., ко времени, когда самого Олега в Тмуторокани уже не было, о действии дружины козар вместе с отрядами рус- ских князей и торков у Кафы (Феодосии), где козары выступали против «курсунян» (здесь, видимо, в широком значении — насе- ления городов Крымского побережья. — А. Г.), напавших на

русские корабли и ограбивших русских купцов, вероятнее всего двигавшихся из Руси к Тмуторокани.¹⁵³

Возвратившийся после изгнания на Северный Кавказ, несомненно, понимал, кто был главным виновником его злоключений, и отдавал себе отчет в том, что сил для открытой борьбы со Всеволодом у него еще нет. Он отпустил на Русь Давыда Володаря, а сам остался в Тмуторокани, но не исключено, отпуская их, он потребовал политического союза. Володарь, свидетельствует летопись, возвратившись на Волынь, неминуемо поднял братьев Ростиславичей на союзника Всеволода Ярополка Изяславича, княжившего в некогда принадлежавшем Олегу димире Волынском. Эта распря Ростиславичей с Ярополком кончилась в 1086 г. гибелью Ярополка.¹⁵⁴ Давыд нанес удар торговым интересам Всеволода. В 1084 г. он напал на Олега, главный перевалочный пункт в устье Днепра, через который ходили все грузы купцов «гречников», шедшие из Киева в Константинополь, и «зая» и самих купцов, и их «именье». За Олешью был настолько чувствительным, что Всеволоду пришлось откупаться от Давыда. Он дал ему в княжение Дорога, а в дальнейшем, увидев с его стороны стремление отойти от союза с Олегом, пожаловал и оставленный временно Ярополком Владимир Волынский.¹⁵⁵

Возвращение Олега в Тмуторокань обычно трактуется и доводителями как шаг к переходу Тмутороканского княжества под протекторат империи.¹⁵⁶ Вряд ли можно сомневаться в том, отпуская Олега, Алексей Комнин рассчитывал на его верность и прежде всего думал об интересах своего собственного государства. Для Византии Тмуторокань была не только воротами на Восток — на Волгу, в Прикаспийские страны, на Северный Кавказ, через нее всегда можно было держать в узде население Крымского побережья от Корсуни до Корчева. Походы из Тмуторокани в глубь Поднепровья, совершенные в 1023 г. Мстиславом и в 1078 г. Олегом и Борисом, ярко продемонстрировали то, что ее можно исключительно эффективно использовать и в политических играх с Киевом. Наконец, все нараставшее давление Константинополь печенегов внушало надежды, что Тмуторокань может быть использована для организации столкновения печенегов и половцев и вообще для распространения византийского влияния в половецких кочевьях. Однако, утвердив свою власть в Тмуторокани, Олег, по-видимому, не разрывая сложившихся отношений с империей, взял курс на осуществление старых стремлений тмутороканской общины о ее политической и экономической независимости. Только следуя этому курсу, он мог обеспечить первых, стабильность своего правления и, во-вторых, накопить сил и средств, которые дали бы ему возможность со временем вновь начать борьбу за наследие Святослава на Руси.

Археологическое изучение средневековых слоев Таманского городища (собственно древней Тмуторокани), позволило и

доказателям выявить общую тенденцию в развитии ремесленного производства и торгового общения обитателей Тмуторокани в течение X, XI и XII столетий. Исключительно высокий уровень развития ремесла и торговли (по данным импорта), характеризующий экономику города в хазарский период (до 70-х годов X в.), в последней трети X в. значительно снижается, и его новый подъем наступает только к началу XII в.¹⁵⁷ Имеются все основания думать, что этот подъем был все же подготовлен в течение последних десятилетий XI в., в годы пребывания на Тмутороканском столе Олега.

Важнейшим свидетельством этого является факт возобновления Олегом чеканки собственной тмутороканской монеты. Первые тмутороканские монеты появились в конце X в. и представляли подражания милиарисиям Иоанна Цимисхия (969—976 гг.). В дальнейшем в течение XI в. тмутороканские князья чеканили монеты, подражавшие милиарисиям Василия II и Константина VIII (976—1025 гг.). Постепенно их достоинство и качество все более и более падали: от серебра перешли к биллону (сплав серебра и меди) и от него к меди; постепенно уменьшался вес монет; первоначальные греческие легенды, повторявшие тексты монет византийской чеканки, вырождались в ничего не значащий орнамент.¹⁵⁸ Олег стал чеканить собственную монету и вернулся к серебру. И хотя его монеты также были подражаниями, они подражали монетам (милиарисиям) Михаила VII Дуки, на них вместо греческого «Κόρινθ, Βασιλει» стояло русское «Господи, помози» и крестное имя самого Олега — Михаил.¹⁵⁹ Очень существенно, что, подготавливая чеканку своей монеты, т. е. задумывая по существу денежную реформу, Олег не стал обращаться в Константинополь: монеты Олега по весу ориентированы не на византийский, а на южнорусский весовой номинал, и штамп для них делал местный мастер, который ориентировался на русскую сфрагистику середины XI в., в частности на буллы брата Олега — Романа.¹⁶⁰

Как показали небольшие раскопки, проведенные под Азовом на поселении X—XI вв. у хут. Казачий Ерик, в годы пребывания Олега в Тмуторокани устье Дона прочно обживается населением, связанным с Тмутороканью. Здесь при расчистке остатков одного из жилищ были найдены фрагменты кухонного горшка, изготовленного на гончарном круге, имевшего на дне метку в виде зеркального отражения княжеской тамги Олега. Олег, следовательно, не только способствовал укреплению местной тмутороканской торговой корпорации посредством введения новой денежной системы и защиты ее колоний на пути из Тмуторокани на Русь и на Волгу, но принял меры к возрождению в Тмуторокани гончарного ремесленного производства, которое стало, по-видимому, развиваться даже в системе княжеского хозяйства как одна из его доходных отраслей.¹⁶¹

К периоду княжения в Тмуторокани Олега или, во всяком

случае, к периоду, непосредственно следующему за ним, должно быть отнесено описание Тматорокани в «Географии» сицилийца Абу Абдаллаха Мухаммада ал-Идриси, закончившего свой труд в 1153 г. По словам ал-Идриси, Тматорокань (у него Матраха) — древний город, имеющий вокруг себя виноградники и возделанные поля. Он велик, в нем много жителей и густонаселенные кварталы. В нем имеются базары и бывают периодически устраиваемые торги. Для торговли сюда сходятся люди из соседних ближних и дальних стран. Пролит, по которому торгачи из Черного моря поднимаются до Тматорокани, у ал-Идриси называется *река Русия/Росия*.

Особо он останавливается на характеристике владетелей города. Ал-Идриси подчеркивает их знатность, силу, твердосиленность, смелость и воинственность, которые проявляются в их «господстве над соседями». ¹⁶² Последнее очень существенно, поскольку это единственное для рубежа XI—XII вв. свидетельство об отношениях владетелей города с соседями — соответственно, с адыгским окружением. Из этого можно сделать вывод, что за время, прошедшее от княжения Ростислава до начала XII в., Тматорокань не перестала быть политическим центром Северного Кавказа, а тматороканские князья — селенными окружающего город населения. Вместе с тем из этого сообщения ал-Идриси можно сделать также и вывод о том, что сохранение старых вассальных отношений с русскими князьями не могло не тяготить адыгские племена и территориальные группы, и именно для подавления их стремления к отделению от Тматорокани владетелям города были нужны решительность и твердость. Для них, а также для его подданных в горных козари и греков, Олег, как можно судить на основании одной правды, не вполне ясного места в «Слове о полку Игореве», добно своим предшественникам на Тматороканском столе, носителем высшей, божественной власти — каганом. ¹⁶³ В то время сам Олег, укрепляя Тматороканское государство, не переставал считать себя русским князем и всем другим титулом предпочитал титул *архонта Руси*. ¹⁶⁴

Укрепляя свое положение в Тматорокани и вместе с тем стремясь укрепить влияние Тматорокани в Стране адыгов, не забывало политическом значении церкви, как этого не забывали и его родичи на Руси. В результате административных реформ, проведенных в церковной организации Алексеем Кривоустом и патриархом Евстратием в 1081—1084 гг., крымские архиепископии Херсона, Сугдеи и Боспора, издревле (с VII или начала VIII в.) входившие в одну епархию с Зихией, были отделены. Теперь Тматорокань (Матраха или Таматарха) была абсолютно автономным церковным центром, независимым от греческого духовенства крымских городов. За ней по-прежнему сохранялась задача проповеди христианства среди адыгов, что выразительно подчеркивает ее официальное наименование

епархия *Матрахи или Зихии* (τὸν Μάτραχων ἤτοι Ζιχίαν), но главное, что ее престол не был (как это будет позднее — в XIII в.) перемещен в глубь страны адыгов и не был понижен в ранге: она осталась архиепископией автокефальной, т. е. подчиненной только патриаршему престолу Константинополя. ¹⁶⁵ Олег воспользовался этим обстоятельством и во главе тматороканской церкви поставил русского епископа, взяв его, вероятно, не без консультации с Никоном, который с 1078 г. стал игуменом Печерского монастыря в Киеве, из монахов этой обители. ¹⁶⁶ Возможно, этот епископ Николай был тем лицом, которое было оставлено Никоном на Тамани в монастыре Богородицы, созданном им как «приклад» (филиация) Печерского монастыря. Известно, что до 1088 г., года смерти Никона, Николай уже в сане архиепископа посещал Киев. Следовательно, его поставление на архиепископский престол Тматорокани и Страны адыгов произошло в пределах 1084 и 1088 гг. Какой ценой удалось Олегу добиться у Константинополя утверждения русского иерарха во главе одной из древнейших северопричерноморских кафедр, сказать трудно. Можно только предполагать, что Византия пошла на это, видя внешний полный разрыв Олега с Русью и веря в его абсолютную политическую лояльность.

Принятие Зихской епархией русского архиепископа может быть расценено также и как очень важное свидетельство наличия в период княжения Олега в Тматорокани значительной русской колонии. Целый ряд памятников русского письма и языка, которыми в настоящее время обладает наука, свидетельствует об этом с полной достоверностью. Русское население, по-видимому, накапливалось здесь постепенно. Сначала это были дружинники князя и «черные люди», занесенные на далекий Кавказ походами Владимира в Таврику и на козар. Затем, по-видимому, появились и русские торговцы, и русские ремесленники. Во всяком случае, бесспорным свидетельством пребывания на Тамани русского грамотного населения являются знаменитый Тматороканский камень 1067—1068 гг.; иконка с надписью «Давыдъ-Глебъ», вероятнее всего, принадлежавшая Глебу Свято-славичу, носившему крестное имя Давыд, иконка с надписями «Олекса» и «Ф[ео]д[о]рос», сделанными русским уставом, найденная на Азовском побережье под Таганрогом; серебряный ковш, принадлежавший русскому княжичу или боярину Дмитрию Круждовичу, найденный Н. В. Анфимовым; а также русские граффити на амфорах и др. ¹⁶⁷ Было здесь, конечно, и греческое население, о чем вполне определенно свидетельствует надпись архитектора — монаха Ионникия, ¹⁶⁸ однако греческая речь, вероятнее всего, звучала больше на противоположной, Боспорской, стороне пролива, где до сих пор отсутствуют русские памятники, несмотря на значительные размеры археологических исследований, как в городе, так и в его округе.

Трудно себе представить, что визит в Киев столь высокого

представителя тмутороканской церкви, каким был Николай, остался незамеченным великим князем и митрополитом. Николай в Киеве, безусловно, стремился выполнить какую-то возложенную на него миссию. Из «Жития Никиты Затворника» известно, что во время своего пребывания в Киеве он встречался с Никоном, епископами Чернигова и Ростова, с видными деятелями Киево-Печерского монастыря.¹⁶⁹ Не затронуть во время бесед с ними судьбы Олега и его интересов на Руси он, разумеется, не мог. Можно предположить, что Николай пытался добиться примирения Всеволода и Олега. У В. Н. Татищева есть упоминание, правда, не подтверждаемое другими источниками, о том, что в 1088 г. Олег вместе со Святополком Изяславичем, Давыдом Игоревичем и Мономахом по поручению Всеволода ходил «на ляхов».¹⁷⁰ К этому же году относится еще одно сообщение В. Н. Татищева, которое, казалось бы, может подтвердить аутентичность первого. В этом году, как сообщает В. Н. Татищев, вероятно, на основании Поволжских летописных сборников, к Олегу и его брату Ярославу, сидевшему в старую вотчину Святославичей Муроме, обратились с жалобами участвовавшие на Оке и Волге разбои волжские булгары. Князь, как говорит источник, в связи с этими жалобами никаких, однако, мер не принял, и тогда булгары Муром и окружающие его села разграбили и сожгли.¹⁷¹ Нападение булгар на Муром в 1088 г. отмечено «Повестью временных лет», и, следовательно, оно не является домыслом, из чего можно сделать вывод, что Олег в этом году действительно появлялся на Руси, но не в Чернигове, а в Среднем Поволжье, куда его выводил прямо по пути Тмуторокань — Дон — Ока.¹⁷² В это же время он мог сделать попытку примириться с великим князем, хотя она, видимо, шансов на его возвращение на Русь не прибавила.

«Повесть временных лет» говорит о выходе Олега из Тмуторокани только под 1094 г.¹⁷³ Весной 1093 г. умер Всеволод. Новый старейшина русских князей Святополк Изяславич был разбит половцами и вынужден был заключить с ними мир, скрепив его своим браком с дочерью хана Тугоркана, одного из самых крупных владетелей степи (Тугарина — русских былин). Мир с Русью позволил основному массиву поднепровских половцев двинуться на запад к границам Византии. Вместе с ними на Константинополь двигался бежавший из заключения в Херсонесе самозванец, выдававший себя за сына императора Романа Диогена, предъявивший Комнинам свои права на византийский престол. В 1095 г. самозванец — Лже-Лев Диоген (Девгениев, русской летописи) с половцами Тугоркана подошел к Адрианополю.¹⁷⁴ На фоне этих событий появление под Черниговом, уже шестнадцатый год «сидел» Владимир Мономах, Олег с «Половеческою землею», вероятно, с кочевавшей в Подонье на Северном Кавказе группой половецких ханов, не может выглядеть случайностью. Вспомним, что в том же году «корсуни-

не, напав, русские корабли разграбили и многое богатство побрали». Жалоба Святополка императору Алексею на действия «корсуний», как свидетельствуют материалы В. Н. Татищева, осталась без ответа.¹⁷⁵ Не исключено, что в связи с явной помощью Руси самозванцу и ее союзом с половцами император сам был инициатором разбоя «корсуний». Можно думать, что он же инспирировал поход Олега, который, несомненно, должен был оттянуть на себя внимание Святополка и его союзников, половцев Тугоркана.

Восемь дней оборонялся в детинце Чернигова Владимир Мономах, но все-таки вынужден был уступить Олегу, и с небольшой группой близких ему людей был отпущен в Переяславль. «И вдах брату отца его место, а сам вдах на отца своего место...», — записал через многие годы после этой проигранной битвы в своем «Поучении» с притворным смирением Мономах.¹⁷⁶

С 1094 г. начинается новый период в жизни Олега — его отчаянная война с Мономахом, в результате которой он проиграл Чернигов и сохранил за собой на Руси только Муром и часть Черниговской земли, ставшей в дальнейшем обособленным Новгород-Северским княжеством. В 1115 г. Олег умер и был погребен рядом со своим отцом Святославом в соборе Спаса в том самом Чернигове, княжения в котором он добивался всю свою полную превратностей жизнь. Полагают, что после смерти Олега Тмуторокань была включена в состав империи.¹⁷⁷ Однако в течение всего двадцатилетия — от похода в 1094 г. под Чернигов и до смерти — он, вероятнее всего, оставался ее sovereignом и, находясь на Руси, оберегал интересы общины и козарской торговой корпорации. Именно этим, можно думать, он привлек к себе иудейскую общину Киева, которая после смерти Святополка выступила на стороне киевского тысяцкого Путяты, добиваясь возведения на великокняжеский стол Олега или его безынициативного старшего брата Давыда, которому даже Мономах не побоялся уступить Чернигов.¹⁷⁸ У В. Н. Татищева Тмуторокань как владение русских князей в последний раз упоминается под 1127 г., причем В. Н. Татищев связывает ее с именем младшего брата Олега, Ярослава.¹⁷⁹ Вполне возможно, что Ярослав Святославич или один из сыновей Олега выполнял обязанности его наместника в Тмуторокани после 1094 г. и наследовал ее после его смерти, но, к сожалению, к упоминаниям о Тмуторокани В. Н. Татищева приходится относиться с большой осторожностью, поскольку он локализовал Тмуторокань в бассейне Оки и отождествлял ее в тексте своей «Истории» нередко с Муромом и Рязанью.

Княжение Олега Святославича в Тмуторокани является, несомненно, одним из наиболее ярких периодов истории адыго-русского политического образования, возникшего на Северном Кавказе на рубеже X—XI вв. Олег сумел в конце XI в. отстоять

его независимость и способствовал его экономическому подъему, определившему его существование в течение следующего XII века.

Как показали археологические исследования древней Тматорокани (Таманского городища), город достиг вершины своего экономического процветания в XII в., когда расширились связи с Закавказьем, Малой Азией, Балканами, Средиземным морем.¹⁸⁰ Именно к началу этого столетия относится его первое известное описание, включенное около 1154 г. ал-Идриси в его обширный, снабженный картами атлас.¹⁸¹ Сведения о Тматорокани (Матрахе), положенные в основу этого описания, были заимствованы из периплов, которые циркулировали во времена ал-Идриси среди купцов и мореходов Южной Италии. Тматорокань была для них самым дальним из известных им пунктов в Черном море, к которому сходились пути, шедшие из Константинополя вдоль южного и северного берегов Понта и откуда начинался путь на север в далекую Россию и на восток в отдаленно слабо знаемый ими Прикаспий.¹⁸² Составление таких периплов отражало возросший в начале XII в. интерес западноевропейских, в частности итальянских, городов к глубинным районам Византийской империи и странам, лежащим к востоку от нее в Поволжье, на Кавказе, в Закаспии. Этими сведениями отличается ряд известий о Северном Кавказе, изредка мелькающих в западной средневековой литературе, которые для нас исключительно важны, поскольку наши основные литературные памятники — русские летописи — после 1094 г. хранят о Северном Кавказе практически полное молчание.¹⁸³

Отсутствие упоминаний о Тматорокани и, соответственно, о Северном Кавказе в русских летописях XII—XIII вв., очевидно, отражает утрату русской княжеской династией своего прямого суверенитета над городом и его касожским (адыгским) окружением, который держался в течение всего XI в. Где-то в первой половине XII в. город и, вероятно, его ближайшая окрестность попадают под протекторат Константинополя, а затем и официально включаются в состав империи. Г. Г. Литаврин предполагает, что это произошло еще при императоре Алексее I Комнине (1081—1118 гг.), т. е. сразу же после смерти Олега Святого (1115 г.).¹⁸⁴ Во всяком случае, документально подтверждено, что внук Алексея I Комнина император Мануил I (1118—1180) включал в свой титул наименование «хазарский» и «хазарский» (т. е. адыгский), а Тматорокань (Матраху) причислял к важнейшим для империи «местам» государства.¹⁸⁵

На Руси в течение всего XII столетия утрата Тматорокани превращение ее из наследственного удела черниговских князей в «землю незнаемую», дальнюю и чужую, остро переживалось, о чем явно свидетельствуют неоднократные обращения к Олегу Тматорокани в «Слове о полку Игореве». В княжеско-дружеской среде о Тматорокани не только знали («Тматорокань

блван»), рассказывали о ней и ее князьях легенды и пели им «славы» (о поединке Мстислава с Редедой, о «красном» Романе Святославиче, о кагане Олеге, о волхве Всеславе Брючиче Полоцком, несущемся к Тматорокани через степи ночным волком), о ее возвращении в орбиту русских княжений мечтали, походами на нее грезили и, вероятно, считали это вполне осуществимым («два сокола слетели с золотого отчего стола поискати града Тматороканя»).¹⁸⁶

Реальность этого предприятия могла поддерживаться сведениями о том, что в течение XII в. в Тматорокани еще оставалось какое-то связанное с Русью население, поскольку, как следует из материалов, использованных ал-Идриси, а также из двух договоров, заключенных с генуэзцами (1169 и 1192 гг.), вблизи от Тматорокани на пути следования судов из Керченского пролива на север (либо на северном берегу Тамани, либо в устье, либо на Азовском побережье к западу от него) находилось какое-то торжище, носившее имя *Росия*.¹⁸⁷ Однако переход Тматорокани и ее окрестностей под власть византийского императора, разумеется, делал все эти мечтания иллюзорными и тщетными. Тматорокань и ее касожский пояс в течение XII в. настолько выходят из сферы русского влияния, что сами русские князья начинают искать пути на Кавказ в обход Тматорокани и Страны касогов — через земли ясов (Алания) и обзоров (Абхазия).¹⁸⁸

«Повесть временных лет» (Ипатьевский список) содержит свидетельство о том, что в 1117 г. русское население, обитавшее в Подонье и до этого уживавшееся с кочевниками, вынуждено было оставить свои селения и покинуть степь, тем самым разрушив мост, соединявший русские городки окраины лесостепи и ведущее в Тматорокань Лукоморье. Летопись говорит о приходе на Русь «беловежцев», т. е. населения, тяготевшего к древнему хазарскому Саркелу (русская Белая Вежа), находившемуся у переправы из Дона в Волгу, но можно допустить, что тогда же на Русь пришли русские люди также и с Донского низовья, с Азовского побережья и Тамани.¹⁸⁹ В пользу такого предположения, кажется, свидетельствует «Список градам русским ближним и дальним», который называет в устье Остра (при впадении его в Десну) город Тматорокань (Остерский городок или городок). В верховьях Остра черниговские князья, старые соверены придонских степей, как известно, посадили беловежцев, которые поставили даже город — Белая Вежа. Можно думать, что вблизи они выделили земли и их соседям — тматороканцам.¹⁹⁰

Вместе с тем имеются факты, позволяющие предполагать, что в течение XII в. Русские земли и Приазовье не утратили взаимного тяготения, и Тматорокань и ее округа временами становились местом концентрации выходцев из различных русских княжеств. Не утратил в этот период полностью своего значения и старый транскавказский водный путь, соединявший через Дон,

Переволоку и Нижнюю Волгу Приазовье и Каспий, а соответственно, не заглохли и старые политические связи, возникшие еще в конце Х в. между крайними точками этого пути — Тмутароканью и Дербендом.¹⁹¹

Особенно ярким примером политического взаимодействия Тмутарокани и Дербенда являются события середины 70-х годов XII в. (1173 или 1174—75 г., по определению А. А. Куника и Б. А. Дорна), когда Ширван подвергся новому вторжению прибывших к его берегам на кораблях воинов-русов, которые поднялись вверх по Куру и достигли границы Аррана. Сведения об этом вторжении сохранились в одах ширванского поэта Ибрагима Афзаладдина Хакани (1120—1199 гг.), служившего при дворе ширваншаха Ахситана (Ахсартана) I.¹⁹² Сопоставление этих сведений с повествованием грузинского исторического сочинения «История и восхваление венценосцев» анонимного автора начала XIII в., посвященного царице Грузии Тамар (1184—1213 гг.), дает возможность реконструировать ход событий, вскрыть степень участия в них общин Тмутарокани и Дербенда. Из этого сопоставления явно следует, что появление русов в Прикаспии было ответным шагом, предпринятым коалицией северокавказских политических образований (Дербенд — Алания — Тмутарокань) на укрепление союза между Грузией и Ширваном, который упорно претендовал на Дербенд и связанные с ним владения восточной части Дагестана.

Непосредственным поводом для похода русов стало нападение грузинских войск, возглавляемых царем Георгием (1156—1184 гг.), союзником ширваншаха Ахситана, на «страны Мускурскую и Шарабамскую», южные, пограничные с Ширваном территории Дербендского эмирата, где были расположены его основные земельные владения.¹⁹³ Георгий «разорил их и взял спорную пограничную крепость Шабран, которую передал Ахситану. После этого он покинул Ширван и направился в Армению, а ширваншах, ободренный поддержкой грузинского царя, продолжил войну. «Ты, как буря, посетил хазар и, потек, (нахлынул) на аллан», — говорит о нем Хакани, подразумевая под этнонимом «хазары» жителей Дербенда, которых это время в Закавказье нередко называли «дербендскими хазарами» (например, Низами Гянджеви), а под этнонимом «аллан», несомненно, алан/овсов, по-видимому, принявших в войну сторону дербендцев.

Согласно оде Хакани, русы появились в Ширване внезапно по существу повторив походы X и XI вв. Вряд ли это было случайностью. Вероятнее всего, вторжение русов было инспирировано Дербендом и аланами, которые не только призвали их на помощь, но провели мимо Дербенда и Баку в устье Куры, прямо в тыл находившемуся на северной границе Ширвана Ахситану. Однако, судя по тексту оды, Ахситан оказался все-таки предупрежден о движении русов и где-то в районе селения

Дербен, не допустив их перехода в Арран, устроил засаду. В результате русы потерпели поражение: одна часть их, по словам поэта, погибла, а другая попыталась пробиться либо обратно к морю, либо в сторону алан, либо к Дербенду. Только после этого Ахситан решился на новый поход. «Сабля его нашла себе помощь у Неба для завоевания Дербенда и Шабрана», говорит поэт. Он, по словам Хакани, «сделал из Дербенда ад» и, судя по тексту другой оды, вышел за его пределы в горы Дагестана и заставил платить себе дань Зерихгеран, страну металлургов и оружейников. «Ужас, распространенный теперь шахом (Ахситаном. — А. Г.) в Дербенде и в России (так в переводе Б. А. Дорна, хотя, безусловно, надо — *Росии*. — А. Г.), произвел там смущение, подобное тому, которое эти собачьи сердца навели на Ширван».¹⁹⁴ Так Хакани прямо указывает пункт, откуда началось движение русов. Это Россия ал-Идриси и договоры Мануила I и Исаака II с генуэзцами, т. е. район Приазовья, где, как следует из описанных событий, несмотря на разрыв с русскими княжествами, все-таки еще оставалось русское население и сохранялся интерес к политической жизни всего Северокавказского региона.

Не были в это время, по-видимому, прерваны и старые русско-касожские связи. Знаменательно, что когда в 1187 г. сын Андрея Боголюбского Георгий (Юрий), муж и соправитель царицы Грузии Тамар, был изгнан из страны и попытался вернуться, среди его сторонников оказались обитатели Черноморского побережья «саниги» (вероятно, адыги-жанэ, жанеевцы, селившиеся по данным XVII—XVIII вв. к югу от низовьев Кубани) и «кашаги», т. е. тесно связанные с Тмутароканью касоги. По свидетельству грузинского источника, их «бояре и военачальники» «присягнули русскому князю в старании возвести его на трон».¹⁹⁵ Георгий, по словам того же источника, до своего приезда в Грузию находился в Кыпчакии, т. е. на Северном Кавказе, в «городе кыпчакского царя Севенджа». Где находился этот «город», источник не говорит, но о «царе Севендже» он хорошо осведомлен и знает его брата, который с отрядом кыпчакских войск участвовал на стороне царицы Тамар в войне, ведшейся в середине 90-х годов в Арране. Поскольку других городов в степном Предкавказье, где в 80-х годах кочевали кыпчаки, кроме Тмутарокани не существовало, остается предположить, что Георгий до появления в Грузии находился там и именно оттуда был приглашен в 1184 г. на трон Багратиони.

Рассказ грузинской хроники о злоключениях Георгия в Грузии дает основание установить время освобождения Тмутарокани от византийской зависимости. Выступление касогов на стороне Георгия, несомненно, поставило их в открыто враждебные отношения к Тамар и ее провизантийски настроенному окружению. Эта враждебность должна была усугубляться тем, что после изгнания Георгия при дворе Тамар верх взяла группа

лиц, стремившихся укрепить связи Грузии и Страны сов (Алании), которая была на Северном Кавказе давней перницей касогов. Дочерью овсской княжны была сама Тамар. К династии овсских царей принадлежал ее второй муж — Давид Сослан. То обстоятельство, что Георгий потерпел поражение, вряд ли изменило отношение касогов к противникам русских князя, скорее напротив, оно усилило разрастающуюся вражду. Поэтому, когда в апреле 1204 г. крестоносцы взяли Константинополь и пала династия Ангелов, которые, как об этом свидетельствует договор Исаака II Ангела с генуэзцами (1192), считали Тмуторокань своим вассальным владением, перед касогами возникла дилемма — либо воспользоваться возможностью освобождения от иноземной зависимости, либо сохранить ее, признав наследницей Константинополя и своим союзником только что образовавшуюся на Малоазийском побережье Трапезундскую империю, подобно тому, как это сделали Византизм и Готия, две наиболее значительные тогда области Тавры. Касоги, надо думать, выбрали первое, поскольку зависимость от Трапезунда была для них вряд ли приемлема: это государство было создано Грузией, и во главе его встали воспитанные при дворе Тамар потомки династии Комнинов, состоявшие в родстве с грузинской царицей и окруженные связанными с ней людьми.¹⁹⁶

Посетивший Тмуторокань (Матрику) около 1235 г. доминиканский монах Юлиан, судя по его описанию города, не обнаружил здесь уже никаких следов византийской власти. Город показался ему неотъемлемой частью окружающей его страны «Сихии» (т. е. Зихии). Во главе его стоял местный правитель. Юлиан увидел здесь «знатных», подчеркивающих свое отличие от горожан; он узнал здесь также, что между Зихией и соседней алан, куда он направлялся, отношения редки и связи опасны.¹⁹⁷

По-видимому, после падения Константинополя произошло слияние общины города с его адыгской периферией и во время объединения встал один из представителей местной аристократии, ставший «архонтом» города, и традиционно недружелюбный союзным с Грузией аланам. Существенно, что русская летопись, сообщая о первом вторжении монголов на Кавказ, ставит Страну адыгов (*Касоги*) в одном ряду с Аланией и Грузией (*Обезы*),¹⁹⁸ что дает основание думать о том, что период между 1204 и 1223 гг. адыгские племена и территориальные общности проявили себя как единое политическое образование, противостоявшее соседним централизованным государствам.

Так по существу закончилась история Тмуторокани — русского политического образования, которое в течение двух веков было, а во многом остается и сейчас загадкой для историков. На наш взгляд, особенность Тмуторокани как ист-

ского феномена состоит в том, что это русское княжество — факт не только русской истории, но прежде всего истории Кавказской (что недооценивали наши предшественники). Тмуторокань была полиэтнической общиной-государством, каких немало возникло на стыке старой античной средиземноморской цивилизации и варварского мира и какие особенно быстро рождались в условиях затухавшей эпохи переселения народов как синтез социальных структур раннеклассовых обществ, архаических племенных организаций и переходных военно-демократических объединений. Но Тмуторокань отличалась от подобных образований тем, что была единственным на протяжении нескольких столетий для народов Северного Кавказа «окном в Европу», просуществовавшим с конца X по начало XIII в. Через тмутороканский порт-эмпорий шли прямые и многочисленные контакты Северного Кавказа со Средиземноморьем, а затем и с Русью. Не случайно на карте ал-Идриси все маршруты средиземноморских купцов, шедшие на Восток, заканчиваются в Матрике, т. е. в Тмуторокани.¹⁹⁹ И очень существенно, что как только это «окно» в период монгольского вторжения для Европы захлопнулось, на Северном Кавказе начался кризис, длившийся до середины XIX в.²⁰⁰ Общее развитие региона — социальное, экономическое, политическое, культурное — резко замедлилось, началась эпоха стагнации.

Самую главную загадку для историков-русистов, традиционно занимавшихся этой темой, представляла социально-политическая структура Тмуторокани.²⁰¹ Еще в начале XX в. они пришли в общем к вполне обоснованному заключению, что в этническом отношении это было явление весьма сложное — город-порт, населенный в пору своего расцвета и представителями местного адыгского населения — касогами, или зихами, и представителями удержавшихся со времен господства на Юго-Востоке Восточно-Европейской равнины Хазарского каганата хазаро-булгарских (тюркских) групп, и представителями русской княжеской администрации — славянами и варягами, и, наконец, безусловно, местными или переселившимися из империи византийскими греками — ромеями. Но историки-русисты никак не могли представить, как этот конгломерат этносов функционировал, что скрепляло его, на чем он держался, что составляло основу его стойкости и давало ему жизнеспособность.

Данные русской летописи о Тмуторокани напоминают калейдоскоп. 989 год — Владимир сажает там своего сына Мстислава. 1023 год — Мстислав уходит на Русь и после нескольких лет борьбы с Ярославом становится его соправителем и sovereignом восточной половины Руси. Что происходит в Тмуторокани с 1033 по 1065 г. не вполне ясно, но в 1065 г. там уже определенно находится сын Святослава Черниговского, Глеб. В 1064 г. в Тмуторокань бежит Ростислав. Он изгоняет Глеба. Его изгоняет Святослав. Уходит Святослав и в город возвращается

Ростислав. В 1067 г. посол империи отправляет Ростислава, и тели города отправляют в Чернигов посольство во главе с коном просить вновь на княжение Глеба. В 1073 г. Глеб у Новгороде, а в Тмуторокани сидит Роман Святославич. В 1074 туда бежит Борис Вячеславич, в следующем году — Олег Святославич, причем именно «бежит», поскольку в Тмуторокани князья не ходят, а бегают. 1079 год — год переворота, устроенного «козарами» — убийство в степи Романа и захват Олега Святославичей ненадолго сменяет «посадник» Всеволод Рюрикович. В 1081 г. там опять появляются беглецы — сын Ростислава Володарь и Давыд Игоревич. В 1083 г. вернувшийся из Византии Олег изгоняет их и в течение десяти лет сидит спокойно, как только умирает в Киеве Всеволод, покидает Тмуторокани и уходит на Русь, чтобы больше не возвращаться. Эта нестабильность, постоянная политическая динамика создали в представлении историков-русинов образ города-вольницы, некоего аналога Запорожской Сечи, временного пристанища князей-изгнанников не связанных с местным населением и его собственной политической организацией, само существование которой, тем более, даже и не предполагалось.²⁰²

Только появление в поле зрения отечественной исторической мысли нового источника по истории Кавказа — дербендской хроники «Тарих ал-Баб», изданной в Лондоне в 1958 г. и с переводом на английский язык (на русском языке издана в Москве в 1963 г.), впервые дало в руки исследователей материал для разгадки тмутороканского феномена. Дело в том, что «Тарих ал-Баб», составленная в Дербенде около 1106 г., описывает историю города изнутри, чем мы практически не располагаем в отношении Тмуторокани даже при учете того, что сведения о ней были внесены в летопись некоторое время спустя там Никоном. «Тарих ал-Баб» охватывает более длительный отрезок истории Дербенда, чем русская летопись — Тмуторокани: с 869 по 1075 г.²⁰³ Если мы проанализируем свидетельства о Тмуторокани в русских источниках и свидетельства о Дербенде в хронике, мы приходим к выводу о поразительном сходении политических ситуаций, которые переживали эти города, а поскольку история Дербенда представлена источником полно, — то и к расшифровке ряда неясных в отношении Тмуторокани фактов.²⁰⁴

Но можно ли сравнивать Тмуторокань и Дербенд, не считая произвольной исторической натяжки? Нет, Дербенд — восточнокавказская Тмуторокань. Это также город и порт, а также «окно», открытое с Северного Кавказа во внешний мир, только в другую сторону — на Восток: в Среднюю Азию, Поволжье. Это в сущности двойник Тмуторокани, ее зеркальное отражение, причем, как показывает детальный анализ структуры того и другого образования, двойник почти буквальный. Если бы у нас был не внутренний источник, подробно

описывающий о делах в Дербенде, а такой же краткий и внешний, как русская летопись, для которой события Тмуторокани были в значительной степени событиями на дальней восточной периферии, то у нас сложилось бы впечатление о таком же политическом калейдоскопе, какое складывается при знакомстве с летописным материалом. 869 год — в Дербенде устанавливается самостоятельная династия эмиров, резиденцией которых становится цитадель города Наринкала.²⁰⁵ Первый эмир правит 16 лет, ему наследует сын, правивший год, а затем его брат, правивший 31 год. После этого стабильности эмирской власти приходит конец. Ставший эмиром в 916 г. младший сын первого эмира Абд ал-Малик б. Хашим был свергнут через несколько месяцев после прихода к власти. Против него поднимается его племянник, который был свергнут и умерщвлен законным эмиром. Последний, однако, с большим трудом продержался на престоле до 939 г., постоянно подавляя поднимавшееся против него население города. Наследник Абд ал-Малика, его сын Ахмад б. Абд ал-Малик б. Хашим, был изгнан из города через пять месяцев правления, и эмиром был объявлен правитель Табасарана, независимой горной области, лежащей к востоку от Дербенда, т. е. чужак, недербендец. Он пробыл в городе только два года и был изгнан в результате очередного восстания горожан. Дербендцы ввели в город прежнего эмира, но через шесть месяцев он вновь был свергнут и возвращен правитель Табасарана. Через шесть месяцев его опять изгнали, избрав теперь эмиром его отца — ширваншаха (правителя Ширвана, области Северного Азербайджана) Мухаммада б. Йазида. Но тот, подобно Всеволоду Ярославичу, сам в присоединенное к своему государству владение не явился, а прислал туда наместника («посадника») — своего брата. Это не понравилось жителям города, и они вернули своего законного эмира Хашимида, отказавшись от присяги ширваншаху. Эмир оставался у власти до тех пор, пока его «не свергли вновь» и вновь не изгнали из города. Теперь на его место избрали царя лакзов (горная область, лежащая к юго-западу от Дербенда по соседству с Табасараном в верховье р. Самур) Хашрама. Это было в сентябре 953 г., а в марте следующего 954 г. его тоже свергли и изгнали из страны. Законный эмир Хашимид (а именно эмиры Хашимиды считались законными представителями халифа в Дербенде) Ахмад б. Абд ал-Малик был возвращен в третий раз. Вследствие очень сложной политической обстановки, сложившейся в Прикаспии в связи с падением Хазарского каганата и активизацией русов, Ширвана и Хорезма, а также соседних Дербенду владений Горного Дагестана, он теперь продержался дольше, несмотря на беспокойную в общем ситуацию в самом городе, и умер в 976 г. эмиром. Но как только это случилось и эмиром стал его сын Маймун б. Ахмад, юноша 17-ти лет, город восстал. Эмира Маймуна вывели из цитадели и

поместили в нижней части города, где находилось особое правительственное здание, в котором его продержали 10 лет, тех пор, пока ему не удалось с помощью тайно призванного отряда русов (т. е. внешней помощи) вырваться из заключения и бежать из города. Маймун в общей сложности пробыл эмиром 20 лет, но вся его жизнь после освобождения из «правительственного здания» была сплошной цепью войн с жителями города, которые то свергали его и заменяли ширваншахом, то изгоняли ширваншаха и вновь возвращали Маймуна. То же продолжалось и дальше — до 1075 г. (последняя дата хроник).

Рассмотренные здесь факты из политической жизни Дербенда, факты в значительной степени внешние, показывают, что отношения между городом и верховной властью в Тматорокании и в Дербенде во многом сходны. Как следует из этих фактов, верховная власть князя Рюриковича и эмира Хашимида была институтом необходимым, от нее ни при каких ситуациях отказывались, и если отступали от нее, то только для того, чтобы заменить какой-то другой властью, считавшейся равноправной и в каждом конкретном случае по тем или иным причинам более предпочтительной. Основной же властью, стабильной и всеобъемлющей, была власть города, его общины, а точнее той мелко-торгово-ремесленной олигархии, которую в Дербенде представляли *раисы*, а в Тматорокании *старейшие* или *козары*.

Основой их власти, как это совершенно определенно вытекает из «Тарих ал-Баб», была земельная собственность, *местья*, лежавшие в окрестностях города, городская и межгородская торговля, в том числе работоторговля, а также городское ремесло, с которыми они были связаны через цеховые организации.²⁰⁷ В интересах этих лиц строилась вся политическая деятельность князей и эмиров, организовывались походы на соседние территории, устраивались династические союзы. В Дербенде, ни в Тматорокании не было «казачьей вольницы», существовали социально-политические системы, характерные для раннего и зрелого средневековья для многих регионов Старого Света. По существу те же системы функционировали в это время в Новгороде и Пскове, в Венеции и Флоренции, в ряде германских городов. Эти города-государства представляли переросшую рамки античного полиса общину, которая в своем развитии неуклонно шла от первобытной структуры к сложным социальным и экономическим отношениям к структуре классической феодальной.²⁰⁸

Политический разрыв между Русью и тматороканской общиной и принятие жителями Тматорокании и ее окрестностей симпатии от Константинополя происходили на фоне резкого обострения межплеменных отношений среди кочевников Южнорусской степи и, как можно думать, повлекли за собой очень

важные изменения в расселении адыгов, в частности начало передвижения адыгских этнических групп в район Центрального Предкавказья.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963. С. 75.
- ² Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 413—426; Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР: Сб. статей / Под ред. М. И. Артамонова. Вып. 62. Л., 1958. С. 151—226.
- ³ Гадло А. В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Западного Причерноморья // Византийские исследования: Сб. статей / Под ред. Г. Л. Куроатова. Л., 1991. С. 104.
- ⁴ Артамонов М. И. История хазар. С. 363—364, 373.
- ⁵ Гадло А. В. Византийские свидетельства... С. 104—106.
- ⁶ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 113.
- ⁷ Гадло А. В. 1) Князь Инал адыго-кабардинских родовословных // Сб. статей по истории феодальной России / Отв. ред. В. А. Ежов. Л., 1978. С. 25—33; 2) Тматороканские этюды. II. Держава Инала и его потомков // Вестн. Ленингр. ун-та. 1989. Сер. 2. Вып. 2.
- ⁸ Повесть временных лет. Ч. 2: Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 311.
- ⁹ О походе Святослава см.: Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 220—227; Гадло А. В. Восточный поход Святослава (к вопросу о начале Тматороканского княжения) // Проблемы истории феодальной России: Сб. статей / Отв. ред. В. А. Ежов. Л., 1971. С. 59—68.
- ¹⁰ См.: Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тматорокании: Сб. статей / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1963. С. 5—72. — С. А. Плетнева отмечает резкое изменение культуры города в конце X в., однако она не дает прямого ответа на вопрос об этносе, культуру которого город в это время принял (с. 68—70). Это, на наш взгляд, объясняется тем, что все ее внимание было обращено на выявление в культуре Таманского городища славянских черт, которые, однако, проследить на керамическом материале ей практически не удалось. Адыгские традиции С. А. Плетневой не отмечаются, но, судя по представленному иллюстративному материалу, они могли бы быть выявлены (см., напр., рис. 14—15).
- ¹¹ Повесть временных лет. Ч. 1 / Подготовка текста Д. С. Лихачева. Пер. с древнерусского Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 99. — Учитывая большое значение для нашей темы летописного текста, приводим его полностью:
«В лето 6530. Приде Ярослав к Берестю.
В си же времена Мьстиславу сущю Тматорокани поиде на касоги. Слышав же се, князь касожский Редедя изиде противу тому. И ставшема обама полкома противу собе, и рече Редедя к Мьстиславу: „Что ради губиве обама жину межн собою? Но снидеве ся сама борот. Да аще одолееш ты, то возмеш именье мое, и жену мою, и дети мое, и землю мою. Аще ли аз одолею, то възму твое все“. И рече Мьстислав: „Тако буди“. И рече Редедя к Мьстиславу: „Не оружием ся бьеве, но борьбою“. И яста ся бороти крепко, и надолзе борющемся има, нача изнемагати Мьстислав: бе бо велик и силен Редедя. И рече Мьстислав: „О пречистая Богородице, помози ми.

9 Гадло А. В.

Аще бо одолею сему, съзижду церковь во имя твое". И се рек удари о землю. И вынзе ножь, и зареза Редедю. И шед в землю его, взя имение его, и жену его и дети его, и дань възложи на касоги. И прии Тмутороканю, заложу церковь святая Богородица, и созда ю, яже сто и до сего дне Тмуторокани».

¹² Ибн Руста о Дагестане // Минорский В. Ф. История Ширван Дербенда. Приложение IV. С. 221.

¹³ Архонтом Зихии именуется правитель Тмуторокани и Страны ады на моллидвуле второй половины XI в. (см.: Гадло А. В. К истории Тмутороканского княжества во второй половине XI в. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Сб. статей / Под ред. И. В. Дубова. Л., 1982. С. 194—213).

¹⁴ Ногмов Ш.-Б. История адыгейского народа, составленная по данным кабардинцев / Подг. текста Т. Х. Кумыкова. Нальчик, 1982. С. Кабардинский фольклор / Общая ред. Г. И. Бройдо. Вступительная статья, комментарий и словарь М. Е. Талпа. М.; Л., 1936. С. 354—456, 633.

¹⁵ Ногмов Ш.-Б. Указ. соч. С. 83. О значении имени Редедя Трубецкой Н. С. Редедя на Кавказе // Этнографическое обозрение. 1911. № 1—2; Лопатинский Л. Г. Мстислав Тмутаканский и Редедя по сказаниям черкесов // Известия Бакинского государственного университета. Вып. 6. Баку, 1926; Турчанинов Г. Ф. Летописный Редедя и черкес «Редедэ» // Учен. зап. Кавказского научно-исследовательского ин-та. Вып. 1. Нальчик, 1947; Verpadsky G., Osanti D. The Ossetian Tale of Iry and Mstislav // Journal of American Folklore. Richmond, 1956. V. 69, No. 4 (July-September).

¹⁶ Там же. С. 82—89.

¹⁷ Кабардино-русские отношения в XVI—XVII вв.: Документальные материалы: В 2 т. Т. 1 (XVI—XVII вв.) / Ред. Т. Х. Кумыков, Е. Н. Кушева. М., 1957. С. 21, 383—384.

¹⁸ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / Сост. ред. переводов, вступит. статья В. К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 228, 230.

¹⁹ Кабардино-русские отношения. Т. 1. С. 34, 103.

²⁰ См.: Абаев В. И. Осетинский социальный термин алдар // Изв. Осетинского научно-исследовательского ин-та. Т. 27. Орджоникидзе, 1968. С. 23—27; Кушева Е. Н. Указ. соч. Указатель имен. С. 337.

²¹ Ал-Масуди о Кавказе (Из «Мурудж ад-Дзахаб»). Гл. XV. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 204.

²² Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1968. С. 26—27.

²³ Упоминание «горцев и степняков» среди алан у анонимного автора «Худуд ал-Алам» см.: Minor sky V. Hudud al-'Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 a. h.—982 a. d. L., 1937. P. 160.

²⁴ Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1981. С. 194.

²⁵ Джанашвили М. Известия грузинских летописцев и их значение для истории Северного Кавказа... и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. Тифлис, 1897.

²⁶ Татищев В. Н. История Российская: В 7 т. Т. 2. М.; Л., 1795. С. 70. О назначении в 997 г. Вышеслава в Новгород см. с. 68.

²⁷ Память и похвала Иакова мниха Владимиру. Текст А. А. Зимин // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 37. М., 1963. С. 71.

²⁸ Артамонов М. И. История хазар. С. 438—456.

²⁹ Багрянородный, Константин. Об управлении империей: Перевод. Комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новоселова. М., 1989. С. 170/171, 174/175, 272/273.

³⁰ Патерик Киево-Печерского монастыря // Памятники славянской письменности: В 2 т. Т. 2. СПб., 1911. С. 29, 151.

³¹ Челеби. Эвлия. Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в. Перевод и комментарии: В 2 вып. М., 1965. С. 100.

Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / Сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков. М., 1979. С. 63.

³² Повесть временных лет. Ч. 1. С. 16—17.

³³ Там же. С. 99—100.

³⁴ Гадло А. В. Тмутороканские этюды. I // Вестн. Ленингр. ун-та. 1989. Сер. 2. Вып. 1 (2). С. 26.

³⁵ Багрянородный, Константин. Указ. соч. С. 172/173; см.: Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры. М.; Л., 1959. С. 53.

³⁶ Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.

³⁷ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 37, 52; Татищев В. Н. Указ. соч. С. 54.

³⁸ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 59; см. также: Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 302—303.

³⁹ Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 8. Здесь же см. литературу по данному вопросу.

⁴⁰ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 60.

⁴¹ Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 150—159.

⁴² Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 68.

⁴³ Там же. С. 63; Гадло А. В. Из истории русско-кавказских исторических взаимосвязей (события 987—993 гг. в Дербенде) (В печати).

⁴⁴ Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира // Сборник в честь В. И. Ламанского. СПб., 1906 (отдельный оттиск).

⁴⁵ См. примечание 11.

⁴⁶ Лихачев Д. С. Повесть временных лет. Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. Ч. 2: Приложения / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. С. 57—58, 88—95.

⁴⁷ Тихомиров М. Н. Боян и Троянова земля // Слово о полку Игореве: Сб. статей и исследований / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 175—187.

⁴⁸ Слово о полку Игореве // Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. С. 9.

⁴⁹ Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. С. 176—181, 206—207; Лихачев Д. С. Повесть временных лет. Историко-литературный очерк. С. 84—87.

⁵⁰ Так, например, согласно хронологическим исследованиям А. А. Шахматова, Десятинная церковь в Киеве строилась греческими мастерами пять лет — с 990 по 995 г. (см.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 567).

⁵¹ Гадло А. В. Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа: Сборник научных трудов / Отв. ред. Н. И. Кирей. Краснодар, 1988. С. 84—100.

⁵² См.: Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 383—384; Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (X—XIV вв.). М.; Л., 1950. С. 15—16; Соколова И. В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // Палестинский сборник. 1971. Вып. 23 (86). С. 68—74.

⁵³ Цит. по переводу И. В. Соколовой (Соколова И. В. Указ. соч. С. 68).

⁵⁴ Гарданов В. К. Кормильство в Древней Руси // Советская этнография. 1959. № 6.

⁵⁵ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 77. — «Умре Евстафий, сын Мстиславль, во Тмуторокани, и бысть жалость велиа по нем»; Повесть временных лет. Ч. 1. С. 101. — «В лето 6541. Мьстиславичь Еустафий умре».

⁵⁶ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 99—100.

⁵⁷ Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. С. 46.

⁵⁸ Там же. — Упоминание «черных людей» встречается в так называемом «Житии особого состава» (см.: Гадло А. В. О начале славяно-русской миграции в Приазовье и Таврику // Славяно-русская этнография: Сб. статей / 9*

- «Отв. ред. Л. Н. Гумилев. Л., 1973. С. 79—91). О первых упоминаниях «чужих людей» в письменных памятниках см.: Алексеев Ю. Г. «Чужие люди» Новгорода и Пскова: К вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины // Исторические записки. Вып. 103. 1979. С. 243—259.
- 59 Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища. Керамика и стекло древней Тмутаракани: Сб. статей / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1963. С. 68—70.
- 60 Кабардинский фольклор. М., 1936.
- 61 См.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд.: В 3 т. / Отв. ред. А. Е. Грузинского. Т. 1. М., 1909.
- 62 Полное собрание русских летописей (Ипатьевская летопись). Т. 1. Л., 1923. С. 134.
- 63 Былины Печоры и Зимнего берега: Новые записи // Памятники русского фольклора / Под ред. А. М. Астаховой и др. М.; Л., 1961. С. 1—10.
- 64 Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1803. Т. 1. Примечания. № 25. С. 10.
- 65 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 111.
- 66 Ногмов Ш.-Б. Указ. соч. С. 83—84.
- 67 Там же. С. 83.
- 68 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 99.
- 69 Ногмов Ш.-Б. Указ. соч. С. 84.
- 70 Полное собрание русских летописей (Никоновская или Патриаршая летопись). Т. 9—10. СПб., 1862. С. 79; см.: Мавродин В. В. Образованность Древнерусского государства. С. 361.
- 71 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 99.
- 72 Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1961. С. 246.
- 73 Татищев В. Н. Указ. соч. С. 83, 246.
- 74 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 110.
- 75 Ногмов Ш.-Б. Указ. соч. С. 84.
- 76 См.: Багрянородный, Константин. Об управлении империей. С. 302; Ал-Масуди о Кавказе (из «Мурудж ад-Джахаб»). Гл. XV. Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 206.
- 77 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 101; Татищев В. Н. Указ. соч. С. 77; см. также: Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. С. 361.
- 78 Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 53—54.
- 79 Minorsky V. The Russian Attack on the Caucasus at Xth. century // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1953. T. 15. № 1. С. 1—10.
- 80 Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 70.
- 81 Там же. С. 70—71.
- 82 Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX—X вв. // Известия АН СССР. Т. 3. № 5; Артамонов М. И. История хазар. С. 365—384; Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 211—219.
- 83 Minorsky V. The Russian Attack... P. 23.
- 84 Ibid. P. 27.
- 85 Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 132—137; Бейлис В. История Дагестана VI—XI вв. Серир // Исторические записки. № 73. М., 1965.
- 86 Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 47—48.
- 87 Там же. С. 50—51.
- 88 Там же. С. 73, 136—137.
- 89 Кузнецов В. А., Медынцева А. А. Славяно-русская история XI в. из с. Преградного на Северном Кавказе // Краткие сообщения института археологии / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. Вып. 144. 1975. С. 11—17.
- 90 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 110—111.
- 91 Там же.
- 92 Лихачев Д. С. Повесть временных лет. Историко-литературный очерк. С. 84—87; Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. С. 176—181, 209—212.
- 93 Значительными материалами о Ростиславе, по-видимому, распо-

- независимые от «Повести временных лет» новгородские летописи. Следы этих материалов сохранились в Тверском сборнике (летописи), памятнике XVI в. и в «Истории Российской» В. Н. Татищева.
- 94 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 132.
- 95 См.: Лихачев Д. С. Повесть временных лет: Историко-литературный очерк. С. 84—87.
- 96 О том, что Глеб в 1069 г. уже был в Новгороде, свидетельствует Синопсальный список Новгородской первой летописи. Однако у В. Н. Татищева говорится о том, что с вокняжением в 1073 г. в Киеве Святослав дал Глебу Переяславль (см.: Лихачев Д. С. Повесть временных лет. Историко-литературный очерк. С. 405—406; Татищев В. Н. Указ. соч. С. 90).
- 97 Святослав родился в 1027 г. (см.: Повесть временных лет. Ч. 1. С. 101; Полное собрание русских летописей. Т. 9—10. СПб., 1862. С. 90). То же свидетельство имеется в Тверском сборнике (см.: Лихачев Д. С. Повесть временных лет. Историко-литературный очерк. С. 393).
- 98 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 110.
- 99 О двух политических группировках в Тмутаракани см.: Артамонов М. И. История хазар. С. 442—444.
- 100 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 135.
- 101 Там же.
- 102 Татищев В. Н. Указ. соч. С. 78, 81.
- 103 Там же. С. 83.
- 104 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 109.
- 105 Татищев В. Н. Указ. соч. С. 83—84.
- 106 На это обстоятельство первым, кажется, обратил внимание Д. А. Мачинский (см.: Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики: Сб. статей / Под ред. Т. А. Бернштам и К. В. Чистова. Л., 1986. С. 29; Лихачев Д. С. Повесть временных лет. Историко-литературный очерк. С. 392).
- 107 Полное собрание русских летописей. Т. 34. М.; Л., 1975. С. 28.
- 108 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 116.
- 109 Там же. С. 132.
- 110 Лихачев Д. С. Повесть временных лет. Историко-литературный очерк. С. 393—394.
- 111 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 103—104.
- 112 Папаскири З. В. «Варанги» грузинской «Летописи Картли» и некоторые вопросы русско-грузинских контактов в XI в. // История СССР. 1981. № 3. С. 164—172.
- 113 Татищев В. Н. Указ. соч. С. 83—84.
- 114 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 111—112.
- 115 Например, Моложский летописец в «Историческом древнем описании» Тимофея Каменевича (конец XVII в.) (см.: Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878. С. 25—39).
- 116 Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа. Материалы и исследования по археологии СССР: Сб. статей / Под ред. М. И. Артамонова. М.; Л., 1958. Т. 62. С. 7—84; Гадло А. В. Поселение XI—XII вв. в дельте Дона // Краткие сообщения Института археологии АН СССР: Сб. статей. Вып. 99 / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. 1964. С. 40—45.
- 117 Гадло А. В. К истории Тмутараканского княжества во второй половине XI в. // Славяно-русские древности. Историко-археологическое изучение Древней Руси: Сб. статей. Вып. 1 / Под ред. И. В. Дубова. Л., 1988. С. 194—213. Здесь же приведена литература по данному вопросу.
- 118 Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв.: В 2 т. Т. 1: Печати X — начала XIII в. М., 1970. С. 29—30.
- 119 Новосельцев А. П. Об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 150—159.
- 120 Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М., 1979. С. 14—15. Литературу вопроса см. там же.
- 121 Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отноше-

- ний. С. 402—403. — О существовании в это время стратига в Боспоре свидетельствует булла «протоспафария и стратига Боспора» Аркадия.
- 122 Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 20—23.
- 123 Татищев В. Н. Указ. соч. С. 91—92.
- 124 Там же. С. 83, 246.
- 125 Кузнецов В. А. 1) Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1985. С. 162—164; 2) Дургулель Великий и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа: Сб. статей / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе, 1988. С. 76—91.
- 126 В. А. Кузнецов полагает, что встреча Дорголета и Баграта произошла осенью 1065 г. Однако, по В. Ф. Минорскому, аланы только в октябре 1065 г. совершили нападение на Арран, а согласно грузинскому источнику Дорголет попросил Баграта о встрече с ним после возвращения в Аланию из этого похода, т. е. не ранее весны — лета 1066 г. Возвращался же Дорголет из Грузии в начале зимы, как говорит грузинская хроника (см.: Кузнецов В. А. Очерки истории алан. С. 162).
- 127 Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 18.
- 128 Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VII—XVII вв.). Сухуми, 1959. С. 180—181.
- 129 Кузнецов В. А. Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии: Сб. статей / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе, 1985. С. 46—53.
- 130 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 135.
- 131 Гадло А. В. Тматороканские этюды. III. Мстислав // Вестн. Ленинградского университета. 1990. Сер. 2. Вып. 2 (9). С. 21—32.
- 132 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 115.
- 133 Татищев В. Н. Указ. соч. С. 91—92; Васильевский В. Г. Дипломатия византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу // Васильевский В. Г. Труды: В 3 т. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1909. С. 29—32.
- 134 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 132.
- 135 Татищев В. Н. Указ. соч. С. 90. — В. Н. Татищев, по-видимому, ошибочно причисляет Бориса к сыновьям Святослава.
- 136 Там же. С. 91. — Владимир Мономах в своем «Поучении» подтверждает в это время свой поход из Смоленска в Чернигов (Повесть временных лет. Ч. 1. С. 159).
- 137 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 131.
- 138 Татищев В. Н. Указ. соч. С. 90.
- 139 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 159.
- 140 Там же. С. 132, 159; см.: Лихачев Д. С. Повесть временных лет. Историко-литературный очерк. С. 442—443.
- 141 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 132.
- 142 Там же. С. 135.
- 143 Там же.
- 144 Так, в частности, полагают М. И. Артамонов и В. Т. Пашуто (Артамонов М. И. История хазар. С. 443; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 85).
- 145 Янин В. Л. Печати «от Ратибора» // Советская археология. 1965. № 2.
- 146 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 135; Татищев В. Н. Указ. соч. С. 94; Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1908. С. 217—218; Т. 25. М.: Л., 1949. С. 31—32; см. также: Татищев В. Н. Указ. соч. С. 94.
- 147 Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе // Труды. Т. 1. СПб., 1908. С. 353—354.
- 148 Путешествие игумена Даниила ко Святой земле в начале XII в. СПб., 1864. С. 7.
- 149 История Византии: В 3 т. / Отв. ред. С. Д. Сказкин. Т. 2. СПб., 1967. С. 297—298.
- 150 Кузнецов В. А. Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии: Сб. статей / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе, 1985. С. 46—53.
- 151 Янин В. Л. Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика. Вып. 2. 1965. С. 76—90.
- 152 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 135.
- 153 Татищев В. Н. Указ. соч. С. 103, 252.
- 154 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 135—136.
- 155 Там же; см. также: Лихачев Д. С. Повесть временных лет. Историко-литературный очерк. С. 413.
- 156 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 87; Каждан А. П. Византийский податный сборщик на берегах Киммерийского Боспора в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей / Отв. ред. В. И. Шунков. М., 1963. С. 93—101.
- 157 Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища. С. 62—72; Макарова Т. И. Поливная керамика Таманского городища. С. 73—95; Шапова Ю. Л. Стекланные изделия средневековой Тмутаракани. С. 124—125; Финогенова С. И. Поливная керамика из раскопок Таманского городища // Советская археология. 1987. № 2. С. 192—211.
- 158 Голенко К. В. Новые материалы к изучению таманских подражаний византийским монетам // Византийский временник. Т. 18. 1961. С. 216—225; Кропоткин В. В. Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани: Сб. статей / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1963. С. 175—185.
- 159 Спасский И. Г. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л., 1970. С. 54; Кропоткин В. В., Макарова Т. И. Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве // Советская археология. 1973. № 2. С. 250—254.
- 160 Молчанов А. А. 1) Еще раз о таманском бронзовом «брактеате» // Советская археология. 1982. № 3; 2) Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича // Советская археология. 1982. № 1.
- 161 Гадло А. В. Поселение XI—XII вв. в дельте Дона // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 99. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1964. С. 40—45.
- 162 Недков Б. България и съседните и земи през XII век според «Географията» на Идриси. София, 1960. С. 101—103. — Очень существенно одно замечание издателя, мимо которого нельзя пройти: Б. Недков (прим. к с. 101) обращает внимание на то, что в старом издании А. Жобера, с которого делался французский перевод этого пассажа, а затем с последнего — русский (см.: Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры / Отв. ред. П. Н. Третьяков. Вып. 43. М., 1952. С. 18), имеется неточность. А. Жобер в тексте рукописи обнаружил имя владетеля Матрахи — Олу Абас, отдаленно напоминающее имя Олега, в то время как на самом деле этого имени в арабском источнике нет.
- 163 Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов... С. 150—159.
- 164 Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. С. 24—30.
- 165 Dagrouzès J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae: Texte critique, introduction et notes. Paris, 1981. P. 78—87, 293.
- 166 Приселков М. Д. Указ. соч. С. 151—154.
- 167 Гадло А. В. Новый памятник тматороканского времени из Приазовья // Советская археология. 1965. № 2. С. 217—224.
- 168 Скржинская Е. Ч. Греческая надпись из Тмутаракани // Византийский временник. Т. 18. 1961. С. 74—84.
- 169 Патерик Киево-Печерского монастыря // Памятники славяно-русской письменности: В 2 т. / Под ред. Д. И. Абрамовича. Т. 2. СПб., 1911. С. 76, 91.
- 170 Татищев В. Н. Указ. соч. С. 96.
- 171 Там же. С. 95—96.
- 172 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 137.
- 173 Там же. С. 95—96.
- 174 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 117; Плетнева С. А. Половцы.

М., 1990. С. 49—50.

175 Татищев В. Н. Указ. соч. С. 103.

176 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 160.

177 Пашуто В. Т. Указ. соч. С. 87.

178 Татищев В. Н. Указ. соч. С. 129.

179 Там же.

180 Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища. С. 70—72; Макарова Т. И. Поливная керамика Таманского городища. Керамика и стекло древней Тмутаракани: Сб. статей / Отв. ред. Б. А. Рыков. М., 1963. С. 73—95; Шапова Ю. П. Стекланные изделия средневековой Тмутаракани // Там же. С. 102—125; Финогенова С. И. Поливная керамика из раскопок Таманского городища // Советская археология. 1978. № 2. С. 192—211.

181 Крачковский И. Ю. Избранные сочинения: В 6 т. Т. 4. М., 1957. С. 281—299.

182 См.: Недков Б. България и съседните ѝ земи през XII век с ред «Географията» на Идриси. София, 1960. С. 93, 99—101.

183 Исключение составляет Никоновская летопись, которая под 1121 говоря о победе Мстислава Владимировича над Олегом Святославичем битве на Колокше, упоминает Тмуторокань: «и прогна его во Тмутаракань и оттоле в Резане» (Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 9—СПб., 1862. С. 153). У В. Н. Татищева говорится о том, что Мстислав изгнудил «Ольга в Муром уйти и остаться на княжении во Тмуторокани» (Татищев В. Н. История Российская: В 7 т. Т. 2. М., Л., 1963. С. 130).

184 Litavrin G. G. A propos de Tmutorokan // Byzantion. 1957. Vol. 25. P. 221—234.

185 Каждан А. П. Византийский податный сборщик на берегах Кермийского Боспора в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. статей / Отв. ред. В. И. Шунков. 1963. С. 95; Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. С. 27—28.

186 Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. С. 9, 11, 15.

187 Спицын А. А. Историко-археологические разыскания: Тмутаракань // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1909 (январь). С. 82—83; Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914. С. 93.

188 Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1957. С. 216—217.

189 Повесть временных лет. Ч. 1: Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Пер. с древнерусского Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 202; см.: Артамонов М. И. История хазар. С. 449—453.

190 Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. Т. 40. 1952. С. 214—259.

191 Гадло А. В. Тмутороканские этюды. VII. Тмуторокань и Дербент // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 1992. Вып. 2 (№ 9). С. 9—15.

192 Дорн Б. А. Каспий. СПб., 1875. С. 525—527.

193 История и восхваление венценосцев / Пер. с древнегруз., предисловие, прим. К. С. Кекелидзе; Ред. А. Г. Барамидзе. Тбилиси, 1954. С. 24.

194 Дорн Б. А. Указ. соч. С. 527.

195 История и восхваление венценосцев. С. 48.

196 Якобсон А. Л. Указ. соч. С. 28—29; см.: Успенский Ф. И. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929. С. 51.

197 История Византии: В 3 т. Т. 3 / Отв. ред. С. Д. Сказкин. М., 1967. С. 46—49.

198 Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. / Сост., ред. В. К. Гарданов. Нальчик, 1974. С. 30—33.

199 Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. Вып. 2. С. 1.

200 Недков Б. Указ. соч. С. 93.

201 История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. Б. Б. Пиотровский. М., 1988.

202 Мавродин В. В. Тмутаракань // Вопросы истории. 1980. № 1.

С. 177—182; Козловский И. П. Тмутаракань и Таматарха-Матарха-Тамань // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1928. Т. 2.

203 Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. С. 212—215.

204 Минорский В. Ф. Указ. соч.

205 Гадло А. В. Тмутороканские этюды. VII. Тмуторокань и Дербент // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 1992. Вып. 2 (№ 9). С. 3—15.

206 О политической системе и социальной структуре Дербента X—XIII вв. см.: Пахомов Е. А. О Дербентском княжестве XII—XIII вв. // Известия Азербайджанского государственного научно-исследовательского института. Т. 1. Вып. 2. Баку, 1930; Шихсаидов А. Р. Дагестан в X—XV вв. Махачкала, 1975; Кудрявцев А. А. 1) Древний Дербент. М., 1982; 2) Великий город на Каспии: Дербент в эпоху феодализма. Махачкала, 1982;

3) Новые данные о социальной топографии и структуре феодального Дербента // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа: Сб. статей / Отв. ред. В. Г. Гаджиев. Махачкала, 1988. С. 101—107; Ашурбейли С. Б. К вопросу о социальной структуре городов Ширвана и Дербента в XI—XII вв. // Там же. С. 140—147.

207 Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 43—79, 162—168.

208 Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.



Глава III

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В XII — НАЧАЛЕ XIII В.

Что представляло собой Предкавказье в XI—XII вв. мы знаем весьма слабо, поскольку письменные источники об этом периоде содержат очень мало информации, а археологически до сих пор остается неизученным. Только согласно свидетельствам русской летописи мы можем предполагать, что в начале первой половины XI в. в Северокавказской степи произошли значительные этнические сдвиги, которые привели к заселению здесь новой массы тюркоязычных кочевников. Русская летопись впервые сообщает об этой группе тюркоязычных племен — половцев русской летописи — под 1055 г. (первое нападение зимой 1054—1055 гг.) и говорит о первом набеге 1061 г. («Придоша половци первое на Русьскую землю вать»)¹. Можно с полным основанием думать, что на Кавказ кочевники этой группы появились несколько ранее, хотя и уже существует мнение, согласно которому они приходят на Северный Кавказ не только не ранее, но, напротив, позднее в Восточную Европу, — во второй половине или даже в начале XI в. Это мнение основано на том, что законченная в 70-е годы XI в. грузинская хроника «Матиане Картлиса» («Летопись Картли») не упоминает половцев (кыпчаков). Однако не учитывают, что о них знает Леонти Мровели, составитель свода грузинских летописей «Картлис цховреба», работавший в 60-е годы XI в., который вполне определенно указывает на новые группы кочевников заняли территорию «Пачани» Печенегии, до их появления, по его сведениям, лежавшей «рекой Овсети», т. е. к северу от Малки — Терека.²

Очень существенно, что Леонти Мровели кроме указания территории, занятой новой группой кочевых племен (указанной в тексте в соответствующем пассаже — *тюрки*), указывает, как это вторжение проходило. Он говорит, что они «в течение долгого времени и неоднократно ... теснили» обитав-

рекой Овсети *пачаников*, т. е. что их появление было не неожиданным и не внезапным. Действительно, мы знаем, что движение кыпчако- и огузоязычных тюркских племен в Закаспии началось в самом конце X в. и к середине XI в. выросло в мощный поток, двинувшийся на запад в обход Каспия с юга (сельджуки) и с севера (куманы-кыпчаки-половцы).³

В Европе эти новые кочевники-тюрки появились и стойко были известны под именем *куманов*, на Руси — *половцев*, на Северном Кавказе и в Закавказье — *кыпчаков*. В науке давно дискутируется вопрос о том, подразумевают ли источники под этими тремя различными терминами одну общность, и вообще, что в социально-политическом плане представлял собой этот тюркоязычный массив. Наиболее достоверным ответом на этот вопрос являются данные лингвистики, которые свидетельствуют о том, что, по-видимому, речь должна идти не об одной диалектной общности, а о двух: куманах-половцах, т. е. европейской группе, и кыпчаках, т. е. о восточной — поволжско-среднеазиатско-кавказской общности.

В основе имени первых лежит их самоназвание — этноним *ку-ман*, что буквально означает «я человек из рода лебедя» (ср. алтайское *ку-кижи*, *кумандинцы*), который был неверно понят или которому было осознанно придано оскорбительное значение *кубан* вместо *куман* (вследствие естественной замены *м* на *б*), т. е. «бледный», русское «половый» (отсюда — *половцы*). Перепад звуков в слове *куман/кубан* соответствует нормам тюркских огузских диалектов, на которых говорили враги куманов печенеги, гузы, торки, овладевшие Восточно-европейской степью раньше куманов и испытывавшие массивный натиск последних в первой половине XI в.⁴ Русская летопись практически не называет куманов, хотя в ней имеется пояснение (Лаврентьевский список): «куманы рекше половцы», а кроме того, наряду с «Землей Половецкой» есть упоминание и о «Земле Куманьской».⁵

Восточные и кавказские источники ни половцев, ни куманов не знают. В них тюрки XI—XIII вв. именуются *кыпчаками*. *Кыпчак* — очень древний тюркский термин, вероятнее всего, как и термин *куман*, имеющий тотемическое происхождение, но типологически более архаический. Он означает буквально «дерево со сгнившей сердцевинной, дуло».⁶ Этот этноним в настоящее время не потерял своего значения и является наименованием отдельных родо-племенных подразделений у южных алтайцев, казахов, киргизов, узбеков, ногайцев, башкир, причем диалекты этих групп связаны одной системой.⁷ Кыпчаки, если они даже и начали свое движение на запад одновременно с куманами/половцами и были близки им по языку и бытовой культуре, по-видимому, все же представляли изначально другую общность; их полное отождествление, традиционное в литературе, ошибочно.⁸

Точно так же является ошибочным мнение о существовании некоего общего половецко-кыпчакского государства, подобного державе гуннов или Хазарскому каганату. У тюрков XI—XIII вв. такое объединение не сложилось. У куманов-половцев процесс объединения, по-видимому, шел, но он начался поздно в конце XII в., накануне потери половецкими объединения самостоятельности и их включения в состав Монголо-татарской империи.⁹ У кыпчаков Северного Кавказа этот процесс, вероятнее всего, вообще не наступил, так как сюда проникли крупные объединения, а разрозненные кочевые общности, тягившие много сил на интеграцию в свой состав оставшихся степи от предшествующего периода «пачаников» и тюрков-огузов. В этом отношении очень показательно замечание еврейского путешественника XII в. рабби Петахии, побывавшего в Южнорусской степи, который отметил, что населенные степь кочевники не имеют «общего властителя, а только князей и благородные фамилии».¹⁰ Мало того, как свидетельствуют материалы ал-Идриси, внутри степей существовало вполне определенное разделение кочующих групп и подвластных им территорий. Он знает Черную и Белую Куманию, лежащие к востоку (по его географической ориентации) и к западу от реки, отделяющей восточноевропейские степи от казских (вероятнее всего — Дон). Его Черная Кумания, видимо, территория кыпчаков, а Белая — куманов-половцев.

Арабские и русские источники в общем сохранили довольно большое количество данных о кумано-кыпчакском периоде в степи, которые, однако, до сих пор не получили достаточно глубокой проработки.¹² Из них можно заключить, что в этот период находилась во владении относительно независимых родо-племенных конгломератов (орд), которые, несмотря на определенные тенденции к закреплению в ее отдельных районах, легко могли сниматься и переходить на значительные расстояния. Поэтому в течение XI—XIII вв. могли наблюдаться значительные перемещения как внутри куманов и кыпчакской группировки, так и между ними. В этой связи представляет интерес то, что называемые арабскими авторами кыпчакские подразделения («племена») находят повторение в летописи. Так, по сведениям ан-Нувеiri, заимствованным Ибн Халдуна и Руки ад-дина Бейбарса (XIII—XIV вв.), у кыпчаков было одиннадцать племен — токсоба, иета (сета), жоуглы, бурлы (эльбули), кангуоглы (кангароглы), андж (оглы), дурут, карабароглы (калабаалы), джвзнан (джер карабиркли (кадкабиркли), катян (кунун).¹³ Из них в летописи упоминаются токсоба (Токсобичи) и бурджоглы (Бурджичи), кочевавшие в междуречье Дона и Дону. Эти племена, по-видимому, занимали промежуточное положение между куманов/половцами и кыпчаками, в связи с чем могли продвигаться как в западном, так и в юго-восточном направлениях.

делах собственно Северного Кавказа, по-видимому, наибольшее значение имело племя *эльбули* (*эльбурды*), имя которого может быть сближено с именем племени *олбурлик*, упоминаемым Рашид ад-дином в рассказе о событиях, последовавших за монгольским вторжением в южнорусские степи. Это племя в XIII в. кочевало в восточной части Предкавказья между Кубой и Волгой.¹⁴

Число кочевнических погребальных комплексов, исследованных в настоящее время на территории Северного Кавказа, остается небольшим. По данным Т. М. Минаевой и Е. П. Алексеевой, специально занимавшихся этой группой археологических памятников, кыпчакские курганы зафиксированы в западной и центральной частях региона. Из них наиболее значительными являются курганные могильники в районе Новороссийска, около Анапы, на р. Малый Зеленчук (Икон-Халк), на р. Кубань (у ст. Тбилисской, Ладожской, Усть-Лабинской, у пос. Праздничное, у аула Кубина), у с. Подлужского и с. Воздвиженского на Ставрополье, в районе Пятигорска (у б. колонии Константиновской).¹⁵ Достоверно кыпчакских погребений в восточной части края до сих пор не обнаружено.¹⁶ Надо отметить, что и те кыпчакские памятники, которые зафиксированы в западной и центральной частях, не все бесспорно являются памятниками тюркоязычных кочевников. Дело в том, что с XIII в. в тех же районах получают распространение адыгские курганные могильники, погребальный обряд которых имеет много черт, сближающих их с кочевническими. Эталоном кыпчакских могильников Т. М. Минаева и Е. П. Алексеева считали небольшие (диаметром до 10 м и высотой до 1 м) насыпи, имеющие каменную обкладку или битый камень в толще заполнения. Костяки (под ними) обычно находятся в грунтовых ямах, лежат на спине, вытянуто, имеют различную ориентацию, с преобладанием западной. Иногда костяки находятся в дубовых колодах или дощатых гробовищах. Погребения людей сопровождаются конскими захоронениями, причем конь обычно погребался в отдельной яме.¹⁷ Те же черты характерны и для адыгских захоронений, но XIII—XVI вв.

Бесспорно кыпчакскими являются на Северном Кавказе каменные изваяния — «бабы», принадлежность которых тюркам-кочевникам XI—XIII вв. сомнений сейчас не вызывает.¹⁸ Эти изваяния, связанные с местами захоронения глав родо-племенных подразделений и родовыми святилищами, были некогда рассеяны по всему Северному Кавказу — о них писал проезжавший степи в середине XIII в. монах-минорит Гильом де Рубрук.¹⁹ Низами Гянджеви,²⁰ адыгский просветитель Казы Гирей,²¹ При этом Низами, говоря о каменных изваяниях, бесспорно, имел в виду памятники его современников (конец XII в.) — северокавказских кыпчаков восточной группы:

«И приходят кыпчаков сюда племена,
И пред идолом гнется кыпчаков спина.
Пеший путник придет или явится конный, —
Покоряет любого кумир их исконный.
Всадник медлит пред ним, и коня придержав,
Он стрелу, наклоняясь, вонзает меж трав.
Знает каждый пастух, прогоняющий стадо,
Что оставить овцу перед идолом надо...»²²

Т. М. Минаева, специально занимавшаяся сбором материалов о половецких (кыпчакских) каменных бабах Северного Кавказа, пришла к выводу, что наибольшее их число было поставлено по рекам и речкам степного Ставрополя (Егор Уруп, Калаус, Кума), в восточной части современного Краснодарского края и на юго-востоке Ростовской области, по Мичу и Салу.²³ По мнению Т. М. Минаевой, почти все изваянные в настоящее время сдвинуты и перемещены со своих первоначальных мест, и поэтому установить их первоначальное положение вряд ли возможно. Однако она считает, что они перемещались не более чем на 25—50 км, и вследствие этого представление о кучности их расположения в том или ином конкретном районе в общем отражает истинную картину расположения кыпчакских кочевий. В восточной части Северного Кавказа каменных баб нет, но Я. А. и Г. С. Федоровы отмечают известную находку в Северном Дагестане.²⁴ По А. А. Иессену, который первым обратил внимание на каменные бабы Северного Кавказа как исторический источник, их распространение ограничивается линией Армавир — Пятигорск — Калмыцкие степи, однако несомненно, что эти памятники были распространены значительно восточнее, во всяком случае, они захватывают Прикумье, т. е. восточные склоны Ставропольской возвышенности.²⁵

Факт неравномерности распространения каменных изваяний кыпчакского времени на территории Северного Кавказа весьма многозначителен. Его нельзя объяснить ни недостаточностью отдельных районов, ни сознательным уничтожением их в каких-то местах при сохранении в других. Это факт культурный, этнический. Вероятнее всего, граница распространения этих памятников есть линия размежевания кыпчаков и куманских групп. Не случайно встречающиеся в Восточном Приазовье бабы исключительно близки тем, которые ставлены кочевниками северного побережья Азовского моря и Нижнего Подонья. Придонские родо-племенные группы кочевников, видимо, временами отходили в Задонье и достигали Кубанских плавней, а прикубанские группы передвигались на север, в Подонье. Это и были те Токсобичи и Бурчеевичи, которых одновременно указывают среди кочевников и восточные авторы, и русские летописи.

Как свидетельствуют источники, описывающие монгольское нашествие на Северный Кавказ, здесь в этот период еще

воспоминание о Хазарском каганате, отразившееся в степной топонимике. Восточная часть Северокавказской степи, степи собственно кыпчакской, носила особое наименование — Дешт и-Хазар, в то время как вся степь была известна под именем Дешт и-Кыпчак. Через Дешт и-Хазар пролегала караванная дорога, ведущая от низовьев Волги к Дербенду. Об этой дороге упоминается при описании похода хана Узбека на Кавказ в 1318—1319 гг. В источниках можно найти в связи с этим очень выразительные указания. Например, о том же Узбеке в «Продолжении сборника летописей» говорится: «пройдя через Дешт и-Хазар, прибыл в Дербенд...»,²⁶ у Шараф ад-дина Йезиди о после Тимура к Тохтамышу: «пройдя Дербенд и прибыв в Дешт и-Кыпчак».²⁷ Существенно, что в это время и сам Дербенд начинает кроме традиционного, по-видимому, с X в. (ат-Табари) определения «Хазарский» именоваться «Дербенд Кыпчакский» (Рашид ад-дин).²⁸ Представление о том, что за Дербендом начинаются кыпчакские земли, проникает и далеко в Закавказье, о чем, в частности, свидетельствует Стефан Орбелиани (XIII в.), который об одном из своих героев говорит: «пал в битве на полях хазарских, называемых ныне кыпчакскими».²⁹

Появление кыпчаков и куманов/половцев в Северокавказской степи не могло не отразиться на тех политических образованиях, которые сложились в X—XI вв. в горах и предгорьях. Степняки-кыпчаки с момента их проникновения в новые для них области расселения безусловно стали представлять постоянную и весьма серьезную угрозу. Памятники кыпчаков (куманов) в западной части Северного Кавказа вполне определенно свидетельствуют о том, что их отдельные группы уже во второй половине XI—XII вв. попытались проникнуть в предгорья.³⁰ О взаимоотношениях горцев и степняков на этом этапе их соприкосновения очень выразительно говорит Низами, описывая приход в Дербенд Искендера (Александра Македонского):

«И правители этой гористой земли
С горькой жалобой в стан Искендера пришли:
Опасаются, мол, они диких кыпчаков
И не сеют они в этой области злаков,
Потому что кыпчаки бесчинной ордой
Мнут посевы и портят арыки с водой».³¹

Однако представлять, что отношения горцев и степняков были только враждебными или оставались такими постоянно, у нас нет оснований. Скорее, мы должны констатировать, что на Северном Кавказе, как, впрочем, и на Руси, степняки проявили исключительную культурную пластичность и стремление к адаптации культурных достижений оседлых общностей. В XII в. совместные политические действия горцев и степняков становятся обычным делом. «Тарих ал-Баб» сообщает, что уже в 1064 г. «владелец Сарира» привлек к союзу «различных тюр-

ков» и вместе с ними совершил набег на Дербенд.³² Грузинский анонимный автор XII в., рассказывая о походе Давида (1089—1125 гг.) в Дагестан в 1123 г., сообщает о выступлении против него «лаков и кыпчаков дербендских». ³³ Однако более показательным в этом отношении является тот союз, который возник между кыпчаками и аланами накануне монгольского вторжения (20-е годы XIII в.).³⁴

Картина кыпчакской степи, какой она открывалась идущим на север через Дербенд по Хазарскому (Дербендскому) пути, дается в рассказе ряда авторов (Хамдаллах Казвини, Рашид-ад-дин) о борьбе Хулагу и Берке (Беркая), т. е. того периода, когда еще не произошла дезинтеграция кочевых кыпчакских объединений. Сразу за Терекком располагались «зимние» («жилища всех эмиров, вельмож и воинов»), причем степь была сплошь в палатках и больших шатрах, а земля тапа лошадей, мулов, верблюдов, коров и овец...³⁵ Видимо, это было сосредоточение значительных кыпчакских сил в районе выхода из Дербендского дефила (Приморский Дагестан) за пределы монголов в 1223 г. пойти на Северный Кавказ через горные перевалы, а не степью через Дербенд. Описание этого дефила у Ибн ал-Асира является еще одним веским доказательством пользы того, что к этому времени кыпчаки глубоко проникли в горы. Ибн ал-Асир об этом пишет так: «Переправившись через Ширванское ущелье, татары двинулись по этим областям, в которых много народов, в том числе аланы, лезгины и другие» (тюркские племена. Они грабили и перебили много людей, которые (отчасти) мусульмане, (отчасти) неверующие, падая на жителей этой страны, мимо которой они проходили, прибили они к аланам, народу многочисленному, к которому уже дошло известие о них. Они (аланы) употребили все старание, собрали у себя толпу кыпчаков и сразились с ними (татарами)». ³⁶ Здесь лезгинами названы горные племена Дагестана, издревле находившиеся в тесном общении с аланами. Чтобы пройти через Дагестан к стране алан, монголы должны были выйти в район современной Восточной Грузии, куда доходили аланские поселения.³⁷ В этом же районе, в предгорьях, а в степи, находились, вероятно, и зимние кочевья кыпчаков.³⁸

Далее Ибн ал-Асир сообщает, что монголам удалось побить союз алан и кыпчаков и после того, как кыпчаки покинули Аланию, завершить ее разгром. Доверившиеся монголам кыпчаки, видимо, спустились в степь и разошлись по кочевьям. Этим и воспользовались монголы. Они вторглись «на землю их» и «стали нападать раз за разом», грабя и опустошая порознь кыпчакские становища. «Услышав эту весть», пишет Ибн ал-Асир, — жившие вдаль кыпчаки без боя удалились: одни укрылись в болотах, другие в горы, третьи ушли в страну русских». ³⁹

В другом месте своего труда, повествуя о тех же событиях, Ибн ал-Асир говорит, что, дойдя до земли алан, татары «надеялись их резней, грабежом и опустошением», после чего «направились в землю кыпчаков, одного из самых многочисленных племен тюркских и избили (там) всех тех, которые сопротивлялись им, остальные бежали в болота и на вершины гор, и всю овладели татары». ⁴⁰

Бегство кыпчаков в горы, их участие в боевых действиях вместе с аланами в горах — все это важные свидетельства глубокой инфильтрации кыпчакского массива в коренные кавказские общности, в их структуру, политическую и экономическую. Основой этого процесса была система кочевого хозяйства, которую практиковали кочевники Северокавказской степи. У нас имеется весьма ценное свидетельство об этой системе. Грузинская летопись рассказывает, что однажды царь Давид IV на своем пути по Грузии встретил кыпчаков, которые передвигались в «летние места», т. е. совершали обычную кочевку. Грузинский летописец отметил при этом, что у кыпчаков, а это были северокавказские кочевники, перешедшие в Закавказье и поступившие на службу к Давиду, имеется два типа поселений — *сазантро* ('зимнее место') и *сазанхуло* ('летнее место'). ⁴¹ Из этого свидетельства вытекает вполне определенный вывод о том, что даже в условиях Грузии «кыпчаки» сохранили свою собственную им систему хозяйства, сложившуюся в условиях Северного Кавказа, — полукочевое скотоводство эйлажно-вертикального типа, при котором зимовья располагаются на равнине, а летовья — в горах. У горцев, как известно, система хозяйства и, в частности, скотоводства была иной — их постоянные зимние поселения располагались в горах и предгорьях, а на лето они часть скота отгоняли в высокогорье. Зимой же при значительном количестве стад скот приходилось перемещать на равнину. Принципиальное отличие этих систем заключается в том, что горцы не покидали всей общиной своих зимних селений и со скотом уходили только пастухи, а оседавшие на землю или полуседлые кочевники обычно не оставляли населения на местах зимовищ (за исключением старых и больных) и всей общиной переходили на летние выпасы. ⁴² В условиях Северного Кавказа эти две системы издревле сосуществовали и взаимно дополняли друг друга. Они практиковались и в условиях сосуществования горцев с каганатом. С приходом кыпчаков (куманов/половцев) они, видимо, возродились и получили новый импульс к развитию. ⁴³

Переломным моментом в истории взаимоотношений степняков и горцев, можно думать, стали настойчивые попытки Грузии осуществить переселение части кочевых групп Северного Кавказа в Закавказье. ⁴⁴ Эта политическая мера была вызвана стремлением правительства царя Давида IV создать военный резерв, во-первых, для борьбы с сельджуками и, во-вторых, для

борьбы с непокорными феодалами. В 1118—1120 гг. Давид посылал в Аланию и Кипчакии и не только провел переговоры с горцами и степняками, но и способствовал заключению миру между ними и обмену заложниками. После этого аланы открыли для кочевников (грузинская летопись называет их кипчаками) Дарьял, по которому в Грузию ушли, по словам грузинской летописи, 40 тыс. кипчаков-воинов, т. е. исходя из общепринятых демографических норм — около 200—250 человек, считая и членов их семей. В эту цифру верят даже не все историки, считая ее завышенной, однако во всех случаях следует иметь в виду, что отлив кочевников из Северокавказской степи был значительным и, что немаловажно, в состав переселенцев были не только кипчаки Кавказа, но и половцы/куманы Подонья, возглавляемые одним из знатнейших ханов — Отраком, сыном Шарукана. Это переселение было единственным: грузины приглашали для борьбы с сельджуками кипчаков и при царе Георгии III (1156—1184 гг.), и при царице Тамар (1184—1213 гг.).⁴⁵ В эпоху Тамар, как свидетельствует хроника «История и восхваление венценосцев», в Грузию различали «старых кипчаков», пришедших еще при Давиде Строителе, и новых, призванных при Тамаре. Общение с кипчаками в этот период стало постоянным. Так, например, во время споров о выборе достойного мужа для царицы правительство Грузии проявило удивительную осведомленность о месте нахождения сына Андрея Боголюбского, Георгия Всеволодовича, и приняло решение о желательности его сватовства, тут же было отправлено из Тбилиси посольство во главе с одним из влиятельных деятелей торговой корпорации, очевидно, знакомым и с дорогами, и с политической ситуацией в землях кипчацкого хана Севенджа (в тексте «царя»), у которого и был принят Георгий.⁴⁶

Вторжение монголов, несомненно, сыграло решающую роль в дальнейшей судьбе кочевых тюркоязычных общностей Северного Кавказа. Но значение его не в том, что они были включены в состав монгольской державы и постепенно слились с пришедшими вместе с монголами родственными им тюркоязычными общностями Южной Сибири, а в том, что произошло их слияние с местной этнической средой, сложившейся в зоне предгорий и в горах в предшествующие времена. О слиянии монголов с кипчаками имеется весьма красноречивое высказывание автора XIV в. ал-Омари, сделанное через столетие после монгольского нашествия и потому очень важное: «В древности это государство (Золотая Орда) принадлежало кыпчакам, но когда им завладели татары, то кыпчаки сделали их подданными. Потом они (татары) смешались с кыпчаками (кыпчаками), и земля одержала над природными и расовыми качествами их (татар) и

стали точно кыпчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что монголы (и татары) поселились на земле их (кыпчаков)».⁴⁷ Такого свидетельства об интеграции кыпчаков в среду аборигенов нет, но о ней красноречиво свидетельствуют остатки кыпчакского диалекта тюркских языков у кумыков, карачаевцев и балкарцев, а также пережитки степной культуры в их хозяйстве, материальном и духовном быту.⁴⁸

Согласно Рашид ад-дину, монголы под предводительством Джебэ и Субудея зимой 1221—1222 гг. в обход Дербенда через внутренний Дагестан прошли на Северный Кавказ. Их путь шел, вероятнее всего, вначале вдоль р. Гюльгерычай, а затем по маршруту Касумкент — Кумух — Хунзах, откуда они попали либо в низовья Сунджи (район Грозного), либо к Актану (вблизи Хасавюрта). Двигаясь только этой дорогой, они могли повстречать на своем пути лезгин (вероятнее всего, лезгин, т. е. вообще дагестанских горцев) и алан.⁴⁹ К аланам они, видимо, вышли в тыл и сразились с ними в горах до выхода на равнину. После столкновения с кыпчаками, которое, судя по тексту Ибн ал-Асира, было продолжительной серией стычек, монголы полностью овладели степью. В этом согласны все историки, но они расходятся в том, что случилось с населявшими степь кыпчаками. Кроме уже приведенного свидетельства Ибн ал-Асира о том, что кыпчаки частью «ушли в горы», частью «укрылись в болотах» (очевидно, бежали в дельту Терека — Сулака), частью ушли «в страну русских», имеется также свидетельство о том, что часть их ушла на юг, к Дербенду («Когда татары овладели землею кыпчаков, кыпчаки разделились: одна часть пошла в Русь, другая расселилась в горах, большая часть собралась и пошла в Дербенд Ширванский»)⁵⁰ Оказавшись вблизи Дербенда, кыпчаки напали на город, а затем, разграбив его, ушли в Ширван. Отсюда они попытались пройти в Грузию, но правительство Грузии их не приняло, мало того, против них был направлен царевич Иванэ, сын царицы Русудан, однако кыпчакам удалось разгромить грузинское войско.⁵¹ Впрочем, победа не принесла им спокойствия. Новый поход грузин увенчался успехом, кыпчаки были разбиты и ослаблены. Правитель Гянджи, попытавшийся было освободиться из-под власти грузин с помощью кыпчаков, предал их. И тогда «все обратились против них (кыпчаков): мусульмане, азербайджанцы, грузины, лезгины и другие, и совсем уничтожили их посредством убийства, грабежа и плена, так что раб из них продавался в Дербенде Ширванском по самой низкой цене».⁵² Так закончилась история одной группы кыпчакских родов, бежавшей в Закавказье. Кыпчаки же, ушедшие к морю, «в болотах», по-видимому, попытались собрать остатки своего народа и выступить соединенными силами против монголов. Во главе их встал Бачман, предводитель объединения *олбурлик* («эмир»). К нему примкнули аланы/овсы/асы во главе с Качир-укулэ и

«скопище других беглецов». Однако их попытка как-то ужаться и консолидироваться провалилась: монголы подавили это сопротивление.⁵³ Но оно вспыхнуло вновь в конце 20-х годов (1229—1230 гг.),⁵⁴ восстание повторилось в 1241—1242 и вновь было подавлено. На этом по существу закончилась история кыпчаков в степях Северного Кавказа. История той группы, которая отошла под натиском первого прорыва татар в Северокавказскую степь на запад, «к русским», закончилась не менее трагично — они вместе с русскими полками были разбиты в сражении на Калке в 1223 г.

*
* *
*

Начало XII в. ознаменовалось коренным изменением политики Руси по отношению к кочевым объединениям, занимавшим северопричерноморские степи. Определенная русскими князьями на Долобском съезде весной 1111 г. политика активного продвижения в глубь половецких кочевий, осуществлением которой стали походы на «Дон» (так летописец обычно именует Северский Донец), привела к тому, что к 1116 г. одно из самых крупных половецких объединений, располагавшееся в степях между Северским Донцом, Нижним Доном и Азовским побережьем, возглавлявшееся ханами Шаруканом и Сугру, практически перестало существовать. Часть его отошла на юг к самому побережью (орда Сырчана), а другая вообще ушла в Задонские степи, а оттуда передвинулась еще дальше на юг, в степи в центр Предкавказья (орда Отрака).⁵⁵ Входящие в это объединение печенеги и торки покинули половцев и ушли на Русь. Орда Отрака, отступая на восток, выбила из Подонья черкесов, которые, как сказано выше, по-видимому, потянули за собой все русское население Приазовья и в том числе русские обитатели Тматорокани. Можно думать, что именно это движение половцев сыграло решающую роль в отрыве Тматорокани от Руси и толкнуло тматороканских козар (населенных города) к переходу под покровительство империи. Вполне вероятно, что русско-византийский конфликт, внезапно вспыхнувший в 1116 г. в низовье Дуная, имел своей причиной и стремление Владимира Мономаха, тогда уже великого князя, не допустить утверждения Византии в старой черниговской земле, за спиной враждебных Руси половецких кочевий.⁵⁶

Попав на Северный Кавказ, орда Отрака (вар. *Атрака*) сомненно вступила в соприкосновение с теми куманскими и половецкими и кыпчакскими группами, которые кочевали с первой половины XI в., не переходя на запад от Дона. Эти группы, по-видимому, кочевали по всей Северокавказской степи, но источники сохранили, как мы видели, сведения о них только об одной из них, которая кочевала в восточной части Предкавказья, заходили они и на Прикаспийскую низмен-

ность и вторгались в горные области Дагестана.⁵⁸ Грузинские источники упоминают также кыпчаков вблизи границ Овсети (Осетии).⁵⁹ С полным основанием можно думать, что кыпчаки в XI в. продвигались также и в западные районы Северного Кавказа, доходя в своих сезонных перекочевках до Азовского побережья. Впрочем, здесь могли сохраниться, как и в Южнорусской степи, родственные по языку и культуре кыпчакам более древние тюркоязычные кочевые общности — печенеги, гузы (торки), подобно тому как это было в Подонье и Приазовье.⁶⁰

Орда Отрака, если верить грузинским источникам, хорошо о ней осведомленным, насчитывала около 200 тыс. человек. Естественно, она должна была повлиять на распределение кочевий между коренными обитателями Северокавказской степи, и потому ее появление на Северном Кавказе вряд ли было встречено спокойно.⁶¹ Здесь Отрака ожидала такая же, а может быть, и более жестокая война, чем та, от которой он увел своих соплеменников из Подонья. Этим, по-видимому, и объясняется то, что Отрака принял предложение царя Грузии Давида о переселении его орды в Закавказье.⁶² При этом союз Отраки и Давида был скреплен браком Давида с дочерью половецкого хана. Для заключения договора, по словам источника, Давид сам выезжал в Овсети. Так один из влиятельных половецких вождей Южнорусской степи попал «во Обезы за Железные Врата», как сказала об Отраке Галицкая летопись, где он и провел более десяти лет, после чего с частью своей орды вернулся на Северный Кавказ, откуда по призыву своего брата Сырчана перекочевал обратно в Подонье. Это произошло уже в конце 20-х — начале 30-х годов. Одним из сыновей этого хана был Кончак, восстановивший в 70-х годах XII в. Придонско-Северско-Донецкое объединение половецких племен.⁶³

История Отрака интересна для нашего сюжета не только тем, что она является ярким доказательством теснейшей взаимосвязи, существовавшей в мире Степи между отдельными группами тюркоязычных кочевников — кыпчаков и куманов/половцев, но и тем, что она представляет тот этнополитический фон, на котором началось и проходило формирование в центральной части Предкавказья кабардинской общности, являющейся, как известно, одним из этнотерриториальных подразделений адыгов. Наиболее значимым свидетельством (и, к сожалению, пока единственным), позволяющим связывать перемещение в Северокавказской степи в начале XII в. половцев и перемещение из Прикубанья в низовья Малки и Баксана отдельных адыгских групп, является так называемый «Этокский памятник» — погребальная каменная стела, изображающая мужчину-воина, на которой имеются греческие надписи и дата, указывающая на то, что стела поставлена в первой половине XII в. Этокский памятник был открыт в 1773 г. академиком И. Гильденштедтом в северо-восточной части Пятигорья неда-

леко от грязевого озера Тамбукан на берегу реки Этоко. Пале Гильденштедта его осматривали Я. Потоцкий и Г.-Ю. Крот; в настоящее время он находится в Государственном историческом музее в Москве.⁶⁴ Помимо исключительно интересных деталей — изображения лица, которому посвящен памятник, выполненного в реалистической манере, его оружие помимо до сих пор загадочных мифологических сюжетов постаменте памятника, эта стела замечательна также и содержанием греческой надписи. Надпись содержит не один, а два текста — греческий, датированный 1130 г., и нечитаемый (во всяком случае вполне достоверно) адыгский. Первый сообщает о смерти «раба Божия Георгия-пека» (т. е. Георгия — «бека» а второй, хотя и не понятен полностью, но бесспорно содержит тот же титул *пег/бег* и упоминает некое местное имя — *жо*.⁶⁵ Стилистически памятник сближается с группой каменных изваяний, статуй воинов-христиан (они обычно имеют знак креста на головном уборе или на одежде), известных с верховьев Кубани (междуречье Урупа и Малого Зеленчука преимущественно).⁶⁶ Исторический смысл этого памятника как источника состоит в том, что даже из его поверхностного анализа вытекает вполне определенный и достоверный вывод: если в Пятигорье в конце второго десятилетия XII в. звучала адыгская речь и жили люди, владевшие одновременно и этой речью, и греческим письмом, то, значит, здесь должна была находиться в то время этническая группа, представлявшая адыгскую общность. Причем из содержания первой части надписи следует, что во-первых, были адыги-христиане и, во-вторых, что они представлялись лицом, носившим высокий тюркский титул, равный ценный титулу «князь, вождь, правитель».⁶⁷

Место, где стоял памятник, было окружено почитанием. Весной в середине апреля сюда сходились люди для совершения языческих обрядов, вероятнее всего, как можно видеть по весьма смутным воспоминаниям о них в литературе, связанных с культом плодородия.⁶⁸ И. Гильденштедт, Я. Потоцкий в конце XVIII в., и Ш.-Б. Ногмов в начале XIX в. слышали и зафиксировали (правда, с различной степенью полноты) предания об этом памятнике. Его считали надгробием местного героя Дука-бека или Дауко (*Даукъуэ*). Таким образом, в предании сохранились два существеннейших элемента первой части надписи — имя и титул лица, которому он был посвящен. Элементы культа плодородия, которые отмечают связи с этим памятником, дают основание думать, что в Дука-беке видели предка, подателя плодородия и жизни, защитника общности, к которой он принадлежал и которая генетически ему восходила. То, что этот предок имел христианские символы (они были нанесены на его одежду), конечно же, значить не имело. По-видимому (так во всяком случае можно предполагать), значение имело другое — то, что место культа нахо-

дилось вблизи того района Кабарды, с которым по народным преданиям связано первое появление там кабардинцев, это территория их второй прародины, где, согласно преданиям, жили их предок и эпоним Кабарда Тамбиев.

Предания о Кабарде Тамбиеве представляют весьма существенный исторический источник, который, однако, до сих пор не был по достоинству оценен.⁶⁹ Вместе с рядом топонимических легенд и традиционных социальных норм, сохранившихся в кабардинском быту до начала XX в., они дают возможность получить информацию о некоторых этногенетических процессах, которые ускользают при изучении источников других видов.

Согласно кабардинским преданиям, Кабарда Тамбиев был тлкотлешем (т. е. дворянином высшего ранга, следующего после пши — наследственного князя Иналовича) у князей Болотоковых, которые владели коренными землями восточной части Страны адыгов, т. е. землями Касахии Константина Багрянородного, областью собственно касогов. Эти земли располагались в междуречье Кубани и ее притока Лабы, и в XV—XIX вв., да и в настоящее время, их населяла особая этнотерриториальная группа адыгов кемгуй (кемиргоевцы/темиргоевцы). Болотоковы передавали из поколения в поколение титул *князь из князей*, т. е., по-видимому, сохраняли старшинство в роде потомков Инала.⁷⁰

Тамбиев, согласно преданиям, ушел из владений Болотоковых, дабы избежать столкновения с князем, и во главе небольшой группы преданных ему людей, очевидно, его вассалов, так как тлкотлеши имели зависимость от них воинов-дворян и общинников, перешел в низовья р. Малки. Здесь, как говорят предания, Тамбиев и его спутники наткнулись на кочевье хана «тургутов», которому принадлежали земли современной Кабарды. Хан отдал эти земли Тамбиеву в обмен на его жену (вследствие чего за родом Тамбиевых утвердилось неслестное слава «женопродавцев») и навсегда их покинул. Тамбиев осел и начал их обживать. К нему из Кяха (с Кубани, но, может быть, и конкретно — с низовьев Кубани) постепенно стали стягиваться беглецы, недовольные насилием князя Болотокова. Среди них были, видимо, люди из различных этнотерриториальных адыгских групп, но были и неадыги. Так, предание особенно рассказывает о появлении среди переселенцев еврея-кожевника Куденета.⁷¹ Куденет Кабарда Тамбиев отдал в жены свою дочь, а в дальнейшем уступил и значительную часть своей земли.⁷² Несмотря на исключительное положение, которое Тамбиев занял на освоенных им и его спутниками землях, он, как следует из преданий, не разорвал своих отношений (вассальных связей) с Болотоковыми и другими прикубанскими князьями, ведшими свой род от Инала, и не стал на новых адыгских землях князем — пши. Когда в дальнейшем князья, потомки Инала, стали переселяться с Кубани в Центральное Предкавказье,

род Тамбиева в сословной иерархии кабардинцев занял второе место. Третье место занял род, происходящий от дочери Тамбиева и Куденета — Куденетовы. Оба рода хранили свои привилегии до XIX в., причем значение этих привилегий у рода Куденета со временем стало выше, чем у самого Кабарды.⁷³ Земли, впервые освоенные Тамбиевым, с пор стали называться *Къэбэрдей/Къэбэрттай*, т. е. буква владения Кабарды, Кабардова собственность.⁷⁴

Фольклорная традиция о передвижении адыгов на вою из Прикубанья, и это нашло вполне определенное отражение в той части предания, которая была записана Ш.-Б. Номовым,⁷⁵ знает два этапа этого передвижения. Первый этап — переселение на восток отдельных групп, в том числе групп, возглавляемых князьями, потомками Инала; второй этап — это роковое переселение, приведшее к столкновению между племенами первой и второй волн, завершившееся разделом Кабарды между четырьмя княжескими кланами.⁷⁶ Ш.-Б. Номов, вероятно, потому, что опирается в своей «Истории» в основном на княжескую версию этногенетической традиции адыгов, упоминает о Тамбиеве. Распространенная же в народе уорки (уорки — сословие, обычно приравниваемое в литературе к уоркам, в которое входили также и тлкотлеши, составлявшие нем высший пласт — пшиуорки) версия, отдающая приоритет Тамбиеву, хотя тоже помнит о двух этапах, но либо упоминает, либо очень смутно упоминает о князьях.⁷⁷ Данные археологии свидетельствуют о том, что массовое переселение адыгов из Прикубанья на восток начинается не ранее второй половины XIII в. и проходит главным образом в XIV—XV вв.⁷⁸ Несмотря на то, сколько Этокский памятник свидетельствует о том, что племена адыгские группы появились в Центральном Предкавказье в XII в., приходится признать, что массовое переселение адыгов вторичным и ему предшествовал действительно этап спонтанной миграции, археологические следы которого остаются еще не найденными, как, впрочем, и следы синхронных кочевых образований, населявших степь. Этот этап, вероятно, соответствует тому этапу, который в фольклорной традиции отложился как предания о Тамбиеве, и, следовательно, события, отраженные основной сюжетной линией этих преданий, с полным основанием можно датировать XII и даже началом XIII в., принимая во внимание дату Этокского памятника.

Особенностью преданий о Тамбиеве по сравнению с другими фольклорными этногенетическими источниками является то, что в них содержится очень существенный, датирующийся событиями, элемент. Согласно преданиям, Кабарда Тамбиева на освоенных им землях вначале обнаружил человека «тургутов», который принял его, выделил ему землю поселения и включил его в число своих вассалов и со-

ков.⁷⁹ Тургутами кабардинцы XIX в., когда были впервые записаны эти предания, называли калмыков. В составе калмыцких родо-племенных подразделений действительно есть крупное объединение торгоут, которое в XIX в. занимало в основном прибрежные прикаспийские юго-восточные районы Калмыцких степей. В период переселения калмыков на территорию Азово-Каспийского междуморья торгоуты, вероятнее всего, как одно из наиболее активных калмыцких племен, действовали по всей линии соприкосновения с владевшими тогда Северокавказской степью адыгами. Но поскольку переселение калмыков и установление контактов между ними и адыгами произошло только в 30-х годах XVII в., т. е. тогда, когда адыги уже освоили не только Центральное Предкавказье, но и степи, лежащие к востоку от него вплоть до Каспия, этноним *тургут/торгоут* в преданиях о Кабарде Тамбиева явно покрывает собой не калмыков, а другой, более древний этнос. Вряд ли случайно в некоторых вариантах преданий вместо тургутов называются «френги», являющиеся для многих народов Кавказа синонимом чужой, пришедшей извне общности, сочетающей черты и восточных, и западных средневековых воинов и торговцев, путешественников и горожан. Можно думать, что этноним «тургуты» казался некоторым сказителям не соответствующим той эпохе, которую они описывали, и они искали ему замену, вводя в повествование с их точки зрения более достоверный и понятный слушателям этноним-маску.⁸⁰

Учитывая, что разбор сюжетной линии преданий о Тамбиеве уводит в XII в., правомерно упоминающихся в них тургутов сопоставить с реально существовавшими тогда на Северном Кавказе *тюркютами* (*тюрками*, *торками* русской летописи), перекочевавшими под именем *гузов/огузов* еще в начале X в. из-за Каспия на территорию Хазарии. После падения каганата они вместе с печенегами (тоже тюрками-огузами) оказались полными хозяевами Северокавказской и Поволжской степей, которыми владели до вторжения в эти степи куманов/половцев и кыпчаков, в середине XI в. включивших не ушедшие на запад за Дон их родо-племенные объединения в состав своих орд.⁸¹ Вполне естественно, что адыги, вначале столкнувшиеся с тюркютами/торками, а потом с близкими им по культуре, образу жизни, языку кыпчаками и куманами, перенесли на последних их имя.

Район Центрального Предкавказья, ставший, согласно преданиям, местом расселения той группы адыгов, которая первой продвинулась из Прикубанья на восток, в X—XII вв. являлся северным пограничьем Аланского царства. Длительное, а тем более постоянное, пребывание здесь значительной кочевнической общности, а именно такую рисуют предания, говоря о тургутах, было практически невозможно. Это обстоятельство дает основание для предположения о том, что адыги продвинулись

к Малке и Баксану и начали освоение прилежащих к ним предгорий и степи в такой период, когда кочевники вплотную подошли к границам Алании, иными словами, когда Алания степь оказались на пороге или в состоянии войны. Адыги Кбарды Тамбиева, как можно предполагать на основании преданий, в этой ситуации находились на стороне кочевников, в дальнейшем, когда обстановка разрядилась и кочевники начали отход, они не последовали за ними. Цена, которую переселенцы заплатили за разрыв с кочевниками, названа преданиями вполне определенно: уходя, тургуты увели с собой адыгских женщин (эпизод с продажей жены Тамбиева в обмен на землю). Пришлось переменить и место поселения: вначале адыги обосновались на левом, степном берегу Малки, а после ухода кочевников перешли на правый, аланский берег, где, как говорят предания, Тамбиев основал новый «аул», который обременен земляными укреплениями, и построил сторожевую башню. Место старого поселения Тамбиева и место его нового «аула» хорошо знали в народе, помнили также и место его погребения, которое указывали у с. Зеюко на левом берегу Баксана.⁸³

Строительство сторожевой башни Тамбиевым в новом «ауле» — весьма знаменательный сюжет в предании. Наши археологические исследования в верховьях р. Урупа (приток Урупы Кува) показали, что башнеобразные сторожевые сооружения начинают возводиться адыгами именно в XII—XIII вв., в период активизации в степи кочевых тюркоязычных объединений.⁸⁴ Из современных башнеобразных построек, а они известны в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Осетии, Балкарии, Карачае нет ни одной, которая датировалась бы периодом ранее XV—XVII вв. Это обстоятельство дает основание некоторым исследователям полагать, что башня в северокавказском селении — элемент поздний, заимствованный из Закавказья, из Грузии.⁸⁵ Однако с этим трудно согласиться. Башни известны салтово-маяцкой культуре (Хумаринское городище), башнеобразный донжон хазарского периода открыт на Таманском городище. Но самое главное, что башнеобразные сторожевые сооружения входили в комплекс обычной обороны рядового адыгского, горного поселения, где, правда, возводились не из камня, а из дерева.⁸⁷ Таким образом, упоминание в предании о Тамбиевой башне, дополняющей оборонительные заграждения аула, — существенный элемент, не противоречащий хронологии событий, отраженных в преданиях.

Свод грузинских летописей «Картлис цховреба» позволяет с полной достоверностью установить время наибольшего напряжения в отношениях между кочевниками и Аланией в первой половине XII в. Это годы, непосредственно предшествующие переходу в Грузию орды Отрака, т. е. конец второго десятилетия. Именно тогда приток в Северокавказские степи новых кочевников привел к такому обострению алано-кыпчак-

отношений, что для примирения алан и кыпчаков потребовалось личное участие царя Грузии. Уведя в Закавказье огромный половецкий массив, Давид, несомненно, разрешил ситуацию, обеспечив надолго безопасность северных границ Алании. Посещение Давидом Овсети и переход Отрака через Кавказ грузинский источник датирует 1118—1120 гг. До этого, в первой половине второго десятилетия XII в., отношения между аланами и кочевниками, по-видимому, были не только уравновешенными, но и дружественными. Так, по свидетельству армянского писателя Маттеоса Урхаеци, в 1111 г. аланы и кыпчаки вместе под знаменами Давида сражались под стенами Гянджи.⁸⁸ В 1116 г. аланские (яссские) воины в составе половецких отрядов, оборонявших становища-города на Северском Донце, бились с русскими княжичами, посланными Мономахом вглубь степи для завершения разгрома Сырчана и еще находившегося там Отрака Шарукановичей.⁸⁹ Поражение и бегство Отрака, видимо, нарушило равновесие сил на Северном Кавказе, и пришедшие в движение кочевники из союзников превратились в неприятелей и соперников алан.

Кабардинские сказители, передавая предания о Кабарде Тамбиеве, испытывали затруднения (об этом прямо свидетельствуют тексты опубликованных записей), когда им приходилось отвечать на весьма существенный для слушателя-адыга вопрос о племенном, клановом, родовом, фамильном происхождении героя. Несмотря на то, что его родовое имя — Тамбий, казалось бы, определенно указывает на принадлежность к абазинскому (неадыгскому) обществу Там (тамовцы), входящему в группу абазин-шкарауа, существовавшему до середины XIX в. в горах Закубанья,⁹⁰ говорили о том, что Тамбиев происходит «из Мурави», т. е. из группы южных абазин-медовцев, живших в горах недалеко от Адлера. Существовала версия о том, что он армянин, вероятно, основанная на том, что среди адыгов действительно, по мнению некоторых исследователей, с XI—XII вв. рассеянно жили армяне (хаи), составлявшие особую касту ремесленников и торговцев.⁹¹ Наконец, имелось смутное представление о том, что Тамбиевы и Куденетовы, т. е. потомки Кабарды и Куденета, ведут свое происхождение от одного прародителя, носившего имя Генардук (вар. *Гнардук*, *Гнардуко*), племенная принадлежность которого не уточнялась.⁹² Последнее невольно заставляет вспомнить о памятнике Дука-бека, о языческих обрядах, совершавшихся вокруг него, о том, что речка Этоко (приток Подкумка), на берегу которой был поставлен этот памятник, протекает вблизи соленого озера Тамбукан-гуэль (Тамбий-коль, Тамбукан), т. е. буквально Тамбиевское озеро. Вряд ли это совпадение фольклорных и топонимических реалий случайно. Они совершенно определенно вырисовывают район, который стал местом первоначальной миграции адыгов при их продвижении на восток, и указывают время миграции.

Что же послужило причиной этой миграции? Сопоставление свидетельств письменных источников с фольклорной традицией адыгов, кажется, без особой натяжки позволяет ответить на этот вопрос. Уход отдельных адыгских групп либо к кочевникам (об этом прямо говорит предание), либо в алано-кыпчакское пограничье, знаменовавший собой, безусловно, распад адыго-русского политического образования, которое в начале XI в. сложилось в Прикубанье, был следствием усилившегося давления старых адыгских аристократических родов (Болковы) на те локальные объединения и общины, которые наложении вассалов занимали контролируемые ими земли (фликт Тамбиева с князем). Разрыв тмutorокано-русских связей, по-видимому, повлек за собой рост амбиций местной адыгской социальной верхушки, утвердившиеся в Тмutorокани занятии чиновники не могли в их глазах обладать тем авторитетом, каким обладали русские князья — наследники Мстислава, получившие власть над адыгами не путем захвата, а в результате ритуального поединка, т. е. посредством «Божьего суда». ⁹³ Адыгская общность, возглавляемая Рюриковичами в Тмutorокани, которая политическими и экономическими связями скрепляла, консолидировала ее, теперь, видимо, вновь, как после смерти первого «собирателя земли» адыгов Инала, вошла в период дезинтеграции. Начавшаяся во второй половине XII в. миграция адыгов из Прикубанья на восток стала первым следствием этой дезинтеграции. Вторым ее следствием стал отрыв Тмutorокани от населения Северного Кавказа, что привело на рубеже XII—XIII вв. к потере ею значения крупнейшего торгового центра в Причерноморье. Оно перешло в Крым к Сугдее (Судак), стянувшей к себе все торговые пути, ведущие в разные концы Понтийского полуострова, и со временем задушившей Тмutorокань как город, культурный и административный центр. ⁹⁴

Ко второй половине XIII в., когда монголо-татарское нашествие внесло новые коррективы в расселение этнических групп в Северокавказской степи и предгорьях, относительный этап расселения адыгов в Центральном Предкавказье это время здесь начинается распространение так называемых кабардинских курганов — памятников, столь многочисленных, столь однотипных, что иначе как свидетельством массового ухода адыгов из Прикубанья их считать нельзя. Их нижний слой — конец XIII — начало XIV в. Для кабардинских курганов характерны в принципе все те черты погребального обряда, которые характеризуют курганы тюркоязычных кочевников — кыпчаков и половцев, их отличием, пожалуй, являются отсутствие в курганах конских захоронений и естественных захоронений (они прослеживаются до XIII в. в кабардинских курганах). ⁹⁵ В этот период происходит формирование этнической

территории кабардинцев, и они начинают консолидироваться в обособленную от адыгов Прикубанья группу (общность). ⁹⁶

Именно этот, второй этап адыгской миграции нашел отражение в преданиях, зафиксированных Ш.-Б. Ногмовым. ⁹⁷ Их суть сводится к тому, что вслед за падением Тмutorокани (в предании это нашло отражение в факте разорения адыгами «область Тамтаракайской») начались распри в среде адыгских аристократических родов, которые привели к необходимости высылки их за пределы Прикубанья. Оставшиеся на местах старшего поколения группы вели свою генеалогию от старшего сына первой жены Инала, т. е. представляли старшую ветвь рода. Группы, начавшие переселение, возводили себя к потомкам Инала от третьей жены, т. е. были младшей ветвью. Переселение адыгских родов и семей, по-видимому, втянуло группы, заселившие территорию Кабарды, в междоусобицу. В конце концов после кровопролитного сражения, в котором, с одной стороны, участвовали ушедшие на земли Кабарды потомки Инала и их вассалы, а также их союзники «оссы»/аланы, а с другой — коалиция прикубанских князей, требовавшая себе выделения вновь занятых адыгами районов предгорий в центре Северного Кавказа, кабардинская группировка потерпела поражение, вследствие чего была вынуждена признать старшинство лидера прикубанской группировки, названного в предании Идаром, внуком Инала. Четыре ветви его потомков в дальнейшем перешли на территорию Кабарды и стали ее соверенными. ⁹⁸

*
* * *

Для характеристики Алании — Страны овсов — Овсети исследователи обычно приводят слова ал-Масуди, относящиеся к Алании середины X в.: «...царство состоит из непрерывного ряда поселений: когда утром запоят (где-нибудь) петухи, отовлет им доносится из других частей царства ввиду чересполосицы и смежности селений». ⁹⁹ Эти слова находят полное подтверждение в данных археологических исследований. Памятники аланской средневековой культуры в виде городищ, остатков поселений и могильников, кладбищ, тянутся практически сплошной полосой в зоне предгорий и по стекающим с Большого Кавказа рекам поднимаются высоко в горы. И хотя выделение напластований X—XIII вв. на аланских городищах не всегда проходит бесспорно, исключительно плотная заселенность края в этот период не вызывает никаких сомнений. ¹⁰⁰

В связи с такой заселенностью Алании возникает закономерный вопрос о природе того демографического взрыва, который наблюдается в центральной части Северного Кавказа в X—XII вв. Выше говорилось о том, что после крушения Хазарского каганата отмечается новый прилив населения на равнину: аланские катакомбы исчезают в высокогорье

и вновь появляются в предгорьях.¹⁰¹ Однако, вероятнее всего это была лишь одна сторона наблюдаемого процесса. Главным в том, что в X—XI вв., точнее археология пока определить не в состоянии, происходит изменение традиций бытовой культуры в границах Аланского царства. Здесь, разумеется, сохраняются традиции в организации поселения, жилища, в устройстве погребальных сооружений, которые восходят к более раннему периоду аланской общности, но теперь в эту культуру вносятся новые элементы, явно привнесенные со стороны: новые формы керамики, новые способы ее украшения, новая технология производства. Впервые в зоне предгорий появляются характерные для всего ареала салтово-маяцкой культуры VIII—X вв. кухонные горшки для приготовления пищи на с отогнутым наружу венчиком, покрытые по тулову горшковым рифлением (оттиском гребенчатого штампа). Впервые в технологию орнамента сосудов входят оттиски рядов гребенки.¹⁰² Все эти новации в керамическом производстве распространяются главным образом в зоне предгорий, причем они фиксируются и на поселениях, и в погребальных комплексах. Так, керамика этого типа найдена в Змейском катакомбном могильнике в районе Эльхотовского рота¹⁰³ и в катакомбных могильниках Кисловодской котловины (например, Кольцо-гора и «Мебельная фабрика № 1»), в городищах Верхний Джулат на Тереке,¹⁰⁵ Рим-гора в средотечении Подкумка,¹⁰⁶ на Нижнеархызском городище в долине Большого Зеленчука.¹⁰⁷ Очень существенно, что керамика этого типа найдена также и в Северном Дагестане, она встречается в самом верхнем горизонте городища Казар-кала.¹⁰⁸ Как видно, везде, где она встречается, она сочетается с керамическими формами, продолжающими местную традицию, и составляет вместе с ними сравнительно небольшие по территории распространения локальные комплексы. Объяснить эту культурную вариацию, проявляющуюся на фоне явного увеличения населения предгорной зоны, очевидно, можно только предположив массовый отток в предгорья на территорию Алании населения, происшедшего в течение VIII—первой половины X в. в Северном Кавказе, где, как было отмечено выше, получил распространение степной, **зливкинский вариант салтовской культуры**.

Судя по тому комплексу керамического материала, который сегодня обладает наука, а поселения XI—XIII вв. на территории Северного Кавказа все еще остаются в массе своей неизученными, салтовские традиции в этот период глубоко проникают в бытовую культуру населения Алании.¹¹⁰ И, если верно представление о том, что степные районы Северного Кавказа до середины X в. населяли болгарские или смешанные болгаро-хазарские родовые группы, то необходимо признать, что именно представители этих групп, покинув под на-

новой волны кочевников (торков, печенегов, гузов) степь, совершили массовый отход на юг в предгорья под защиту аланской государственности. Инфильтрация отдельных болгарских групп в горы отмечалась и ранее. Булгарские поселения в Пятигорье (Бештаугорское, Подкумок),¹¹¹ Хумаринское городище на Кубани,¹¹² поселение на Аликоновке у Медовых водопадов,¹¹³ Жанхотекское поселение на Верхнем Баксане¹¹⁴ и другие памятники VIII—X вв. (общая датировка салтово-маяцкой культуры) свидетельствуют о том, что алано-булгарское политическое и экономическое взаимодействие к середине X в. практически уже стало обычным. Но в новых условиях это взаимодействие, несомненно, углубилось. Мало того, изменился характер взаимоотношений между булгарами и аланами. Теперь господствующей общностью оказались аланы/овсы, владельцы горных пастбищ, пахотных земель и путей перегона скота. Булгарские могильники X—XII вв. в горах до сих пор неизвестны при значительном числе известных аланских могильников. Это обстоятельство дает основание полагать, что булгары после X в. расселялись на территории Алании не крупными родовыми анклавами, а небольшими семейными группами, которые относительно быстро ассимилировались и приняли культуру коренного населения.

В последние десятилетия значительное место в кавказоведении занимают дискуссии, ведущиеся учеными Карачая и Балкарии с учеными-осетиноведами относительно этнической предистории карачаевской и балкарской общностей.¹¹⁵ В основе этих дискуссий лежит попытка, с одной стороны, удревнить историю своих этносов, этносов бесспорно кыпчакоязычных и, соответственно, в основном связанных с кыпчакским кочевым тюркоязычным массивом, населявшим Северный Кавказ в XI—XIII вв.,¹¹⁶ и вывести их к булгаро-хазарской общности VII—X вв., а с другой стороны, приписать все социально-политические достижения, отмечаемые в истории Северного Кавказа в эпоху раннего средневековья, исключительно или преимущественно ираноязычным аланам как прямым предкам осетинской общности.¹¹⁷

Новые археологические данные, позволяющие реконструировать этапы и интенсивность булгарской миграции в область предгорий и в высокогорья, по существу снимают эту дискуссию. Сама аланская общность X—XIII вв. была неоднородна и в значительной степени представляла результат длительных и разнородных культурных и этнических миксаций, среди которых одним из наиболее значительных процессов являлся процесс ассимиляции аланами тюркоязычных булгарских и хазаро-булгарских родов и отдельных территориальных групп.

В связи с этим необходимо еще раз обратиться к вопросу об этнониме *асы/ясы* и его месте в этнической истории народов Северного Кавказа. Выше было отмечено, что в этническом

кругозоре автора хазарского документа, составленного, по-
димому, в Константинополе в 60-х годах Х в. (Кембриджский
документ), *асы* — *Асия* занимали совершенно независимое
алан положение. Точно так же представлялись асы инфор-
торам Константина Багрянородного.¹¹⁸ Этноним *асы/аси*, сох-
нившийся в современном наименовании балкарцев — *асы*
(мн. сессон), т. е. *ас/яс* — *асы/ясы*, несомненно, является эк-
валентом того этнонима, которым грузинские источники на-
звали население центральной части северной стороны Большого
Кавказа с глубокой древности — *овс-овси/оссы-Овсети* и
который, вероятнее всего, принадлежал доиранскому автохто-
му этносу.¹¹⁹ Этноним *аланы* наслонился на него, благодаря
одной стороны, включению овесской общности в состав алан-
ского племенного союза первых веков н. э. и, во-вторых, бла-
годаря его широкому использованию в отношении ираноязыч-
ных общностей Кавказа в византийской, а затем арабской
(сультманской) средневековой географической номенклатуре.
Разделение в VIII в. из аланского овесского/асского массива на
родо-племенные группы и их уход на северо-запад, в Подонье,
где они составили ядро формирующейся салтово-маяцкой кон-
турной общности, привело к размежеванию этих этнонимов.
Аланы остались на Кавказе, *асы/ясы* ушли за его пределы.
Когда в IX в. по асам Подонья прокатилась волна первого
чеченского вторжения, они, видимо, вынуждены были вклю-
чить в свой состав тюркоязычные булгарские (зливкинские) груп-
пы, после чего их этноним потерял узкое значение и стал обо-
значать конгломерат всей салтово-маяцкой общности. Раз-
вал каганата, как сказано выше, привел к перемещению об-
щностей степи в область предгорий. С ними сюда, видимо, вер-
нулся этноним. Во всяком случае, источники XIII—XV вв., и
и западные, и восточные, различают алан и асов. Так, ис-
точники периода монгольского завоевания неоднократно гово-
рят о покорении «хазар, булгар, Саксинна, алан, асов, руссов».
Перечисляя страны, завоеванные Батыем, автор XIII в. на-
зывает в одном месте «кипчаков, аланов, асов, руссов, и
и другие народы, а ниже упоминает области «Булгара, Руси
и племена кипчакские, аланские и другие».¹²¹ Хамид
Казвини (XIV в.) пишет об областях: «Хорезм, Дешт и-
Булгар, Саксин, аланах, асах, русских, Микес, башкир,
Бадр ад-дин ал-Айни (XIV в.) говорит о покорении мон-
голами «племен кипчакских, аланских, ассских, авлакских, черк-
еских и русских».¹²³ Ан-Нувейри называет «алан, асов, валах-
кесов и русских».¹²⁴ Арабский географ Абу л-Фида (XI в.)
говоря о Кавказе, различает алан и асов даже топогра-
фически. «Аланы, — по его словам, — живут у входа в горные
ходы; рядом с ними живет народ тюркской расы, называемый
ассы».¹²⁵ Наконец, путешествовавший в 70-х годах XIII в.
Кавказу и Восточной Европе и долго живший в Саксинне

Нижней Волге Абу Хамид ал-Гарнати, перечисляя языки Кав-
каза, которыми владел принимавший его эмир Дербенда, алан-
ский язык вполне определенно отличает от ассского, считая их
разными языками.¹²⁶ В эти довольно однородные свидетельства
некоторую путаницу вносят брошенные мимоходом слова евро-
пейских путешественников XIII—XV вв., которые, как прави-
ло, отождествляют алан и асов (Гильом де Рубрук, Илано
карпини, Иосафат Барбаро).¹²⁷ Впрочем, причину этого отож-
дествления вполне объясняет свидетельство Барбаро, писавше-
го в XV в. По его словам, «Алания заимствовала свое имя от
народа аланского, называвшего себя на своем языке *ас*». Ины-
ми словами, Барбаро утверждает, что в его время древнее са-
моназвание *ас/овс* в центральной части Кавказа уже было вос-
становлено. Этнически и политически различными общностями
аланы и асы представлялись только в XII—XIII вв.

Два этнонима, используемые авторами X—XV вв. для обо-
значения одного народа, одной политической общности, поро-
дили концепцию о существовании двух племенных союзов на
территории Аланского царства, о существовании двух правя-
щих родов (династий), о соперничестве двух этнических мас-
сивов и, соответственно, о двух направлениях развития аланской
общности в последующие столетия — центральнокавказском,
осетинском, и западнокавказском, балкарско-карачаевском.
Важным доводом в пользу этой концепции является археологи-
ческий материал, происходящий из области Верхнего Прику-
банья и прилежащего к нему Пятигорья (Западная Алания,
Страна асов) и из области Восточной Алании (Терек и его при-
токи). Автором этой концепции был В. Ф. Минорский, но раз-
вита она была трудами В. А. Кузнецова.¹²⁸

При всей видимой обоснованности этой концепции с пози-
ций формальной археологии она все-таки, на наш взгляд, нуж-
дается в существенной коррекции. И сделать эту коррекцию вы-
нуждают прежде всего наиболее важные в этой дискуссии гру-
зинские источники, которые, как это ни странно, почему-то ис-
пользуются меньше других. Грузинские же источники на север-
ном склоне Большого Кавказа знают одну политическую общ-
ность — Овсети, а термин *Алания*, упоминаемый в них только
однажды, применяется как синоним этого наименования.^{129а}
Точно так же и византийские источники, причем не только на-
ративные, но и документы, в том числе епархиальные списки,
не знают ничего о разделении Алании на две части. Создается
впечатление, что выделение области Асия, имеющей собственно-
го архонта, для империи было явлением эпохи Константина
Багрянородного и имело какое-то политическое значение толь-
ко короткое время в середине X в. Все это дает основание под-
ходить к вопросу о двойственности Алании диалектически. Во
второй половине Х в. Алания, по-видимому, поглотила хлынув-
шие на ее территорию после развала каганата степные группы

¹¹ Галло А. В.

и благодаря их притоку усилилась и возвысилась. Однако 30-м годам XII в. внутри Алании начали, как это было в период и на Руси,¹²⁹ проявляться центробежные тенденции, которые позволили ассским группам консолидироваться (свидетельство ал-Гарнати об ассском языке). В начале XIII в. Алания уже представляла собой двуединое образование, и в отношении исключительный интерес вызывает китайская карта 1331 г., основанная на монгольских свидетельствах о завоеваниях Восточной Европы, где наряду с названиями Булгар (т. е. Булгар), Саркэс (т. е. Черкес) и Киньча (т. е. Кыпчаки) значится двойное *Алань-Ас* (т. е. аланы-асы).¹³⁰ Именно на период борьбы с монголами падает активизация общности алан, занимавших, вероятнее всего, предстепье, наиболее уязвимое во время войн в степи часть Кавказа. После разгрома моголами сопротивления асов и союзных им кыпчаков (восстание Бачмана и «эмира асов» Качир-укулэ)¹³¹ остатки ассских групп, видимо, отошли в горы, были инкорпорированы другими аланскими общинами, а часть их ушла в Крым, где осела в старой византийской крепости Кырк-Йер (Чуфут-Кале).¹³²

Используя генеалогические предания осетин, В. И. Абаев в начале 80-х годов высказал гипотезу, нашедшую горячего поклонника в лице В. А. Кузнецова, о том, что два крупнейших осетинских фамильных клана Царзонтэ и Агузатэ являются потомками двух правящих линий, представляющих Западную Восточную Аланию, и восходящих к аланским правителям, присвоившим себе соответственно титулы — цезаря и августа. Однако против этой интересной гипотезы опять же свидетельствуют грузинские источники, которые ничего не знают о правящих кланах. Напротив, как явствует из тех династических связей, которыми очень широко был соединен царский род Алании с Грузией и Византией, соседние христианские государства поддерживали и признавали только одну династию, которую считали, очевидно, единственной. Верховный правитель Алании, по-видимому, имел разные титулы: сам по себе — аланский, овсский, багатар или ос-багатар, хазарский — керкундедж и византийский — эксусиократор.¹³⁴ Но это только до конца Х в. В XI—XIII вв. грузинские источники называют царя алан уже *мене* (царь) и, кроме того, подтверждают генеалогическое родство грузинской династии (Багратионы) и династии овсской, аланской (Давидиды — Ефремиды). Именно последнее обстоятельство фигурировало как решающий довод при выборе второго мужа для царицы Тамар в начале 80-х годов XII в.¹³⁵ Таким образом, представление о династических кланах как отражении двух этнических слоев, определявших политическую линию и социальный строй Алании X—XIII вв., вряд ли справедливо.

В событиях XI в., происходивших с участием алан, нет никаких намеков на существование параллельных династий.

В течение этого столетия все более возрастает влияние алан/овсов на политическую жизнь Закавказья. Правители Алании втягиваются в грузино-мусульманские войны, ведшиеся в Азербайджане, и благодаря возможности выставить крупные воинские контингенты наемников привлекают к себе внимание византийского двора. В 20-е годы «царь овсов» Урдур совершает поход на Кахетию, в котором погибает. Гибель овсского царя рассматривается как народное бедствие, что вызывает необходимость мести. Таким образом, персона аланского правителя, как это и следует, учитывая материалы, известные нам по истории адыгов, оказывается окружена ореолом сакральности.¹³⁶ В этой связи нельзя не вспомнить знаменитый дольмен-мавзоль из района Кыфарского городища (р. Кривая), являющийся уникальным памятником аланской пластики, который достаточно обоснованно связывается с погребением представителя правящей династии Алании XI—XII вв., хотя полагать, что мавзоль-дольмен непременно был погребальным сооружением царя Дорголеда, как нам кажется, нет веских оснований.¹³⁷ Вместе с тем этот мавзоль, несомненно, свидетельствует о существовании у алан особого культа правителя-воина, вождя. По существу такого царя-вождя называет хроника «Тарих-ал-Баб», говоря о «властителе алан», который во главе совместного нападения алан и русов на Карах в Восточном Дагестане потерпел поражение от дербендцев.¹³⁸ Считать это нападение действием небольшого отряда, возглавляемого случайным предводителем, вряд ли возможно, поскольку действия алан и русов против Караха являлись частью большой войны, ведшейся аланами на стороне Грузии в Ширване.¹³⁹

Самым выдающимся правителем Алании, как полагают, был царь (*мене* грузинских источников) Доргодел, которого современник грузин называет Великим.¹⁴⁰ Его правление падает на 60—70-е годы XI в. Помимо успешных походов в Арран в 1062 и 1065 гг., совершенных им по договоренности с царем Грузии Багратом IV (1027—1072 гг.), для участия в которых Доргодел выставил огромное по тем временам войско, он также направлял аланские отряды в Византию, где они включались в императорскую армию.¹⁴¹ Через свою сестру Борену он был в родстве с Багратом IV, а через их дочь Марию — свою племянницу, с Михаилом VII Дукой, а затем с Никифором III Вотаниатом, а после его свержения с новой императорской династией Комнинов.¹⁴² Период правления в Алании Дорголеда, так же, как и предшествующий период, не дает никаких оснований усомниться в политической монолитности Алании. В пользу этого, кстати, свидетельствует и тот факт, что Доргодел одинаково свободно проходил Большой Кавказ на пути в Грузию — и через Дарьял и через перевал, расположенный в верховье Кубани (Абхазская дорога, по «Картлис цховреба»). При этом влияние Алании в годы прав-

ления Дорголеда на Закавказье было столь значительным, что в период церковно-административных реформ, проводившихся Алексеем Комнином, Абхазская архиепископия с центром в Сотериуполе (современный Сухуми) была присоединена к Аланской митрополии.¹⁴³ И хотя некоторые исследователи склонны считать этот акт чисто номинальным, его значение нельзя не признать, тем более, что имеется (кстати, так же встречающееся доверия) известие ал-Масуди о том, что уже в середине X в. «аланский царь главенствовал» над абхазами.

Усиление кыпчакской экспансии в зоне Северного Кавказа, видимо (и в этом вряд ли не прав В. А. Кузнецов), существенно отразилось на состоянии Аланского государства. Для алан усиление кыпчаков закрыло степи, чем, очевидно, был нарушен естественный для обитателей горного Кавказа экономический баланс — нарушился отгонный скотоводческий цикл и осложнились условия земледелия в предгорьях. В то время усиление Грузии, чему не в малой степени способствовали отряды аланских воинов, постоянно в течение XI в. сражавшихся на восточных границах Грузинского царства, закрыла возможность быстрого обогащения для аланской племенной знати и заставило ее обратить внимание на внутренние экономические ресурсы, пробудило интерес к земле и отходу продуктов земледельческого труда внутри своих владений. Это, по-видимому, создало предпосылки для ослабления центральной власти в Алании, сигналом чего может считаться текст «Картлис цховреба», повествующий о поездке в 1118 г. в Овсети Давид Багратионидзе. В повествовании о поездке в 1118 г. в Овсети Давид Багратионидзе говорится, что он встретился не с одним царем, а с группой царей и князей («все они пришли к Давиду и все мтавары их предстали перед ним»). При этом описывается, что Давид Багратионидзе встретился с 500 аланскими князьями.¹⁴⁶

Однако политическое раздробление Алании, по-видимому, было временным. Во второй половине XII в. источники вновь называют «овсского царя» в единственном числе, и вновь аланская династия вступает в брачные связи с Багратидами Грузии, а через них с императорами Византии, правителями сельджуков и султанскими государствами Кавказа и Русью. В 1154 г. Алан посещает грузинский царь Давид IV (1154—1171). Известно, что преемник Давида Георгий III (1156—1184) был женат на дочери царя овсов Худдана, Бурдухана. Дочерью Георгия и Бурдухана была царица Грузии Тамар, которую Георгий сам возвел на престол в 1184 г. После изгнания из Грузии Георгия, сына Андрея Боголюбского, первого из русских царей, царем Грузии был избран «сын царя овсов» Сослан, ставший соправителем грузинской царицы.¹⁴⁹ Уже овсский царский дом установил связи с далекой

Восточной Русью, на овсской княжне («яске») Марии был женат Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. В изгнании Георгия (Юрия) из Грузии и возведении на грузинский трон овсского царевича большую роль сыграла партия тетки царицы, княжны Русудан, тесно связанной с овсским царским родом. Переориентация рода овсских царей в сторону Грузии, видимо, подтолкнула его влияние внутри собственной страны. В 1235 г. доминиканский монах Юлиан, посетивший Аланию в поисках пути в Великую Венгрию, обнаружил здесь полный политический развал, усугубленный, бесспорно, поражением Алании, понесенным в борьбе с первым вторжением монголов. Об Алании Юлиан записал, что в ней «сколько селений, столько и вождей, и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вожда против вожда, села против села. Во время пахоты все люди одного селения при оружии вместе идут на поле, вместе также и жнут, и так делают по всему пространству той земли; и если есть у них какая-либо надобность вне селения, добыча ли леса и другая работа, то они равным образом идут все при оружии... у них человекоубийство не считается ни за что».¹⁵⁰ Столь же тягостную картину полного политического расстройтва государства рисует епископ Алании Феодор в написанном им между 1235 и 1240 гг. послании, направленном к Северному Кавказу в Константинополь.¹⁵¹

Таким образом, рассмотрение свидетельств источников X—XIII вв. о высшей ступени аланской/овсской политической и социальной структуры, о царской власти приводит к выводу о том, что Алания представляла образование, полностью соответствовавшее всем признанным стандартам раннесредневековой (раннефеодальной) монархии. Вся ее политическая жизнь замыкалась на сильной и в авторитарном, и в военном отношении родовой группе, представлявшей филиацию одного из четырех (Ибн Рустэ) племен, обитавших на ее территории. Этнический облик этих племен нам неизвестен, во всяком случае каждого в отдельности, хотя вполне вероятно, что это были в основе ираноязычные племена, т. е. собственно потомки алан.¹⁵² О том, что среди аланской верхушки были древние иранские аристократические группы, возможно, связанные с царским родом, свидетельствуют грузинские источники, рассказывающие о приходе в 1253 г. в Грузию из Овсети представителей фамилии Ахсарпакайан (вар. Ахсариакан), т. е. Ахсаратэ (Ахсаровы), если попытаться восстановить осетинское звучание имени. Нет сомнения, что Ахсаратэ — это Ахсартагкэтэ нартского эпоса осетин, самый влиятельный род, к которому принадлежат его главные герои.¹⁵³ Однако, как известно, эпос не знает царской власти и отражает структуру аланского общества стадии военной демократии.¹⁵⁴ К этому периоду, в представлении сказителей «золотому веку» алан-

ского/осетинского этноса, видимо, создатели эпоса, завершающего свое формирование в раннесредневековый период,¹⁵⁵ и пытались отнести занимавший господствующее положение в Алании X—XIII вв. род Ахсартаткаты, который в эпосе, однако, относительно молодой род, род героев, утверждавших свое особое положение в стране нартов, мифических предков осетинской общности.¹⁵⁶

Укреплению единства страны и, соответственно, усилению централизующей ее царской власти в Алании способствовала христианская церковь, которая нигде на Северном Кавказе не сложилась в столь сильную организацию, как там.¹⁵⁷ Ал-Масуди относит принятие христианства царями Алании к VII («При появлении ислама и при Аббасидах цари Алана приняли христианство, тогда как до этого они были язычниками»). Однако массовая христианизация алан началась только в первой половине X в. в период первого патриаршества Николая Мистика (901—907 гг.).¹⁵⁸ В это время в Алании была учреждена особая архиепископская кафедра и туда направлена целая группа миссионеров. Опорой византийской церкви в деле распространения христианства в Алании стала Абхазия, рез которую в основном и шли проповедники на Северный Кавказ. В начале 20-х годов X в. принял христианство «князь» (т. е. царь) Алании и вместе с ним в новую веру перешла часть «начальствующих» над народом, т. е. главы отдельных племенных и территориальных групп. Война Алании и Хазарии, вспыхнувшая в 932 г., привела к изгнанию христианских миссионеров.¹⁶⁰ Однако вслед за гибелью каганата христианство вновь восстанавливает в Алании свои позиции. При этом в самом конце X в. архиепископия Алании преобразуется в митрополию. Произошло это, по-видимому, в 90-х годах X в., поскольку в епархиальных ведомостях Константинопольского патриархата Аланская митрополия заняла место за Русской митрополией, основанной в 989/990 г., 61-е место.¹⁶¹

В XI в. Аланская митрополия, как и соседняя с ней Зихская архиепископия, довольно активно участвует в делах патриархата. В это время в долине реки Большой Зеленчук растет основанный, видимо, еще в предшествующем столетии, большой христианский центр, в котором возводятся крупные храмы, сохранившиеся до настоящего времени и являющиеся самыми древними постройками такого рода на Северном Кавказе.¹⁶² Здесь у пос. Нижний Архыз, как предполагают исследователи, находилась резиденция митрополита, а возле нее вырос торгово-ремесленный посад, постепенно превратившийся в город. Храмовые комплексы, являющиеся остатками приходских центров и монастырей, известны также в долине Кубани (Сентинский и Шоанинский храмы, сохранившиеся наших дней),¹⁶³ в верховьях Урупа (Гамовское городище

окрестности) и на Большой Лабе (Первомайское городище),¹⁶⁴ в верховьях Терека на территории Северной Осетии (Зругский, Тлийский, Регахский, Дзивгисский храмы),¹⁶⁵ в верховьях Ассы и Сунджи в Чечено-Ингушетии.¹⁶⁶ В первой половине 80-х годов XII в. по хрисовулу императора Алексея II Комнина (1180—1183 гг.) и акту патриаршего синода Аланская митрополия была слита с архиепископией Сотириуполя — Абхазии. Этот альянс был возможен только как факт признания политического значения и влияния аланской церкви не только со стороны империи, но и со стороны суверенной Абхазии — правительства Картли (Грузии), управлявшейся в то время Георгием III, женатым (о чем говорилось выше) на аланской княжне Бурдухан.

Кризис, охвативший Аланию после первого столкновения с монголами, и, возможно, назревший уже на рубеже XII—XIII вв., сказался и на положении аланской церкви. Ее влияние, видимо, в это время резко ослабело. Юлиан, посетивший Аланию в 1235 г., пишет, что ее народ представляет «смесь христиан и язычников».¹⁶⁷ Направленный в Аланию из Константинополя приблизительно в это же время епископ Феодор застал в Алании картину крайнего упадка его паствы. В период временного отсутствия главы церкви его место занял какой-то «купец из Страны лазов» (вероятно, имеется в виду Трапезундская империя, созданная ставленниками Грузии).¹⁶⁸ «Аланы — христиане только по имени», — пишет Феодор своему патрону патриарху Герману II. На него угнетающее впечатление производит и общая политическая ситуация во вверенной его заботам стране. «Отличия моих пасомых — убийства прежде всего и прочие виды смертей», — заключает он.¹⁶⁹ Борьба алан/овсов с монголами, продолжавшаяся практически в течение всего XIII в., вряд ли способствовала усилению централизации страны и укреплению церкви. Однако в конце XIII в. делается попытка со стороны империи ее поддержать. В это время Аланская, Сотириупольская и Зихская кафедры объединяются, хотя и ненадолго. В 1317—1318 гг. Зихско-Тмуроканская (Матрахская) епархия вновь выделяется в самостоятельную организацию.¹⁷⁰ За Аланской митрополией остается только центральная область Северного Кавказа и, по-видимому, северные горные районы близкой к Западной Алании Абхазии.

Несмотря на то, что христианство на территории Алании существовало в течение нескольких столетий и, судя по всему, пустило глубокие корни в народной мифологии, в бытовой культуре, обрядности, оно не вытеснило языческие культы и в значительной степени представляло собой лишь тонкую амальгаму, наслоившуюся на древнюю мировоззренческую самобытность входивших в состав Алании общностей. Алания в этом отношении не была исключением: то же происходило с хри-

стианством и на Руси, и в странах Северной и Восточной Европы, да и в соседней Грузии. Глубокое изменение идеологии в X—XIII вв. еще не было подготовлено изменениями в социально-экономической сфере. Патриархальная община, основанная на относительно низкой производительности труда, могла воспринять догматику христианства только в облегченной адаптированной форме. Относительно слабое влияние христианства, его нестойкость объясняются также и тем, что на территории Алании разыгрывались конфликты между разными церковными административно-организационными системами и традициями. Грузинская церковь, входившая в состав Антиохийского патриархата, вела пропаганду в восточных районах страны, в основном в верховьях Ассы, Аргуна, Сунджи, а также в некоторых ущельях верховий Терека. Византийская церковь, Константинопольская патриархия, в состав которой входили кафедры Абхазии и Алании, действовала в западных районах, главным образом в верховьях Кубани. Соответственно в обоих районах складывалась ориентация на разные культурно-религиозные школы и распространение разных письменных культур. В районах, лежащих к востоку от Терека, включая территорию современной Ингушетии, Чечни и вплоть до горного Дагестана (Авария), распространялся грузинский язык и проходила работа по приспособлению местных восточнокавказских языков (такие примеры имеются в Дагестане и Чечне) к грузинской графике. В районах, лежащих к западу от Терека, распространялся греческий язык и имелись попытки приспособить к греческой графике аланский/иранский язык или его диалекты.¹⁷² Таким образом, связанная в первую очередь с «начальствующим слоем» аланской политической общности христианская церковь с одной стороны, несомненно, способствовала ее единению с общему просвещению, ее социальному прогрессу, а с другой — ее культурной дезинтеграции. Вряд ли случайно побывавший в 1253 г. в Алании монах-минорит Гильом де Рубрук отметил, что аланы, хотя и «христиане по греческому обряду», но «чтут всякого христианина без различия лица», при том что они (т. е. те, у которых он побывал) имеют «письмена и церковных священников».¹⁷³

Как свидетельствуют археологические материалы, и в первую очередь материалы, характеризующие погребально-обрядную обрядность, значительных и заметных сдвигов в погребальной обрядности на территории Алании/Овсети в течение X—XII вв. не произошло. Крупные перемещения, связанные с притоком языков в предгорья в X в., и встречный отток населения из сокогорий на равнину, по-видимому, завершились длительными стабилизациями. Проникновение в горы отдельных печенегских и торческих групп, о чем свидетельствуют находки в бассейне Подкумка характерных степных глиняных котлов с вну-

шними ручками-ушками для подвешивания над огнем, существенного значения не имели.¹⁷⁴ Кыпчакско-половецкое продвижение в горы, с которым связывается образование в горах (Балкария и Карачай) тюрко-кыпчакских языковых анклавов, началось, как свидетельствуют письменные источники и археологические (правда, очень немногочисленные) данные, позднее, в середине — второй половине XIII в., и приняло массовый характер только в XIV в., когда Северокавказская степь начала заполняться адыгскими группами, мигрантами с территории Нижнего Прикубанья.¹⁷⁵

Вместе с тем в течение X—XII вв. наблюдается явление, которое можно объяснить последовательно и неуклонно нарастающей ассимиляцией собственно аланских ираноязычных групп. Об этом красноречиво свидетельствует общее сокращение могильников с характерным аланским обрядом погребения в катакомбах. Их известны единицы, тогда как могильников с катакомбным обрядом погребения VI—IX вв. насчитываются десятки. Наиболее значительными катакомбными могильниками X—XII вв. являются Мартан-Чу в предгорной Чечне,¹⁷⁶ Змейский в районе Эльхотовских ворот в предгорной части Северной Осетии,¹⁷⁷ Рим-горский в бассейне Подкумка,¹⁷⁸ «Мебельная фабрика № 1» и Кольцо-гора в районе Кисловодска.¹⁷⁹ Для них характерны значительные размеры (так, только в Змейском могильнике вскрыто около 300 комплексов захоронений), богатый, хотя и неравномерно распределенный по погребениям инвентарь, связь с крупным населенным пунктом (например, городище Верхний Джулат, представляющее остатки города, и Змейский могильник; городище Баргусант или Рим-гора и соответствующий ему могильник), находящимся, как правило, в особо благоприятном и стратегически важном районе. Погребенные в этих могильниках представляли — и это очень существенно — в принципе однородную социальную общность, сословие профессиональных воинов-дружинников. Внутри этого сословия, однако, существовала вполне определенная дифференциация: здесь были воины, владеющие полным набором наступательного оружия, включая такой редкий и дорогой вид, как сабля, и воины, не имевшие ничего, кроме ножа и топорика-секиры.¹⁸⁰ Погребения воинов первой группы сопровождали части конского снаряжения, свидетельствующие о том, что это были конные воины-рыцари. Погребения воинов второй группы конского снаряжения не имели — это была пешая часть войска, вооруженный народ, воины-общинники или воины, не достигшие ранга владельца сабли и боевого коня. Во всех могильниках этой группы, кроме дорогого оружия, порой уникального по своим техническим и художественным особенностям (например, сабли из катакомб № 9 и № 14 Змейского могильника, сабли из могильника Мартан-Чу и Колосовка на р. Фарс и др.), найдены

различные импортные вещи, представляющие части тех даров контрибуций, торговых контактов, которые связывали верховья Аланского государства с Византией, Закавказьем, Ближним Востоком. По-видимому, в X—XII вв. потомки сарматов — аланы, та господствующая социальная общность, которая создала и возглавила объединение этнически разнородных остатков центральной части Северного Кавказа, превратились в обособленную и относительно замкнутую касту, которая была расселена дисперсно вблизи наиболее важных торговых путей и стягивающих их внутрисеверокавказских городов, формирование которых началось именно в X—XI вв.¹⁸¹ Судя по погребальному обряду, эту группу сравнительно слабо затронула христианизация. Ее сила основывалась на традиционных верованиях. В событиях XIII в. эта общность, по-видимому, пострадала больше всего. Катакомбных погребений, надежно датированных XIII в., на Северном Кавказе практически нет.

Те группы ираноязычных алан, которые в силу тех или иных обстоятельств оказались вне военной касты, уже в VI—VII вв. вступили в активные этнокультурные контакты с кавказоязычными общностями по всей территории аланского политического союза. Эти контакты нашли выражение прежде всего в изменении бытовой культуры и погребального обряда. Наиболее отчетливо этот процесс проследим на территории Верхнего Прикубанья (Карачаево-Черкесские восточные районы Краснодарского края), где, несмотря на практически полное исчезновение или же сильную модификацию традиционной аланской/овсской погребальной обрядности (погребения в земляных катакомбах), абсолютно достоверным фактом является наличие этнических алан и распространение иранской/аланской речи. О последнем бесспорно свидетельствует открытая в 1888 г. в районе Аланской епархии (Нижнекубанское городище в верховье р. Большой Зеленчук) надпись на каменной стеле, содержащая сделанную греческим шрифтом надпись, которая составлена на средневековом осетинском языке, имеющем диалектные особенности западноосетинской диалектной фонетики.¹⁸² Об этом свидетельствует также и топонимика и гидронимика.¹⁸³

В X—XII вв. в Верхнем Прикубанье, или в Западной Алании, как в последние годы все чаще стали говорить исследователи средневековой истории этого региона, получили распространение три типа погребальных сооружений, соответственно отражающие три формы погребального ритуала, практикуемые их этнолокальные группы, обитавшие в различных частях Северного Кавказа.¹⁸⁴ Здесь известны погребения в дольменообразных наземных гробницах («склепах»), погребения в наземных и подземных каменных гробницах, гробницах с отверстием в передней стене и перекрытых плоскими камнями, и двухэтажные погребальные сооружения, представля-

ющие комбинацию из склепов подземных и наземных (например, могильник городища Индыш-Баши). На отдельных могильниках, а их в этом районе открыто несколько десятков, встречаются погребальные сооружения, представляющие отклонения от основного типа. Как правило, это либо переходная форма от гробницы-склепа, т. е. родовой или семейной усыпальницы, к гробнице-ящику, предназначенному для погребения одного человека, либо переходная форма от гробницы-земляного склепа (катакомбы) с входным коридором-дромосом к гробнице-склепу с дромосом, но выложенная из камня. Все эти вариации были известны и в предшествующий период — в VIII—IX вв. и отражают вполне естественные процессы эволюции языческого погребального сооружения в христианское, во-первых, и отход от традиции погребения в земляных катакомбах и переход к новому для каких-то групп населения местному обряду, во-вторых. Те, кто упорно держался традиции, продолжали сооружать целые галереи земляных катакомб (например, могильник Рим-гора) или в новых для них горных условиях переходили к использованию гротов, скал, навесов (многочисленные скальные могильники). Те, кто стремился адаптироваться к местной среде, возрождали старые местные традиции погребения в дольменах, которые у народов Западного Кавказа считались погребальными сооружениями эпохи героев — нарттов, или сооружал генетически восходящие к дольменам наземные гробницы-склепы. Интересно при этом, что дольменную традицию здесь восстановила, по-видимому, социально наиболее продвинутая группа, оставившая городища и могильники на р. Кяфар и р. Кривой (притоки Большого Зеленчука), где, по мнению В. А. Кузнецова, могла находиться резиденция царя алан или (как считает В. А. Кузнецов) царя — правителя Западной Алании.¹⁸⁵

Таким образом, в X—XII вв. здесь шел тот же процесс ассимиляции ираноязычного, некогда степного, населения, которое в предшествующий период пришло в горы, и того ираноязычного населения, которое продвигалось в горы из предгорья в течение X—XI вв. (асы). Основой сложения новой культуры здесь, безусловно, были аборигенные группы, вероятнее всего, родственные восточным адыгам, но уже в X в. (Константин Багрянородный) как адыги или их родственники не воспринимавшиеся.¹⁸⁶

Особенностью этой культуры, как показывает анализ погребального обряда, было то, что она на протяжении всего изучаемого периода находилась в процессе формирования. Многообразие деталей обрядности, многообразие локальных комплексов, локальных и хронологических (к сожалению, часто еще археологами не улавливаемых) черт — все это определяет не итог процесса, а вектор его развития. Шла общая интеграция этносов и культур. В некоторых районах родствен-

венные языковые (диалектные) общности консолидировались некоторых — проходил этап их первичной взаимной адаптации, а местами уже завершалась ассимиляция. Именно то, здесь наблюдается на конкретном материале, вся гамма образовательных процессов, которые предстают в сложном переплетении и взаимосвязи, затрудняет их понимание и историческую расшифровку. Это обстоятельство обычно и служит основой разных суждений и выводов об этносе, населявшем регион в аланское время.¹⁸⁷ Обычно стремятся вычленить этот этнос, объявить его основным, определяющим, но этого не было — был постоянно проходивший процесс и была тенденция в соответствии с которой он развивался.

Аналогичная тенденция проявляется в X—XII вв. также в центральных районах Алании, определяемых в границах междуречья Малки и Уруха (верхних притоков Терека). Правда, здесь до сих пор погребальные памятники X—XII вв. надежно не определены и судить о культуре этого региона приходится главным образом на основании материалов, полученных при разведочном исследовании городищ. Однако и то, что известно о погребальной обрядности населения этого периода, позволяет полагать, что здесь так же, как и в верховьях Кубани, продолжали существовать те же группы населения, что и в предшествующий период. Здесь известны грунтовые погребения, почти не встречающиеся на Северном Кавказе, полуподземные и подземные каменные гробницы (скамейки), некоторые из которых так же, как и склепы Дордого и могилиника в Карачае (у слияния Кубани и Теберды), по видимому, продолжают в камне традицию земляных катакомб. В. А. Кузнецов полагает, что здесь так же, как и в верховьях Кубани, аборигенный пласт был представлен протоаланской (протодингорской доаланской, доиранской) общностью, в которую влились иранцы — асы.¹⁸⁹ Имеющийся материал, на наш взгляд, пока еще очень незначителен для такого утверждения, а базируется оно на весьма шатком основании — данных «Армянской географии» конца VII в., составленной Анаксимандром Ширакаци.¹⁹⁰ Вероятнее всего, здесь в X—XII вв. имел место тот же сложный процесс этногенеза, сочетавший этнические взаимодействия разной степени глубины и активности. Но для этого региона Алании, по-видимому, являлась большая по сравнению с западным регионом провинциальность. Этот регион был менее заселен, он оказался в стороне от оживленных транскавказских путей, менее связан со степью. Здесь пока не выявлено крупных городищ, позволяющих предполагать, что они являются остатками поселений городского типа, не выявлено замков, крупных религиозных сооружений. В свое время нами была высказана гипотеза о том, что этот район стал объектом миграции из степи в горы одних из наиболее архаичных иранских общностей Северного Кавказа.

обитавших на северной окраине степи в районе Маныча, — группировки баслов/барсиллов.¹⁹¹ В дальнейшем сюда, вероятно, отошли какие-то ранние тюркоязычные группы, осевшие в районе Балкарского ущелья. Позднее сюда из степи продвигаются асы/овсы. Таким образом, этот район к X—XII вв. так же, как и верховья Кубани, имел весьма сложное наслоение этнических образований разной степени консолидированности и цельности.

К востоку от Уруха в X—XII вв., как свидетельствуют археологические материалы, известные из этого региона в несравненно большем количестве, чем из района междуречья Малки и Уруха, происходили процессы, напоминающие те, которые отмечены при рассмотрении материалов Верхнего Прикубанья.¹⁹² Здесь то население, которое твердо придерживалось древних погребальных традиций и сооружало катакомбные могильники (причем грунтовые, классические, скальные могильники здесь нет), полностью оставило горы и сосредоточилось в предстепье (Алхан-кала, Мартан-Чу, Змейский могильники). В горах к этому времени остались только те потомки овсов/иранцев, носителей иранской речи, которые подверглись местной аккультурации. Иранцы, однако, оставили здесь сознание общности со степным культурным кругом и язык. Как показывает анализ осетинской иронской лексики, иранский (сармато-аланский) пласт в ней выражен значительно сильнее, чем в языке осетин-дигорцев.¹⁹³ В бытовой же культуре и погребальной обрядности здесь произошло возвращение к традиционной древней местной практике. На территории современной Северной Осетии и в Ингушетии основным типом погребального сооружения в X—XII вв. стали каменные «ящики», сооружавшиеся для одиночных захоронений. В некоторых могильниках они, вероятно, являются свидетельством перехода оставившего их населения к христианству (западная ориентация погребенных), но в большинстве случаев они несут информацию о группах, еще не принявших христианство и соблюдающих локальную языческую традицию.

К востоку от Аргуна каменные ящики встречаются только sporadически. Здесь основным типом погребального сооружения, как и в предшествующую эпоху, были грунтовые ямы, изредка обставлявшиеся речными гальками. То же наблюдается и в Горном Дагестане.¹⁹⁴ Наряду с каменными ящиками в западной части этого региона (Осетия и Ингушетия) встречаются и гробницы-склепы, подземные и полуподземные, конструктивно напоминающие такие же гробницы Верхней Кубани. Они, как правило, были рассчитаны на захоронения родовой (семейной) группы. Они обычно богаче, чем погребения в каменных ящиках, и, вполне вероятно, являются, как и в других регионах Алании, признаком трансформации погребальной традиции собственно аланских групп (носителей ка-

такомбного обряда). Такие гробницы-склепы встречены в зи храма Тхаба-Ерды, у селений Цой-Педе, Цеча-Ахк, Ш Бишт, Магате и в других пунктах высокогорья.¹⁹⁵ Таким о зом, на всей территории исторической Алании (до Арг наблюдается общая тенденция глубокой культурной инт ции, которая проявляется через ряд общих типобразую черт и массу мелких локальных вариаций.

Восточные горные районы этого региона Алании были современников также мало известны, как и горы современ Дигории и Балкарии. «Дербенд-наме», в состав которой шли материалы из местной северодагестанской хроники, шейся в селении Эндери и основанной на местных истор ских преданиях, именует Восточную Аланию (а может и Аланию в целом) страной *Ихран/Ирхан*.¹⁹⁶ Это имя звучно настоящему наименованию Осетии — *Ир/Ирист* самоназванию восточной диалектной группы осетин — Трудно определить, к какому конкретно времени относ сведения «Дербенд-наме» об Ихране. Сама хроника их деленно датирует периодом Хазарского каганата, однако которые упоминающиеся хроникой факты — сведения о теле страны («хакиме Ихрана»), о его городе-столице, о ти — «харадже», который ему платит население страны еврейской общине Ихрана — вполне могут относиться и лее позднему времени, причем именно к X—XII вв., пер предшествовавшему монгольскому погрому.

Грузинские источники имеют об этой части Север Кавказа также очень общее представление. В горных ра современной Ингушетии они по-прежнему называют (Кистети), а в горах Чечни — дурдзуков (Дурдзукети) следные, по представлениям грузинских авторов, непосредственно соседствуют с дидойцами (Дидозети). Поход груз го полководца Иванэ Мхаргдзели в 1212 г. в горные о Кавказа для покорения восставших племен по существу вые открыл им эти народы в местах их коренного об Вряд ли можно сомневаться в том, что под именем к дурдзуков имеются в виду две родственные вайнахские ности, представлявшие «соплеменности», политически консолидированные диалектные группы, занимавшие ничное положение между Грузией (Кахети) и Аланией ти).¹⁹⁷ Те из них, которые оказывались в зоне аланско дарственности, по-видимому, вбирали иранскую речь ные культурные традиции, осваивали расположенные б предгорьям районы, включали в свой состав отдельных ставителей аланской общности. Важно отметить, что сам во Ихран, вероятнее всего, представляет арабизирован соответствии с традициями графики, форму слова *Х* географического термина, под которым западным дагест была известна вся вайнахская территория.¹⁹⁸

Основой отмеченных интеграционных процессов, проходивших в горах и предгорьях центральной части Северного Кавказа в течение X—XII вв., являлись развитое земледельческое хозяйство, сочетавшееся с различными формами скотоводства, относительно высокая плотность населения, поступательно нараставшая за счет развития торговли и городских центров культурная интеграция и политическое единство, в течение длительного периода поддерживаемое опиравшейся на аланскую этносоциальную общность царской властью. Алания и находившиеся с нею в теснейшем взаимодействии Сарир на востоке и Касахия/Зихия на западе на полтора столетия создали в горах Северного Кавказа относительно устойчивое равновесие, которое стойко противостояло кочевому миру степи. Степные общества в течение X—XIII вв. не смогли объединиться и создать противовес горцам. Горцы же, напротив, сумели отвоевать и освоить самые благодатные земли края — предгорья и низменные долины рек.

Об экономике Алании в последние годы написано достаточно много, и поэтому нет необходимости повторять опубликованные данные и возвращаться к их анализу.¹⁹⁹ Это была густонаселенная, во всяком случае, в зоне предгорий, страна, где возделывались просо, ячмень, пшеница, овес, бахчевые, разводились сады и виноградники. Говоря об Алании (стране ясов и черкесов-адыгов), писатель XIII в. ал-Омари отметил в своей истории монгольских походов: «До покорения этой страны она была повсюду возделана. Теперь видны остатки этой возделанности».²⁰⁰ Практически непрерывная линия городищ, представляющих остатки укрепленных селений, и открытых селищ тянется по зоне предгорий в Восточной Адыгее, Черкесии, Кабарде, Северной Осетии, Ингушетии, Чечне, Северном Дагестане. Остатки поселений уходят в горы по Лаббе, Зеленчукам, Кубани, Подкумку, Куме, Баксану, Малке, Тереку, Сундже и другим рекам.²⁰¹ К сожалению, степень их исследования до сих пор остается весьма незначительной, а уровень возможностей археологии в плане хронологического определения культурных напластований на них в пределах, пригодных для детального исторического исследования, еще очень низок. На большинстве из них сегодня археологи могут только констатировать существование жизни в интересующий нас период — в течение X—XII вв., однако и этого достаточно, чтобы представить уровень интенсивности хозяйственного освоения страны и получить информацию на основании изучения топографии поселений о социальной структуре общественных ячеек, из которых состояло ее население. Сегодня среди этих поселений выявлены города (Нижний Архыз, Гамовское, Рим-гора, Верхний и Нижний Джулаты), замки (Адиюх, Гиляч, Кяфар, Шпиль, Лыгыт и др.), территориальные объединения общин (группы городищ, сконцентрированные в одном районе:

12 городищ в районе г. Нальчика, 15 — в районе с. Бак 5 — в районе с. Заюково в Балкарии), отдельные общины поселения: «Герменчик» у с. Старый Лескен, Кызбурунское у с. Гунделен, Аргуданское, Урванское (в Кабарде) и гие.²⁰² Собранный в настоящее время материал, характеризующий уровень развития материального производства на территории Алании и особенно уровень развития металлургии (черной и цветной), обработки сельскохозяйственного сырья (кожи, шерсти, волокон), дерева, гончарного дела, строительного мастерства, оружейного искусства, архитектуры, не оставляет сомнений в том, что многие виды производств перешли из рамки домашних промыслов, ориентированных на внутренние нужды одной конкретной семьи или даже общины, и перешли в специализированные производства, ориентированные на сбыт вне общины, на рынок, т. е. стали ремеслами.²⁰³ были организованы эти ремесла и какими были взаимоотношения профессионалов-ремесленников и общин, ремесленников и тех социальных групп, которые осуществляли политическое руководство общиной, можно только предполагать по сохранившимся письменным памятникам, характеризующим специальную историю. Но для нашей темы достаточно и того, что мы можем констатировать выделение ремесла из других видов общественного производства, а соответственно начало турной унификации (о чем, кстати, вполне определенно свидетельствует материальная культура Алании) в области и первые шаги в направлении распада территориальных общин.

Отмеченный процесс, разумеется, не имел всеобщего характера, и это необходимо иметь в виду при оценке всех социальных явлений. Для Северного Кавказа интересующей нас проблемы вообще, и для Алании в частности, как, впрочем, и для других территорий Европы и Азии, была характерна исключительная неравномерность течения экономических и социальных трансформаций, прерывность, регрессы, не только подъемы и спады. Археологический материал X—XIII вв., который в настоящее время располагает кавказоведение, свидетельствует об этом с полной достоверностью. Как правило, в экономической и социальной сферах лидировала зона предгорий (степье) и районы, прилежащие к старым крупным транспортным магистралям, — Дербенд — Самандар — Эри-Джунат (русский Деяков), лежавший около входа в Кавказские ворота; Тматорока — Рим-гора (Баргусант) — Тматорока; правобережье Терека — Сунжа — Дарьял; долина Кубани — Теберда — Клухорский перевал — Сотери (Сухуми); долина Большого Зеленчука — Нижний Архыз — Санчарский перевал — Сотериупольские. В районе этих путей шли более интенсивные меж-

ские контакты, здесь более активно усваивались культурные навыки и достижения, здесь была крепче политическая власть и сильнее военная организация местных общин. Вместе с тем эти районы больше глухих горных ущелий были подвержены иноплеменным набегам и междоусобным разорениям.

Исследования могильников X—XII вв., расположенных в предгорьях и вблизи крупных торговых магистралей, дают возможность представить широту обменных и торговых контактов населения Алании. Сюда ввозились шелковые ткани, стеклянные сосуды и украшения, полудрагоценные камни, изделия из цветных металлов, дорогое оружие, нарядная поливная посуда, вина и пряности, предметы христианского культа. Из Алании шли полотняные ткани, скот, меха, кожи, изделия из металла, в том числе из серебра, добывавшегося в бассейне р. Ардон и ряде других мест.²⁰⁴ Однако одним из важнейших товаров были рабы и одним из наиболее значительных центров работорговли являлся Дербенд, через который вывозили в страны Ближнего Востока тюрок, русов, славян и алан (по источнику XI в. «Кабас-наме»).²⁰⁵ Как центр работорговли Дербенд был известен уже в X в.²⁰⁶ На западе таким же центром была Тматорока, а затем стали Тана в устье Дона, Сугдея и Кафа в Крыму. Персидский аноним XIII в. знает о существовании невольничьего рынка также и «между Абхазом и Кипчаком», т. е. в Алании.²⁰⁷

Начало упадка центральной политической власти в Алании на рубеже XII—XIII вв. дало толчок к развитию работорговли. По свидетельству Юлиана, жители аланских селений боялись даже выходить за их пределы для производства сельскохозяйственных работ. Спрос на рабов в странах Востока и в Средиземноморье подталкивал кипчакско-половецких ханов и аланских «мтаваров» к взаимным набегам с целью захвата живого товара. К этому времени относится начало упадка Алании — отлив населения из зоны предгорий, возведение в горах первых оборонительных систем из укрепленных стенами и башнями селений, разорение городов, возникавших на магистральных торговых путях, появление замкнутых обществ и территориальных групп. Продвижение на восток до Малки и Баксана, а затем и далее до впадения в Терек Сунжи адыгов, князя которых и их вассалы-уорки активно включились в работорговлю, стало, по-видимому, дополнительной угрозой для мирного освоения предстепья. В это время городища низменной Алании пустеют, жизнь сохраняется только в единичных пунктах, ставших центрами разнородных торговых объединений и находившихся под покровительством сильных степных или горных правителей.

Окончательный удар по Алании, как и соседним с ней политическим объединениям Сарир и Касахия, был нанесен монголо-татарским нашествием.²⁰⁸

Первое столкновение монголов и Алании произошло в 1222 г., когда монголам удалось, пройдя через Дагестан, Чечню, выйти в тыл Алании и затем, разведив алан и других им кыпчаков, разгромить аланские войска и разорить страну. Ибн ал-Асир говорит, что татары «произвели мучения (аланами, т. е. теми этническими группами, которые вошли в состав Алании. — А. Г.) избиение, бесчинствовали, били, забрали пленных», после чего «пошли на кыпчаков и вышли в степь». ²⁰⁹ Путь в горы Кавказа был для монголов исключительно труден. Они, как говорит армянский историк О. Себастиан, прошли по «непреступным местам, заваливая их пасти деревьями и камнями, имуществом своим, лошадей с военным снаряжением». ²¹⁰ Итог их вторжения был страшен. Чтобы представить его, можно с полным основанием сослаться на описание монголо-татарского вторжения в Азербайджан, данное очевидцем Киракосом Гандзакцем: «Страна была полна трупами умерших, и не было людей, чтобы похоронить их. Исыкали слезы на глазах любящих, в страхе и печали нечестивцами никто не осмеливался оплакивать павших. Как будто мраком был объят весь свет, и полюбили люди пощину дня... Разграблены были имущество и богатство, жадность их (татар) к вещам не была утолена. Они разграбили по всем домам и покоям, но там ничего не осталось. На такую горькую долю обрекли они многие народы и племена». ²¹¹

Вторжение монголо-татар принесло на Северный Кавказ не только прямое разорение страны, о котором говорят источники. Оно имело и косвенные последствия, которые выразились в изменении устоявшихся этнических и политических границ. При этом особенно пострадали те группы, которые жили в предгорьях и в степи. Не ожидавшие вероломства вступивших с ними в союз татар, кыпчаки ринулись, стремясь устоявшиеся пределы племенных и родовых кочевий, на запад, в Причерноморскую степь, и на восток, к Дербенду. Кто ушел в Причерноморье, были разбиты вместе с русскими войсками в сражении на Калке (31 мая 1223 г.). Те, кто ушел к Дербенду, сначала захватили город, а соответственно и проход в Закавказье, а затем направились в Ширван, Армению и Грузию, недавно разоренные монголами. Лишь объединение правителей Восточного Закавказья, сохранивших какие-то силы после монгольского погрома, позволило изгнать кыпчаков. Вернувшись обратно через Дербенд в Северокавказскую степь они не зашли, а двинулись в горную область Южного Дагестана, «решили в страну лакзов», как говорит источник. ²¹²

По-видимому, их силы попытались использовать какие-

внутридагестанские общности. Горцы же районов, близких к Дербенду и Ширвану (лезги, табасаранцы), через которые прошли кыпчаки по пути в Закавказье, были их непримиримыми врагами. Именно лезги/лакзы вместе с мусульманскими отрядами Ширвана, Аррана и Дербенда, а также грузинами («мусульмане, курджи, лакзы и другие», — говорит Ибн ал-Асир) нанесли им поражение, после которого «кыпчакский раб (мамлюк) продавался в Дербенд-Ширване по (самой) низкой цене». ²¹³

Ушедшие к лакзам кыпчаки и те кыпчакские группы, которые не последовали в 1222 г. за своими соплеменниками в Закавказье, появились на политической арене вновь в 1227 г., когда Дербенд привлек к себе внимание хорезмшаха Джалала ад-Дина, бежавшего от монголов на Кавказ. Призванные на помощь Джалала ад-Дином кыпчаки и с севера, и с юга пытались овладеть дербендскими укреплениями. Однако против них выступили горцы — лезгины и сарирцы, которые помогли выстоять Дербенду и, вероятно, заставили кыпчакские группы вновь отойти в Северокавказскую степь. ²¹⁴

В 1237 г. началось новое движение монгольских войск на Северный Кавказ. Теперь монголы двигались с северо-запада. Двоюродные братья Бату Менгу-каан и Кадан «пошли походом на черкесов», т. е. вторглись в Страну адыгов. Последние к этому времени, по-видимому, сумели консолидироваться и выступили единым фронтом. О том, что в Стране адыгов возможна была реставрация древней местной политической силы, уже глухо говорит побывавший в Тматорокани (Матрахе) в 1235 г. Юлиан. ²¹⁵ Рашид ад-дин, оставивший прямые свидетельства о завоевании Кавказа монголами, определенно указывает, что в походе 1237 г. царевичами был убит «государь» черкесов («тамошний»), и называет его имя — *Тукар*. ²¹⁶

В 1238 г. монголы разбили в степи половецкого хана Котяна, собравшего, по-видимому, остатки куманов и кыпчаков, и двинулись на Аланию. В источниках, описывающих этот поход, а он растянулся до 1240 г., завоевание Алании в основном сводится к двум фактам — к длительной осаде и взятию города алан/асов, название которого передается как *М-К-С*/Макас — Магас или Ме-цио-сы (вариант китайской хроники «Юань-ши»), во-первых, либо к повествованию о том, как к монгольским царевичам приходили с изъявлениями покорности один за другим аланские/асские «правители» и «государи», в которых, вероятнее всего, следует видеть «мтаваров», т. е. местных горских князей. ²¹⁷ Все попытки определить местоположение этого города и сопоставить описание его с каким-либо конкретным аланским городищем к успеху не привели и, на наш взгляд, не имеют смысла. Город, о котором сообщают источники, — обобщенный образ страны, воспоминание о различных конкретных городах Кавказа, хотя, по-видимому, мон-

голы действительно столкнулись с сопротивлением жителей какого-то весьма значительного центра. В этой связи весьма существенно донесение Бату, посланное верховному хану Угедю, о взятии этого северокавказского города: «Силою Вечного Неба и величием государя и дяди (т. е. Угедея. — А. Г.) мы разрушили город Мебет (т. е. М-К-С персидской хроник Джувейни. — А. Г.) и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов». ²¹⁸ Главное, что этот город всеми источниками локализуется в стране асов, имя которых (т. е. жителей предгорий Центрального Кавказа) монголы перенесли на все население Алании — «одиннадцать племен и народов».

Война в центре, которая оказалась более сложной, которую монголы предполагали, потребовала организации бокового удара. Уже в 1239 г. весной Бату направил войско в «область Авир», вероятно, Сарир, страну дагестанцев — аварцев. Одновременно военные действия развернулись в Приморском Дагестане и соседних к Дербенду районах. Несмотря на упорное сопротивление, были взяты и разорены Дербенд и Самандар (получивший в это время новое наименование — Тарки). Страна лезгин и агулов (Кюрах и Рича). ²¹⁹ Оттуда монголы вышли весной (апрель) 1240 г. в страну лакцев — Кумух, согласно местной хронике, так же, как и в других районах Северного Кавказа, встретили отчаянное сопротивление. К тому времени, однако, Авария (Сарир) уже не только была взята, но и сама выставила войско против Кумуха. ²²⁰

О походах монголов на Северный Кавказ и подчинении народов региона важные сведения сохранили западные и восточные европейские путешественники, побывавших в Орде в середине XIII в. Так, итальянец Плано Карпини (1246 г.) сообщает о победе монголов (татар) над «аланами или асами» («комуксами» (т. е. Кумухом, Гумик арабских авторов), «таками» (вероятнее всего, самандарцами или кайтагцами, жителями Приморского Дагестана) и «чиркасами» (т. е. адыгами в широком значении). ²²¹ По его сведениям, монголы ко времени его путешествия еще не закончили подчинение страны. Он передает смутное известие о многолетней осаде какой-то горы, которую монголы никак не могли покорить из-за упорного сопротивления ее обитателей. Проезжавший в 1253—1255 г. через Северный Кавказ Гильом де Рубрук, посол французского короля в ставку каана, также отмечал, что «аланы на этих горах (имеется в виду вообще Кавказ. — А. Г.) все еще не покорены» и что татарам приходится караулить «горные устья», чтобы эти аланы не выходили из гор для похищения скота на равнине. ²²² Интересно, что он так же, как и Карпини, приводит два этнонима населения Алании «аланы или асы», один из которых, видимо, отвечал уровню его учености и был заимствован из итальянской этнонимике, заимствованной из

татарского языка, а второй был в его время живым и имел хождение в собственно аланской причерноморской и тюркской среде.

Согласно сведениям де Рубрука, не только аланы в его время еще оказывали сопротивление татарам: не было завершено покорение «лесгов» (Дагестан) и «Зикии» (вариант — «черкисы»), т. е. адыгов. ²²³ Впрочем, можно предположить, что эти сведения де Рубрука были основаны на известии не о подчинении, начавшемся в конце 30-х — начале 40-х годов, а о восстаниях, имевших место в период его пребывания в Орде, которое совпало с переписью населения, произведенной монголами в зависимых странах (1254 г.). По свидетельству «Картлис цховреба», она затронула и Овсети, и, следовательно, на ее обитателей пали налоговый гнет и другие повинности, которыми монгольские ханы облагали вассальные земли. ²²⁴ Эта перепись, как известно, вызвала целый ряд восстаний в разных странах; такие восстания, возможно, прокатились и по Северному Кавказу. ²²⁵

Следствием налогового бремени ордынских ханов некоторые исследователи средневековой истории Северного Кавказа считают выступление против Орды населения одного из аланских городов, вспыхнувшее в 1277 г., в подавлении которого, по свидетельству Симеоновской летописи, принимали участие русские князья, оказавшиеся в то время в ставке Менгу-Тимура. ²²⁶ Этот город назван «славным градом ясьским» Дедаковым (Тютяков). Л. И. Лавров вполне основательно, ссылаясь на свидетельство Эвлия Челеби, турецкого путешественника и писателя, посетившего в 60-х годах XVII в. Кавказ, отождествляет его с городищем Верхнего Джулата — *Ирак-Даданом* в труде Челеби. ²²⁷ Правда, в то время, о котором говорит летопись, Джулат — Дедаков (вероятно, осетинское *дада-кау*, т. е. «отеческое селение, старый город») вряд ли был чисто ясьским. Скорее всего, он, как и перехвативший впоследствии его функции преддверья транскавказской дороги через Дарьял (Железные Ворота) город Маджары, возникший в степи у впадения Мокрой Буйволы в Куму (современный Прикумск), был полиэтническим по составу жителей, а ясьским по местонахождению. В связи с его неясным обликом находится то наименование, которое он получил у северокавказского населения в XVIII—XIX вв. — Татартуп — Татарский стан.

Город был взят 8 февраля 1278 г. Русские князья, участвовавшие в этом походе («князь же Ростовский Глеб Василькович с братаничем своим с князем Костантином, князь Феодор Ростиславич, князь Андрей Александрович и инии князи мнози с бояры и слугами...»), разграбили его и сожгли, после чего он, по-видимому, не возродился («... и полон и корысть велику взяша, а супротивных без числа оружием избиша, а град их огнем пожгоша»). ²²⁸ Однако русские торговые люди, можно думать, хорошо знали этот пункт и для них он являл-

ся важным внутрикавказским ориентиром. Об этом, в частности, свидетельствует «Повесть о Михаиле Тверском», у которого «у города Деякова» «близ Врат Железных» в 1318 г. Г. то в этом районе татары после конфликта в Деякове вынуждены были расположить свой тумен (десятитысячный корпус), давление которого на население центральной части Северного Кавказа стало одной из причин массового оттока ее населения в высокогорье и на юг, на территорию Грузии.²²⁹

Активные действия Золотой Орды в центральной части Северного Кавказа в конце 70-х годов XIII в. и меры по усилению ее влияния на горные области, принятые в конце столетия, в значительной степени определялись внутренними политическими междоусобицами, раздиравшими огромную империю потомков Чингиз-хана. Кавказ во второй половине XIII — первой половине XIV в. стал полем битвы между двумя линиями Чингизидов — потомками Хулагу и потомками Джучи. Эта война продолжалась целое столетие — с 1261/1262 г. по 1357 г. В течение этой войны было завершено разрушение аланских родов и селений в предгорной части края, было истреблено население прилежавших к ним районов степи, были разорены земледельческие селения в горах.

Окончательный удар по населению Северного Кавказа, его складывавшейся веками культуре, экономике, социальным традициям был нанесен в период борьбы между войсками Тохтамыша и Тимура в 1395—1396 гг.

Источники, описывающие эти события, вносят относительно мало новых данных, характеризующих процессы, протекавшие внутри региона. Вероятнее всего, лежавшие в стороне от старых транскавказских магистралей горные общества в этот период не только не включались в политические акции, идущие от них, изолировались в труднодоступных ущельях, прервали старые контакты и связи. Крупные речные долины пуста, руины древних поселений и городов зарастали лесами, превращались в пастбища.²³⁰ Вместе с тем те общности, которые интегрировались в состав Золотой Орды, не только не исчезли из поля зрения современных писателей, но даже получили особое освещение в их трудах, посвященных взаимоотношениям правителей Орды и других улусов Монгольской державы.

С этой точки зрения исключительный интерес представляет группа восточных исторических сочинений (арабских, персидских, тюркских), описывающих походы на Северный Кавказ Тимура (Ибн Арабшах, Низам ад-дин Шахи, Шараф Йезди, анонимный автор «Шаджарат ал-атрак», Хонд, Гийас ад-дин Али, Абд ар-Разак Самарканди и др.).²³¹ Эти источники стремились с максимальной полнотой воссоздать перипетии кавказской эпопеи завоевателя. Основной же самой эпопеи была идея максимально полно

тальной обреченности всех общностей региона. Таким образом, следуя за авторами, описывающими движение войск Тимура, мы имеем возможность как бы пройти по Северному Кавказу конца XIV в. и получить о нем новое, относительно объективное этногеографическое представление.²³²

Поход Тимура на Северный Кавказ начался весной 1395 г. Вначале он прошел старой дорогой восточных завоевателей — Дербендским проходом вдоль Каспия, и, вступив на земли Дагестана, первым делом столкнулся с Кайтагом. Страна Кайтага, население которой называется источниками «кайтагами», в это время простиралась от Самура на юге до Сулака на севере. На западе ее влияние достигало Кумуха, и соответственно в Кайтаг входили и те тюркоязычные группы, которые с X в. осели в предгорьях вдоль Прикаспийской низменности (Самандар), и оседавшие здесь «дербендские кыпчаки», и горцы Восточного Дагестана, предки народностей даргинской группы. Кайтаг как область, тесно связанная с Северокавказской степью, где находились традиционные кочевья части ее населения, и соединенная с Поволжьем и Западным Предкавказьем торговыми магистральями, входила в число владений, политически ориентированных на врага Тимура — Тохтамыша. Это определило его судьбу — страна была разграблена и, по словам Низама ад-дина Шахи, «из множества (ее жителей) не спаслись (даже) немногие и из тысячи один...».²³³

После завоевания Приморского Дагестана Тимур прошел на Терек, где и состоялось его сражение с войсками Золотой Орды. Разбитый Тохтамыш (15 апреля 1395 г.) бежал в Булгар. Тимур же двинулся через степи на запад, дошел до Крыма, откуда прошел к Дону. По Дону он дошел старой степной дорогой до пределов Рязанской земли, до г. Ельца, после чего повернул в Поволжье. На этом его первый поход на Северный Кавказ закончился.

Новый поход начался с возвращения в низовья Дона, где был разгромлен Азов, ставший к этому времени важнейшим портом, перехватившим торговлю с Востоком, некогда ведущуюся через низовья Кубани и Тмутарокань. Из Азова Тимур двинулся к Кубани в земли адыгов («черкесов»), которые в это время контролировали всю Приазовскую низменность. Их попытка воспрепятствовать продвижению конницы Тимура на юг (он, вероятнее всего, пытался пройти вдоль побережья Азовского моря) успеха не принесла. Против адыгов была направлена карательная экспедиция, которая относительно быстро с ними расправилась. Воины Тимура «ограбили весь улус черкесский, захватили большую добычу и благополучно возвратились, удостоились чести целования ковра».²³⁴ Страна черкесов, несмотря на ее политическое разъединение, вызванное борьбой различных этнотерриториальных групп, междоусобицами князей и отходом на восток еще в XII в. части племен, представляется

авторам конца XIV в. «областью» достаточно монолитно политически целостной — «илем», «улусом», т. е. племенным союзом, объединением. Это заставляет вспомнить известия XIII в. о «государе» черкесов Тукаре, которое, возможно, детельствует о каких-то консолидационных процессах, первых адыгами в XII—XIII вв.²³⁵

Следующей на пути завоевателя оказалась территория Страны асов. Продвижение в горные районы со всем Тимур считал нецелесообразным. В то время, как часть ска с обозом двигалась, делая остановки и привалы, по с в доль Кавказского хребта, наиболее боеспособные отряды вершали рейды вглубь горных районов, вырубая леса и складывая дороги, поднимались в высокогорную зону (о Тере писали, что он «сам с целью джихада взошел на гору Бруз»), штурмовали горные укрепления, разрушали и разоряли крепости, прорывались в «защищенные ущелья». Воины Тимура совершили то, что не смогли сделать в течение почти полустолетней борьбы с народами Северного Кавказа и Золотой Орды: они вышли за пределы предгорий и нанесли удар по коренным областям горного земледелия и скотоводства, которые были историческим резервом всей северокавказской экономики.

Страна асов, судя по контексту, горная область в верховьях Кубани, подверглась особенно жестокому разорению. Здесь врагом Тимура был правитель народа асов, имя которого передано как *Буракан*. Рядом с ним назван какой-то *Бурбиди*.²³⁶ Оба эти имени явно тюркские: в их основе один тематический термин — *бури*, т. е. «волк». Можно думать, что этот источник привел одно имя в двух версиях. Его тюркская основа дает повод для предположения о тюркизации асов, о распространении в их среде тюркского культа, причем культ имевшего связь с социальными верхами кочевых тюркских племен. Вполне вероятно, что асы конца XIV в. уже включали в свой состав значительную кыпчакскую группу, в среде которой также существовал ханский культ волка — *Бурчеевичи* русско-латинской летописи.²³⁷

Следующий рейд после подавления «народа асов» Тимур предпринял в горную область, названную по имени двух владельцев, оборонявших ее главную крепость — Кулы и Тауса. Эта область, вероятнее всего, лежала к востоку от Страны асов, где-то на территории современной Балкарии. Этот поход также привел к полному разорению горцев, которые вынуждены были уходить от завоевателей в самые труднодоступные места высокогорья.²³⁸ Авторы, описывающие этот поход, отмечают, что во время его погибло «множество людей из племени (варягов области. — А. Г.) Иркувун». В имени этого «племени» («области»), вероятно, запечатлен один из этнонимов Восточной Алании — ир/ирон. Если это предположение верно, то следует при-

знать, что к XIV в. иронская общность уже вполне определенно сформировалась в районе Центрального Кавказа и в борьбе с нашествием Тимура обитателей горных областей она пыталась выступить как консолидирующая сила, высылая военную помощь тем группам, которые подвергались наибольшему натиску завоевателя.

Далее к востоку лежала страна «эмира Пулада», принимавшего, по-видимому, деятельное участие в политических конфликтах Тимура и Золотой Орды, которые привели к походам на Северный Кавказ.²³⁹ У Пулада скрывался один из нукеров Тохтамыша, участвовавший в битве на Тереке в 1395 г., Удурку. Пулад (очевидно, от тюркского — *булат*) отказался выдать беглеца. Он укрепился в труднодоступной горной крепости по имени Капчигай и приготовился к сопротивлению. Расположение этой крепости может быть определено по двум признакам. Во-первых, по ее наименованию: в основе его тюркское *капаг* — «ворота, дверь» или производное от этого слова *капагчи* — «привратник, сторож» и тюркское же *кайя* — «скала», впрочем, созвучное осетинскому *кау* — «селение».²⁴⁰ Следовательно, это была горная крепость, лежавшая где-то вблизи Дарьяла (Железных Ворот) или вблизи другого горного прохода. Во всяком случае, нет сомнений в том, что эта крепость и, соответственно, область Пулада находилась в самом центре Кавказа, поскольку путь туда шел через местность *Балкан*, в названии которой нельзя не усмотреть долину Малки (известную по «Дербенд-наме» область *Балх*, расположенную к западу от Ихрана — восточной части Алании).²⁴¹ Вероятнее всего, Пулад был владельцем страны, занимавшей восточную часть Балкарии или Дигорию. Во всяком случае, его владение лежало недалеко от области *Абаса*, в названии которой, на наш взгляд, скрыто имя Балкарии, которым ее называли грузины, — *Басиани*. Предположение Л. И. Лаврова, что Абаса — это местность, лежащая в верховье Кубани, куда в это время уже проникли из-за гор абазинцы (абазы), передвигавшиеся из Абхазии, нам представляется сомнительным.²⁴² Местность Абаса упоминается в связи с рассказом о преследовании сыном Тимура Миран-шахом Удурку, бежавшего из владений Пулада. Нам представляется, что источник не дает оснований думать, что и бегство, и преследование затронули такое значительное расстояние, как расстояние от Дарьяла до верховий Кубани.²⁴³

В течение всей войны, ведшейся в горных районах, часть войск Тимура оставалась на плоскости, куда боевые отряды свозили добычу и где они получали передышку. Центром временной ставки завоевателя был район Пятигорья (Беш-таг), место старых золотоордынских кочевий.²⁴⁴ Завершив подавление горцев в областях, лежавших к западу от верховий Терека, Тимур перенес театр военных действий к востоку. Теперь он

вторгся в область Симсим, которую обычно отождествля- с восточной частью горной Чечни — Ичкерией.²⁴⁵ Восточ- часть Алании он по каким-то причинам не затронул. Возмо- но, ее подавление было проведено вместе с подавлением в- дения Пулада. Симсим локализовать очень трудно. Под эт- названием могут скрываться и внутренние горные районы И- гушетии и горные районы Чечни. При локализации этой об- сти следует иметь в виду, что во время завоевания часть населения исповедовала ислам, а часть — христианство. Ни- ни другое не было распространено в горной Восточной Че- ранее XVI — XVII вв.²⁴⁶

Следующий рейд захватил Дагестан.²⁴⁷ Тимур спустился с высот Симсима и прошел по северным предгорьям Авар (Аухар). После чего «повернул назад» и отправился в р- он своей основной ставки в Пятигорье (Беш-кент). Исследо- тели походов Тимура полагают, что он вышел на Приморск- низменность Дагестана, однако текст Шараф ад-дина Йезди- оставляет сомнений относительно его маршрута. Из Пятиго- Тимур совершил новый поход в горы. Теперь объектом вторжения стала область Чутур/Чудур-казак. Обы- полагают, что это одна из областей Горного Дагестана, од- ко, вероятнее всего, в названии этой области отложился с- рый адыгский этноним касог/кашак и, соответственно, ис- эту область следует не на востоке, а на западе Кавказа в- горах, заселенных восточными группами адыгов.

Здесь закончилось покорение горцев.²⁴⁸ Из страны Чу- казак Тимур вернулся в степи и направился в низовье К- (Бугаз-Кум), где на Черных землях разбил зимнюю ставку. сюда зимой 1395—1396 гг. он совершил набег на Волгу, и- вергнув разгрому Хаджи-тархан и Сарай-Берке. С нача- весны 1396 г. военные действия в Дагестане возобновились. Объектом нападения после взятия Тарки (район современ- Махачкалы) стала Ушкуджа (вероятно, Акуша), область с- селения даргинцев. Объединенные силы аварцев и лакцев (и- рир и Казикумух) под предводительством шамхала, прави- Кумуха, попытались оказать сопротивление, но были по- дены. Эта победа открыла Тимуру путь во внутренний Д- стан, где он взял ряд крепостей. Из внутреннего Дагестана- вернулся в область расселения даргинцев и направился в- рихгеран (Кубачи), жители которого изъявили ему покорн- Дагестанские общества, их старшины и племенные пред- тели один за другим прибывали в лагерь Тимура, испраш- «ярлыки» на управление своими областями и изъявляя го- ность продолжать вместе с ним войну в еще не затрону- вторжением районах. После этого Тимур, пройдя область т- тага, вступил в Дербенд, который приказал восстановить и- строить.²⁴⁹

Поход Тимура стал последней точкой в истории Север-

Кавказа периода раннего средневековья. Им закончился пе- риод постепенного упадка тех экономических и социальных структур, которые вызревали в этом регионе в течение многих столетий. В ряде областей региона он привел к длительной стагнации экономики и социальных отношений, в ряде — вы- звал необходимость глубокого изменения социальных и этни- ческих границ, ряд областей, городов и сотни селений вообще стер с лица земли. После похода Тимура практически навсег- да как потенциально этнически активная зона прекратила свое существование Степь. Долго, в течение ряда столетий, наме- чавшийся процесс интеграции адыгских общностей прервался. Горные области центральной части Северного Кавказа, куда в основном и была направлена сила ударов войск Тимура, частью полностью обезлюдели и не смогли восстановить свой демогра- фический уровень вплоть до XIX в., частью сохранили свое на- селение, но только ценой утраты его этнического единства и социально-политической общности.

Распад Алании на отдельные региональные объединения произошел уже в начале XIII в., но теперь вместо возрождения былой консолидации основной исторической тенденцией на ее землях стала тенденция к дезинтеграции. Были прерваны кон- солидационные процессы на территории Чечни и в западных районах Горного Дагестана, вайнахские общества отошли от веками укреплявшегося культурного и этнического сближения с населением предстепня и ираноязычными группами централь- ной части Северного Кавказа. Пожалуй, только формирующие- ся народности Дагестана сумели устоять, несмотря на тяже- лейшие потери, и наметившиеся в течение предшествующих столетий политические и этнические границы его общностей сравнительно мало изменились. Дагестан в основном сохранил свой экономический потенциал, завоеватель не успел нанести здесь столь же тяжелый урон, как в землях Алании. Это обес- печило Дагестану в XV—XVIII вв. роль хранителя тех куль- турных достижений, которые до конца XIV в. были общим до- стоянием всех общностей Северного Кавказа и которые ими интенсивно и параллельно развивались.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 109.

² Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с древнегрузин- ского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. М., 1979. С. 85. Приложе- ние: Сведения из «Жизни Вахтанга Горгасала». — В одном древнегрузинском манускрипте, опубликованном Ф. Жордания, кыпчаки (кипчаки) упомина- ются в связи с походом на Северный Кавказ Вахтанга Горгасала (V в.), что является явным анахронизмом, но вместе с тем свидетельствует о внимании

- грузин к этнической ситуации, складывавшейся в Предкавказье в XI в. («Многочисленные тамошние племена Овсети и кивчакские»). — Там же.
- 3 Плетнева С. А. Половцы. М., 1990. С. 25—36.
- 4 Документы на половецком языке XVI в. / Перевод и комментарий Т. И. Кунина. М., 1967. С. 99; Пономарев А. Н. Куман-половцы // Вестник древней истории. 1940. № 3—4. С. 369—370.
- 5 Попов А. И. Кыпчаки и Русь // Учен. зап. Ленингр. ун-та. Серия исторических наук. Вып. 14. Л., 1949.
- 6 Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. Н. Наумов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л., 1969. С. 399; Бартольд В. В. Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 392.
- 7 Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1949. С. 144—145.
- 8 Ахинжанов С. М. 1) Из истории движения кочевых племен евразийских степей в первой половине XI в. // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980; 2) Об этническом составе кыпчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам: Сб. статей. Алма-Ата, 1976.
- 9 Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 222—223.
- 10 Марголин П. Три еврейских путешественника XI—XII вв. СПб., 1881. С. 4.
- 11 Недков Б. България и съседните земи през XII век според «Географията» на Идриси. София, 1960. С. 101. Другую точку зрения см.: Рыков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1952. Вып. 43; Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 149. Прим. 109, 110.
- 12 Наиболее полные исследования вышли в течение последних десятилетий (см.: Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч.; Плетнева С. А. Половцы).
- 13 Попов А. И. Указ. соч.; Кудряшов В. К. Половецкая степь. М., 1948; Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 62 / Отв. М. И. Артамонов. Л., 1958. С. 151—226.
- 14 Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960. С. 149.
- 15 Минаева Т. М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // Материалы по изучению Ставропольского края: Сб. статей. Вып. 2. Ставрополь, 1964. С. 37.
- 16 Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 3 / Под ред. М. И. Артамонова. М.; Л., 1941. С. 30; Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 257—258. — В течение 70—80-х годов погребения кочевников X—XII вв., включая погребения кыпчаков, были открыты на северо-востоке Предкавказья в степях Калмыкии (Васюткин С. М. Периодизация этнической истории средневековых кочевников Северо-Западного Прикаспия // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов / Отв. В. А. Кузнецов. Махачкала, 1988. С. 73—75).
- 17 Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Северного Кавказа. Черкесск, 1963. С. 34. — Вопрос о необходимости разработки критериев этнической атрибуции подкурганых погребений с конем в средневековых могильниках Северо-Западного Кавказа недавно поставил А. В. Дмитриев (см.: Дмитриев А. В. К вопросу об этнической принадлежности погребений с конем в средневековых курганах в районе станицы Кавказской // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Махачкала, 1988. С. 77—78).
- 18 Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974.
- 19 Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрика. М., 1957. С. 102.
- 20 Низами Гянджеви. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: «Искендер-наме». Пер. с фарси К. Липскерова. М., 1986.
- 21 Казы Гирей Султан. Долина Ажитугай // Шаги к раскопкам.

- Адыгские писатели-просветители XIX в. Избр. произведения / Общественная редкол. Председатель В. Р. Щербина. Краснодар, 1986. С. 208.
- 22 Низами Гянджеви. Указ. соч. С. 266.
- 23 Минаева Т. М. К вопросу о половцах... С. 167; Алексеева Е. П. Карачаевцы... С. 37.
- 24 Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978. С. 240. Прим. 93, 94.
- 25 Иессен А. А. Указ. соч. С. 30.
- 26 Тизенгаузен В. Г. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды: В 2 т. Т. 2: Извлечения из персидских сочинений. М.; Л., 1940. С. 142.
- 27 Там же. С. 174.
- 28 Рашид ад-дин. Указ. соч. Т. 2. С. 71, 81.
- 29 Патканов К. П. История монголов по армянским источникам / Пер. с древнеарм. и объяснения К. П. Патканова. Вып. 1. СПб., 1873. С. 44.
- 30 Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 102, 171; Минаева Т. М. К вопросу о половцах... — Кыпчакскими памятниками в предгорьях восточной части Северного Кавказа некоторые исследователи считают Верхнечирюртовский могильник № 2 и Миатлинский могильник на Среднем Сулаке (см.: Федоров Я. А., Федоров Г. С. Указ. соч. С. 249—256).
- 31 Низами Гянджеви. Указ. соч. С. 266.
- 32 Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963. С. 73.
- 33 Анчабадзе З. В. Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV вв. // О происхождении балкарцев и карачаевцев: Сб. статей. Нальчик, 1960. С. 118.
- 34 Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 32—33.
- 35 Рашид ад-дин. Указ. соч. Т. 3. С. 59—60.
- 36 Тизенгаузен В. Г. Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды: В 2 т. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 25—26.
- 37 Кузнецов В. А. Указ. соч. С. 10—15.
- 38 Там же.
- 39 Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 26.
- 40 Там же. С. 3.
- 41 Анчабадзе З. В. Указ. соч. С. 121; Федоров Я. А., Федоров Г. С. Указ. соч. С. 244.
- 42 Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Доклады отделения этнографии. Вып. 1 / Отв. ред. Л. Н. Гумилев. Л., 1961. С. 4; Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- 43 Анчабадзе З. В. Указ. соч. С. 120—121; Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе... и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. Тифлис, 1897. С. 36.
- 44 Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 165.
- 45 Анчабадзе З. В. Указ. соч. С. 119; История и восхваление венценосцев / Пер. с древнегруз., предисловие и примечания К. С. Кекелидзе. Под ред. А. Г. Барамидзе. Тбилиси, 1954. С. 30.
- 46 История и восхваление венценосцев... С. 40, 57. — Следует отметить, что в литературу о половцах проникло неточное, по-видимому, указание З. В. Анчабадзе о том, что Севендж — название города-ставки половецкого хана, у которого (или где) нашел приют Георгий Андреевич (см.: Анчабадзе З. В. Указ. соч. С. 125). Имя Севендж было распространено в половецкой аристократической среде: так, например, звали сына хана Боняка (Севенч) (Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1962. С. 432).
- 47 Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 235.
- 48 Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961; Федоров Я. А. Половцы.

кое наследство в Приэльбрусье // Кавказ и Восточная Европа в древности. Сб. статей / Отв. ред. Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин. М., 1973. С. 220—229; Федоров Я. А., Федоров Г. С. Указ. соч. С. 257—290; Лавров Л. Проблемы этногенеза кавказских горцев // Историко-этнографические очерки Кавказа / Отв. ред. С. В. Иванов. Л., 1978. С. 37—38. — В указанных работах приведена основная литература по данной проблеме (см.: Карачаевы / Отв. ред. Л. И. Лавров. Черкесск, 1986).

49 Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 25.

50 Ильминский Н. И. Выписки из Ибн ал-Асира о первом нашествии татар на Кавказские и Черноморские страны с 1220 по 1224 год // Учен. зап. Российской Академии наук. СПб., 1854. Т. 2. Вып. 4. С. 664.

51 Армянские историки о монголах. Извлечения из рукописей XIII—XIV вв. / Пер. с древнеарм. А. Г. Галстяна. М., 1962. С. 23.

52 Ильминский Н. И. Указ. соч. С. 665.

53 Рашид ад-дин. Указ. соч. Т. 2. С. 38.

54 Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 73.

55 Плетнева С. А. 1) Половецкие каменные изваяния... С. 22—

2) Половцы. С. 95—96.

56 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 201. — «В се же лето бияху с половцы и с торки, и с печенеги у Дона, и секошася два дни и нощи, и придоша в Русь к Владимиру торки и печенеги». Этот текст обычно понимают как сообщение о битве между половцами и восставшими против них кочевниками, торками и печенегами (см.: Лихачев Д. С. Повесть временных лет: Комментарий // Повесть временных лет. Ч. 2: Приложение / ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 483; Артамонов М. История хазар. Л., 1962. С. 450—451; Плетнева С. А. Половцы. С. 63). Однако этот текст в летописи явно связан с расположенным несколько выше сообщением о том, что Владимир послал на Дон «сына своего, полка, а Давыд сына своего Всеволода», которые взяли три половецких «града». Естественно, что после этого оба княжича пошли дальше в степь и произошла их решительная битва с кочевниками, после которой княжичи ушли как обычно на юг или юго-восток в глубь степей, а союзники в начале столкновения с русскими отрядами торки и печенеги отошли, зная зависимость от Мономаха, к границам Руси. После этого похода полк, как говорит летопись, женился на ясыне и привел с собой на ясов/овсов: «и приведе с собою Ясы, и жену полони себе Ясыню» (Полосин М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1968. С. 207). Вероятнее всего, отряд союзных половцев ясов участвовал в сражении с русскими княжичами. Полагать, что в 1116 г. на Дону (т. е. на Северном Донце) были яские/аланские поселения, на наш взгляд, нет оснований. Противоположная точка зрения широко распространена в литературе (см.: Карсанов А. Н. Донецкие аланы на рубеже XI—XII вв. // Методические исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа: Сб. статей / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе, 1988. С. 65—66).

57 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 201 (по тексту Ипатьевской летописи); Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 186—187.

58 Низами Гянджеви. Указ. соч. С. 266.

59 Анчабадзе З. В. Указ. соч. С. 115—117.

60 Плетнева С. А. Половцы. С. 70—95; Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки... С. 216—256.

61 «Жизнь Вахтанга Горгасала» сохранила известие о том, что «татары» (имеются в виду, безусловно, кыпчаки, так как соответствующий текст принадлежит редактору начала второй половины XI в.) «в течение некоторого времени и неоднократно... теснили» обитавших в Северокавказской степи «пачаников» (Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. С. 85—86; Анчабадзе З. В. Указ. соч. С. 118—119).

62 Джанашвили М. Указ. соч. С. 36; Анчабадзе З. В. Указ. соч. С. 124—125.

63 Плетнева С. А. Половцы. С. 96—97, 155—156.

64 Лавров Л. И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // Советская этнография. 1956. № 1. С. 19—28.

65 Латышев В. В. Кавказские памятники в Москве // Записки Императорского Русского археологического общества. СПб., 1886. Т. 1. Вып. 2. Новая серия. С. 45—46; Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971. С. 103—113; Кафоев А. Ж. Адыгские памятники. Нальчик, 1963. — Перевод адыгской (кабардинской) части надписи на Этокском памятнике, предлагаемый Г. Ф. Турчаниновым и А. Ж. Кафоевым, вызывает сомнения в его достоверности.

66 Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1962. С. 62, 74—75; Биджиев Х. Х. Раннесредневековые памятники Карачаево-Черкесии и сопредельных территорий (к истории проблемы) // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии / Науч. ред. А. И. Першиц. Черкесск, 1987. С. 27—44. — Мнение В. А. Кузнецова и Х. Х. Биджиева о тюркской принадлежности каменных статуй Верхней Кубани, как нам представляется, не может в настоящее время считаться окончательным.

67 Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев и др. Л., 1969. С. 91.

68 Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских писателей XII—XIX вв. / Сост. ред. переводов, вступит. статья В. К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 233—234; Ногмов Ш.-Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1982. С. 62—64.

69 Кабардинский фольклор / Под ред. Г. И. Бройдо, Ю. Н. Соколова. М.; Л., 1936. С. 145—157; Фольклор адыгов в записках и публикациях XIX—начала XX в. / Сост. А. И. Алиева; подготовка текстов и общая ред. А. Н. Гугова. Нальчик, 1979. С. 197—202; Акритас П., Стефанева Е. Легенды Кавказа. Нальчик, 1958. С. 5—11.

70 Ногмов Ш.-Б. Указ. соч. С. 79.

71 Кабардинский фольклор. С. 148 («Откуда пошло название Кабарда»).

72 Ногмов Ш.-Б. Указ. соч. С. 135. («Постановление о сословиях в Кабарде») // Там же. (См. с. 145—146, где перечисляются особые привилегии рода Куденетовых.)

73 Ногмов Ш.-Б. Указ. соч. С. 145—146. — Куденетовы имели особые права даже в отношении князей — пши. Так, последние в присутствии Куденетовых или даже их узденей (дворян) в течение недели не имели права начинать кровную месть за своего родственника.

74 Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974. С. 188. — Следует отметить, что значение имени *Кабарда* до сих пор остается не объясненным удовлетворительно. Нельзя исключить, что это имя восходит к этнониму *хазары/кабары* (в русской транслитерации обычно *кабары*), которым обозначались некоторые хазарские родо-племенные группы, сведения о чем сохранил Константин Багрянородный (см.: Багрянородный. Константин. Об управлении империей / Текст, перевод, комментарий под редакцией Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 162—163, 394—397; Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 284—287, 324, 330, 339, 343—345). Часть кабаров в начале IX в. отделилась от хазар и перешла к мадьярам (венграм), обитавшим тогда в междуречье Днестра и Буга, а затем (80-е годы IX в.) передвинулась вместе с семью венгерскими племенами в Подунавье. Как следует из текста сравнительно недавно введенного в научный оборот Н. Голбом и О. Притсаком документа, составленного около 930 г. в иудейской (хазарской) общине Киева, *кабары* (в тексте *куабары*) были известной этнической общностью на юге Восточной Европы (в Причерноморье) еще на рубеже IX—X вв. (Golb N., Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century. Ithaca; London, 1982. P. 35—39, 55—59).

На этом основании можно сделать предположение, что некоторые роды кабаров входили в состав хазарской (*козары*) общины Тмутарокани или были с нею как-то связаны. В случае верности этого предположения имя *Кабарда* может быть объяснено как овское (иранское) патронимическое ка-

бар — та/таи, т. е. Кабаров, или из рода кабаров, что вполне соответствует адыгскому обозначению кабардинцев: *кэбэрттай* (кабардинское самоназвание *кэбэртэдей*) (Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 178). Фамильное имя Кабарды — Тамбиев, нам представляется, вполне определенно указывает на связь с Тматороками в его основе там, т. е. первая часть термина *тму-торокань/тумен-тар-тму-тма* (ср. у Ш.-Б. Ногмова — Там-таракан). (Ногмов Ш.-Б. Указ. соч. С. 73, 81, 83, 84), и бий, тюркский по происхождению термин, буква но означающий 'богатый человек, господин'.

75 Ногмов Ш.-Б. Указ. соч. С. 85—87, 135—136.

76 Там же. С. 85—87.

77 В одном из преданий Кабарда Тамбиев сам приглашает в свою группу район Северного Кавказа князей (в предании — «привозит Ила») (см.: Кабардинский фольклор. С. 148).

78 Шафиев Н. А. История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV—XV вв.). Нальчик, 1968. С. 38; Нагоев А. Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV—XVII вв.). Нальчик, 1981.

79 Фольклор адыгов... С. 149—153 («Царь франгов и Кабарда»).

80 Очень существенно, что в «Жизни Вахтанга Горгасала» заняв степь после «пачаников» кочевники названы «турками», что равнозначно именованию «тургуты» (см.: Мровели, Леонти. Жизнь картлийских царей. С. 85).

81 Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки... С. 216—256.

82 Фольклор адыгов... С. 198—200.

83 Шафиев Н. А. Указ. соч. С. 70.

84 Гадло А. В. К истории поселений предмонгольского времени на территории Восточного Закубанья // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Вып. 1 / Отв. ред. Р. Ф. Итс. Л., 1977.

85 Кобычев В. П. Сельские поселения и жилища народов Северного Кавказа. М., 1980.

86 Рыбаков Б. А. Введение // Керамика и стекло древней Тматороки: Сб. статей / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1963. С. 5.

87 Кобычев В. П. Указ. соч. С. 70. — О времени появления балканской архитектуры в горах Северного Кавказа см.: Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 78; Гольштейн А. Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975. С. 19, 20, 45; Марковин В. И. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957—1965 гг.) // Северный Кавказ в древности и в средние века: Сб. статей / Отв. ред. В. И. Марковин. Л., 1980. С. 250—265.

88 Урхаеци, Маттеос. История / Пер. с древнеарм. М. Н. Дарбинян. Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского ин-та филологии, истории, экономики. Ф. 1. Д. 137-а. Л. 50; цит. по: Кузнецов В. А. О истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 165.

89 Повесть временных лет. Ч. 1. С. 201.

90 Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа XVIII—начале XX в. М., 1974. С. 72—74; Лавров Л. И. Проблемы генезиса кавказских горцев // Историко-этнографические очерки Кавказа. 1978. С. 46—47.

91 Харатьян Г. С. Этническая история черкесогоаев: Автореф. дис. Л., 1981.

92 Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. 1913. С. 151—152; Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 415 (Блауберг И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа). О возможности еще одной версии названия имени Кабарды Тамбиева см. прим. 96.

93 Гадло А. В. Поединок Мстислава с Редедей, его политические и исторические последствия // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа: Сб. научных трудов / Отв. ред. Н. И. Кирей. Краснодар. С. 84—100.

94 Якобсон А. Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.; Л., 1964. С. 77—80.

95 Нагоев А. Х. Указ. соч.

96 Шафиев Н. А. Указ. соч.; Алексеева Е. П. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов) // Труды Черкесского научно-исследовательского института. Вып. 2. 1954. С. 199—260.

97 Так, причину миграции адыгов обычно видят в развитии форм феодального хозяйства или в переходе от оседло-земледельческого хозяйства к экстенсивному скотоводству и кочеванию (см.: История Кабардино-Балкарской АССР: В 2 т. Т. 1: С древнейших времен до марта 1917 г.; Отв. ред. Т. Х. Кумыков. Нальчик, 1965. С. 72—76; История народов Северного Кавказа... С. 198).

98 Ногмов Ш.-Б. Указ. соч. С. 86.

99 Ал-Масуди. Из «Мурудж ад-Дзахаб». Гл. XVII // Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 86.

100 Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 107—111; Кузнецов В. А. 1) Аланские племена Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 106 / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М., 1962. С. 120—122; 2) Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII вв. // Советская археология. 1973. № 2; Ковалевская В. Б. Центральное Предкавказье. Северо-Западный Кавказ // Степи Евразии в эпоху раннего средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева. М., 1981. С. 84.

101 См. прим. 74.

102 Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа; Деоник В. Б. Змейское средневековое селище // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 1 / Отв. ред. Е. И. Крупнов. Орджоникидзе, 1966.

103 Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 1 / Отв. ред. Е. И. Крупнов. Орджоникидзе, 1961. С. 62—135.

104 Рунич А. П. Катакомбные могильники в районе Кисловодска // Советская археология. 1963. № 3. С. 241—244.

105 Крупнов Е. И., Милорадович О. В. Археологические исследования в Северной Осетии в 1959 г. // Краткие сообщения института археологии. Вып. 100. М., 1965. С. 102—107.

106 Рунич А. П. Катакомбы Рим-горы // Советская археология. 1970. № 2.

107 Кузнецов В. А. Раскопки Нижнеархызского городища // Краткие сообщения института археологии. Вып. 120. М., 1969.

108 Гадло А. В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья // Материалы по археологии Дагестана: Сб. статей. Т. 5 / Отв. ред. В. Г. Котович. Махачкала, 1974. С. 140—153.

109 Гадло А. В. Памятники салтово-маяцкой культуры в Центральном Предкавказье // Проблемы отечественной и всеобщей истории: Сб. статей. Вып. 3 / Отв. ред. В. А. Ежов. Л., 1976. С. 99—103.

110 Ковалевская В. Б. Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе // Плиска-Преслав: Прабългарската култура. Т. 2. София, 1981.

111 Материалы Бештаугорского поселения изучались нами в течение ряда лет. Публикация этих материалов подготовлена к печати.

112 Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища в 1974 г. // Археология и этнография Карачаево-Черкесии: Сб. статей. Черкесск. 1979. С. 27—51; Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск. 1983.

113 Ковалевская В. Б. Раскопки аланской крепости в Карачаево-Черкесии // Археологические открытия 1975 г. М., 1976. С. 125—126.

114 Чеченов И. М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг.: Сб. статей / Отв. ред. Гадло А. В.

В. А. Кузнецов. Т. 3: Памятники средневековья (IV—XVIII вв.). Нальчик, 1987. С. 67—77.

¹¹⁵ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии: Вопросы этнического и социально-экономического развития. 1971; Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник / Отв. ред. В. К. Гарданов. Вып. 4. М., 1974. С. 60—77; Кузнецов В. А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани (о новой концепции истории алан Северного Кавказа) // Археолого-этнографический сборник. Вып. 1 / Отв. ред. И. М. Чеченов. Нальчик, 1974.

¹¹⁶ Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963; Мизиев И. М. 1) Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа / Под ред. В. Б. Виноградова. Нальчик, 1972; 2) История рядом. Нальчик, 1990; Хаджилаев Х. И. К топонимике Карачая // Из истории Карачаево-Черкесии: Сб. статей / Отв. ред. В. И. Наская. Ставрополь, 1970.

¹¹⁷ Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.

¹¹⁸ См. с. 21—22.

¹¹⁹ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. С. 123—

¹²⁰ См., напр.: Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 91.

¹²¹ Там же. С. 21, 24.

¹²² Там же. Т. 2. С. 91.

¹²³ Там же. Т. 1. С. 503.

¹²⁴ Там же. Т. 1. С. 149. Прим. 1.

¹²⁵ Кузнецов В. А. Аланские племена... С. 126.

¹²⁶ Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1151). М., 1971. С. 26, 49.

¹²⁷ Рубрук Гильом де. Путешествие в восточные страны. М., 1957. С. 106, 111; Карпини Плано. История монголов. М., 1957. С. 57; Барбаро, Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о Руси. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статья, подготовка текста и комментарии Е. Ч. Скрипниковой. Л., 1971. С. 137, 153.

¹²⁸ Кузнецов В. А. 1) Аланские племена Северного Кавказа; 2) Аланская культура Центрального Кавказа...; 3) Аланы и тюрки.

^{128a} История и восхваление венценосцев. С. 27.

¹²⁹ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1977. С. 228—240.

¹³⁰ Иванов А. И. История монголов (Юань-ши) об асах-алан. Христианский Восток. Т. 2. Вып. 3. СПб., 1914.

¹³¹ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 24—36; Федоров-Видов Г. А. Указ. соч. С. 232. Прим. 148.

¹³² Брун Ф. Черноморье: В 2 т. Т. 2. Одесса, 1880. С. 122—123.

¹³³ Абаев В. И. Происхождение осетинских фамильных имен Цхинвал и Агузат // Литературная Осетия. 1982. № 60; Кузнецов В. А. Ком, Нузал и Царзонта. Владикавказ, 1990.

¹³⁴ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. С. 228—240.

¹³⁵ История и восхваление венценосцев. С. 33.

¹³⁶ Летопись Картли // Памятники грузинской исторической литературы. Вып. 4 / Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. Тбилиси, 1961. С. 66, 67; «Из кровной мести был убит рабом-овсом царь Квирик. В бою царь Квирик убил овского царя Урдуре» (Квирик — царь восточногрузинского объединения); Кузнецов В. А. Алания и Грузия: страницы истории // Литературная Осетия. 1986. № 68.

¹³⁷ Кузнецов В. А. Средневековые дольменообразные склепы в Прикубанье // Краткие сообщения института археологии. Вып. 85. 1961.

¹³⁸ Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 71.

¹³⁹ Там же. С. 54, 75.

¹⁴⁰ Летопись Картли. С. 66, 76; Кузнецов В. А. Дургулели и Нижний Архыз // Методика исследования и интерпретации археологических материалов Северного Кавказа: Сб. статей / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе, 1988. С. 76—91.

¹⁴¹ Кузнецов В. А. Очерки истории алан. С. 161—164.

¹⁴² Бибииков М. В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Кавказа и Северного Причерноморья (XII—XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981.

¹⁴³ Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. Одесса, 1867. С. 447.

¹⁴⁴ Ал-Масуди. Из «Мурудж ад-Дзахаб». Глава XVII // Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 209.

¹⁴⁵ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. С. 32—33. — Об отражении в осетинском нартском эпосе взаимоотношений алан с кыпчакской степью см.: Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1980. С. 112—114.

¹⁴⁶ Кузнецов В. А. Очерки истории алан. С. 165.

¹⁴⁷ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. С. 33.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Джанашивили М. Указ. соч. С. 38—39; Гаглойти Ю. С. Средневековые летописи о Давиде Сослане // Литературная Осетия. 1969. № 33. С. 120—121.

¹⁵⁰ Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе / Исторический архив. 1940. Т. 3. С. 78—79.

¹⁵¹ Епископа Феодора «Аланское послание» / Пер. Ю. Кулаковского. // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса; 1898. Т. 21. С. 27.

¹⁵² Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. С. 126; Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М., 1984.

¹⁵³ Кузнецов В. А. Реком, Нузал и Царзонта. С. 90.

¹⁵⁴ Чочиев А. Р. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали, 1985.

¹⁵⁵ Кузнецов В. А. Нартский эпос.

¹⁵⁶ Гаглойти Ю. С. Трехфункциональное деление в этнической культуре осетин // Проблемы этнографии осетин / Отв. ред. В. Х. Тменов. Орджоникидзе, 1984. С. 11—35.

¹⁵⁷ Кузнецов В. А. Очерки истории алан. С. 197—218; Кулаковский Ю. А. Христианство у алан // Византийский временник. Т. 5. СПб., 1898.

¹⁵⁸ Ал-Масуди. Из «Мурудж ад-Дзахаб». Глава XVII // Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 204.

¹⁵⁹ Кузнецов В. А. Очерки истории алан. С. 204—207.

¹⁶⁰ Артамонов Н. И. История хазар. С. 353—364.

¹⁶¹ Кулаковский Ю. В. Указ. соч. С. 11.

¹⁶² Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Ложкин М. Н. Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском крае // Советская археология. 1973. № 4. С. 270—276; Каминская И. В. Исследование Ильичевского городища на Урупе // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов / Отв. ред. И. М. Чеченов. Майкоп, 1992. С. 75—77; Каминский В. Н. Новые памятники аланской культуры Северо-Западного Кавказа // Конференция по археологии Северного Кавказа. XII Крупновские чтения: Тезисы докл. / Ред. коллегия: В. А. Кузнецов, И. М. Чеченов и др. М., 1982. С. 33—40. Каминская И. В., Каминский В. Н. Исследования Первомайского городища в долине реки Большая Лаба // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докл. / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе, 1986. С. 54—55.

¹⁶⁵ Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. С. 121—170; см. также: Тменов В. Х. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.

- 166 Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971. С. 195—199.
- Мужухоев М. Б. Средневековые культовые памятники Центрального Кавказа. К истории религиозных верований в X—XIX вв. Грозный, 1989. — Здесь приводится современная литература вопроса.
- 167 Аннинский С. А. Указ. соч. С. 79.
- 168 Кулаковский Ю. В. Епископа Феодора «Аланское послание» С. 15.
- 169 Там же. С. 27.
- 170 Кулаковский Ю. А. Христианство у алан... С. 13—15; Древние акты Константинопольского патриархата... С. 472.
- 171 Гудава Г. Е. Две надписи (грузинская и грузино-аварская) Дагестана // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. 30. Тбилиси, 1954. С. 185—193; Гамбашидзе Г. Г. Древнегрузинские церковные книги Ингушетии: Тезисы докладов // V Крупновские чтения по археологии и истории Кавказа / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Махачкала, 1975. С. 115; Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии 1925—1932 гг. Грозный, 1963. С. 59—60; Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.
- 172 Миллер В. Ф. Древнеосетинский памятник из Кубанской области. Материалы по археологии Кавказа. Вып. 3. М., 1893. С. 110—118; см. там же прим. 185.
- 173 Рубрук, Гильом де. Указ. соч. С. 106.
- 174 Кузнецов В. А. Глиняные котлы Северного Кавказа // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 99. М., 1964; Kuznetsov V. Nordkaukasische Tonkessel // Die Keramik der Saltovo-Majaki Kultur ihrer Varianten / Herausgegeben von Csánád Bálint. Budapest, 1990. S. 25—274.
- 175 Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Т. 4. М., 1969. С. 60—71.
- 176 Виноградов В. Б., Мамаев Х. Н. Некоторые вопросы раннего средневековья истории и культуры населения Чечено-Ингушетии (По материалам новых могильников) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа: Сб. статей. Грозный, 1979. С. 63—86.
- 177 Кузнецов В. А. 1) К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // Советская археология. 1959. № 2. С. 97—118; 2) Змейский могильник (по раскопкам 1957 г.) // Материалы по археологии древней истории Северной Осетии. Т. 1. Орджоникидзе, 1966. С. 62—63; 3) Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. Средневековые памятники Северной Осетии / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М., 1963. № 114. С. 8—47.
- 178 Рунин А. П. Катакомбы Рим-горы // Советская археология. № 2. С. 198—210; Савенко С. Н. Исследование памятников близ Кисловодска // Археологические открытия 1981 г. М., 1983. С. 130—131.
- 179 Рунин А. П. Катакомбные могильники в районе Кисловодска // Советская археология. 1963. № 3. С. 241—244; Савенко С. Н. Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X—XII вв. н. э.: Автореферат канд. дис. М., 1989.
- 180 Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. С. 216—225.
- 181 Там же. С. 148—163.
- 182 Абаев В. И. Древнеосетинская Зеленчукская надпись // Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. С. 260—270; Кузнецов В. А. Новые данные о Зеленчукской надписи X в. // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе, 1968. Т. 27. С. 199 (там же см. литературу вопроса); Zgusta L. The old Ossetic Inscription from the River Zelencuk. Wien, 1987; Кузнецов В. А., Чернышова М. Д. [Рец.] Ladislav Zgusta. The old Ossetic Inscription from the River Zelencuk. Wien, 1987 // Советская археология. 1990. № 1. С. 297—300.

- 183 Абаев В. И. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // О происхождении балкарцев и карацевцев: Сб. статей. Нальчик, 1960. С. 127—134; противоположная точка зрения изложена: Хабичев М. А. К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982.
- 184 Кузнецов В. А. Аланские племена. С. 43—75; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. С. 86—104; Минаева Т. Н. К истории алан Верхнего Прикубанья.
- 185 Кузнецов В. А. Очерки истории алан. С. 241.
- 186 Багрянородный Константин. Об управлении империей. С. 302.
- 187 Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа; Минаева Т. М. К истории алан... С. 76—88.
- 188 Кузнецов В. А. Аланские племена... С. 76—88.
- 189 Там же. С. 84—88; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. С. 158—170.
- 190 Из нового списка «Географии», приписываемой Моисею Хоренскому / Пер. с древнеарм. К. Патканова // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1883. Ч. 226. С. 29—30; Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. С. 14.
- 191 Гадло А. В. Этническая общность «барсилы» // Историческая этнография: Традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. Вып. 2 / Отв. ред. Р. Ф. Итс. Л., 1983.
- 192 Кузнецов В. А. Аланские племена... С. 89—119; Багаев М. Х. Раннесредневековая материальная культура Чечено-Ингушетии: Автореферат дис. М., 1970; Умаров С. Ц. Основные черты материальной культуры позднесредневековой горной Чечни (X—XVI вв.) // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1975. Т. 3; Виноградов В. Б., Мамаев Х. Н. Указ. соч.
- 193 Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа: Сб. статей. Орджоникидзе, 1967. С. 9—21.
- 194 Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963; Умаров С. Ц. Основные черты материальной культуры...; Мамаев Х. М. Из истории связей раннесредневековой Ичкерии с Дагестаном // V Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докладов. Махачкала, 1975. С. 89—91; Виноградов В. Б., Мамаев Х. Н. Указ. соч.
- 195 Умаров С. Ц. Указ. соч.; Мамаев Х. М. Об интерпретации каменных ящиков Джераховского и Ассинского устьев // Тезисы докладов VI Крупновских чтений в Краснодаре. М., 1976. С. 36—37; Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии; Марковин В. И., Кузнецов В. А. Археологические разведки в ущельях рек Ассы и Аргуна в 1956 г. // Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея. Вып. 10. Грозный, 1961. С. 95.
- 196 Гадло А. В. Страна Ихран/Ирхан дагестанской хроники «Дербенда-наме» // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе, 1984. С. 118—138.
- 197 Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия; Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963.
- 198 Гадло А. В. Страна Ихран/Ирхан... С. 118—138.
- 199 Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв.
- 200 Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 195.
- 201 Кузнецов В. А. Аланы Северного Кавказа...; Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии...; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии...; Минаева Т. М. К истории алан...; Виноградов В. Б., Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР: Материалы к археологической карте. Грозный, 1966.
- 202 Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. С. 148—196, 197—224; Ковалевская В. Б. Северный Кавказ в X—XIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева. М., 1981. С. 224—228.

- 203 Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. С. 84—147; История народов Северного Кавказа... С. 156—171.
- 204 Ковалевская В. Б. Северный Кавказ в X—XIII вв.
- 205 Миклухо-Маклай Н. Д. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения. М.; Л., 1975. С. 199—200; Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 167, 168. Прим. 165.
- 206 Ибн Хаукаль. Книга путей и царств / Пер. с арабского Н. Караулова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. Т. 2. С. 339.
- 207 Миклухо-Маклай Н. Д. Указ. соч. С. 199.
- 208 Кузнецов В. А. Очерки истории алан. С. 253—278.
- 209 Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 1. С. 25.
- 210 Гандзагечи Киракос. История Армении / Пер. с древнеарм., предисловие и комментарий Л. А. Ханларяна. М., 1976. С. 138.
- 211 Там же. С. 156.
- 212 Ибн ал-Асир. Из «Тарих ал-Камиль» / Пер. с арабского П. К. Жузе. Баку, 1940. С. 148.
- 213 Там же. С. 145—148.
- 214 Рашид ад-дин. Указ. соч. Т. 2. С. 27—28.
- 215 Аннинский С. А. Указ. соч. С. 79.
- 216 Рашид ад-дин. Указ. соч. Т. 2. С. 39.
- 217 Иванов А. И. Указ. соч. С. 288—293. См.: Minorsky V. Caucasia III. The Alan Capital Magas and the Mongol Campaigns // Bulletin of the School of Oriental and African Studies (University of London). 1955. V. 14, pt. 2. P. 221—238.
- 218 Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 23.
- 219 Шихсаидов А. Р. О пребывании монголов в Рича и Кумух // Учен. зап. Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1958. Т. 4. С. 7—8; Лавров Л. И. Нашествие монголов на Северный Кавказ // История СССР. 1965. № 5.
- 220 Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа в арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. 1. С. 81—83.
- 221 Карпини Плано. История монголов. СПб., 1911. С. 35—36, 42.
- 222 Рубрук Гильом де. Указ. соч. С. 11, 186.
- 223 Там же. С. 66, 88—89, 95, 169.
- 224 История монголов по армянским источникам / Пер. с древнеармянского К. П. Патканова. Вып. 1. СПб., 1873. С. 41; Джанашвили М. У. Учен. зап. Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1958. Т. 4. С. 7—8; Лавров Л. И. Нашествие монголов на Северный Кавказ // История СССР. 1965. № 5.
- 225 Кузнецов В. А. Очерки истории алан. С. 262—263.
- 226 Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. (литература вопроса).
- 227 Лавров Л. И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нешей территории // Советская этнография. 1956. № 1. С. 27.
- 228 Полное собрание русских летописей. СПб., 1913. Т. 18. С. 75.
- 229 Кучкин В. А. Где искать яский город Тютяков? // Известия веро-Осетинского научно-исследовательского ин-та. Орджоникидзе, 1966. (История). С. 172.
- 230 Такую картину дают материалы картографирования археологических памятников Северного Кавказа (см.: Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии; Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа; Ковалевская В. Б. Северный Кавказ в X—XIII вв.; Виноградов В. Б. Марковин В. И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР).
- 231 Новосельцев А. П. Об исторической оценке Тимура // Вопросы истории. 1973. № 2.
- 232 Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1951. С. 363—364, 370; Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Вып. 4. / Отв. В. Б. Виноградов. Грозный, 1976. С. 103—128.
- 233 Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 119 (о Кайтаге и Кайтагах см. также с. 124, 175, 187). О походах Тимура в Дагестан см. также у Алнев Б. Г., Шихсаидова Р. С. О маршруте похода Тимура в 1306

- через Дагестан // Учен. зап. Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1970. Т. 20; Ичалов Г. Х. Борьба народов Дагестана против Тимура // Вопросы истории Дагестана: Сб. статей. Вып. 2. / Отв. ред. Р. М. Магомедов. Махачкала, 1975.
- 234 Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 121, 122, 180, 181.
- 235 Там же. С. 37. — У Рашид ад-дина упоминается «предводитель Черкессии Тукбаш» (чтение спорно). (Там же. С. 36. Прим. 1).
- 236 Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 122, 181; Джигоев М. К. Походы Тимура в Аланию // Проблемы истории СССР. 1980. № 2; Ртвеладзе Э. В. Указ. соч. С. 113.
- 237 Плетнева С. А. Половцы. С. 102.
- 238 Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 122, 181—183.
- 239 Там же. С. 122, 123, 182, 183.
- 240 Древнетюркский словарь. С. 406; Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 7, 35; ср. версию: Ртвеладзе Э. В. Указ. соч. С. 115, 116.
- 241 Гадло А. В. Страна Ихран/Ирхан... С. 128.
- 242 Лавров Л. И. Абазинцы: Историко-этнографический очерк // Кавказский этнографический сборник. Т. 1 / Отв. ред. М. О. Косвен. М., 1955. С. 9; Ртвеладзе Э. В. Указ. соч. С. 116.
- 243 Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 123, 183.
- 244 Там же. С. 122, 182; Ртвеладзе Э. В. Указ. соч. С. 114; Гадло А. В. Страна Ихран/Ирхан... С. 127.
- 245 Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 123, 183; Ртвеладзе Э. В. Указ. соч. С. 117—119; Хизриев Х. Т. 1) Походы Тимура на Северо-Западный и Центральный Кавказ // Вопросы истории Чечено-Ингушетии: Сб. статей. Грозный, 1977. Т. 11. С. 10—25; 2) Из истории борьбы народов Чечено-Ингушетии и Ставрополя против Тимура // Там же. С. 25—40.
- 246 История народов Северного Кавказа. С. 233—235.
- 247 О походах Тимура во внутренних районах Дагестана см.: Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 123, 124, 183—187.
- 248 Названный в тексте источников центр, откуда начался поход на страну Чутур/Чудур-казак, обычно отождествляют с дагестанским селением Башликент (в источниках Беш-кент). Однако, вероятнее всего, имеется в виду основной лагерь Тимура в районе Пятигорья (Беш-таг). При такой трактовке страна Чудур-казак — область горных адыгов-касогов в Прикубанье, что, на наш взгляд, лучше согласуется с содержанием приводимой в текстах информации (см.: Ртвеладзе Э. В. Указ. соч. С. 119, 120).
- 249 Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 124, 185—187; Ичалов Г. Х. Указ. соч.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на разорение и опустошение большей части территории Северного Кавказа и преднамеренное уничтожение значительной части его населения армиями Тимура, что привело к замедлению темпов экономического и социального развития региона и в конечном итоге определило его отставание от соседних регионов Ближнего Востока, от Западной Европы и России в течение XV—XIX вв., те этнические процессы, которые протекали в его пределах на протяжении исторического периода, рассмотренного в монографии, не прошли бесследно. В этот период определился в основных своих чертах его современный этнический облик и наметились наиболее существенные векторы дальнейшего этнокультурного взаимодействия на протяжении его локальных этнических групп и общностей.

К сожалению, источники, которыми в настоящее время располагает наука, и методы их использования в этноисторическом исследовании не позволяют с той степенью полноты, которой требует и научно-теоретическая, и бытовая, практическая значимость проблемы, выявить и охарактеризовать эти процессы. Сегодня наука еще идет по пути накопления и первичной систематизации фактов, их начального, предварительного осмысления. Она еще не в состоянии завершить построение целостной концепции и находится на стадии определения общих контуров и закладки фундамента. Главное на этом этапе — ясное понимание его особенностей, его познавательных задач и возможностей и, соответственно, корректное, бережливое отношение к любым попыткам расширить и обогатить как общечеловеческое достояние фонд информации, сведений о регионе и накопить опыт обобщения и осмысления этой информации. Любое объективное исследование, как построенное на локальном материале и претендующее только на решение локальных исследовательских задач, так и любое исследование, основанное на обобщении частных локальных работ и предполагающее определение общерегиональных закономерностей, имеют свою ценность и в общем контексте научного познания могут рассматриваться как движение вперед, приближение к истине.

Рассмотренный в монографии конкретный материал приводит, на наш взгляд, к установлению ряда фундаментальных выводов в отношении этнического развития изучаемого региона в течение избранного для исследования периода.

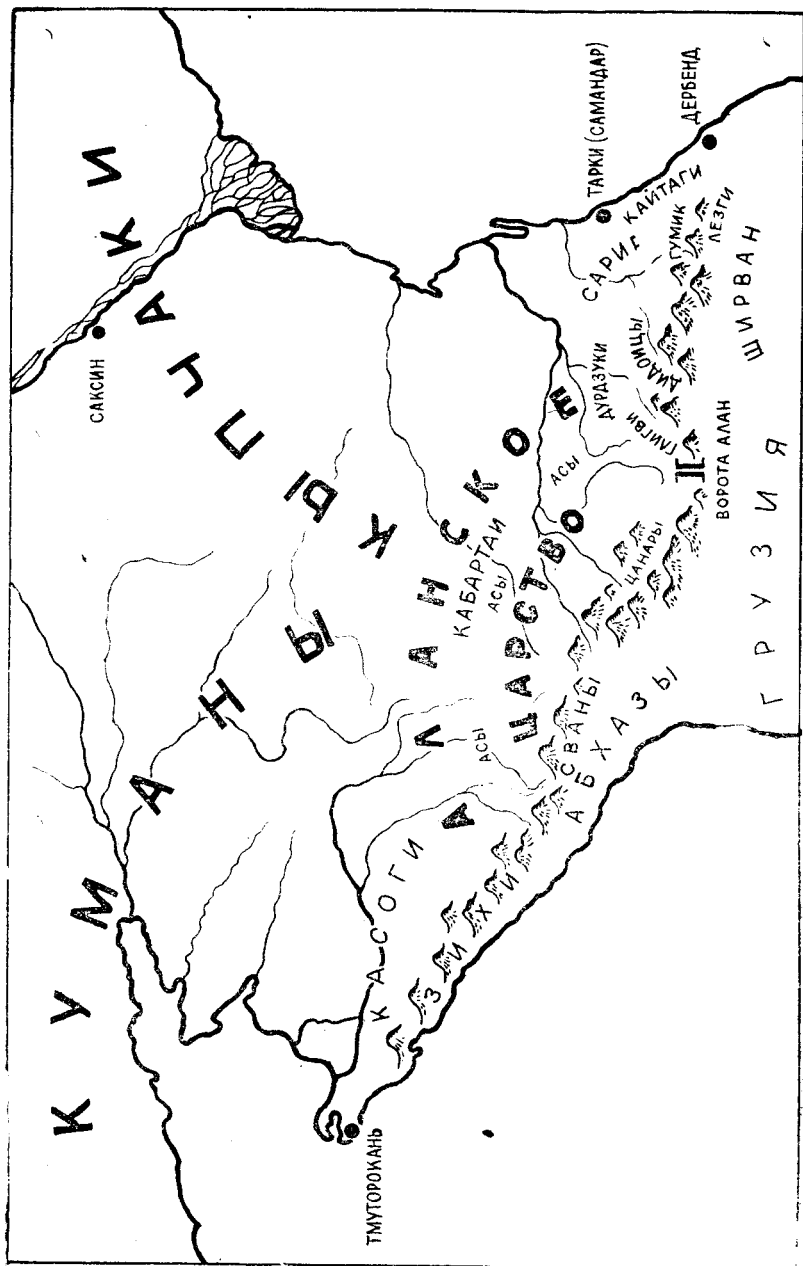
Во-первых, все значительные экономические и социально-политические факторы (насколько представляется возможным о них судить на основании имеющихся источников), выступавшие в качестве фона или причины того или иного этноисторического процесса, действовали, как правило, в пределах всего региона и с большей или меньшей степенью влияния на конкретную общность направляли этносоциальное развитие всех этнических образований, существовавших в этот период в регионе, т. е. были для них общими.

Во-вторых, несмотря на дискретность общего этноисторического процесса и неравномерность его течения в конкретных локальных условиях, это был процесс прогрессивный, поступательный, основной тенденцией которого было преобразование отдельных аморфных разрозненных этнических массивов и групп в более или менее стабильные интегрированные этносоциальные общности.

В-третьих, все более или менее стабилизировавшиеся этнические (этносоциальные) образования этого периода включали в свой состав генетически разнородные этнические группы и все этапы процесса их стабилизации проходили в условиях теснейшего взаимодействия с соседними этносоциальными образованиями или даже в составе их.

В-четвертых, все этнические процессы, протекавшие в изучаемый период в регионе, имели активный динамический характер, что было следствием его географической специфики — положение на стыке оседлых земледельческих культур, на перепутье крупнейших трансконтинентальных торговых магистралей, в сфере непосредственных экономических и социально-политических интересов ряда крупнейших государств Европы и Азии.

В течение X—XIII вв. (и этот вывод также, на наш взгляд, следует считать в современных условиях обостренным интереса к национальной истории народов Кавказа фундаментальным) не завершился процесс формирования ни одной этнической общности из населяющих в настоящее время регион. В этот период можно констатировать только движение по пути их формирования, а иногда и первичного соединения составивших их впоследствии (XV—XVII вв.) этнических элементов, и целью монографии было рассмотреть только один из этапов этого пути. Если собранные автором материалы для его характеристики, наблюдения и выводы, возникшие в результате их сопоставления, будут приняты коллегами-кавказоведами во внимание и заинтересуют любителей отечественной истории, автор будет считать свою задачу выполненной.



Карта-схема.
Горный Кавказ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ, ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

- Аас, этн. см. асы
Абазины (абаза, абазинская общность, абазинские группы, роды), этн. 23, 24, 26, 61, 185, 199
Абазины-медовеевцы, этн. 155 см. Мудави
Абазины-тамовцы (абазинское общество там), этн. 26, 155
Абаса, местн. см. Балкария
Абасги (абасгские родо-племенные группы), этн. 23, 37
Абасгия, местн. 24, 26
Абин, р. 26
Абхаз, местн. см. Абхазия
Абхазети, местн. см. Абхазия
Абхазия (Абхаз, Абхазети, Абхазское царство, Страна абхазов) 17, 18, 23, 24, 26, 34, 46, 63, 106, 113, 134, 163, 166, 168, 177, 185
Абхазская дорога 163
Абхазы (абхазские племена, абхазские родо-племенные группы), этн. 17, 18, 23, 59, 187
Авария (Авир, Аухар), местн. 14, 168, 180, 186 см. также Сарир
Аварское нагорье 16
Аварцы, этн. 13, 180 см. также сарирцы
Авир, местн. см. Авария
Авлакские племена, этн. 160
Агулы, этн. 180
Адале, этн. 89
Адиюх, арх. п. 175
Адлер, г. 185
Адрианополь, г. 118
Адыги (адыгская общность, адыгские группы, адыгские общности и территориальные объединения, адыгские племена, адыгский массив, адыгское население, адыгейские племена, адыгейцы), этн. 18, 22—27, 34—37, 51, 54, 57, 60, 61, 63, 72—76, 80, 85—94, 103—106, 116, 117, 120, 124, 125, 129, 130, 136, 149—157, 163, 169, 171, 177, 179—181, 183, 184, 186, 187, 191—193, 199
Адыги-жанэ (жанеевцы, саниги), этн. 61, 123

Адыго-абазинские общности, *этно.* 26
 Адыгейцы (адыгейский народ, адыгейские племена), *этно.* см. адыги
 Ажитугай, *местн.* 188
 Азербайджан 11, 104, 163, 178
 Азербайджанцы, *этно.* 147
 Азия 176, 198, 201
 Азов, *г.* 115, 183
 Азово-Каспийское междуморье 28, 34, 71, 153
 Азовское море (Азов) 27, 54, 142, 183
 Азовское побережье (побережье Азова) 44, 117, 121, 148, 149
 Азур, *местн. этно.* 13
 Ак-кала, *арх. п.* см. Калез, Хумаринское городище
 Акташ, *р.* 147
 Акуша (Ушкуджа), *местн.* 186
 Акуша-Дарго, *местн.* 95
 Алания (Аланское государство, Аланское царство, Страна алан, ал-Л
 Алань-Ас) 3, 14, 17—22, 47—54, 56, 59, 68, 71, 73, 76, 77, 84, 95, 96, 1
 104—106, 122, 124, 130, 134, 144, 146, 153—155, 157—159, 161—168, 1
 172—180, 184—189, 194—199, см. также Овсети, Страна овсов
 Алания Восточная 49, 50, 161, 162, 174, 184
 Алания Западная 49, 50, 161, 162, 167, 170, 171 см. также Страна а
 Аланский Сарир (Сарир ал-Алан), *местн.* 95 см. также Сарир
 Аланы (алано-овская общность, алано-овские группы, аланская общно
 аланские группы, аланское объединение, аланы/овсы, аланы/оссы, ала
 ясы, «алланы», ясы-аланы) 11, 13, 14, 16, 17—22, 25—27, 35, 44, 47—57,
 67—78, 90, 93—95, 104, 105, 113, 121—124, 130, 134, 144—147, 154,
 157—175, 178—181, 189—198
 Аликоновка, *р.* 159
 Алма-Ата, *г.* 188
 Алтайцы, *этно.* 188
 Алтайцы Южные, *этно.* 139
 Алхан-кала, *арх. п.* 173
 Алхасте (Фельдмаршальская), *арх. п.* 48
 Анакопия, *г.* 106 см. также Новый Афон
 Анапа, *г.* 141
 Анджоглы (оглы), *этно.* 140
 Андрейаульское городище, *арх. п.* 64
 Аорсы, *этно.* 69
 Апсилия, *местн.* 37
 Апислы, *этно.* 37
 Апуштинский могильник, *арх. п.* 63
 Арабский Восток 17
 Арабы, *этно.* 16, 17, 26, 30, 35, 42, 50, 95
 Аргун, *р.* 46, 47, 49, 168, 173, 174, 197
 Ардон, *р.* 48, 49, 177
 Ар-ку, *местн. этно.* 13
 Армавир, *г.* 144
 Армения 10, 122, 198
 Армяне (хаи) *этно.* 155
 Арран 94, 95, 100, 105, 122, 123, 134, 163, 178, 179
 Архон, *р.* 48
 Асия (Страна асов) 21, 22, 160, 161, 184
 Асы (ас/овс, аас, асов народ, аские группы, асов племя, асы/аси,
 асиаг, асы/овсы, асы/ясы, Страна асов), *этно.* 21, 22, 51, 69, 73, 160, 161,
 171—173, 180, 184, 194
 Аскала, *г.* 25
 Асса, *р.* 167, 168, 197
 Ассинское ущелье 47, 67, 69, 197
 Ауапс, *этно.* 19 см. асы, овсы, ясы

Аухар, *местн.* 186 см. также Авария
 Афиоп, *р.* 26
 Аф-кан, *местн.* 13, 17 см. также Абхазия
 Аше, *этно.* 23
 Ашхабад, *г.* 129
 Баб ал-абваб (ал-Баб), *г.* см. Дербенд
 Багдад, *г.* 11
 Багъ (баговцы), *этно.* 26
 Ал-Байда, *г.* 29
 Баксан, *р.* 45, 46, 48, 149, 154, 175, 177
 Баксан, *сел.* 176
 Баксанская электростанция, *местн.* 67
 Баксанское ущелье 69
 Баку (Бакуйя), *г.* 55, 59, 60, 94, 122, 130, 137
 Баланджар, *г.* 29
 Балкан, *местн.* 185
 Балканы 111, 120
 Балкария (Абаса, Баснани) 46, 49, 154, 159, 169, 174, 176, 184, 185, 194,
 196, 197
 Балкарское ущелье 173
 Балкарцы (балкарская общность), *этно.* 60, 61, 130, 136, 147, 159, 160,
 188, 189, 191, 192, 194, 197
 Балта, *арх. п.* 48, 68
 Балх, *местн.* 185
 Бараний бугор, *арх. п.* 41
 Баргусант (Рим-гора), *г., арх. п.* 169, 176
 Барсилы (баслы), *этно.* 42, 173, 197
 Баснани, *местн.* см. Абаса, Балкария
 Башкиры (башкирд), *этно.* 139, 160
 Башликент, *сел.* 199
 Б-г-да, *местн. этно.* 13
 Бейни, *арх. п.* 47
 Белая, *р.* 49
 Белая Вежа, *г. арх. п.* 5, 63, 65, 67, 69, 101, 121, 133 см. также Саркел
 Белая Кумания, *местн.* 140
 Беловежцы, *этно.* 121, 148
 Белые хазары, *этно.* см. хазары белые
 Бердаа, *г.* 55
 Берестье (Брест), *г.* 82, 129
 Беш-кент, *местн.* 186, 199
 Беш-таг, *местн.* 185 см. также Пятигорье
 Бештаугорское поселение (Козьи скалы), *арх. п.* 44, 159, 193
 Бжедуги, *этно.* 26, 61
 Бжедуги-хамышевы (бжедуги хамыш), *этно.* 26, 76 см. также Камыш
 Бзыбь, *р.* 23
 Ближний Восток 31, 54, 55, 81, 170, 177, 200
 Болгар, *г.* см. Булгар
 Болгария, *страна* (Дунайская) 56, 79, 84, 135, 136, 188 (то же България)
 Болгары, *этно.* 27, 64, 65, 80 (дунайские)
 Большая Лаба, *р.* 48, 167, 195
 Большая Хазарети 34 см. также Великая Хазария, Хазария
 Большой Зеленчук, *р.* 48, 158, 166, 170, 171, 176
 Большой Кавказ (Кабх-гора, Кавказские горы, Кавказский хребет) 10,
 11, 13, 15—17, 23—25, 30, 34—36, 57, 84, 157, 160, 161, 163, 184
 Боспор (Керчь, Корчев), *г.* 72, 101, 103, 114, 116, 134, 135
 Буг, *р.* 191
 Бугаз-Кум, *местн.* 186

Булгар (Болгар, Булиар), *г.* 28, 55, 62, 160, 162, 183 см. также Булгарская

Булгария Волжская 55

Булгары (болгары, булгаро-хазарские группы, булгаро-хазарская группа, булгарские группы, булгарские роды, булгарские родо-племенные группы), *этно.* 27, 34, 42, 47, 50, 51, 54, 55, 71, 158, 159, 160, 193 (этнолингвистическое, диалектное, подразделение тюркоязычных кочевников VI—X вв. в восточноевропейских степях)

Булгары, *этно.* 31, 118, 160 (волжские)

Бурджоглы, *этно.* 140 см. также бурчеевичи

Бурлы (эльбурли, олбурлик), *этно.* 140, 141, 147

Буртасы, *этно.* 55, 69, 71

Бурчеевичи (племя), *этно.* 142, 184

Былым, *арх. п.* 49, 69

Вайнахи (вайнахские группы, вайнахская общность, вайнахские общности), *этно.* 16, 77, 174, 187

Валахи, *этно.* 160

Варяги (варанги), *этно.* 55, 56, 105, 125, 133

Варяго-русы, *этно.* 113

Варяжский путь 56

В-д-шан/В-р-шан, *р.* 29

Великая Венгрия, *местн.* 165

Великая Хазария (Большая Хазарети) 34

Венгры, *этно.* 53, 191

Венеция, *г.* 128

Верхнее Прикубанье, *местн.* 45, 49, 68, 69, 70, 161, 170, 173, 194, 195

Верхнечирюртовский могильник, *арх. п.* 51

Верхнечирюртовский могильник №2, *арх. п.* 189

Верхнечирюртовское городище, *арх. п.* 60

Верхний Алкун, *арх. п.* 48

Верхний Архыз, *арх. п.* 176

Верхний Баксан, *р.* 158

Верхний Джулат, *г.* *арх. п.* 158, 169, 175, 176, 181 см. также Джулат

Дедаков

Верхний Дон, *р.* 22, 35, 47, 50

Верхний Ларс, *арх. п.* 48

Верхняя Кубань, *р.* 20, 46, 48, 49, 173, 176, 191

Верховье Остра, *местн.* 121

Византийцы (византийские греки, ромеи), *этно.* 116, 125

Византия (Византийская империя, Рум) 17, 20, 21, 31, 57, 71, 80, 84, 91, 94, 100, 103, 104—107, 111—114, 117, 118, 120, 126, 134, 136, 148, 162, 170, 180

Владикавказ (Орджоникидзе), *г.* 59, 60, 63, 67—69, 130, 134, 189—195

Владимир Волинский, *г.* 98, 100, 108, 114

Воздвиженское, *сел.* 141

Воинь, *г.* 110

Волга, *р.* 24, 28, 30, 41, 54—56, 59, 65, 71, 111, 114, 115, 118, 143, 186

Волго-Донской путь (канал) 55, 72, 106

Волго-Донье 70

Волжская Булгария см. Булгария Волжская

Волжская дельта 42

Волянь 100, 108, 109, 111, 112, 114

Восток 18, 56, 58, 70, 72, 76, 114, 125, 126, 177, 183

Восточная Адыгея 175

Восточная Грузия 77

Восточная Европа 3, 7, 58, 61, 70

Восточная Осетия 68

Восточная Чечня 144, 186

Восточноевропейский Юго-Восток 102

Восточноевропейская степь (степи) 18, 63, 69, 139

Восточное Закавказье 95, 178

Восточное Закубанье 192

Восточное Предкавказье 39, 40, 63, 64, 65, 67, 193

Восточное Приазовье 142

Восточное Причерноморье 37

Восточнокрымская степь 63

Восточный Дагестан 183

Восточный Кавказ 12, 95

Восточный Крым 43, 44, 102, 103

Восточный Маныч, *р.* 29

Вышгород, *г.* 108

Вятичи, *этно.* 56, 57, 71, 73

Галиат (Галиатский могильник), *арх. п.* 48, 68

Гамовское городище, *арх. п.* 167, 175

Гарм (Гарма долина) *р.* 16 см. Терек

Гатлукаевское 2-е городище, *арх. п.* 44

Г-бул, *этно.* (черные булгары?) 27

Гельбакъ (Кюльбах), *местн.* 20

Генуэзцы, *этно.* 79, 121, 123, 124

Герменчик, *арх. п.* 176

Героевка, *арх. п.* 38, 64

Гизельдон, *р.* 48, 49

Гилян, *местн.* 55, 81

Гиляч, *арх. п.* 175

Гирканское море 13 см. Каспийское море

Глигви, *этно.* 16, 77

Гой, *р.* 67

Горган (Джурджан), *местн.* 12, 28, 29, 31, 55, 61

Горные племена Дагестана, *этно.* 11

Горный Дагестан 12, 14, 94, 127, 173, 186, 187

Городец, *г.* 92

Готия 124

Гоуст, *арх. п.* 47

Грозный, *г.* 59, 63, 65, 67, 68, 69, 147, 196—199

Грузины (грузинский народ), *этно.* 34, 105, 147, 163, 197

Грузия (Грузинское царство, Картли) 10, 58, 59, 63, 77, 104, 113, 122—124, 133, 134, 138, 145—147, 149, 154, 155, 162—168, 174, 178, 182, 194, 196

Гузы (огузы), *этно.* 51, 53, 71, 139, 149, 153, 159

Гумик (Кумух, Казикумух, лакцы, «комуки»), *местн. этно.* 18, 41, 180, 186

Гунделен, *арх. п.* 49, 176

Гунны, *этно.* 10, 140

Гурз море см. Каспийское море

Гъазар-гъала (Къазар-къала), *местн. арх. п.* см. Казар-кала

Гюльгерычай, *р.* 147

Гянджа (Ганджа), *г.* 95, 105, 147, 155, 164

Дагестан 9, 11, 12, 13—16, 20, 35, 39, 40, 47, 54, 58—60, 63—65, 67, 96, 122, 123, 127, 130, 132, 137, 142, 144, 147, 149, 154, 163, 168

Дагестанцы, *этно.* 174, 180

Дарго (даргинцы, даргинская группа), *местн. этно.* 183, 186

Дарьял (Дарьяльский проход, Дарьяльское ущелье, Железные Ворота, Врата Железные) 11, 21, 48, 49, 77, 95, 146, 163, 176, 181, 185

Датых, *арх. п.* 48

Двалы (туалы), *этно.* 17

Демяков (Джулат, Верхний Джулат, Ирак-Дадан, Тютяков), *г.* 171, 182
 Дербенд (Дербент, Баб ал-абваб, ал-Баб, Железные Ворота), *г.* 11, 155, 58, 78, 79, 81, 94—96, 122, 123, 126—131, 137, 143, 144, 147, 160, 176—180, 186, 189
 Дербенд Кыпчакский, *г.* 143, см. также Дербенд
 Дербенд Хазарский, *г.* 143, см. также Дербенд
 Дербенд Ширванский (Дербенд-Ширван), *г.* 147, 179
 Дербендские кыпчаки, *этно.* 144, 183
 Дербендские хазары, *этно.* 122
 Дербендский проход, *местн.* 183
 Дербендский путь см. Хазарский путь
 Дербендский эмират 122
 Дербендское дефиле, *местн.* 144
 Дербендское княжество 137
 Дербендцы, *этно.* 11, 12, 122, 127, 163
 Десна, *р.* 121
 Дешт-и Кыпчак, *местн.* 143
 Дешт-и Хазар, *местн.* 143, 160
 Джераховское ущелье 47, 197
 Джидан см. Кайтаг, Самандар
 Джикети см. Зихия
 Джубга, *р.* 26
 Джузнан (джерсан), *этно.* 140
 Джурджан см. Горган
 Джурджанское море см. Каспийское море
 Джулат, *г.* см. Демяков
 Дзивгивс (Дзивгивский храм), *сел. арх. п.* 167
 Дигория, *местн.* 174, 185
 Дигорцы (дыгорн), *этно.*
 Дидо (Дидозети), *местн.* 16, 35, 174
 Дидойцы (дуданиты), *этно.* 16, 174
 Дикое поле, *местн.* 99
 Дманиси, *г.* 11
 Дмитровский могильник, *арх. п.* 50, 69
 Днепр, *р.* 92, 111, 114
 Днепровский путь 101
 Днепровское устье 105
 Днестр, *р.* 191
 Дон, *р.* 22, 27, 28, 46, 50, 51, 53—57, 63—65, 69, 73, 101, 111, 118, 121, 133, 135, 140, 148, 153, 177, 183, 190
 Донец, *р.* 50, 69, 140 см. также Северский Донец
 Донское низовье, *местн.* 121
 Донской путь (Хазарский путь) 56, 57
 Дордонский могильник, *арх. п.* 172
 Дорогобуж, *г.* 114
 Древлянская земля 77
 Древняя Русь (Древнерусское государство) 130—137, 190
 Дуба-юрт, *арх. п.* 47
 Дунай, *р.* 111, 148
 Дурдзукети (Дзурдзукети), *местн.* 16, 174
 Дурдзуки (Дзурдзуки, дурцы), *этно.* 16, 77, 174
 Дурут, *этно.* 140
 Д-хсас/р-хсас, *этно.* 19
 Дюрсо, *р. арх. п.* 25, 51, 61
 Евразийские степи 30, 188
 Евразия 63, 193, 197
 Евреи (еврейские общины), *этно.* 8 см. также иудеи
 Европа 57, 125, 139, 176, 198, 201

Егорлык, *р.* 96, 142
 Елец, *г.* 183
 Ея, *р.* 42

Жанэ, жанеевцы (саниги), *этно. см. адыги-жанэ*
 Жанхотекское поселение, *арх. п.* 159
 Железноводск, *г.* 45
 Железные Ворота см. Дарьял
 Железные Ворота см. Дербенд

Заволочье, *местн.* 111
 Задонские степи 148
 Задонье 142
 Закавказье 11, 16, 21, 29, 31, 37, 92, 94, 95, 105, 120, 122, 139, 143, 145, 147, 149, 154, 155, 163, 164, 170, 178, 179
 Закаспий 120, 139
 Закубанье 76, 155
 Запад 35
 Западная Грузия 18, 84
 Западная Европа 112, 200
 Западный Дагестан 46
 Западный Кавказ 171
 Западное Предкавказье 27, 53, 54, 183
 Западное Приэльбрусье 45
 Заплавская станица, *арх. п.* 64
 Запорожская Сечь 126
 Заюково, *сел.* 176
 Зеленчуки (см. Большой Зеленчук, *р.* и Малый Зеленчук, *р.*) 175
 Зеленчукская надпись, *арх. п.* 196
 Зерихгеран (Зерих и Калан), *местн. этно.* 123, 186 см. также Кубачи
 Зибус, *этно.* 25, 72 см. также зихи
 Зимний берег, *местн.* 132
 Зихи, *этно.* 25, 26, 27, 53, 125 см. также Zichoi
 Зихия (Сихия, Зикия, черкисы), *местн.* 25, 26, 53, 74, 78, 102, 103, 116, 117, 124, 175, 181, см. также Zichia
 Зливкинский могильник, *арх. п.* 41
 Змейский могильник, *арх. п.* 158, 162, 173, 193, 196
 Змейское селище, *арх. п.* 193
 Золотая Орда (Орда) 146, 182, 183, 184, 185, 189, 198
 Зруг (Зругский храм), *сел. арх. п.* 167
 Зуних, *местн. этно.* 13

Иерусалим, *г.* 113
 Иета (сета), *этно.* 140
 Икон-Халк, *сел. арх. п.* 141
 Ильичевское городище, *арх. п.* 195
 Инал-к'уба (святилище), *местн.* 23
 Ингуши, *этно.* 59
 Ингушетия 13, 16, 20, 35, 59, 69, 130, 154, 168, 173—175, 186, 192, 196, 197
 Индыш-Баши, *арх. п.* 171
 Ир/Иристон, *местн.* 174 см. также Осетия
 Ир/иرون (иرونцы, иронская общность), *этно.* 20, 174, 184 см. также осетины
 Ирак-Дадан см. Демяков
 Иран 15, 126
 Иранцы, *этно.* жители Ирана, 16
 Иранцы (ираноязычное население, ираноязычные племена, группы), *этно.* 171—173, 187
 Ирганай, *сел.* 46
 Иркувун, *местн. этно.* 184

Испания 8, 14
 Истинные хазары (чистые хазары), *этно.* см. хазары истинные, хазары
 Итиль, *г. местн.* 8, 9, 12, 20, 28, 29, 31—33, 52, 55, 56, 62, 65, 71, 76
 Итиль, *р.* 52, см. также Волга
 Иудеи (иудеи хазарские, иудейские общины, иудейская община), *этно.*
 9, 17, 58, 80, 191
 Ихран/Ирхан, *местн.* 20, 21, 60, 174, 185, 197, 199
 Ичкерия, *местн.* 47, 67, 186, 197
 Кабанка, *местн.* 45
 Кабарда, *местн.* 44, 75, 151, 152, 157, 175, 176, 191
 Кабардино-Балкария 66, 67, 68, 69, 188, 193, 197, 198
 Кабардино-Балкарская АССР 193
 Кабардинская АССР 67, 69
 Кабардинцы (кабартан, кабардинский народ, кабардинская общность
этно. 130, 149, 151—153, 157, 191, 192, 198
 Кабары (кавары/киабар), *этно.* 28, 191, 192, см. также княл, *этно.* 27,
 Кавары см. кабары
 Кавказ, *страна* 3, 7, 9, 10, 11, 13, 15—19, 22, 26, 30, 36, 51, 54, 57, 58
 63, 67, 68, 70, 84, 86, 92—97, 100, 105, 106, 111, 117, 120, 121, 124, 129—132,
 138, 143, 146, 153, 160—162, 164, 178—180, 182, 185, 186, 188—194—199,
 201
 Кавказоязычные общности (группы), *этно.* 170
 Кавказские горы, *этно.* 190, 192
 Кавказские минеральные воды, *местн.* 66
 Казазово, *сел. арх. п.* 44, 66
 Казазовский могильник, *арх. п.* 66
 Казар-кала (Гъазар-гъала, Къазар-къала), *местн. арх. п.* 39, 40, 43,
 158
 Казахи, *этно.* 139
 Казахстан 188
 Казачий Ерик, *р. арх. п.* 101, 115
 Казенный бугор, *арх. п.* 41
 Казикумух, *сел. этно.* см. Гумик, Кумух
 Каир, *г.* 9
 Кайтаг (Хайтаг, Хайдан, Джидан, Самандар), *местн.* 10, 13, 54, 58, 186,
 198
 Кайтаги (кайтаки, кайтагцы), *этно.* 180, 183, 198
 Калала, *р.* 43
 Калаус, *р.* 142
 Калач, *сел.* 54
 Калез см. Хумаринское городище, *арх. п.*
 Калка, *р.* 148, 178
 Калмыки (калмыцкие племена, калмыцкие родо-племенные подразде-
 ления), *этно.* 153
 Калмыкия 65, 188
 Калмыцкие степи 142, 153
 Камунта, *арх. п.* 48
 Камыш, *этно.* 26 см. также бжедуги-хамышевы
 Кангуоглы (кангароглы), *этно.* 140
 Капчигай, *сел.* 185
 Карабароглы (калабаалы), *этно.* 140
 Карабиркли (кадабиркли), *этно.* 140
 Карах, *сел. местн.* 94, 96, 163
 Кара-хазар, *этно.* см. хазары черные
 Карачаево-Черкесия 65—69, 170, 189, 191, 193, 194, 197
 Карачаевск, *г.* 46
 Карачаевцы, *этно.* 60, 61, 130, 136, 147, 188—192, 194, 197
 Карачай, *местн.* 154, 159, 169, 172, 194, 196, 197
 Картли (см. Грузия), *местн.* 58, 133, 138, 167, 194

Касак, *г.* 53
 Касахия (Каса, Страна касогов, Страна Кашак, К-ш-к, «Касоги»), *местн.*
 18, 22, 25, 26, 27, 53, 103, 151, 175, 177
 Касоги (к-ш-к/кашак, касожские/адыгские племена, касожские/адыгские
 родо-племенные группы, объединения), *этно.* 22, 26, 27, 53, 73, 82, 83, 85, 87,
 89, 91, 92, 93, 99, 103—106, 123—125, 129, 151, 186, 199
 Касоги (Страна адыгов) 124 см. также Касахия
 Касожичи, *местн. этно.* 93
 Касожское (Тматороканское) объединение 104, 105
 Каспий (Каспийское море) 12, 28, 29, 54, 55, 70, 81, 122, 136, 137, 139, 183
 Каспийское побережье 12
 Касумкент, *сел.* 147
 Катян (канун), *этно.* 140
 Кафа (Феодосия), *г.* 113, 177
 Кахетия (Кахети), *местн.* 77, 84, 95, 163, 174
 Кахи, *этно.* 76, 194
 Кахтан, *местн. этно.* 10, 71
 Кемгуй (кемиргоевцы, темиргоевцы), *этно.* 151
 Керченский полуостров 27
 Керченский пролив (Киммерийский Боспор) 28, 33, 38, 53, 54, 57, 64,
 103, 105, 112, 121, 135, 136
 Керчь (Корчев), *г. см.* Боспор
 Киев, *г.* 56, 59, 73, 77, 80—85, 92—94, 99, 103, 105, 108—110, 112, 114,
 117—119, 126, 131, 133, 136, 191, 192
 Киевское государство (Киевская Русь) 131, 132
 Киммерийский Боспор см. Керченский пролив
 Киньча (Кыпчак), *этно. местн.* 162
 Кирару-с-р, *местн. этно.* 13
 Киргизы, *этно.* 139
 Кисловодск, *г.* 45, 66, 68, 169, 193, 196
 Кисловодская котловина 69, 158
 Кистети, *местн.* 174
 Кисти («кусты»), *этно.* 16, 174
 Княл, *этно.* см. кабары
 Клухорский перевал 46, 174
 Кобань, *арх. п.* 48
 Козары, *этно.* 78, 79—81, 85, 86, 93, 111—113, 116, 126, 191 см. также
 хазары тматороканские
 Козаричи, *местн. этно.* 93
 Козьи скалы см. Бештаугорское поселение, *арх. п.*
 Колокша, *р.* 136
 Колосовка, *арх. п.* 139
 Кольцо-гора, *арх. п.* 169
 Комуки, *этно.* см. Гумик, Кумух
 Константиновская б. колония, *арх. п.* 141
 Константинополь (Кустантиния, Царьград), *г.* 39, 71, 76, 79, 80, 82, 84,
 91, 100, 105, 111—115, 117, 118, 120, 124, 128, 134, 160, 165, 167
 Кордова, *г.* 8, 54
 Корсунь (Херсон, Херсонес), *г.* 80, 85, 86, 101, 103, 114
 Корсуньская страна см. Крым
 Корсуняне, *этно.* 103, 107, 113, 118, 119
 Корчев, *г. см.* Боспор, Керчь
 Краснодар, *г.* 64, 66, 67, 131, 188, 192, 197
 Краснодарский край 66, 142, 170, 195
 Краснодарское водохранилище 44, 66
 Кривая, *р.* 163, 171
 Крым (Корсуньская страна, Таврика) 9, 20, 35, 43, 66, 71, 72, 79, 80, 84,
 85, 102, 103, 107, 111, 156, 162, 177, 183, 193
 Крымское побережье 113, 114
 Ксанское ущелье 16

Кубан, этн. 139 см. куманы
Кубанская дельта 23, 73, 89
Кубанская область 196
Кубанские плавни 23, 142
Кубань, р. 22, 24, 25, 27, 28, 32, 38, 41—44, 46, 49, 51, 64, 66, 73, 76, 87, 104, 123, 141, 150, 151, 159, 163, 166, 168, 172, 173, 175, 183, 184, 185, 194
Кубачи, сел. 186 см. также Зерихгеран
Кубина, сел. 141
Кува, р. 154
Куго-Ея, р. 42
Кугульские склепы, арх. п. 68
Ку-кижи, этн. 139 см. также кумандинцы
Кума, р. 141, 142, 145, 181, 186
Кумандинцы, этн. 139 см. также ку-кижи
Куманская (Куманьская) земля 139
Куманы (куманы/половцы, куманские группы, кумано-кыпчакские группы, кумано-кыпчакские племена), этн. 139, 140, 142, 143, 145, 149, 153, 179, 188
Кумыки, этн. 65
Кумух, сел. местн. 41, 147, 148, 180, 183, 198 см. также Гумик, комуки, лакцы
Кустантиния см. Константинополь
Кура, р. в Закавказье, 122
Кура, р. на Северном Кавказе, 42
Курджи, этн. 179 см. также грузины
Кутун, этн. 13
Кызбурунское I городище, арх. п. 176
Кыпчаки (кипчаки, кивчаки, кыпчакские роды, кыпчакские племена, кыпчакские подразделения, кыпчакский массив, кыпчакские группы), этн. 123, 138—149, 153, 155, 156, 160, 162, 164, 178, 179, 187—190
Кыпчаки дербендские см. дербендские кыпчаки
Кыпчакия (Кыпчак, Дешт-и Кыпчак, Киньча), местн. 123, 143, 146, 162
Кырк-Иер, сел. 162 см. также Чуфут-Кале
Кюльбах см. Гельбакъ
Кюрах, сел. 180
Къэбэрдей/Къэбэртай см. кабардинцы
Кяфар, р. 171
Кяфарское городище, арх. п. 163, 175
Кях, местн. 151
Лаба, р. 151, 175
Ладожская станица 141
Лазы, этн. 167
Лакзы (лезги), этн. 127, 147, 178, 179, 181
Лаки (леки), этн. 144
Лакцы, этн. 180, 186 см. также Гумик, Кумух, комуки
Ларс, арх. п. 48
Лац, арх. п. 69
Левобережная Украина 132, 137
Лежни, арх. п. 48
Лезги см. лакзы
Лезгины, этн. 144, 147, 179, 180
Лекети, местн. 16 см. также Дагестан
Ленинохабль, арх. п. 44
Лемберен, сел. 122
Листвен, г. 86
Лондон, г. 126
Лукоморье, местн. 121
Лыгыз, арх. п. 175

Ляхи см. Польша
Магате, арх. п. 174
Маджары, г. 181
Мадьяры, этн. 191 см. также венгры
Мазандаран, местн. 55
Майкоп, г. 61, 195
Малая Азия 87, 120
Малая Кабарда 20
Малая Хазарети 39 см. также Хазария
Малка, р. 34, 36, 43, 45, 47, 48, 138, 149, 151, 154, 172, 173, 175, 177, 185
Малоазийское побережье 124
Малый Зеленчук, р. 48, 141, 150
Ма'миз, местн. 46
Маныч, р. 96, 142, 173
Мартан, р. 67
Мартан-Чу, арх. п. 169, 173
Матарха (Матрика, Матраха), г. см. Тмуторокань
Махачкала, г. 7, 9, 58, 60, 63, 64, 65, 67, 68, 137, 186, 188, 193, 196—199
Машук, сел. 44
Маяцкое городище, арх. п. 50, 65, 67
«Мебельная фабрика № 1», арх. п. 158, 169
Медовые водопады, арх. п. 45, 159
Междуморье 54
Мекес (Мегет/Магас, М-К-С, Ме-цио-сы, Макас), г. местн. 160, 179, 180
Мзымта, р. 26
Миатлинский могильник, арх. п. 189
Мокрая Балка, арх. п. 66
Мокрая Буйвола, р. 181
Монголы (монголо-татары, монгалы), этн. 64, 124, 144, 146—148, 160, 162, 164, 167, 178—181, 189, 190, 194, 198
Монгольская держава (Монголо-татарская империя) 140, 146, 182
Мордва (мордовские племена), этн. 55, 69
Москва, г. 22, 126, 150, 191
Мудави, этн. см. абазинны-медовеевцы
Муром, г. (Муромская земля) 92, 98, 101, 118, 119, 136
Мускурская страна (Маскат), местн. 122
Нагорный Дагестан 60, 196, 197
Нальчик, г. 60, 61, 66—69, 130, 136, 176, 189, 191—194, 197
Нарин-кала, цитадель Дербенда, 127
Натальевка, сел. арх. п. 38
Нахские племена, этн. 67 см. также вайнахи
Нежати́на Нива, местн. 110
Нечепсухо, р. местн. 25, 26 см. также Никопсис, р. г.
Нижнеархызское городище, арх. п. 158, 170, 193
Нижнее Поволжье 78
Нижнее Подонье 102, 142
Нижнее Прикубанье 37, 169
Нижний Архыз, сел. арх. п. 134, 166, 175, 176, 194
Нижний Джулат, арх. п. 175
Нижний Дон, р. местн. 27, 28, 40, 64, 78, 122, 161
Нижняя Волга, р. местн. 76, 122, 161
Низовья Волги 28
Низовья Кубани 38, 40, 57, 75, 87, 123
Низовья Сулака 71
Низовья Терека 71
Никопсис (Никопсия), г. 25, 26, 72 см. также Нечепсухо, р. местн.
Нитас, море см. Понт, Черное море
Новгород, г. 77, 92, 98—101, 107, 126, 128, 130, 131, 133

Новгород-Северское княжество 119
 Новгородская земля 99
 Новокули, *сел.* 66
 Новороссийск, *г.* 144, 188
 Новороссийский край 195
 Новый Афон, *г.* 106 см. также Анакопия
 Ногайцы, *этно.* 139
 Норманны, *этно.* 55, 81 см. также варяги
 Нузал, *сел. арх. п.* 194, 195

Обезы, *этно.* 61, 121 см. также абазины, абхазы
 Обезы, *этно. местн.* (страна) 124, 149 см. также грузины, Грузия
 Область (владение) Кулы и Тауса, *местн.* 184
 Овсети (Осети, Страна овсов), *местн.* 149, 155, 157, 160, 161, 164, 165, 168, 174, 181
 Овсети племена, *этно.* 188
 Овсети река, верхний приток Терека Малка и как ее продолжение Терек в среднем течении (Малка — Терек), *р.* 34, 138, 139
 Овсы (овси, овсы-аланы, овсы/ауапс, овсы-иранцы, опсы, оссы, овсские), *этно.* 19, 21, 23, 25, 90, 93, 157, 160, 161, 163, 164, 173 см. также аланы, асы, осетины, ясы
 Одесса, *г.* 194, 195
 Огузы (огузо-печенежские племена, огузо-язычные племена), *этно.* 24, 28, 72, 129, 139, 140, 153 см. также гузы
 Ока, *р.* 118, 119
 Олбурлик, *этно.* 141, 147 см. также бурлы (эльбурлы)
 Олешье, *г.* 114
 Оногуро-булгарские племена (Оногуро-булгарская конфедерация), *этно.* 27, 37, 42, 47
 Орда (Золотая Орда) 180, 181, 182
 Орджоникидзе, *г.* см. Владикавказ
 Осетины (осетины-иронцы, осетины-дигорцы, осетинский народ, осетинская общность), *этно.* 59, 70, 159, 162, 165, 166, 174, 195, 197 см. также аланы, асы, овсы, ясы
 Осетия 69, 154, 173, 174, 194, 195 см. также Овсети
 Остер, *р.* 121
 Остерский городок, *г.* 121 см. Тматорокань
 Острая, *гора местн.* 45

Паги, *сел. местн.* 26 см. Пагун
 Памет, *арх. п.* 48
 Папагия, *местн.* 25, 26
 Пашковский могильник № 1, *арх. п.* 44
 Пенза, *г.* 70
 Первомайское городище, *арх. п.* 167, 195
 Перволока, *местн.* 121, 122
 Перемышль, *г.* 111, 112
 Переяславль, *г.* 109, 110, 118, 133
 Переяславское княжество 110
 Печенеги (пачанаки, печенежские группы, печенежские роды и колена, печенежские роды и племена, печенежско-огузские племена, печенежско-торческие группы), *этно.* 22, 28, 51, 52, 57, 71, 72, 88, 114, 129, 139, 140, 148, 149, 153, 159, 168, 188, 190, 192
 Печенегия (Пачаникети, Пайнил) 21, 138
 Печора, *р.* 132
 Плиска, *г.* 66, 193
 Поволжские степи 153
 Поволжье 57, 61, 102, 105, 120, 126, 131, 183
 Подкумок, *арх. п.* 159

Подкумок, *р.* 45, 48, 155, 158, 168, 169, 175
 Подлужское, *сел.* 141
 Поднепровская Русь 85
 Поднепровское Левобережье 106
 Поднепровье 91—94, 106, 107, 113, 114
 Подонье 20, 35, 41, 43, 44, 47, 51, 55, 69, 92, 93, 96, 106, 118, 121, 131, 142, 146, 148, 149, 160
 Подунавье 191
 Половецкая земля 118, 139, 156 см. также Куманская земля
 Половецкая степь 188
 Половцы (половцы/куманы, половецко-кыпчакские группы, половецкий массив, половецкие объединения), *этно.* 96, 99, 106, 109—111, 114, 118, 119, 129, 135, 138—140, 143, 146, 148, 149, 153, 155, 156, 188, 190, 199
 Польша 94, 108 см. также Ляхи
 Поляне, *этно.* 79
 Понт (Нитас) 25, 80, 120 см. также Черное море
 Правобережное Цимлянское городище (замок), *арх. п.* 46
 Праздничное, *сел.* 141
 Преградное, *сел.* 96, 132
 Предкавказье 14, 20—22, 27, 34—37, 39—43, 46, 50, 52, 57, 72, 78, 93, 94, 97, 101, 104, 123, 141, 148, 149, 188 (Предкавказье, *болг.*)
 Преслав, *г.* 66, 193
 Приазовская низменность 183, 186
 Приазовская Русь 61, 63, 64, 66, 70
 Приазовье (Приазовието, *болг.*) 27, 36, 40, 42—44, 48, 64, 65, 110, 121—123, 131, 135, 148, 149
 Прикарпатье 100, 112
 Прикаспий 55, 65, 120, 122, 127
 Прикаспийская низменность 148, 183
 Прикаспийские области (Прикаспийские страны) 56, 94, 105, 114
 Прикубанье 26, 35—37, 73, 75, 93, 98, 149, 152, 153, 156, 157, 199
 Прикумск, *г.* 43, 181
 Прикумье 45, 142
 Приморский Дагестан 10, 144, 180, 183
 Припять, *р.* 112
 Причерноморская степь (степи) 93, 109, 178
 Причерноморье 25, 56, 72, 78, 80, 94, 101, 120, 156, 178, 191
 Провал, *арх. п.* 45
 Протоадыгские общности, *этно.* 172
 Протодигорские общности, *этно.* 172
 Пташкино, *арх. п.* 38
 Псков, *г.* 128, 131
 Псху, *местн.* 23
 Пятигорск, *г.* 141, 142
 Пятигорье, *местн.* 35, 44, 68, 149, 150, 159, 161, 185, 186, 199 см. также Беш-таг

Раевская станица 23
 Развалка, *гора местн.* 44
 Регах (Регахский храм), *сел. арх. п.* 167
 Реком, *арх. п.* 194, 195
 Рим-гора (Баргусант), *арх. п.* 158, 169, 175, 176, 193, 196
 Римгорский могильник, *арх. п.* 169, 170
 Рича, *сел.* 180, 198
 Родос, *остров* 113
 Ромен *этно.* см. византийцы
 Россия (Русия), *г. местн.* 120, 121, 123 см. также Русь (Русская земля)
 Россия (Русия), *р.* 116
 Россия (Русская земля, Русское государство) 116

Россия 60, 70, 123, 129, 130, 135, 136, 189, 194, 200
 Ростов Великий, *г.* 94, 108, 118
 Ростовская земля 108
 Ростовская (на Дону) область 142
 Рось, *р.* 93, 94
 Рум см. Византия
 Русская земля (Русские земли, Страна русских, Область Руси, руссы (Рус) 68, 94, 105, 121, 135, 138, 144, 147, 160 см. также Росия, Русь
 Русские (русское население, русские люди, племена русские, русские группы), *этно.* 70, 92, 117, 121, 123, 148, 160, 181 см. также русы
 Русский Север 133
 Русское государство 56, 73, 77, 80, 85, 98 см. также Древнерусское государство, Русь
 Русы (руссы, русов племя, русы-«варяги», русские), *этно.* 55, 57, 70, 73, 77, 78, 81, 92, 94, 95, 105, 122, 123, 127, 128, 160, 177 см. также руссы, варяги
 Русь (Русское государство, Русская земля) 27, 56, 57, 61, 73, 79—83—86, 88, 89, 91—94, 97, 98, 101, 104—115, 118—121, 125, 126, 128, 143, 147, 148, 160, 164, 167, 188, 190, 193 см. также Росия
 Рязанская земля 183
 Рязань (Резань), *г.* 101, 119, 136

Савиры, *этно.* 10, 42
 Сагины, *этно.* 23 см. также шегаки
 Садон, *сел.* 21
 Саксин, *г.* 160
 Сал, *р.* 142
 Салтовский могильник, *арх. п.* 50
 Самандар (С-м-н-д-р, Семендер), *местн. г.* 9—12, 14, 29, 40, 52, 54—56, 58, 60, 71, 78, 176, 180, 183 см. также Тарки, Джидан, Кайтаг
 Самандарцы, *этно.* 180
 Самур, *р.* 127, 183
 Сан, *р.* 112
 Санары (санариты), *этно.* см. панары
 Саниги, *этно.* 123 см. также адыги-жанэ, жанэ
 Санчарский перевал 176
 Сапакси, *сел. местн.* 26 см. Шапакси
 Сарай-Берке, *г.* 186
 Сарир (Серир, Сарир ал-Алан) 3, 11—18, 30, 53, 54, 59, 71, 94—95, 104, 132, 143, 175, 177, 180, 186 см. также Авария, Авир, С-риди
 Сарирцы, *этно.* 96, 179 см. также аварцы
 Саркала, *г.* 25
 Саркел, *г.* 27, 28, 41, 46, 51, 54—57, 63, 65, 67, 69, 73, 101, 121, 133 см. также Белая Вежа
 Сарматы, *этно.* 170
 Сванетия, *местн.* 45, 66
 Святая земля 134
 С-г-с-р-т, *местн. этно.* 13
 Севендж (Севенч), *г.* 123, 189 см. указатель имен — Севендж, имя половецкого хана, ошибочно принятое за название города
 Север 111
 Северная Европа 167
 Северная Осетия 60, 63, 66, 68, 134, 167, 169, 173, 175, 102, 193, 196, 197
 Северная Русь 92, 133
 Северное Приазовье 28
 Северное Причерноморье 53, 84, 111, 195
 Северный Азербайджан 127
 Северный Дагестан 38, 64, 158, 175
 Северный Кавказ 3—9, 16, 19, 21, 27—30, 34—36, 42, 45, 47, 50, 51

53, 54, 57—61, 63, 65—71, 77, 81, 87, 92—94, 96—98, 102—105, 107, 109—112, 114, 116, 118—120, 123—126, 130—132, 134, 136—149, 153, 155, 157, 158, 159, 165—167, 170, 172, 174—176, 178—200
 Северо-Восток 108
 Северо-Восточная Русь 100, 165
 Северо-Восточный Кавказ 11
 Северо-Западный Кавказ 85, 87, 88, 91, 106, 108, 188, 193, 195, 199
 Северо-Западный Прикаспий 188
 Северо-Западное Причерноморье 129
 Северокавказские аланы, *этно.* 68 см. также аланы
 Северокавказский регион 3, 96, 123
 Северокавказская степь (степи) 17, 33, 42, 50, 53, 54, 62, 63, 77, 96, 109, 138, 143, 145, 148, 149, 153, 154, 156, 158, 169, 178, 179, 183, 190
 Северский Донец (Донец), *р.* 22, 35, 47, 50, 51, 69, 148, 190 см. также Донец
 Северская земля 93
 Северяне, *этно.* 93
 Сельджуки, *этно.* 139, 145, 146
 Семикаракорское городище, *арх. п.* 41, 65
 Сентинский храм, *арх. п.* 166
 Сибирь 24
 Симсим, *местн.* 186
 Симферополь, *г.* 137
 Сихия см. Зихия
 Скандинавы, *этно.* 55
 Славяне, *этно.* 29, 125, 176
 Славяно-варяжские группы, *этно.* 92
 С-м-к-р-ц (С-м-край, С-м-куш), *г.* 28, 78, 79 см. также Шанкрай, Тмуторокань
 Смоленск, *г.* 100, 107, 108, 110, 111, 134
 Сновь, *р.* 107
 Сожица, *р.* 100, 109, 110
 Сосыка, *р.* 42
 Сотериуполь, *г.* 163, 167, 176 см. также Сухуми
 София, *г.* 63, 65, 66, 135, 136, 188, 193
 Сочипта, *р.* 26
 Средиземноморье 43, 87, 94, 105, 120, 125, 177
 Среднее Поволжье, *местн.* 118
 Среднее Прикубанье, *местн.* 47
 Средний Дон, *р.* 63, 93
 Средний Сулак, *р.* 51, 189
 Средняя Азия 126, 129
 Средняя Волга, *р.* 55, 69
 Средняя Европа 14
 Средняя Кубань, *р.* 44
 С-риди, *местн.* 13, 14 см. также Сарир
 Ставрополь, *г.* 7, 62, 63, 67, 68, 188, 194
 Ставрополье 63, 65, 141, 142, 188, 199
 Ставропольская возвышенность 142 см. также Хазарские горы
 Ставропольские степи 44, 45
 Ставропольский край 43, 62, 66, 67, 96, 188
 Сталинград, *г.* 65
 Старокорсунская станица, *сел.* 44, 66
 Старый Лескен, *арх. п.* 176
 Старый Свет 128
 Стена Яджудж и Маджудж 52
 Степана Разина бугор, *арх. п.* 41
 Степь 109, 149, 187
 Страна абхазов см. Абхазия

Урух, *р.* 48, 49, 172, 173
Усть-Лабинская станица, *сел.* 141
Уфа, *г.* 62
Уху-с-р, *местн. этн.* 13
Ушкуджа, *местн. см.* Акуша

Фанагория, *г.* 38, 39, 41, 44, 63
Фарс, *арх. п.* 169
Фельдмаршальская станица (Алхасте), *арх. п.* 48, *см. также* Алхасте
Феодосия, *г. см.* Кафа
Фиагдон, *р.* 49
Финны, *этно.* 51
Флоренция, *г.* 128
Франги (френги), *этно.* 153, 192
Франки-генуэзцы, *этно.* 79
Фуртоуг, *арх. п.* 47

Хаджи-тархан, *г.* (Астрахань) 186

Хазар, *г.* 52

Хазар, *р.* 52

Хазарети *см.* Хазария

Хазария (Хазарская держава, Хазарская империя, Хазарское государство, Хазарское царство, Хазарский каганат) 6—9, 11, 12, 14, 17—22, 24, 27—35, 37, 39—42, 45, 47—50, 52—56, 58, 61, 62, 64, 65, 69—72, 73, 78, 80, 81, 84, 85, 102—106, 125, 127, 129, 131, 140, 143, 153, 157, 166,

Хазаро-булгарское население (группы, роды), *этно.* 80, 86, 125

Хазарские горы, *местн.* 53 *см.* Ставропольская возвышенность

Хазарские иудеи *см.* иудеи, *этно.*

Хазарские печенег *этно.* 53 *см. также* печенег

Хазарские родо-племенные объединения (группы, племенные группы, роды), *этно.* 41, 42, 45, 50 *см. также* хазары

Хазарский (Дербендский) путь 144

Хазарский (Донской) путь 57, 72, 81, 94

Хазары (хазарская этническая общность, хазарское этнополитическое объединение, хазарский этнос), *этно.* 9—16, 20—22, 24—27, 29—34, 36, 42, 46, 47, 50, 51, 53—56, 58, 60, 62, 63, 65, 69—71, 78—81, 92, 95, 96, 129, 130, 132—134, 136, 160, 190, 191, 195 *см. также* козары

Хазары белые, *этно.* 30 *см.* белые хазары

Хазары дербендские, *этно.* *см.* дербендские хазары 122

Хазары истинные (чистые хазары), *этно.* *см.* истинные хазары, *чистые*

хазары 28, 31, 32

Хазары тматороканские, *этно.* 79, 80 *см. также* козары

Хазары черные, *этно.* *см.* черные хазары

Хазнидон, *арх. п.* 48

Хайдак (Хайдан), *местн.* 13 *см. также* Кайтаг, Джидан, Саман

Хамлидж (Хамлих), *г.* 29 *см. также* Итиль

Хамыш (камыш), *этно.* 26 *см. также* бжедуги-хамышевы

Хамух, *местн. сел.* 26 *см.* Хамух

Харх, *арх. п.* 48

Харьков, *г.* 59, 69

Хасавюрт, *г.* 147

Херсон (Херсонес), *г.* 27, 72, 79, 86, 101, 103, 105, 116, 118, 124, 134, 136 *см. также* Корсунь

Херсонская фема 57

Хири, *местн. см.* Ихран/Ирхан

Хорезм, *г.* 57, 127, 160

Хорезмийцы, *этно.* 33, 51

Хумаринское городище, *арх. п.* 45, 46, 51, 67, 154, 159, 193 *см. также*

Ак-кала, Калез

Хунзах, *сел.* 95, 147
Хунзахское плато 95
Хунзы (хундзы), *этно.* 95
Хутор им. Ленина, *сел. арх. п.* 66

Цанары, *этно.* 16 *см. также* санары

Царство гуннов 9

Царьград, *г.* 101, 111 *см. также* Константинополь

Цебельда, *местн.* 63

Центральная Европа 194

Центральное Предкавказье (Центрального Предкавказья, *болг.*) 11, 36, 62, 63, 65, 129, 151—153, 156, 193

Центральный Дагестан 46

Центральный Кавказ 35, 50, 52, 66, 68, 180, 185, 193, 194, 196, 199

Цеча-Акх, *арх. п.* 174

Циг-л-г, *местн. этно.* 13

Цимлянский замок, *арх. п.* 46

Цой-Педе, *арх. п.* 174

Цхинвали, *г.* 195

Чанты-Аргун, *р.* 47

Чанчир, *арх. п.* *см.* Шангир

Чегемское ущелье 69

Челбас, *р.* 43

Червенская земля 100

Червенские города 94

Черекско-Безингинское ущелье 45

Черкесия (Черкес, Саркэс), *местн.* 162, 175, 199

Черкесоган, *этно.* 192

Черкесск, *г.* 65, 66, 67, 188, 190, 193, 194

Черкесы (черкесское племя, черкесы-адыге, черкисы, чиркасы), *этно.* 63, 130, 160, 162, 175, 179, 180, 181, 183, 184, 193

Чернигов, *г.* 82, 83, 92, 94, 98, 99, 106—109, 111, 118, 119, 126, 134

Черниговская земля 110, 119

Черниговцы, *этно.* 109

Чернолесская станица, *сел.* 43

Черное море 75, 116 *см. также* Понт, Нитас

Черноморские страны 190

Черноморское побережье 111, 123

Черноморье 194

Черная Кумания, *местн.* 140

Черные булгары (кара, северные булгары), *этно.* 27, 61 *см. также* г-бул

Черные земли, *местн.* 186

Черные хазары (карахаза), *этно.* 30 *см. также* хазары черные

Чечено-Ингушетия 63, 67, 68, 167, 192, 196, 197, 199

Чечено-Ингушская АССР 65, 197, 198

Чечено-ингушский народ, *этно.* 197

Чеченцы, *этно.* 59

Чечня 13, 15, 16, 20, 35, 46, 154, 168, 169, 174, 175, 178, 186, 187, 192, 197

Чехия 108

Чистые хазары, *этно.* 28, 31, 32 *см. также* истинные хазары, хазары чистые

Чми, *арх. п.* 68

Чми-Суаргом, *арх. п.* 48

Чограй, *р.* 29

Чутур-казак (Чудур-казак), *местн. этно.* 186, 199

Чуфут-Кале (Кырк-Иер), *сел.* 162

Шабаран (Шабран), г. 95, 96, 122, 123
 Шабаранская (в источнике Шарабамская) страна 122
 Шандан, *местн. этн.* 11, 12, 95
 Шанданцы, *этно.* 11
 Шангир (Шанджир, Чанчир), *местн. арх. п.* 23, 32, 78
 Шанкрай, г. *арх. п.* 78, 79
 Шапсуги (шэпсыгъу), *этно.* 26, 76
 Шаро-Аргун, р. 47
 Шаше, *этно.* 23
 Шахэ, р. 26
 Шаула, *этно.* 13
 Шегак, *этно.* 23 см. также сагины
 Шелковская станица, *сел.* 40
 Шелковское городище, *арх. п.* 23, 32, 40, 43
 Ширван 11, 55, 58, 94—96, 122, 123, 127, 129, 130, 137, 147, 163, 179, 189
 Ширванское ущелье 144 см. также Дербендский проход
 Ширванцы, *этно.* 11
 Шоанинский храм, *арх. п.* 166
 Шпиль, городище, *арх. п.* 174
 Шуан, *арх. п.* 48

 Эгриси 34
 Эльбруз см. Кавказ 184
 Эльбурли (эльбурды), *этно.* 141 см. также ольбурлик
 Эльхотовские ворота, *местн.* 158, 169, 176
 Эндери, *сел.* 41, 174, 176
 Этоко, р. 150, 155
 Этокский памятник, *арх. п.* 149, 152, 191

 Юго-Восток Восточно-Европейской равнины 125
 Юго-Восток Восточной Европы 71
 Югра, *местн.* 95
 Южная Италия 120
 Южная Польша 112
 Южная Сибирь 146
 Южное побережье Каспия 28
 Южное Приазовье 57, 61
 Южнорусская степь (степи) 28, 61, 107, 128, 140, 149, 188
 Южный Дагестан 178
 Юца, *гора* 45

 Ярыксу, р. 46
 Ясы (Асия), *местн.* 124
 Ясы, *этно.* 93, 104, 121, 159, 175, 190 см. также асы, аланы, овсы

 Bonn, г. 60
 Budapest, г. 58, 59, 63
 Caucasus 132
 Géorgia 62
 Ithaca, г. 58
 Jewish Khazars, *этно.* 58
 Khazars, *этно.* 58
 Leipzig, г. 60
 London, г. 58, 198
 Magas, г. см. Мекес 198
 Münster, г. 70

Princeton, г. 70
 St.-Petersbourg, г. 58
 Tmutorokan см. Тмуторокань 136
 Κάβαροι, *этно.* см. кабары 191
 Μάτραχα, г. см. Тмуторокань 117
 Πάτη, *сел.* 26
 Σαπαξί, *сел.* 26
 Χαμόβυ, *сел.* 26
 Ζήχοι, *этно.* 25
 Ζήχια, г. *местн.* 117

Список сокращений

арх. п. — археологический памятник
местн. — местность
р. — река
сел. — селение
г. — город
этно. — этноним

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аарон, царь Хазарии, отец царя Иосифа 17, 20, 22
 Абаев В. И. 5, 59, 70, 130, 162, 194, 197
 Аббасиды, арабская династия, 166
 Абд ал-Малик б. Хашим, эмир Дербенда 11, 12, 127
 Абд ар-Разак Самарканди, средневековый персидский историк 182
 Абд ар-Рахман 111, кордовский халиф 8
 Або Тбилели, грузинский святой 62
 Абрамович Д. И. 135
 Абу Дулаф, арабский путешественник 54, 70
 Абу л-Фида, арабский энциклопедист, историк и географ 160
 Агаджанов С. А. 129
 Агузатæ, осетинский (овеский) знатный род 162, 194
 Адзар-Нарса, правитель Самандара 10
 Адрианова-Перетц В. П. 61, 129, 131, 136, 190
 Айдар см. Идар
 Акабгу см. Инал
 Акритас П. Г. 69, 191
 Ал-Айни (Бадр ад-дин ал-Айни), египетский историк 160
 Алексеев Ю. Г. 132
 Алексеева Е. П. 5, 63, 65—67, 69, 141, 188, 189, 193, 194, 197
 Алиев Б. Г. 198
 Алиева А. И. 60, 191
 Алексей I Комнин, византийский император 113, 114, 116, 119, 164
 Алексей II Комнин, византийский император 167
 Алиханов-Аварский М. 60, 67
 Алп-Илутвер, правитель Царства гуннов 10, 59
 Альда, владетельница Анакопии, вдова правителя Абхазии Георгия по происхождению аланская княжна 106
 Ангелы, византийская династия 124
 Андрей Александрович, русский князь, участник разгрома Деякова
 Андрей (Юрьевич) Боголюбский, русский князь, отец Георгия (Юрьевича) первого мужа и соправителя царицы Грузии Тамар 123, 146, 164
 Аннинский С. А. 195, 196, 198
 Аноним, автор «Кембриджского документа» 21
 Аноним, автор географического сочинения «Худуд ал-алам» 53
 Анфимов Н. В. 5, 44, 117
 Анчабадзе З. В. 5, 24, 58, 61, 134, 189, 190
 Аптекарев В. Д. 66

- Аркадий, стратиг Боспора 134
 Артамонов М. И. 5, 22, 51, 60—65, 67, 69, 70, 129, 130—136, 188, 190, 191, 195
 Арутюнов С. А. 7
 Аскарыйя (б. Фадл б. Мухаммад б. Шаддад), сын правителя Аррана 94
 Астахова А. М. 132
 Атаев Д. М. 5, 64, 196, 197
 Афанасьев Г. Е. 5, 45, 63, 65, 66, 69
 Ахасарпакан (Ахсариакан, Ахсаратæ — Ахсаровы, Ахсартаткатæ), аланская (овеская) знатная фамилия 165, 166
 Ахиджанов С. Н. 188
 Ахмад б. Абд ал-Малик б. Хашим, эмир Дербенда 95, 127
 Ахситан (Ахсартан) I, правитель Ширвана 122, 123
 Ашурбейли С. Б. 137
 Багаев М. Х. 5, 67, 197
 Баграт IV, царь Абхазии и Грузии 100, 104, 105, 134, 163
 Багратиды см. Багратиони
 Багратиони (Багратиды), династия грузинских царей 123, 162
 Багратиони Вахушти, грузинский географ и историк 16
 Байчоров С. 67
 Бакиханов Аббас Кули Ага (Кудси), азербайджанский историк 60
 Ал-Бакри, арабский энциклопедист, географ 48
 Ал-Баладзури, арабский историк 31
 Бал'ами (Мухаммад), персидский историк 14, 59
 Барамидзе А. Г. 136, 189
 Баранов И. А. 66
 Барбаро Иосафат, итальянский средневековый путешественник, писатель 161, 194
 Бартольд В. В. 59, 70, 188 см. Bartold V. V.
 Батбай, хан Оногуро-Булгарской державы VII в. на Северном Кавказе 47
 Бату (Батый), монгольский хан Золотой Орды 160, 179, 180
 Бахрам Гур см. Варахран V
 Батчаев В. М. 7
 Бачман, предводитель кыпчаков в период борьбы с монголами 147, 162
 Бейлис В. М. 59, 132
 Белокуров С. 60
 Бердзенишвили К. З. 63
 Берке (Беркай), хан Золотой Орды 144
 Бернштам Т. А. 133
 Бибигов М. В. 195
 Биджиев Х. Х. 5, 65, 67, 191, 193
 Битемрюков Каншов Мурза сын Айдаров, кабардинский князь 75
 Бларамберг И. Ф. 192
 Болотоковы (Болотоков), темиргоевский княжеский род, потомки Инала 151, 156
 Боняк, половецкий хан 189
 Борена, сестра царя Алании Дорголеда, жена царя Абхазии и Грузии Баграта IV, мать византийской императрицы Марии 163
 Борис (Владимирович), русский князь, сын Владимира Святославича 92
 Борис (Вячеславич), русский князь, внук Ярослава Мудрого 108, 109, 110, 114, 126, 134
 Боян, легендарный сказитель 82, 83, 131
 Бройдо Т. А. 130, 191
 Бромлей Ю. В. 7
 Броневский С. М. 3, 60
 Брун Ф. 194

Буга Муса (Старший), арабский полководец 17, 95
 Булгаков П. Г. 70
 Буракан, правитель Страны асов, 184
 Бурдухан, аланская княжна, жена царя Грузии Георгия III, мать царицы Тамар 164, 167
 Буриберди, правитель Страны асов 184
 Бурчевичи, половецкий знатный род, возглавлявший племя 140, 142, 184
 Бушуев С. И. 61
 Бэнеску Н. 102
 Вараз-Трдат, правитель Албании в VII в., 59
 Варахран V (Бахрам Гур), шах Ирана из династии Сасанидов 14
 Василий II, византийский император 84, 115
 Васильевский В. Г. 134
 Васюткин С. М. 188
 Вахтанг Горгасал, царь Картли (Грузии) 187
 Вениамин, царь Хазарин, дед царя Иосифа 21, 60
 Вестберг Ф. 17
 Виноградов В. Б. 5, 40, 63—65, 67, 68, 194, 196—198
 Владимир Всеволодович (Мономах), русский князь, внук Ярослава Мудрого 102—104, 107—112, 118, 119, 134, 148, 155, 190
 Владимир Святославич, русский князь, сын Святослава Игоревича, отец Ярослава Мудрого 77—82, 84—86, 88, 91, 99, 102, 105, 130, 131
 Владимир Ярославич, русский князь, сын Ярослава Мудрого, отец Ростислава 97, 99—101, 105
 Владимирцов Б. Я. 64
 Вознюк А. С. 63
 Волкова Н. Г. 5, 7, 59, 61, 191, 192
 Володарь Ростиславич, русский князь, сын Ростислава Владимировича 105, 106, 111—114, 126
 Воронов Ю. Н. 63
 Всеволод (Давыдович), русский князь, сын Давыда Святославича, участник похода на половцев в 1116 году 190
 Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, русский князь, сын Юрия Долгорукого, брат Андрея Боголюбского, женат на «яске» Марии 165
 Всеволод Ярославич (Андрей), русский князь, сын Ярослава Мудрого, отец Владимира Мономаха 100, 102, 105, 107, 112, 114, 118, 126, 127, 134
 Всеслав Брючич, русский князь, внук Владимира Святославича, представитель полоцкой ветви династии Рюриковичей 100, 101, 121
 Вышата (Остромирович), новгородский боярин, родственник Рюриковичей 99, 100, 101
 Вышеслав (Владимирович), русский князь, сын Владимира Святославича 77, 130
 Вячеслав (Ярославич), русский князь, младший сын Ярослава Мудрого 108
 Гаглов Ю. С. (Гаглойти) 51, 70, 195
 Гаджиев В. Г. 64, 137
 Гаджиева С. Ш. 65, 189
 Гадло А. В. 7, 58—68, 70, 129—131, 133—137, 192, 193, 197, 199
 Галстян А. Г. 190, 198
 Гамбашидзе Г. Г. 196
 Гандзагечи Киракос, армянский историк 178, 198
 Гарданов В. К. (Б. А.) 5, 60, 130, 131, 136, 191, 194
 Гардизи, персидский историк 18
 Гаркави А. Я. 13, 17
 Ал-Гарнати (Абу Хамид ал-Гарнати), арабский путешественник, писатель, 161, 162, 194
 Гельцер Х. 72

Генардуко (Гнардук, Гнардуко), легендарный предок кабардинцев 155
 Генко А. Н. 5
 Георгий (Юрий) Андреевич, сын Андрея Боголюбского, русский князь, первый муж и соправитель царицы Грузии Тамар 123, 124, 146, 164, 165, 189
 Георгий-Бег (Туко-Бег, Дауко, Дука-Бек) лицо, которому был посвящен Этокский памятник 1130 г. 150
 Георгий I, царь Абхазии и Грузии 84, 106
 Георгий III, царь Грузии, отец царицы Тамар 122, 146, 164, 167
 Георгий Чула см. Чула Георгий
 Герман II, патриарх Константинопольский 167
 Гийас ад-дин Али, персидский историк 182
 Гильденштедт И., русский академик 149, 150
 Гиляров Ф. 133
 Глеб Василькович (Васильевич), русский князь, участник разгрома Деякова 181
 Глеб (Владимирович), русский князь, сын Владимира Святославича 92
 Глеб (Давыд) Святославич, русский князь, сын Святослава Ярославича Черниговского, наместник Святослава в Тмутарокани 83, 93, 97—99, 101—103, 107, 111, 117, 125, 126, 133
 Голб Н. 191 см. Golb N.
 Голенко К. В. 135
 Гольдштейн А. Ф. 192
 Греков Б. Д. 62, 198
 Грузинский А. В. 132
 Гудава Г. Е. 196
 Гумилев Л. Н. 40, 61, 63—65, 132, 189
 Гутев А. Н. 191
 Давид Сослан, аланский (овский) царевич, второй муж и соправитель царицы Грузии Тамар 124, 164, 195
 Давид IV Строитель, царь Грузии, зять половецкого хана Отрака 144—146, 149, 155, 164
 Давидиды, династия аланских правителей (царей) 162
 Давыд Игоревич, русский князь, внук Ярослава Мудрого 102, 106, 111, 113, 114, 118, 126
 Давыд Святославич, русский князь, сын Святослава Черниговского, старший брат Олега Святославича Тмутароканского 108, 119
 Далгат У. Б. 59
 Даниил, русский паломник, писатель 113, 134
 Данлоп Д. М. см. Dunlop D. M.
 Дарбинян М. Н. 192
 Дворниченко А. Ю. 137
 Девгениевич см. Лже-Лев Диоген
 Деген-Ковалевский Б. Е. 67
 Деопик В. Б. (Ковалевская) 68, 193
 Джанашивили М. 130, 189, 190, 195, 198
 Джалал ад-дин, хорезмшах 179
 Ал-Джаррах, арабский полководец VIII в. 21
 Джебз, монгольский военачальник 147
 Джюев М. Б. 199
 Джувеини (Ала ад-дин Атамелик Джувеини), персидский историк 160, 180
 Джучи, монгольский хан, сын Чингиз-хана, отец Бату 182
 Дибич И. И., русский военачальник периода Кавказской войны 24
 Дитлер П. А. 44
 Дмитриев А. В. 61, 69, 188
 Дмитрий Круждович, лицо, упомянутое в русской надписи на серебряном ковше, найденном на Кубани 117
 Дмитрий III, царь Грузии, отец Георгия III 164

Добрыня, русский боярин, родоначальник династии новгородских посадников, родственник Владимира Святославича 99
Дорголея (Дургулель) Великий, царь Алании, родственник и союзник царя Грузии Баграта IV 104, 105, 134, 163, 164, 194
Дорн Б. А. 62, 70, 122, 136
Дубов И. В. 130, 133
Дука-Бек (Дауко, Даукъэ) 150, 155 см. также Георгий-Бег

Евстафий Мстиславич, русский князь, сын Мстислава Владимировича 36, 96, 104, 131
Евстратий, патриарх Константинопольский 116
Ежов В. А. 62, 129, 193
Еремян С. Т. 59
Ефремириды, династия аланских правителей (царей) 162

Ждановский А. М. 64, 66
Желтяков А. Д. 131
Жордания Ф. 187
Жузе П. К. 59, 198
Жобер А. 135

Захаров А. А. 68
Заходер Б. Н. 5, 59, 61, 62, 70
Зельнов И. 7
Зимин А. А. 130
Знойко Н. 70

Иаков мних, древнерусский писатель 78, 130
Ибн ал-Асир, арабский историк 11, 57, 59, 144, 145, 147, 178, 190

198
Ибн ал-Факих, арабский географ 16, 62
Ибн Арабшах, арабский историк 182
Ибн Мискавейх, арабский историк, энциклопедист 57
Ибн Рустэ, арабский географ 10, 13—15, 17—19, 28, 30, 32, 58, 59, 6

74, 130, 165
Ибн Фадлан (Ахмед ибн Фадлан), арабский путешественник 18,

59
Ибн Халдун, арабский историк 140
Ибн Хаукаль, арабский географ 12, 30—32, 55, 56, 162, 198
Ибн Хордадбэ, арабский географ 29, 62
Иван Грозный, русский царь 75

Иванов А. И. 194, 198
Иванов С. В. 190
Иванэ, грузинский полководец, сын царицы Русудан 147
Игорь Рюрикович, русский князь, отец Святослава 80
Игорь Святославич, русский князь, герой «Слова о полку Игореве» 99, 110, 116, 120, 131

Игорь Ярославич, русский князь, сын Ярослава Мудрого 100
Идар (Айдар), легендарный предводитель адыгов, «внук» Инала 76, 157

Иерусалимская А. А. 68
Иессен А. А. 5, 67, 68, 142, 188, 189
Ал-Идриси (Абу Абдаллах Мухаммад ал-Идриси), сицилийский географ 116, 120, 121, 123, 125, 135, 136, 140

Изяслав Ярославич, русский князь, наследник Ярослава Мудрого 100, 103, 105, 108—110
Ильдар, распространенное в кавказском именнике личное имя 75
Ильминский Г. А. 190
Илья (Муромец), русский богатырь 88
Инал (Акабгу, Инал-теген, Инал-мурза, Инал-пши, Инал-хан и др.

легендарный основатель адыгского объединения, предок княжеских фамилий Кабарды и Адыгеи 23—26, 60, 73—76, 78, 129, 151, 152, 156, 157, 192

Инал-Ипа Ш. Д. 61
Иналовичи, династия кабардинских князей 151
Инармас (Унамас), легендарный сын Инала, один из предков династии кабардинских князей 75

Иоанникий, строитель монастыря на Тамани 117
Иоанн Цимисхий, византийский император 72, 115
Иосиф, царь Хазарии, корреспондент Хаздаи ибн Шапрута 8, 9, 13, 15—20, 22, 25—29, 34, 54, 60

Ирина, византийская императрица, аланка по происхождению 113
Исаак II Ангел, византийский император 123, 124
Исаак I Комнин, византийский император 113
Искендер (Александр Македонский), герой поэмы Низами Гянджеви «Искендер-наме» 143

Исфендияр, герой иранского эпоса 21
Ал-Истахри, арабский географ 10, 12, 30—32, 58, 62
Итс Р. Ф. 60, 66, 192, 197
Ичалов Г. Х. 199

Кабарда Тамбиев см. Тамбиев Кабарда.
Кадан, монгольский военачальник 179
Каждан А. П. 135, 136
Казвини Хамдаллах, арабский космограф 144, 160
Казем-Бек А. М. русский востоковед см. Kazem-Beg Mirza A.
Казы Гирей Султан, адыгский писатель начала XIX в. 141, 188
Каменев Тимефей, русский писатель XVII в. 133

Каменецкий И. С. 66
Каминская И. В. 195
Каминский В. Н. 5, 44, 66, 195
Каншов Мурза Битемрюков сын Айдаров 75
Карамзин Н. М. 132
Караулов Н. А. 58, 62, 70, 198
Карпини П. Лано, итальянский путешественник, писатель 161, 180, 188, 194, 198

Карсанов А. Н. 190
Кахтан, род правителей Самандара, 10
Кафоев А. Ж. 191
Кафтысар Хуандон-алдар, владетель Керченского пролива в осетинском нартском эпосе 23

Качир-укулэ, предводитель восстания асов против монголов 147, 162
Кврике III, правитель Кахетии 77, 84, 194
Кекелидзе К. С. 136, 189

Кес, легендарный предок Инала 24
Кирей Н. И. 131, 192
Кирклыш (Кирмиш), один из легендарных сыновей Инала 75
Клапрот Г.-Ю., русский академик 150

Кляшторный С. Г. 67
Кобылина М. М. 63
Кобычев В. П. 192
Ковалевская В. Б. 5, 45, 63, 66, 68, 193, 195, 197, 198 см. также Деопик В. Б.

Ковалевский А. П. 59, 61
Козаш, герой вайнахского нарт-орстхойского эпоса 16
Козловский И. П. 136
Кокиев Г. А. 69
Коков Дж. Н. 191
Коковцов П. К. 13, 25, 58—61, 67, 70, 129
Комнины, династия византийских императоров 113, 148, 124, 163

- Константин Васильевич (Костянтин Василкович), русский князь, участник разгрома Дедякова 181
 Константин VIII, византийский император, соправитель Василия II 115
 Константин IX Мономах, византийский император, тесть князя Всеволода Ярославича 112
 Константин Добрынич, новгородский посадник 92
 Константин VII Багрянородный, византийский император, писатель 19—22, 25—28, 33, 53, 78, 79, 130—132, 151, 160, 171, 191, 195, 197 см. Constantine Porphyrogenitus
 Контарини Амброзио, итальянский путешественник 194
 Кончак, половецкий хан, сын хана Отрака Шарукановича 149
 Косвен М. О. 199
 Котович В. Г. 5, 40, 58, 63—65, 193
 Котян, половецкий хан, потерпевший неудачу в борьбе с монголами 179
 Крачковский И. Ю. 59, 136
 Кропоткин В. В. 135
 Круглов А. П. 67, 68
 Крупнов Е. И. 5, 59, 65—69, 130, 192, 193, 196, 197
 Крюков М. В. 7
 Кудашев В. 192
 Куденет (Куденетовы), предок кабардинского аристократического рода 151, 152, 155, 191
 Кудрявцев А. А. 137
 Кудряшов В. К. 180
 Кузнецов В. А. 5, 7, 51, 59—61, 63, 66—70, 130, 132, 134, 161, 162, 164, 171, 172, 188—198
 Кула, один из предводителей Страны асов в период похода Тимура 184
 Кулаковский Ю. А. 53, 136, 195, 196
 Кумыков Т. Х. 130, 193
 Куник А. А. 122
 Кунин Т. И. 188
 Курбатов Г. Л. 129
 Курылев В. П. 64
 Кусаева С. С. 68
 Кучкин В. А. 198
 Кушева Е. Н. 5, 130
 Лавриненко И. В. 66
 Лавров Л. И. 5, 23, 24, 26, 58, 61, 64, 181, 185, 190—192, 194, 196, 198
 Ламанский В. И. 131
 Латышев В. В. 191
 Лев Алиатт, стратиг Херсона и Сугдеи 103
 Лев VI Мудрый, византийский император 72
 Левченко М. В. 131, 133
 Леон II, правитель Абхазии 24
 Лже-Лев Диоген (Девгеневич), самозванец, претендент на византийский престол, 118
 Липарит Багваши, грузинский аристократ, противник Баграта IV 100
 Липскеров К. 188
 Литаврин Г. Г. 5, 120, 130, 191
 Лихачев Д. С. 61, 63, 129, 131—136, 190
 Лобанов-Ростовский А. И. 75
 Ложкин М. Н. 5, 195
 Лопатинский Л. Г. 130
 Лордкипанидзе К. 62
 Лордкипанидзе М. Д. 58
 Ляпушкин И. И. 63, 64, 66, 69

- Мавродин В. В. 93, 131, 132, 136, 137
 Магомедов М. Г. 5, 40, 60, 64
 Магомедов Р. М. 5, 58, 65, 199
 Магомет, пророк 23
 Маймун б. Ахмад б. Абд ал-Малик б. Хашим, эмир Дербенда 81, 95, 127, 128
 Макарова Т. И. 135, 136
 Малачиханов Б. 60
 Мамаев Х. М. 5, 63, 67, 68, 196, 197
 Мамстрюк Идарович, кабардинский князь на службе в Москве, брат царицы Марии Темрюковны 75
 Мансур б. Маймун б. Ахмад б. Абу ал-Малик, эмир Дербенда 96
 Мануил I Комнин, византийский император 120, 123
 Марголин П. 188
 Мария, византийская императрица, дочь Баграта IV и аланской княжны Борены 113, 163
 Мария, жена Всеволода Большое Гнездо, «яска» — аланка 165
 Мария, русская княгиня, дочь императора Константина IX Мономаха, мать Владимира Мономаха 102
 Маркварт Г. см. Marquart J.
 Марковин В. И. 5, 65, 67, 190, 192, 197, 198
 Марр Н. Я. 3, 64
 Марченко И. И. 64, 66
 Ал-Масуди, арабский географ, энциклопедист 9, 10, 12, 14, 15, 17, 18, 25—28, 33—35, 53, 58, 59, 61, 63, 70, 76, 130, 132, 157, 164, 166, 193, 195
 Маттеос Урхаеци, армянский историк 192
 Мацкевой Л. Г. 66
 Мачинский Д. А. 133
 Мединцева А. А. 132, 133
 Мелковский В. А. 65
 Менгу-каан, верховный правитель Монгольской империи 179
 Менгу-Тимур, монгольский хан Золотой Орды 181
 Мерперт Н. Я. 58
 Мизиев И. М. 5, 194
 Миклухо-Маклай Н. Д. 59, 198
 Миллер В. Ф. 5, 196
 Милорадович О. В. 193
 Минаева Т. М. 5, 51, 65, 67—70, 141, 142, 188, 189, 194, 197
 Минорский В. Ф. 5, 13, 25, 58, 59, 94, 95, 129—132, 134, 137, 161, 189, 193, 194, 198 см. Minorsky V.
 Миран-шах, сын Тимура 185
 Мирхонд, средневековый среднеазиатский историк 24, 182
 Михаил, архонт Матрахи и всей Хазарии (см. Ростислав Владимирович) 102, 103
 Михаил VII Дука, византийский император 103, 104, 107, 113, 115, 134, 163
 Михаил Тверской, русский князь, убитый на Кавказе близ Дедякова 182
 Михеев В. К. 69
 Моисей Каганкатвази (Каланкатуйский), албанский историк VII в. 59
 Моисей Хоренаци (Хоренский), армянский историк V в. 59, 197
 Молчанов А. А. 135
 Мономахи, византийская императорская династия 112
 Мровели Леонти, грузинский историк 59, 138, 187, 190
 Мстислав Владимирович, старший сын Владимира Мономаха 112, 136
 Мстислав Владимирович, сын Владимира Святославича, владетель Тмуторокани 73, 74, 77, 79, 82—94, 96—98, 101, 114, 121, 125, 129, 130, 134, 156, 192

Мстислав Изяславич, русский князь, сын Изяслава Ярославича, наследника Ярослава Мудрого 100
 Ал-Мукаддаси (Шамс уд-дин ал-Мукаддаси), арабский писатель 52, 70
 Мужухоев М. Б. 192
 Мунчаев Р. М. 190
 Муса ат-Туси, исламский проповедник в Дербенде 81
 Мухаммад б. Иазид, ширваншах, претендент на владение Дербендом 127
 Мухаммад Рафи, дагестанский историк XIV в. 14, 58
 Мхардзели Иванэ, грузинский полководец 174
 Мюнеджим-баши, турецкий историк XVII в. 95

Навротский Н. И. 66
 Нагоев А. Х. 5, 192, 193
 Наделяев В. М. 60, 188, 191
 Найденко А. В. 66, 67
 Нарочницкий А. Л. 7
 Насилов Д. М. 60, 188
 Насонов А. Н. 70
 Невская В. И. 194
 Недков Б. 135, 136, 188
 Нечаева Л. Г. 69
 Низам ад-дин Шами, персидский историк 182, 183
 Низами Гянджеви, азербайджанский поэт 122, 141, 143, 188—190 (вар. Ганджеви)
 Никита Затворник, монах Киево-Печерского монастыря 118
 Никифор, патриарх Константинопольский, историк 64
 Никифор III Вотаниат, византийский император 113, 163
 Николай, архиепископ Тмутороканский 117, 118
 Николай I Мистик, патриарх Константинопольский 72, 166
 Николай IV Музалон, патриарх Константинопольский 113
 Никон, монах Киево-Печерской лавры, летописец 79, 82, 83, 97—103, 107, 117, 118, 126
 Новосельцев А. П. 5, 7, 58, 62, 70, 129, 130—133, 135, 191, 198
 Ногмов Ш.-Б. (Ногма) 24, 25, 61, 74—76, 90, 93, 130, 132, 150, 152, 157, 191—193
 Носистлав см. Мстислав Владимирович (Νοσιτλαβος) 84
 Ан-Нувеини, арабский историк 140, 160

Олег (Михаил) Святославич, русский князь, сын Святослава Черниговского, владетель Тмуторокани 102, 106, 108—121, 126, 135, 136
 Ольга, русская княгиня, жена Игоря Рюриковича 56
 Ал-Омари, арабский историк 146, 175
 Ос-Багатар, легендарный правитель Страны овсов — Алании 19
 Остромир (Константинович), новгородский посадник, отец Вышаты 9, 100
 Отрак (Атрак), половецкий хан, сын Шарукана, тесть Давида IV, царя Грузии 146, 148, 149, 154, 155

Панаскири З. В. 133
 Паромов Н. Я. 64
 Патканов К. П. 59, 189, 197, 198
 Пахомов Е. А. 137
 Пашуто В. Т. 134—136, 190
 Першиц А. И. 191
 Петахия, еврейский путешественник, раббин, 140
 Петренко В. А. 65
 Пиотровский Б. Б. 7, 136
 Плетнева (Плетньова) С. А. 5, 38, 42, 50, 62—67, 69, 129, 132, 135, 188—190, 193, 197, 199

Пономарев А. И. 188
 Попов А. И. 188
 Порей, русский воевода 99, 100
 Потапов Л. П. 188
 Потоцкий Я., польский путешественник начала XIX в. 75, 150
 Приселков М. Д. 131, 132, 135, 190
 Притсак О. 5, 28, 60, 69, 191 см. Pritsak O.
 Пулад, глава горной области в период похода Тимура на Кавказ 185, 186
 Путята, киевский тысяцкий 119
 Пфаф Б. Б. 59, 60
 Пчелина Е. Г. 68
 Пьянков А. В. 66

Ратибор, посадник Всеволода Ярославича в Тмуторокани 105, 111, 126, 134
 Рашид ад-дин, персидский историк, летописец 143, 144, 147, 188—190, 198, 199
 Редедя (Уори-дада), сакрализованный предводитель адыгов (касогов) 74, 82, 88—90, 93, 121, 129, 130, 131, 192
 Робакидзе А. И. 59
 Роман Диоген, византийский император 118
 Роман Лакапин, византийский император
 Романов Б. А. 61, 129, 136
 Роман (Редедич), сын Редеди, по преданию, воспитанный Мстиславом 89
 Роман Святославич, русский князь, сын Святослава Черниговского, правитель Тмуторокани 83, 98, 99, 102, 106—111, 115, 121, 126
 Ростислав (Михаил) Владимирович, русский князь, сын Владимира Ярославича, правитель Тмуторокани 97—106, 111, 112, 116, 125, 126, 132
 Ртвеладзе Э. В. 198, 199
 Рубрук Гильом де, монах-минорит, побывавший в Золотой Орде, писатель 141, 161, 168, 180, 181, 194, 196, 198
 Руденко С. И. 189
 Руки ад-дин Бейбарс, египетский историк 140
 Рунич А. П. 5, 45, 66, 68, 69, 193, 196
 Русудан, грузинская княжна, сестра царя Георгия III 165
 Русудан, царица Грузии, дочь Тамар 147
 Рыбаков Б. А. 61, 64, 129, 132, 133, 135, 136, 188, 192
 Рыбников П. Н. 132
 Рюрик, варяжский конунг, основатель династии Рюриковичей 100
 Рюриковичи, династия русских князей 91, 100, 101, 102, 108, 128, 156
 Рюрик (Ростиславич), русский князь, сын Ростислава Владимировича 100

Сабанисдзе Иоанэ, грузинский писатель, автор «Жития Або Тбилели» 34, 62
 Сабудэ (Сабудей), монгольский военачальник 147
 Савенко С. Н. 67, 196
 Садыки М. И. 60
 Саидов М.-С. 60, 65, 67
 Самоквасов Д. Я. 68
 Саросий, предводитель алан в VI в. 13
 Сахаров А. Н. 70, 131
 Святотоплк II Изяславич, русский князь, внук Ярослава Мудрого, наследовал Киев после смерти Всеволода Ярославича 118, 149
 Святотоплк I Владимирович, русский князь, начавший братоубийственную войну после смерти Владимира 84, 85
 Святослав (Владимирович), русский князь, сын Владимира Святославича, возможно, первый наместник в Тмуторокани 77, 86

Святослав (Игоревич), русский князь, завершивший разгром Хазарии 34, 55—57, 71, 73, 76, 79, 80, 86, 104, 129, 131

Святослав Ярославич, русский князь, сын Ярослава Мудрого, наследовал после смерти Мстислава Чернигов и восточные области Руси 82, 83, 93, 97—103, 105, 107, 108, 114, 119, 125, 133, 134

Себастиан О., армянский историк 178

Северидж (Северич), имя половецкого хана на Северном Кавказе; имя сына половецкого хана Боняка, погибшего под Киевом 123, 146, 189

Седов В. В. 63

Семенов Л. П. 69, 196

Сказкин С. Д. 134, 136

Скржинская Е. Ч. 135, 136

Соколов Ю. М. 191

Соколова И. В. 131

Сокольник, быллинный герой, сын и соперник Ильи Муромца 88, 89

Сокольский Н. И.

Спаский И. Г. 135

Спицын А. А. 69, 136

Стефанеева Е. 191

Стефан Орбелиани, средневековый армянский историк 143

Сугр, половецкий хан 148

Сфенг, предводитель русского отряда в византийском войске 84

Сырчан, половецкий хан, сын Шарукана и брат Отрака 148, 149, 155

Ат-Табари, арабский историк 11, 31, 62, 143

Талпа М. Е. 130

Тамар, царица Грузии, дочь Георгия III и аланской княжны Бурдухан, жена и соправительница русского князя Георгия (Юрия) Андреевича, после его изгнания — аланского царевича Давида Сослана 122, 123, 124, 146, 162, 164

Тамбиев Кабарда, легендарный предводитель адыгов, возглавивший переселение части их на территорию Центрального Предкавказья, которая стала после этого именоваться Кабардой 151—156, 191, 192

Тарабанов В. А. 66

Татищев В. Н., русский историк XVIII в. 77, 91—94, 96, 99, 101, 103, 104, 118, 119, 130—136

Таус, один из предводителей «народа асов» в период похода Тимура 16

Текеев Г. Х.-У. 68

Темрюк Идарович (Айдарович), кабардинский князь, отец второй жены Ивана Грозного Марии Темрюковны 75

Тенишев Э. Р. 60, 188

Тизенгаузен В. Г. 5, 189, 190, 194, 197—199

Тимур, правитель Чагатайского улуса Монгольской империи 143, 183—187, 198, 199

Тихомиров М. Н. 131, 136

Тменов В. Х. 195

Тобула (Тобулда), сын Инала, 24

Токсобичи, половецкий знатный род, возглавлявший племя 140, 142

Тохтамыш, монгольский хан Золотой Орды 143, 182, 183, 185

Тугоркан (в летописи Тугарин), половецкий хан, тесть русского князя

Святополка II Изяславича 118, 119

Тукар (Тукбаш), «государь» черкесов в период монгольского завоевания Северного Кавказа 179, 184, 199

Туко-Бег см. Георгий-Бег, Дука-Бек

Третьяков П. Н. 135

Трубецкой Н. С. 130

Турчанинов Г. Ф. 130, 191

Ат-Туси Муса см. Муса ат-Туси

Тяжелов П. 62

Уварова П. С. 68, 69

Угедей, каан Монгольской империи, сын и наследник Чингиз-хана 180

Узбек, монгольский хан Золотой Орды 143

Улеб (Улеп), предводитель варяжско-русского отряда, совершившего поход на Северный Кавказ (до «Железных ворот» — Дербенда или Дарья-ла) 95

Умаров С. Ц. 197

Ури-дада, адыгский мифологический персонаж 74 см. Редедя

Урдуре, царь овсов 77, 84, 163, 194

Урхаеци Маттеос см. Маттеос Урхаеци

Услар П. К. 58

Успенский Ф. И. 136

Утурку, участник борьбы горцев Северного Кавказа против Тимура 185

Фадл б. Мухаммад б. Шаддад, правитель Аррана 94

Феодор, епископ Алании 165, 167, 195, 196

Феодор Ростиславич, русский князь, участник разгрома Деякова 181

Феодоров Г. С. 5, 58, 142, 189, 190

Федоров Я. А. 67, 142, 189, 190

Федоров-Давыдов Г. А. 188

Феофан Исповедник, византийский историк 64

Феофано Музалон, византийская аристократка, жена князя Олега Святославича 102, 113, 135

Финогенова С. И. 135, 136

Фиркович А. 9

Флеров В. С. 65

Фроянов И. Я. 60, 137

Хабичев М. А. 197

Хаджилаев Х. И. 194

Хаздая ибн Шапут, сановник Кордовского халифа Абд ар-Рахмана III, корреспондент царя Хазарии Иосифа 8

Хакани (Ширвани) Ибрагим Афзалл ад-дин, азербайджанский поэт, служивший при дворе ширваншаха Ахсартана I 122, 123

Халидов Л. А. 70

Ханларян Л. А. 198

Харадзе Р. В. 59

Харатьян Г. С. 192

Хашимида, династия эмиров Дербенда 127, 128

Хашрам, царь лакзов (лезгин), избранный эмиром Дербенда 127

Хетагуровы, знатный осетинский род, ведущий свое происхождение от потомка Инала Хетага 23

Хизриев Х. Г. 199

Хосров Ануширван, шах Ирана из династии Сасанидов 14, 29

Худдан, царь овсов, отец княжны Бурдухан, матери царицы Грузии Тамар 164

Хулагу, монгольский хан, сын Чингиз-хана, основатель улуса Хулагуидов 144, 182

Хурфатлае (Хурпатайя), легендарный отец Инала 24

Царазонтæ, осетинский (овский) знатный род 162, 194

Цула Георгий (Тзула), византийский наместник в Таврике, вероятно, принадлежавший к местной аристократии 84, 131

Цулая Г. В. 5, 59, 61, 187, 194

Челеби Эвлия, турецкий путешественник, писатель 78, 130, 181
Черкасские князья, обосновавшиеся в XVI в. в Москве потомки Тем-
рюка Идаровича и его родственников 22, 75

Черезова М. Д. 196

Чеченов И. М. 5, 7, 66, 67, 69, 193—195, 197, 198

Чиковани С. 62

Чингизиды, монгольские ханы, потомки Чингиз-хана 52, 182

Чингиз-хан, основатель Монгольской империи 182

Чистов К. В. 133

Чичуров И. С. 5, 64

Чокаев К. З. 67, 68

Чочиев А. В. 195

Шавхелишвили А. И. 59, 197

Шаддадида, династия правителей Аррана 94, 104

Шанаев Д. 60

Шараф ад-дин Йезди, арабский историк 143, 182, 186

Шарукан, половецкий хан, отец Сырчана и Отрака 146, 148

Шафиев Н. М. 192

Шахматов А. А. 131

Ширакаци Аняния, армянский средневековый географ 16, 172

Шихсаидов А. Р. 5, 60, 65, 137, 198

Шихсаидова Р. С. 198

Шортанов А. Т. 60

Штробах Г. 7

Шунков В. И. 135, 136

Щапова Ю. П. 135, 136

Щербак А. М. 60, 188

Щербина В. О. 135, 136

Юлиан, доминиканский монах, путешественник 124, 165, 167, 177, 179

Юрий (Георгий) Андреевич см. Георгий (Юрий) Андреевич 123, 124,
146, 164, 165, 189

Юрий (Редедич), сын Редеди, по преданию, воспитанный Мстиславом
89

Юстиниан II, византийский император, бежавший после свержения
Хазарию 39, 40

Юшин В. А. 63

Ябга-шха (см. Инал), в адыгском нартском эпосе владетель Керченского
пролива 23 см. Инал

Якобсон А. Л. 103, 131, 134, 136, 193

Якуби, арабский историк 11

Якубовский А. Ю. 5, 62, 132, 198

Янин В. Л. 133—135

Ярополк (Владимирович), русский князь, сын Владимира Всеволодовича
Мономаха, участник похода в Половецкую степь, где полонил «яского кня-
зя» дочь, на которой женился 190

Ярополк Изяславич, русский князь, сын Изяслава Ярославича, внук
Ярослава Мудрого 110, 111, 114

Ярополк (Святославич), русский князь, старший брат Владимира, сын
Святослава Игоревича 80

Ярослав (Владимирович) Мудрый, русский князь, сын Владимира Свя-
тославича 77, 82—86, 91—94, 100, 102, 104, 111, 112, 125, 129

Ярослав (Святославич), русский князь, сын Святослава Ярославича,
брат Олега, владетеля Тмуторокани 118, 119

Bálint Csánád 63

Baranov I. 66

Bartold V. V. 59

Brosset M.-F. 62

Constantine Porphyrogenitus 59—61, 70

Darrouzès J. 135

Dunlop D. M. 58

Golb N. 58—62, 69, 191

Golden P. 58, 59, 62

Iry Dada 130 см. Уори-Дада, Редедя

Jenkins R. J. 59

Kazem-Beg Mirza A. 58

Kuznecov V. A. 196

Litavrin G. G. 136

Ludwig D. 70

Marquart J. 60

Minorsky V. 59, 130, 132, 198

Moravcsik Gy. 59

Mstislav см. Мстислав Владимирович, русский князь 130

Osanti D. 130

Pritsak O. 58—62, 69, 191

Reiske I. 60

Vernadsky G. 130

Zgusta L. 196

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Северный Кавказ во второй половине X в.	8
Глава II. Северный Кавказ в XI в.	71
Глава III. Северный Кавказ в XII — начале XIII в.	138
Заключение	200
Карта-схема. Этническая ситуация на Северном Кавказе. Вторая половина XI — начало XIII в.	202
Указатель географических названий, этнических общностей и археологических памятников	203
Указатель имен	224

Научное издание

Гадло Александр Вильямович

**Этническая история
Северного Кавказа
X—XIII вв.**

Редактор *И. П. Комиссарова*

Художественный редактор

Технический редактор *Л. А. Топорина*

Корректоры *А. С. Качинская, В. А. Латыгина*